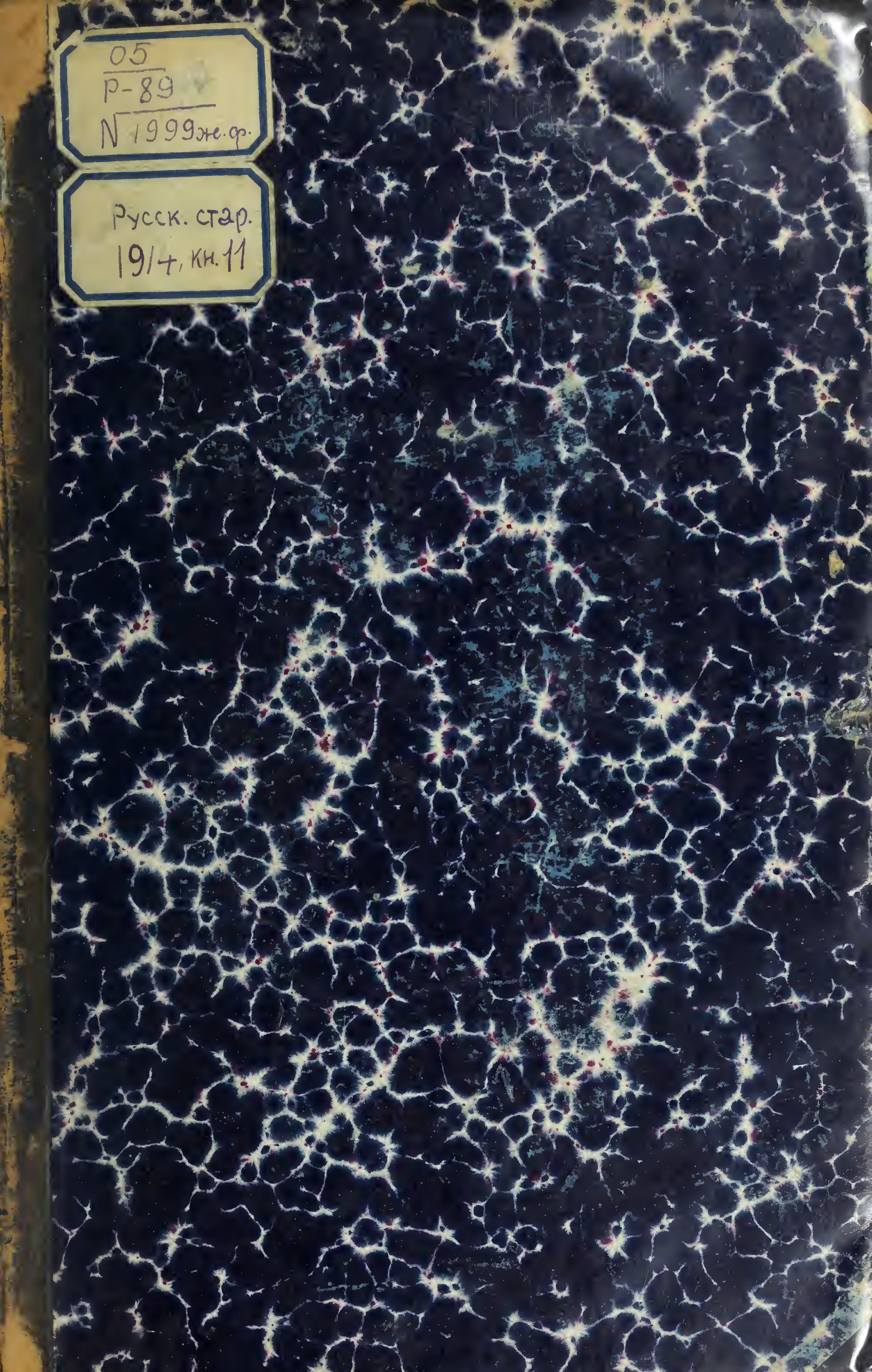
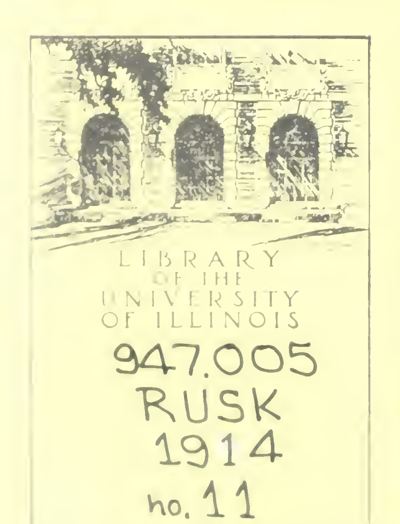


05
P-89
N 1999 же. ф.
Русск. стар.
1914, кн. 11



РУССКАЯ СТАРИНА

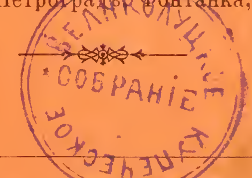
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLV-й. НОЯБРЬ. 1914 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Приложенія. Портреты: 1) Его Высоч. Князя Олега Константиновича. 2) Графини Самойловой, и 3) Ровинскаго.



XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1914 года.

Библіографическій листокъ.

Столѣтіе Военнаго Министерства. Императорская Главная Квартира. Исторія Государевой свиты. Царствованіе Императора Александра II. 1914.

Настоящая книга является продолженіемъ изданія „Столѣтіе Военнаго Министерства" и четвертымъ томомъ историческаго очерка Императорской Главной Квартиры и Государевой Свиты—царствованія Императора Александра II. Въ первой главѣ авторъ довольно подробно остановился на жизни Великаго Князя Александра Николаевича—его дѣтствѣ, юности и возрастѣ до вступленія на престолъ, а именно на годахъ его ученія и государственной службы. Время образованія и воспитанія Великаго Князя тѣсно связано съ именами состоявшихъ при немъ лицъ, генералъ-адъютантовъ: А. В. Жомини, А. А. Кавелина, свѣтлѣйшаго князя Х. А. Ливена, К. К. Мердера, П. П. Ушакова, графа А. Ѳ. Орлова и С. А. Юрьевича, а также и другихъ лицъ Свиты, находившихся при Августѣйшихъ братьяхъ Наслѣдника Цесаревича. Вторая глава, самая обширная, посвящена описанію участія лицъ Государевой Свиты въ Священномъ Коронованіи Императора Александра II, и въ цѣломъ рядѣ войнъ: въ окончаніи Восточной войны, въ покореніи Кавказа, въ присоединеніи Среднеазіатскихъ владѣній, въ усмиреніи возстанія въ Польшѣ и въ Русско-Турецкой кампаніи 1877—78 годовъ. Затѣмъ въ этой же главѣ описываются Высочайшія путешествія (вояжи) по Россіи и за границу, въ которыхъ Государя всегда сопровождали лица его Свиты, чины Императорской Главной Квартиры и Военно-Походная Его Императорскаго Величества Канцелярія. Третья глава даетъ краткую картину участія Свиты въ государственной дѣятельности Императора Александра II, въ его крупнѣйшихъ реформахъ—великой крестьянской и военной; здѣсь же упоминается о прочихъ преобразованіяхъ въ это царствованіе и о мученической кончинѣ Царя-Освободителя, а также участіе Свиты въ погребеніи Государя. Четвертая глава говоритъ о стоявшихъ во главѣ Свиты генералъ-адъютантахъ, командующихъ Императорскою Главною Квартирою, объ ихъ распоряженіяхъ и инструкціяхъ, а равно о составѣ Императорской Главной Квартиры, объ ея Управленіи и о Военно-Походной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, начальниками коихъ всегда состояли только чины Государевой Свиты. Наконецъ, пятая глава рисуетъ жизнь и бытъ лицъ Свиты въ связи съ отношеніемъ къ нимъ Императора Александра II, пожалованіе въ свитскія званія и командировки по Высочайшему повелѣнію лицъ Свиты, какъ особо довѣренныхъ Царскихъ слугъ. Въ концѣ этой части помѣщено нѣсколько біографій лицъ Государевой Свиты. Во второй части изданія помѣщены приложенія: формулярный списокъ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича по 1 января 1853 г., документы, относящіеся къ войнамъ этого царствованія, штаты, инструкціи, циркуляры, списки и т. п. Въ составленіи настоящаго тома принимали участіе: составитель и редакторъ, дѣлопроизводитель Военно-Походной Канцеляріи Е. И. В., гв. полковникъ В. К. Шенкъ, обработку печатныхъ и архивныхъ матеріаловъ производилъ Н. Н. Мерлинъ, въ трудахъ по составленію очерка русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ принималъ участіе капитанъ С. А. Толузаковъ. Архивные матеріалы, главнымъ образомъ, заимствованы изъ Собственныхъ Его Величества библіотекъ, Общаго архива министерства Императорскаго Двора, Общаго архива Военнаго министерства въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ и Архива Императорской

ВЫОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ:

Въ безуспѣшной доселѣ борьбѣ съ Россіей, стремясь всѣми способами умножить свои силы, Германія и Австро-Венгрія прибѣгли къ помощи Оттоманскаго Правительства и вовлекли въ войну съ НАМИ ослѣпленную ими Турцію.

Предводимый Германцами Турецкій флотъ осмѣлился вѣроломно напасть на НАШЕ Черноморское побережье.

Немедленно послѣ сего повелѣли МЫ Россійскому Послу въ Царьградѣ, со всѣми чинами посольскими и консульскими, оставить предѣлы Турціи.

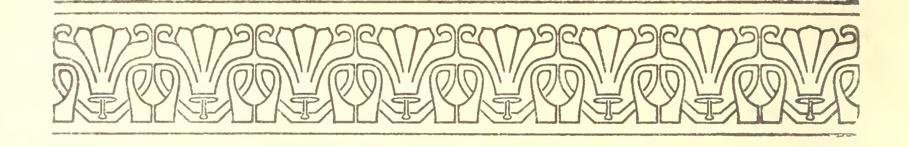
Съ полнымъ спокойствіемъ и упованіемъ на помощь Божію приметъ Россія это новое противъ нея выступленіе стараго утѣснителя христіанской вѣры и славянскихъ народовъ.

Не впервые доблестному Русскому оружію одолѣвать Турецкія полчища, — покараетъ оно и на сей разъ дерзкаго врага НАШЕЙ Родины. Вмѣстѣ со всѣмъ народомъ Русскимъ МЫ непреклонно вѣримъ, что нынѣшнее безразсудное вмѣшательство Турціи въ военныя дѣйствія только ускоритъ роковой для нея ходъ событій и откроетъ Россіи путь къ разрѣшенію завѣщанныхъ ей предками историческихъ задачъ на берегахъ Чернаго моря.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ двадцатый день октября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же НАШЕГО въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.



Изъ записной книжки Русской Старины.

Высокомѣрное отношеніе германскихъ, высшихъ, начальниковъ къ австрійскимъ на лейпцигскихъ торжествахъ, въ октябрѣ 1912 года.

Въ настоящее время идутъ большіе нелады между союзными высшими военачальниками германскими съ австрійскими. Эта взаимная непріязнь нѣмецкихъ военачальниковъ ясно была видна. еще годъ тому назадъ, на лейпцигскихъ торжествахъ, въ началѣ октября 1913 года. Въ Лейпцигѣ съѣхались тѣ высшіе военачальники германцевъ и австрійцевъ, которые въ настоящую войну стоятъ во главѣ союзныхъ армій и корпусовъ. Со стороны Германіи тамъ находились всѣ союзные германскіе монархи, и въ числѣ ихъ Рупрехтъ Баварскій и герцогъ Баденскій, а также фельдмаршалы фонъ-деръ Гольцъ, Бокъ-Поллякъ, генералы фонъ Мольтке, ф. Гаузенъ, ф. Клугъ, Бюловъ, Эйхгорнъ, Эмихъ, Лисингенъ, Плессенъ, Кирхбахъ, ф. Кессель, Притвицъ-Гафронъ, ф. Линкеръ и адмиралъ Тирпицъ.

Со стороны австрійцевъ были, генералъ Конрадъ ф. Гетцендорфъ. ф. Кробатинъ, фамилія Шварценберговъ и многіе другіе.

Во все время лейпцигскихъ торжествъ отношеніе высшихъ германскихъ начальниковъ къ австрійскимъ было самое пренебрежительное: ни одинъ германскій начальникъ не отличался вѣжливостью къ австрійцамъ, ихъ, какъ бы невзначай, толкали, нигдѣ не уступали мѣста. и никогда за ихъ здоровье не поднимали, по нѣмецкому обычаю, бокала.

Австрійцамъ не отводили особенно почетныхъ мѣстъ на торжественныхъ завтракахъ и обѣдахъ.

Это очень бросалось въ глаза особенно потому что въ то же самое время отношенія германцевъ къ чинамъ нашей военной депутаціи состоявшей изъ чиновъ комитета по постройкѣ храма-памятника на полѣ лейпцигскаго сраженія [1]) было самое любезное и даже предупредительное.

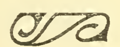
Утромъ. 5-го октября. когда всѣ военныя депутаціи собрались передъ нѣмецкимъ памятникомъ, къ предсѣдателю нашего лейпцигскаго комитета, начальнику генеральнаго штаба, генерала отъ кавалеріи Жилинскому, подошелъ германскій военный агентъ въ Петербургѣ маіоръ фонъ Эггелингъ и доложилъ ему, что начальникъ германскаго генеральнаго штаба генералъ фонъ Мольтке желаетъ съ нимъ познакомиться. Генералъ Жилинскій отвѣтилъ, что это также и его желаніе, и не тронулся съ мѣста. Маіоръ Эггелингъ ушелъ и въ скоромъ времени отъ группы германскихъ начальниковъ отдѣлилась колоссальная и грузная фигура генерала фонъ Мольтке, и заколыхалась по направленію къ русской депутаціи. Ф. Мольтке остановился за четыре шага передъ нашимъ начальникомъ генеральнаго штаба, и тотъ только тогда сдѣлалъ шагъ впередъ и знакомство состоялось.

Особенно охотно знакомились германскіе начальники и вступили въ бесѣду съ генералъ-лейтенантомъ Колюбакинымъ отлично знающимъ нѣмецкій языкъ, военную исторію и нѣмецкій бытъ.

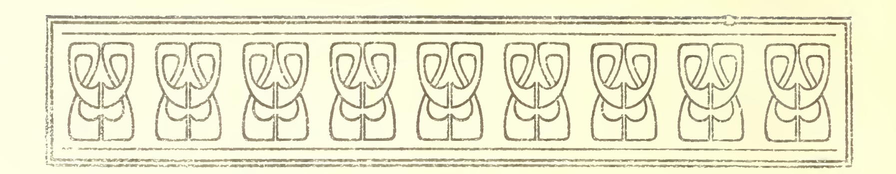
За обѣдомъ, 5-го октября, у Саксонскаго короля нѣкоторые изъ германскихъ генераловъ, послѣ тоста саксонскаго короля за гостей, поднимали бокалы за здоровье рядомъ, съ ними сидѣвшихъ, представителей русской военной депутаціи.

Передъ германцами сидѣло много австрійскихъ генераловъ и къ нимъ не потянулась съ бокаломъ ни одна германская рука.

Лишь одинъ императоръ Вильгельмъ изощряяся въ любезностяхъ къ австрійскому престолонаслѣднику Францу-Фердинанду.



[1]) Депутація состояла: изъ предсѣдателя — генерала отъ кавалеріи Жилинскаго, товарища предсѣдателя генералъ-лейт. Воронова, о. Протопресвитера Шавельскаго, генералъ-лейтенанта Колюбакина, командировъ полковъ—л.-гв. Измайловскаго, л.-гв. Павловскаго, л.-гв. 1-й арт. бригады, л.-гв. казачьяго Его Величества, военнаго инженера, полковника Яковлева, академика Покровскаго, и кандидата правъ Лелянова.

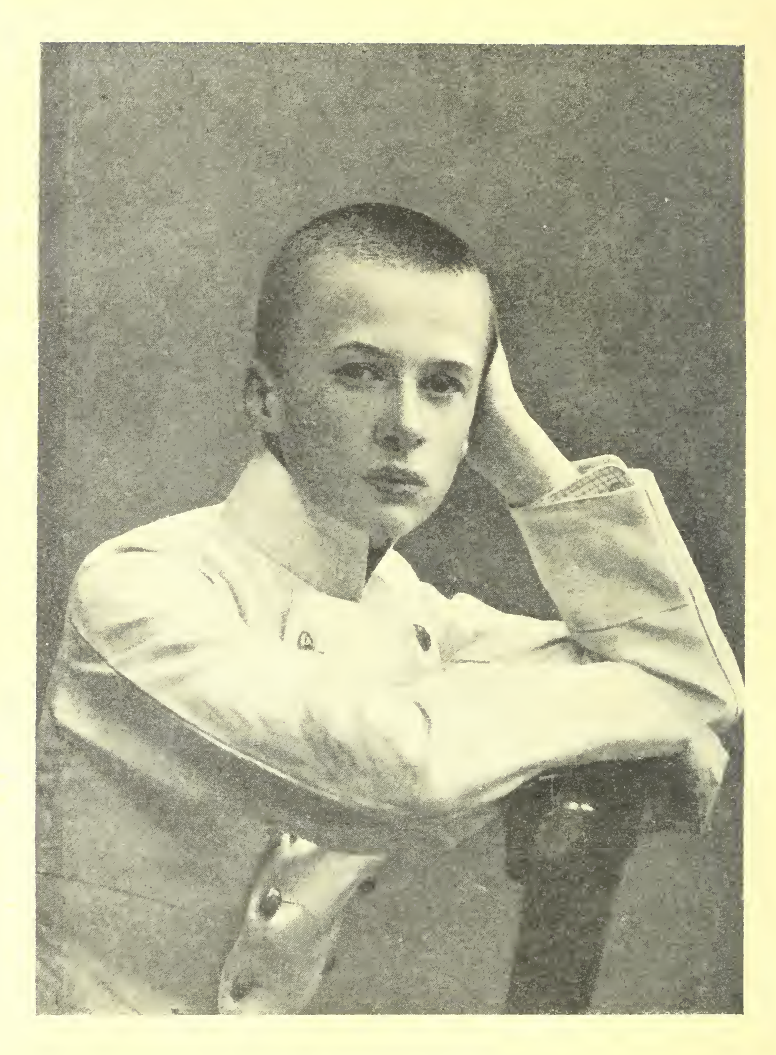


Планъ войны Германіи съ Россіей въ 1913 г.

Возвращаясь по желѣзной дороги изъ Лейпцига въ Петербургъ въ половинѣ октября 1913 года всѣмъ русскимъ невольно бросалось въ глаза оборудованіе узловъ желѣзно-дорожныхъ станцій громаднымъ количествомъ рельсовыхъ путей и платформъ—у Кенигсберга, Инстербурга, Диршау, Галле и Лейпцига. Даже и въ октябрѣ прошлаго года, при нашемъ проѣздѣ, копошились рабочіе на рельсовыхъ путяхъ.

На вопросъ, предложенный нами одному свѣдующему лицу—мы получили слѣдующій отвѣтъ: „Планъ войны Германіи съ Россіей и Франціей, уже окончательно разработанный къ веснѣ 1913 года, состоялъ въ томъ, что Германія, оставивъ часть силъ противъ Россіи, бросаетъ противъ Франціи большую часть войскъ, быстро разбивъ французскую армію, и взявъ Парижъ, перебрасываетъ всѣ силы на восточный фронтъ. Вотъ почему такъ усилила Германія правоспособность своихъ желѣзныхъ дорогъ". Увѣряютъ, что будто бы съ запада на востокъ нѣмцы могутъ отправлять по нѣсколько сотъ поѣздовъ въ сутки.

П. Вороновъ.



ЕГО ВЫСОЧЕСТВО

КНЯЗЬ

ОЛЕГЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ.

Статьи, подлежащія напечатанію въ 1915 году въ историческомъ журналѣ „РУССКАЯ СТАРИНА".

Вступая въ 1915 г. въ сорокъ шестой годъ своего существованія, ред. журн. „**Русская Старина**" предполагаетъ напечатать въ этомъ году слѣдующія статьи: **А. Ѳ. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". Дневныя записки генерала Патрика Гордона, сподвижника царей: Алексѣя Михайловича, Ѳеодора Алексѣевича и Петра Великаго. **А. С. Лацинскаго.**—Петръ Великій, Императоръ Всероссійскій въ Голландіи и въ Саардамѣ въ 1697 и 1717 годахъ. Сочиненіе Якова Шельтена, члена научнаго института въ Гарлемѣ. Переводъ съ голландскаго. **И. Щелкунова.**—Житье-бытье Петра Великаго въ Даніи въ 1716 г. (Полный церемоніалъ выѣзда царя въ Копенгагенъ, подробная записка о его первомъ появленіи на датской территоріи, разсказы о развѣдочныхъ поѣздкахъ Петра къ шведскому берегу, бесѣда Петра съ профессоромъ астрономіи, оригинальная поѣздка царя верхомъ на лошади на высокую астрономическую башню, обѣды, праздники, гулянія, маскарадъ, театральное въ честь царя представленіе, арестъ царя, его похожденія, рукоположеніе Петромъ датскаго пастора и др.). **А. В. Полторацкаго.**—Петръ Великій и шведскіе послы въ 1699 г. **А. Е. Кауфмана.**—Въ гостяхъ у Саардамскаго плотника.—Записки **гр. Н. П. Игнатьева** о его пребываніи въ Константинополѣ въ 1864—1874 г.г. **В. Х. Мелека.**—Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ II въ Крыму. (Самыя подробныя воспоминанія, разговоры Императора со многими лицами), **Н. К. Васильевой.**—Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ II. **О. І. Щелкунова.** Пребываніе Императора Александра III въ Даніи. **А. И. Георгіевскаго.**—Мои воспоминанія и размышленія. (Восп. касаются поэта Алмазова, Буслаева, Бестужева-Рюмина, П. Н. Батюшкова, гр. Валуева, Грановскаго, Галахова, Горбунова, Градовскаго, Данилевскаго, гр. Делянова, Ю. Г. Жуковскаго, Каткова, Кудрявцева, Краевскаго, К. П. и М. П. Кауфмановъ, Е. П. Ковалевскаго, Корниловыхъ, Леонтьева, Лохвицкаго, Любимова, Маркевича, Д. А. и Н. А. Милютиныхъ, М. Н. Муравьева, Менделѣева, А. Н. и Л. Н. Майковыхъ, Никитенко, Островскаго, Погодина, Пирогова, о. Раевскаго, гр. Д. А. Толстого, Тютчева, Щербины). **Е. А. Рагозиной.**—Изъ дневника Русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г. **Е. С. Шумигорскаго.**—Донесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 г. Изъ записокъ гр. Ѳ. И. Головкина. Разсказы современниковъ объ Императорѣ Павлѣ I. Дневникъ статсъ-секретаря Гр. И. Вилламова, **И. К. Маркова.** Неизданная статья епископа Никодима о митрополитѣ Филаретѣ. **Н. Высоцкаго.**—Изъ нравовъ московскаго духовенства. **В. А. Бочкарева.**—Культурные запросы русскаго общества на порогѣ царствованія Екатерины II.—**Андерсона.** Дневникъ И. М. Снѣгирева **В. Мустафина.**—Гр. М. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ Валуеву. М. Н. Катковъ и гр. Валуевъ въ ихъ перепискѣ. **А. фонъ-Таль.**—Изъ воспоминаній Е. И. Ламанскаго. (Восп. касаются Петрашевскаго, Канкрина, Врончeнко, Брока, Княжевича, М. Н. Муравьева, Я. И. Ростовцева, Штиглица, Чевкина, Рейтерна, Грейга, Абазы, Бунге и др.). **В. С. Арсеньева.**—Изъ бумагъ Болотова. **А. А. Танкова.**—Курскій мятежный столпъ. **от. М. Пашкевича.**—Изъ воспоминаній о польскомъ мятежѣ 1863 года. Донесенія вятскаго губернатора Павлу I съ Высочайшей резолюціей. **Л. Н. Созонова.**—Изъ нравовъ минувшаго. **И. И. Гринцевича.**—Воспоминанія Портъ-Артурца о Кондратенко. **К. К. Фрома.**—Записки ген. Мамацева. Бар. А. А. Фрейганга. Письма Драгомирова Радецкому. Послѣдніе дни Радецкаго. Записки **Н. В. Исакова.**—Военныя дѣйствія на Кавказѣ при Воронцовѣ съ предисловіемъ П. Н. Колюбакина. (Характеристика гр. Воронцова, кн. Аргутинскаго, кн. Бебутова, Коцебу, кн. Барятинскаго, Евдокимова и др.). **Е. А. Андріашевой.**—„Воспоминанія стараго педагога". Воспоминанія **Е. К. Андреевскаго, Леваковскаго, Виноградскаго. Веселовскаго** и др. **М. Л. Гофмана.** Поэмы Боратынскаго и другія статьи по исторіи литературы. Воспоминанія участниковъ русско-нѣмецкой войны.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 10 руб. съ пересылкой, за границу 12 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 5% съ каждаго рубля.

Подписка принимается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса".

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ Петроградѣ въ ред. журн. „Русская Старина" (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени", Невскій, 40;
„Т-ва М. О. Вольфъ", Гостиный дв., 18 и Невскій, 13
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій Отчетъ", платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Историческое засѣданіе Государственной Думы 26 іюля 1914 года.

Стенографическій отчетъ засѣданія Государственной Думы, созванной на основаніи Высочайшаго Указа Правительствующему Сенату отъ 20 іюля 1914 г.

Привѣтственное слово Его Императорскаго Величества Государя Императора

Государственному Совѣту и Государственной Думѣ, сказанное въ Императорскомъ Зимнемъ Дворцѣ 26 іюля 1914 г.

„Привѣтствую васъ въ нынѣшніе знаменательные тревожные дни, переживаемые всей Россіей.

Германія, а затѣмъ Австрія объявили войну Россіи.

Тотъ огромный подъемъ патріотическихъ чувствъ, любви къ родинѣ и преданности Престолу, который какъ ураганъ пронесся по всей землѣ Нашей, служитъ въ Моихъ глазахъ и, думаю, въ вашихъ ручательствомъ въ томъ, что наша великая Матушка Россія доведетъ ниспосланную Господомъ Богомъ войну до желаннаго конца.

Въ этомъ же единодушномъ порывѣ любви и готовности на всякія жертвы, вплоть до жизни своей, Я черпаю возможность поддерживать Свои силы и спокойно и бодро взирать на будущее.

Мы не только защищаемъ свою честь и достоинство въ предѣлахъ земли своей, но боремся за единокровныхъ и единовѣрныхъ братьевъ славянъ.

И въ нынѣшнюю минуту Я съ радостью вижу, что объединеніе славянъ происходитъ также крѣпко и неразрывно со всей Россіей.

Увѣренъ, что вы всѣ и каждый на своемъ мѣстѣ поможете Мнѣ перенести ниспосланныя Мнѣ испытанія и что всѣ, начиная съ Меня, исполнятъ свой долгъ до конца.

Великъ Богъ земли Русской!".

Слово временно исполняющаго обязанности Предсѣдателя Государственнаго Совѣта Голубева, сказанное въ Императорскомъ Зимнемъ Дворцѣ 26 іюля 1914 г.

„Ваше Императорское Величество!

Государственный Совѣтъ повергаетъ передъ Вами, Великій Государь, проникнутыя безпредѣльною любовію, вѣрноподданническія чувства и всеподданнѣйшее благодареніе за предоставленіе законодательнымъ установленіямъ нынѣ же принять участіе въ разработкѣ мѣропріятій, вызываемыхъ тяжкимъ испытаніемъ, которое, вопреки миролюбивымъ усиліямъ Вашего Величества, наступило вслѣдствіе объявленія Россіи войны двумя сосѣдними монархіями.

Единеніе возлюбленнаго Государя и населенія Имперіи Его усугубляетъ ея мощь.

Мы готовы на всѣ жертвы для охраненія чести и достоинства единаго, нераздѣльнаго государства Россійскаго.

Съ усердною молитвою къ Царю Царствующихъ и Господу Господствующихъ о сохраненіи нашей Родины подъ святымъ покровомъ Всевышняго, мы мужественно и спокойно взираемъ на грядущее.

Доблестное русское воинство побѣдоноснымъ отраженіемъ враговъ да увѣнчаетъ славою Державнаго Вождя всея Россіи.

На благо и счастье дорогого Отечества да здравствуетъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ!".

Слово Предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, сказанное въ Императорскомъ Зимнемъ Дворцѣ 26 іюля 1914 г.

„Ваше Императорское Величество!

Съ глубокимъ чувствомъ восторга и гордости вся Россія внимала словамъ Русскаго Царя, призывающаго Свой народъ къ полному съ нимъ единенію въ трудный часъ ниспосланныхъ Отечеству тяжкихъ испытаній.

Государь! Россія знаетъ, что воля и мысли Ваши всегда были направлены къ дарованію странѣ условій спокойнаго существованія и мирнаго труда, и что любвеобильное сердце Ваше стремилось къ устойчивому миру во имя охраны дорогой Вамъ жизни Вашихъ подданныхъ.

Но пробилъ грозный часъ. Отъ мала до велика всѣ поняли значеніе и глубину развернувшихся историческихъ событій. Объявлена угроза благополучію и цѣлости государства, оскорблена народная честь, а честь народная намъ дороже жизни. Пришла пора явить всему міру, какъ грозенъ своимъ врагамъ русскій народъ, окружившій несокрушимой стѣной своего вѣнценоснаго Вождя съ твердой вѣрой въ небесный Промыселъ.

Государь! Настала пора упорной борьбы во имя охраны государственнаго достоинства, борьбы за цѣлость и неприкосновенность Русской земли, и нѣтъ ни въ комъ изъ насъ ни сомнѣній, ни колебаній. Призванное къ государственной жизни, по волѣ Вашего Величества, народное представительство нынѣ предстало предъ Вами. Государственная Дума, отражающая въ себѣ единодушный порывъ всѣхъ областей Россіи и сплоченная одною объединяющею всѣхъ мыслью, поручила мнѣ сказать Вамъ, Государь, что народъ Вашъ готовъ къ борьбѣ за честь и славу Отечества.

Безъ различія мнѣній, взглядовъ и убѣжденій, Государственная Дума отъ лица Русской земли спокойно и твердо говоритъ своему Царю: дерзайте, Государь, русскій народъ съ Вами и, твердо уповая на милость Божію, не остановится ни передъ какими жертвами, пока врагъ не будетъ сломленъ и достоинство Родины не будетъ ограждено!".

Привѣтственное слово Его Императорскаго Величества Государя Императора,

сказанное въ Императорскомъ Зимнемъ Дворцѣ 26 іюля 1914 г. въ отвѣтъ на слова временно исполняющаго обязанности Предсѣдателя Государственнаго Совѣта Голубева и Предсѣдателя Государственной Думы Родзянко.

„Сердечно благодарю васъ, господа, за проявленныя вами искреннія патріотическія чувства, въ которыхъ Я никогда не сомнѣвался, и проявленныя въ такую минуту на дѣлѣ.

Отъ всей души желаю вамъ всякаго успѣха.

Съ нами Богъ!".

Засѣданіе Государственной Думы, созванной на основаніи Высочайшаго Указа Правительствующему Сенату отъ 20 іюля 1914 г.

Засѣданіе открывается въ 3 ч. 37 м. пополудни подъ предсѣдательствомъ М. В. Родзянко.

Предсѣдатель. Объявляю засѣданіе Государственной Думы открытымъ. Приглашаю гг. Членовъ Государственной Думы стоя выслушать Высочайшій указъ. Приглашаю публику на хорахъ встать. (*Всѣ встаютъ*).

„Указъ Правительствующему Сенату.

Въ виду ниспосланныхъ отечеству Нашему тяжкихъ испытаній, желая быть въ полномъ единеніи съ народомъ, признали Мы за благо созвать Государственный Совѣтъ и Государственную Думу.

Вслѣдствіе сего, на основаніи статьи 99 Основныхъ Государственныхъ Законовъ, Повелѣваемъ: возобновить занятія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы 26 сего іюля.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„Николай“.

Въ С.-Петербургѣ.
20 іюля 1914 г.“.

Да здравствуетъ Государь Императоръ! (*Долго несмолкаемые клики:* ура). Приглашаю гг. Членовъ Государственной Думы стоя выслушать Высочайшій манифестъ. (*Всѣ встаютъ*).

Товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы Варунъ-Секретъ.

Божіею Милостію,

МЫ НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Слѣдуя историческимъ своимъ завѣтамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови съ славянскими народами, никогда не взирала

на ихъ судьбу безучастно. Съ полнымъ единодушіемъ и особою силою пробудились братскія чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгрія предъявила Сербіи завѣдомо непріемлемыя для державнаго государства требованія.

Презрѣвъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ Сербскаго правительства, отвергнувъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла въ вооруженное нападеніе, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда.

Вынужденные, въ силу создавшихся условій, принять необходимыя мѣры предосторожности, Мы повелѣли привести армію и флотъ на военное положеніе, но, дорожа кровью и достояніемъ Нашихъ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній, союзная Австріи Германія, вопреки Нашимъ надеждамъ на вѣковое доброе сосѣдство и не внемля завѣренію Нашему, что принятыя мѣры отнюдь не имѣютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну.

Нынѣ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Намъ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди Великихъ Державъ. Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные Наши подданные.

Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя съ Его народомъ, и да отразитъ Россія, поднявшаяся какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага.

Съ глубокою вѣрою въ правоту Нашего дѣла и смиреннымъ упованіемъ на Всемогущій Промыселъ, Мы молитвенно призываемъ на Святую Русь и доблестныя войска Наши Божіе благословеніе.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ двадцатый день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„Николай“.

Предсѣдатель. Государю Императору ура! (*Долго несмолкаемые клики*: ура).

Гг. Члены Государственной Думы. Государю Императору благоугодно было въ трудный часъ, переживаемый отечествомъ, созвать Государственную Думу во имя единенія Русскаго Царя съ вѣрнымъ Ему народомъ. Государственная Дума уже отвѣтила своему Государю на Его призывъ на сегодняшнемъ Высочайшемъ пріемѣ. Мы всѣ знаемъ хорошо, что Россія не желала войны, что русскій народъ чуждъ завоевательныхъ стремленій, но самой судьбѣ угодно было втянуть насъ въ военныя дѣйствія. Жребій брошенъ, и во весь ростъ всталъ передъ нами вопросъ объ охранѣ цѣлости и единства государства. Въ этомъ небываломъ еще въ міровой исторіи стремительномъ круговоротѣ событій отрадно видѣть то величавое и преисполненное достоинства спокойствіе, которое охватило всѣхъ безъ исключенія и которое ярко и безъ лишнихъ словъ подчеркиваетъ передъ всѣмъ міромъ величіе и силу русскаго духа. (*Бурныя и продолжительныя рукоплесканія и клики:* ура). Спокойно и безъ задора мы можемъ сказать нападающимъ на насъ: руки прочь! (*Бурныя рукоплесканія и клики:* ура). Не дерзайте касаться нашей Святой Руси. Народъ нашъ миролюбивъ и добръ, но страшенъ и могучъ, когда вынужденъ за себя постоять. (*Бурныя рукоплесканія*). Смотрите, можемъ мы сказать: вы думали, что насъ разъединяетъ раздоръ и вражда, а между тѣмъ всѣ народности, населяющія необъятную Русь, слились въ одну братскую семью, когда общему отечеству грозитъ бѣда. (*Бурныя рукоплесканія*). И не повѣситъ головы въ унынiи русскій богатырь, какія бы испытанія ни пришлось ему пережить; все вынесутъ его могучія плечи, и, отразивъ врага, вновь засіяетъ миромъ, счастьемъ и довольствомъ единая нераздѣльная родина, во всемъ блескѣ своего несокрушимаго величія. (*Бурныя рукоплесканія*). Гг. Члены Государственной Думы, въ этотъ часъ наши мысли и пожеланія тамъ, на границахъ нашихъ, гдѣ безтрепетно идетъ въ бой наша доблестная армія, нашъ славный бодрый флотъ. (*Рукоплесканія*). Мы мысленно тамъ, гдѣ наши дѣти и братья олицетворяютъ наше отечественное величіе съ присущей имъ доблестью. Помоги имъ Всевышній Господь, укрѣпи ихъ и защити, а наши горячія пожеланія успѣха и славы будутъ всегда съ ними, съ нашими героями. Мы, остающіеся дома, пріемлемъ долгъ работать, не покладая рукъ, въ дѣлѣ обезпеченія оставшихся безъ своихъ кормильцевъ семей. И пусть тамъ въ арміи нашей знаютъ, что не на словахъ только, но и на дѣлѣ мы не допустимъ ихъ до острой нужды.

(Бурныя рукоплесканія. Члены Государственной Думы поютъ народный гимнъ; долго несмолкаемые клики: ура).

Позвольте доложить Государственной Думѣ телеграмму, полученную отъ Сербской народной скупщины, въ переводѣ на русскій языкъ, такъ какъ текстъ составленъ на французскомъ языкѣ. „С.-Петербургъ. Предсѣдателю Государственной Думы изъ Ниша. Вслѣдствіе единогласнаго постановленія народной скупщины имѣю честь передать вамъ самый горячій привѣтъ, который шлетъ Государственной Думѣ народная скупщина отъ имени всего сербскаго народа. Постановленіе скупщины было принято среди восторженныхъ кликовъ въ честь Русскаго Императора и русскаго народа. Сербская армія спѣшитъ къ границамъ и, горя воодушевленіемъ, готова умереть, защищая угрожаемый сербскій народъ. Прошу васъ передать Государственной Думѣ, что всѣ мы въ Сербіи отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ, что не только сербскому народу грозитъ опасность, но что война объявлена всему славянству. Да здравствуетъ Его Величество Императоръ Всероссійскій! Да здравствуетъ русскій народъ"!—Да здравствуетъ мужественная Сербія! Ура! *(Клики:* ура; *Члены Государственной Думы стоя привѣтствуютъ бурными рукоплесканіями находящагося въ ложѣ дипломатическаго корпуса Сербскаго посланника М. И. Спалайковича).* Позвольте доложить Государственной Думѣ телеграмму, полученную отъ Черногорской народной скупщины, въ переводѣ на русскій языкъ, такъ какъ текстъ изложенъ на черногорскомъ языкѣ. „Черногорская народная скупщина, какъ вѣрный истолкователь чувствъ и желаній сербскаго народа, созванная въ тяжелый и полный испытаній моментъ для всего сербскаго и вообще славянскаго народа, привѣтствуетъ дорогихъ своихъ братьевъ въ Думѣ, а черезъ нихъ и всю мощную Россію, вѣковую защитницу сербства, и проситъ ее вѣрить, что сербскій народъ, какъ постоянный борецъ за великую славянскую идею, и на этотъ разъ готовъ принести въ жертву все, что имѣетъ, чтобы защитить свои священныя національныя права, такъ какъ увѣренъ, что его праведное дѣло защититъ Богъ, правда и мощная Россія, всегдашняя сербская защитница. Во имя этого мы восклицаемъ: да здравствуетъ великая и мощная славянская мать, Россія! Да здравствуетъ великій мощный Императоръ Всероссійскій Николай II и Его возвышенный Домъ! Да здравствуетъ великая русская Дума!"—Да здравствуетъ мужественная Черногорія! (*Клики:* ура; *Члены Государственной Думы стоя привѣт-*

ствуютъ бурными рукоплесканіями находящагося въ ложѣ дипломатическаго корпуса Сербскаго посланника М. И. Спалайковича). Гг. Члены Государственной Думы. Здѣсь, среди публики, присутствуютъ представители великихъ націй и нашихъ вѣрныхъ друзей Англіи и Франціи. Я предлагаю выразить имъ громкій привѣтъ: да здравствуютъ Англія и Франція! *(Члены Государственной Думы стоя привѣтствуютъ бурными рукоплесканіями находящихся въ ложѣ дипломатическаго корпуса Великобританскаго посла сэра Джорджа Бьюкэнена и Французскаго посла Мориса Палеолога).* Гг., здѣсь присутствуетъ также представитель мужественной бельгійской націи, съ безпримѣрной храбростью сражающейся нынѣ, защищая отъ вторженія непріятельскаго свое отечество. Да здравствуетъ Бельгія! *(Члены Государственной Думы стоя привѣтствуютъ бурными рукоплесканіями находящагося въ ложѣ дипломатическаго корпуса Бельгійскаго посланника гр. Конрада де-Буиссерэ-Стеенбекс-де-Блареніенъ).* Я предлагаю Государственной Думѣ, въ отвѣтъ на полученныя уже привѣтствія, отвѣтить такими же привѣтственными телеграммами Сербской и Черногорской народной скупщинамъ. (*Голоса*: просимъ). Независимо отъ этого, я предлагаю отъ имени Государственной Думы послать привѣтъ парламентамъ Французскому, Англійскому и Бельгійскому. (*Бурныя рукоплесканія и голоса*: просимъ). Угодно поручить это сдѣлать Совѣщанію? (*Голоса*: просимъ).

Позвольте доложить, что Министромъ Финансовъ внесены законопроекты: 1) о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ усиленію ресурсовъ казны на веденіе военныхъ дѣйствій (24 іюля 1914 г. № 8591), и 2) о мѣрахъ по денежному обращенію въ виду военнаго времени (24 іюля 1914 г., № 10461). Слово принадлежитъ г. Предсѣдателю Совѣта Министровъ.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ Горемыкинъ. Гг. Члены Государственной Думы. 20 іюля послѣдовалъ Высочайшій указъ о возобновленіи вашихъ занятій, прерванныхъ всего мѣсяцъ тому назадъ среди глубокаго, казалось бы, мира. Въ этотъ мѣсяцъ совершились событія величайшей исторической важности. Одно за другимъ, какъ удары грома, обрушивались они на русскую и европейскую жизнь, давно подготовляемыя незримымъ ходомъ исторіи, и все-таки внезапныя. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ смѣнитъ меня и представитъ вамъ очеркъ событій, приведшихъ къ европейской войнѣ. Россія не хотѣла войны. Правительство добросовѣстно искало мирнаго исхода изъ создавшихся осложненій, не оставляя даже слабой надежды отдалить надвинувшуюся кровавую бурю. Но есть предѣлъ и

русскому миролюбію. Вполнѣ сознавая лежащую на немъ тяжкую отвѣтственность, Императорское правительство не могло, однако, покорно отступить передъ брошеннымъ ему вызовомъ. Это значило бы отказаться отъ положенія Россіи среди великихъ державъ. Это была бы роковая ошибка, она насъ унизила бы, но не измѣнила бы не нами предрѣшеннаго хода событій. Война начата, и теперь намъ остается только повторить прозвучавшія на весь міръ слова: „Мы доведемъ эту войну, какая бы она ни была, до конца". (*Продолжительныя рукоплесканія*). За всю многовѣковую исторію Россіи, быть можетъ, только одна отечественная война, только 1812 годъ, равняется по своему значенію съ предстоящими событіями. Повѣрьте мнѣ, гг., правительство ничуть не ослѣплено самонадѣянностью, оно ясно отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что эта война потребуетъ крайняго напряженія силъ, многихъ жертвъ и мужественной готовности къ испытующимъ ударамъ судьбы. Но правительство непоколебимо вѣритъ въ конечный успѣхъ, ибо оно безпредѣльно вѣритъ въ великое историческое призваніе Россіи. (*Рукоплесканія*). По объявленіи намъ войны, правительство не могло не остановиться на вопросѣ о средствахъ для покрытія военныхъ издержекъ. Война застаетъ насъ въ финансовомъ положеніи, которое не внушаетъ опасеній правительству. Министръ Финансовъ сообщитъ вамъ о мѣропріятіяхъ, намѣченныхъ въ первую очередь. Необходимость этихъ мѣропріятій была одной изъ причинъ созыва законодательныхъ учрежденій. Но это внѣшняя и не самая важная причина. Созывъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы внушенъ былъ болѣе глубокою мыслью, ясно раскрытою въ словахъ Высочайшаго указа: „Въ виду ниспосланныхъ отечеству Нашему тяжкихъ испытаній, желая быть въ полномъ единеніи съ народомъ, признали Мы за благо созвать Государственный Совѣтъ и Государственную Думу". (*Рукоплесканія и голоса*: браво). Законодательныя учрежденія должны знать, что и впредь они будутъ досрочно созываемы, если по чрезвычайнымъ обстоятельствамъ это будетъ признано необходимымъ. (*Рукоплесканія*). На вашу долю, гг., выпала великая и отвѣтственная задача быть выразителями народныхъ думъ и народнаго чувства. Правительство исполняло и исполнитъ свой долгъ до конца; теперь вашъ чередъ, гг. Члены Государственной Думы. Въ эту торжественную историческую минуту я отъ имени правительства призываю васъ всѣхъ, безъ различія партій и направленій, проникнуться завѣтами Царскаго манифеста: да будутъ забыты

внутреннія распри (*рукоплесканія и голоса*: браво) и сплотиться вмѣстѣ съ нами вокругъ единаго знамени, на которомъ начертаны величайшія для всѣхъ насъ слова: „Государь и Россія". (*Рукоплесканія*).

Предсѣдатель. Слово принадлежитъ г. Министру Иностранныхъ Дѣлъ. (**Пуришкевичъ:** да здравствуетъ Сазоновъ! *Продолжительныя рукоплесканія*).

Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Сазоновъ. Гг. Члены Государственной Думы. Въ трудныя минуты отвѣтственныхъ рѣшеній правительство почерпало силы въ сознаніи полнаго единомыслія своего съ народной совѣстью. (*Голоса:* браво). Когда наступитъ время для исторіи произнести свой безпристрастный судъ, ея рѣшеніе — я твердо въ это вѣрю — не будетъ инымъ, какъ то, которымъ мы руководились: Россія не могла уклониться отъ дерзкаго вызова своихъ враговъ, она не могла отказаться отъ лучшихъ завѣтовъ своей исторіи, она не могла перестать быть великой Россіей. (*Бурныя рукоплесканія*). Наши враги стремятся перенести на насъ отвѣтственность за бѣдствія, которыя они навлекли на Европу, но ихъ лживые навѣты не могутъ ввести въ заблужденіе никого, кто добросовѣстно слѣдитъ за политикой Россіи за послѣдніе годы и за послѣдніе дни. Въ сознаніи необъятныхъ задачъ, связанныхъ съ ея внутреннимъ развитіемъ и преуспѣяніемъ, Россія не со вчерашняго дня дала многочисленныя доказательства своего искренняго миролюбія; только благодаря этому миролюбію въ Европѣ былъ предотвращенъ пожаръ, готовый разгорѣться, когда въ 1912 — 1913 гг. возникла борьба на Балканахъ. Не въ ней, не въ русской политикѣ заключалась угроза европейскому миру. Свое достоинство великая Россія никогда не полагала въ тщеславномъ бряцаніи оружіемъ, въ попраніи чужого самолюбія, въ пренебреженіи къ правамъ слабыхъ. Спокойная, мирная мощь Россіи не давала покоя ея врагамъ. Нужно ли напоминать вамъ о всѣхъ попыткахъ Австро-Венгріи подорвать историческое положеніе Россіи на Балканахъ? Пришелъ часъ, когда я могу здѣсь, не обинуясь, сказать, что ея стараніемъ удалось посѣять братоубійственную рознь между Болгаріей и ея союзниками. Но подвергшееся тяжелымъ испытаніямъ дѣло единенія православныхъ народовъ Балканскаго полуострова, Богъ дастъ, не погибнетъ. Вы знаете поводъ войны. Раздираемая внутренними неурядицами, Австро-Венгрія рѣшила выйти изъ нихъ какимъ-нибудь смѣлымъ шагомъ, который создалъ бы впечатлѣніе ея силы, нанеся въ то время

Россіи униженіе. Для этой цѣли была выбрана Сербія, съ которой насъ связываютъ узы исторіи, происхожденія и вѣры. Вамъ извѣстны условія, при которыхъ Сербіи былъ предъявленъ ультиматумъ. Согласившись на него, Сербія стала бы вассаломъ Австріи. Было явно, что для насъ не вступиться въ дѣло — значило бы не только отказаться отъ вѣковой роли Россіи, какъ защитницы Балканскихъ народовъ, но и признать, что воля Австріи и стоящей за ея спиною Германіи для Европы есть законъ. На это не могли согласиться ни мы, ни Франція, ни Англія. Не менѣе насъ наши доблестные союзники прилагали свои усилія къ укрѣпленію мира въ Европѣ. Наши враги ошиблись, принявъ эти усилія за проявленіе слабости, и послѣ вызова, брошеннаго Австріей, Россія не отвергла ни одной попытки, которая могла бы привести къ мирному разрѣшенію конфликта. Въ этомъ направленіи были честно до конца исчерпаны всѣ усилія наши и нашихъ союзниковъ. Вы убѣдитесь въ этомъ изъ документовъ, которые будутъ обнародованы и которые излагаютъ послѣдовательный ходъ переговоровъ. Мы твердо стояли на одномъ условіи: готовые принять всякій компромиссъ, способный безъ умаленія ея достоинства быть принятымъ Австріей, мы исключали все, что могло задѣть самостоятельность и независимость Сербіи. Съ самаго начала мы не скрывали нашей точки зрѣнія; несомнѣнно, что, если бы берлинскій кабинетъ захотѣлъ, онъ могъ бы еще во́время однимъ властнымъ словомъ остановить свою союзницу такъ же, какъ онъ сдѣлалъ это во время балканскаго кризиса. Между тѣмъ, Германія, которая за самые послѣдніе дни не переставала высказывать на словахъ свою готовность воздѣйствовать на Вѣну, отвергла одно за другимъ дѣлавшіяся ей предложенія и, съ своей стороны, выступала съ пустыми завѣреніями. Время шло, переговоры не подвигались. Австрія подвергла Бѣлградъ ожесточенной бомбардировкѣ. Это былъ организованный правительствомъ погромъ—естественное продолженіе погромовъ беззащитнаго сербскаго населенія Сараева послѣ извѣстнаго злодѣянія 15-го іюня. Явная цѣль всего этого была выиграть переговорами время, поставить насъ и Европу передъ совершившимся фактомъ униженія Сербіи. При такихъ условіяхъ мы не могли не принять естественныхъ мѣръ предосторожности, тѣмъ болѣе, что Австрія уже мобилизировала половину своей арміи. Когда въ Россіи была объявлена мобилизація арміи и флота, Государю Императору благоугодно было Своимъ Царственнымъ словомъ поручиться передъ герман-

скимъ императоромъ, что Россія не приступитъ къ примѣненію силы, пока есть надежда на мирный исходъ переговоровъ на тѣхъ, полныхъ умѣренности, началахъ, о которыхъ я упомянулъ. Этотъ голосъ не былъ услышанъ. Германія объявила войну сначала намъ, потомъ нашей союзницѣ. Потерявъ всякое самообладаніе, она стала попирать общепризнанныя права государствъ, нейтралитетъ коихъ обезпеченъ торжественною подписью ея самой, наравнѣ съ другими государствами. Нельзя не преклониться передъ героизмомъ бельгійскаго народа, борющагося противъ огромной германской арміи. *(Бурныя рукоплесканія находящемуся въ ложѣ дипломатическаго корпуса Бельгійскому посланнику гр. Конраду де-Буиссерэ-Стеенбеке-де-Блареніенъ).* Образъ дѣйствія Германіи не могъ не вызвать глубокаго негодованія всего цивилизованнаго міра *(бурныя рукоплесканія)* и, прежде всего, благородной Франціи, которая вмѣстѣ съ нами встала на защиту попраннаго права и справедливости. *(Бурныя рукоплесканія находящемуся въ ложѣ дипломатическаго корпуса Французскому послу Морису Палеологу).* Нужно ли говорить, что тѣ же чувства одухотворяли Англію *(бурныя рукоплесканія находящемуся въ ложѣ дипломатическаго корпуса Великобританскому послу сэру Джорджу Бьюкэнену)*, Англію, которая, какъ одинъ человѣкъ, сплотилась въ общемъ чувствѣ — необходимости дать отпоръ Германіи въ ея стремленіи наложить на Европу тяжелую руку своей гегемоніи. Теперь тотъ поводъ, изъ-за котораго возникла война, отступаетъ передъ значеніемъ, которое она пріобрѣтаетъ для каждаго изъ насъ и нашихъ союзниковъ. Германія намъ объявила войну 19-го іюля, а черезъ пять дней послѣ нея и Австрія, мотивировавшая свое рѣшеніе нашимъ вмѣшательствомъ въ свой споръ съ Сербіей, а также тѣмъ, что мы открыли враждебныя дѣйствія противъ Германіи. Этимъ будто бы и вызвана война послѣдней противъ насъ. Непріятельскія войска вступили на русскую землю. Мы боремся за нашу родину, мы боремся за свое достоинство и положеніе великой державы. Владычества Германіи и ея союзницы въ Европѣ мы допустить не можемъ. Тѣ же побужденія руководятъ нашими союзниками. Мы не предавались пустому тщеславію. Мы знаемъ, что на нашемъ пути могутъ быть тяжелыя испытанія; они уже учитываются нашими врагами. Не зная Россіи и презрѣвъ ея исторію, они разсчитываютъ на возможность малодушія съ нашей стороны. Но Богъ, не оставившій Россію въ самыя тяжелыя годины ея исторіи, не покинетъ и теперь нашу родину, которая вся сплотилась вокругъ своего Царя въ общемъ чув-

ствѣ любви и самопожертвованія. *(Въ центрѣ, справа и слѣва продолжительныя рукоплесканія и голоса:* браво, вѣрно). Со смиреннымъ упованіемъ на помощь Божію, съ непоколебимой вѣрой въ Россію правительство съ горячимъ довѣріемъ обращается къ вамъ, народнымъ избранникамъ *(голоса:* браво), убѣжденное, что въ вашемъ лицѣ отражается образъ нашей великой родины, надъ которой да не посмѣются наши враги. *(Члены Государственной Думы стоя привѣтствуютъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ продолжительными и бурными рукоплесканіями; голоса:* браво; *голоса справа:* молодчина, вотъ это здорово).

Предсѣдатель. Слово принадлежитъ г. Министру Финансовъ.

Министръ Финансовъ Баркъ. Гг. Члены Государственной Думы. Для веденія войны государству приходится на-ряду съ военной мобилизаціей произвести также мобилизацію финансовую, и на Министерствѣ Финансовъ лежала обязанность прежде всего озаботиться кассовыми средствами, которыя могли быть предоставлены какъ на военныя нужды, такъ и на поддержаніе торговли и промышленности, при одновременномъ сохраненіи золотыхъ запасовъ. Съ этою цѣлью немедленно послѣ объявленіи войны намъ Германіей было внесено представленіе въ Комитетъ Финансовъ о томъ, чтобы Государственный банкъ пріостановилъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото и чтобы банку было предоставлено право учитывать краткосрочныя обязательства Государственнаго казначейства. Представленіе это, по одобреніи Комитета Финансовъ, было внесено въ Совѣтъ Министровъ, было тамъ подвергнуто обсужденію и также имъ одобрено. Положеніе Совѣта Министровъ удостоилось 23-го сего іюля Высочайшаго утвержденія. Необходимость предоставленія кассовыхъ средствъ для нуждъ торговли и промышленности теперь, въ это тяжелое время, является особенно настоятельнымъ; необходимо, чтобы нормальная жизнь страны, по возможности, не потерпѣла ущерба, чтобы не было никакой паники, а была бы полная увѣренность и спокойствіе среди населенія и среди торговопромышленныхъ классовъ, которые могутъ разсчитывать на помощь Государственнаго банка, Министерства Финансовъ и Правительства. Надлежитъ пояснить, что въ случаѣ использованія Государственнымъ банкомъ того права, которое ему предоставляется теперь новымъ законопроектомъ, Государственный банкъ можетъ выпустить кредитныхъ билетовъ, не обезпеченныхъ золотомъ, на сумму полтора милліарда рублей. Считая, что теперь золотыхъ запасовъ въ Госу-

дарственномъ банкѣ имѣется на 1.700,000,000 руб., мы видимъ, что золотое покрытіе болѣе чѣмъ на половину превыситъ выпускъ кредитныхъ билетовъ. Достаточно для сравненія привести, что именно въ Германіи, съ которой мы ведемъ войну, въ нормальное время по закону требуется металлическое покрытіе для кредитныхъ билетовъ всего въ размѣрѣ одной трети, тогда какъ у насъ и въ военное время будетъ болѣе одной половины покрытія. *(Голоса:* браво; *рукоплесканія).* На веденіе войны потребуются, конечно, огромныя средства; текущій счетъ Государственнаго казначейства въ банкѣ скоро будетъ исчерпанъ, и поэтому необходимо было предоставить Государственному банку право учитывать краткосрочныя обязательства Государственнаго казначейства. Пріостановленіе размѣна требовалось безотлагательно, такъ какъ каждый день промедленія велъ бы къ сокращенію золотыхъ запасовъ, — сохраненіе же золота является вѣрнѣйшимъ залогомъ для скорѣйшаго возстановленія металлическаго обращенія, когда обстоятельства военнаго времени минуютъ. И вотъ почему Правительство сочло себя вынужденнымъ провести эту мѣру въ экстренномъ порядкѣ, въ порядкѣ ст. 87, и представляетъ таковую на ваше утвержденіе. Позвольте въ проектъ, который внесенъ Министерствомъ Финансовъ, внести одну поправку: въ ст. 3 исключить слова: „въ случаѣ истребованія находящихся на его счетахъ суммъ казны". Такимъ образомъ, редакція раздѣла III будетъ гласить: „Предоставить Государственному банку учитывать краткосрочныя обязательства Государственнаго казначества въ размѣрѣ, вызываемомъ потребностями военнаго времени"; разрѣшите еще внести нѣкоторыя редакціонныя поправки. Независимо отъ мѣръ, принятыхъ въ этомъ направленіи, на Министерствѣ Финансовъ лежитъ обязанность изыскивать источники средствъ на веденіе войны. Прежде всего, на военныя нужды предоставлена вся свободная наличность, которая къ началу войны составляла 500.000,000 руб.; на-ряду съ этимъ, Правительство признало необходимымъ пересмотрѣть смѣты всѣхъ вѣдомствъ,— произвести въ нихъ возможныя сокращенія и всю экономію обратить въ военный фондъ. На этотъ предметъ Правительство испрашиваетъ вашихъ полномочій. Смѣтныя сокращенія могутъ дать не менѣе 250.000,000 руб. Такимъ образомъ, на первое же время войны у насъ имѣется свободныхъ средствъ 500.000,000 рублей наличности и 250.000,000 рублей экономіи, итого 750.000,000 р. *(Рукоплесканіе и голоса:* браво*).* Само собою разумѣется, что придется прибѣгнуть и къ кредитнымъ операціямъ, но ре-

ализація займовъ зависитъ отъ условій денежнаго рынка; вотъ почему важно предоставить Государственному банку право учитывать краткосрочныя обязательства Государственнаго казначейства; это будетъ краткосрочный долгъ казны Государственному банку, который будетъ подлежать покрытію изъ выручки займовъ при ихъ реализаціи. Къ этой мѣрѣ мы прибѣгали въ японскую войну. Тогда было выпущено краткосрочныхъ обязательствъ на сумму 400.000.000 руб., которыя очень скоро были покрыты. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать также о необходимости повышенія налоговъ. Надлежитъ замѣтить, что расходы на войну обыкновенно въ меньшей части покрываются изъ налоговыхъ источниковъ. Такъ было во Франціи въ 1870 г., въ Англіи во время англо-бурской войны и въ послѣднюю русско-японскую войну. Это вполнѣ понятно, такъ какъ повышеніе существующихъ налоговъ или установленіе новыхъ является чрезвычайно тягостнымъ для населенія и не можетъ дать немедленныхъ результатовъ. Но, тѣмъ не менѣе, Правительство считало себя обязаннымъ представить на ваше одобреніе повышеніе цѣны на вино и на табакъ, въ виду того, что вино и табакъ не являются предметами первой необходимости. *(Голоса:* правильно). Увеличеніе же цѣны на вино можетъ косвенно привести и къ сокращенію потребленія вина *(голоса:* правильно), а эта первостепенной важности для хозяйственной жизни страны задача не должна быть упускаема изъ вида, въ особенности въ тяжелую годину военныхъ испытаній, когда всячески необходимо укрѣпить народную энергію, трудоспособность и выносливость. *(Голоса:* браво). Позвольте внести еще одну поправку въ этотъ законопроектъ и предложить также увеличеніе акциза и на пиво и включить ст. 4 и 5 въ отдѣлѣ III такого содержанія: акцизъ съ пивоваренія взимать въ размѣрѣ не свыше трехъ рублей съ пуда поступающаго въ заторъ солода; съ пивоваренныхъ заводовъ, производящихъ затираніе солода съ примѣненіемъ ручного способа или тяги животныхъ и перерабатывающихъ въ теченіе отчетнаго года не болѣе двухъ тысячъ пудовъ солода, взимать акцизъ въ размѣрѣ не свыше двухъ рублей тридцати копѣекъ съ пуда учтеннаго солода. Ожидаемыя поступленія отъ повышеній, только-что мною предложенныхъ, исчисляются примѣрно въ 200.000.000 руб. въ годъ. Не лишне попутно отмѣтить, что въ связи съ мѣрами, которыя были приняты Правительствомъ за послѣдніе мѣсяцы, доходъ отъ казенной продажи питей представляется въ слѣдующемъ видѣ: за шесть мѣсяцевъ

1914 года—414½ милл. руб., а въ 1913 году—417.000.000 руб., что даетъ сокращеніе за шесть мѣсяцевъ противъ 1913 года на 2½ милл. руб., тогда какъ въ 1913 году противъ 1912 года было увеличеніе на 43.000.000 руб. (*Рукоплесканія*). Если же мы сравнимъ превышеніе всѣхъ доходовъ 1914 и 1913 гг., то получимъ такія цифры: за шесть мѣсяцевъ 1913 года противъ предшествующаго 1912 года общее превышеніе всѣхъ доходовъ составило 150.000.000 руб., въ томъ числѣ водка дала превышеніе 43.000.000 руб. Въ 1914 году общее превышеніе доходовъ противъ 1913 г.—161.000.000 р., противъ 150.000.000 р., при чемъ водка дала уменьшеніе на 2½ милл. руб. (*Рукоплесканія*). Позвольте мнѣ еще упомянуть о тѣхъ мѣрахъ, которыя приняло Министерство Финансовъ для огражденія кредита страны отъ потрясеній и для поддержанія оборотовъ торговли и промышленности. Государственный банкъ широко пошелъ навстрѣчу исключительнымъ потребностямъ въ кредитѣ и оказываетъ поддержку кредитнымъ учрежденіямъ предоставленіемъ имъ средствъ, необходимыхъ какъ на выплату вкладовъ по текущимъ счетамъ, такъ и на продолженіе нормальныхъ операцій; вмѣстѣ съ тѣмъ 21-го іюля введенъ общій мораторіумъ, разрѣшающій кредиторамъ не протестовать векселей срочныхъ послѣ 17-го іюля. Теперь введенъ еще частичный мораторіумъ, распространяющійся на нѣкоторыя губерніи, отсрочивающій также взысканія на два мѣсяца по векселямъ, именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ коихъ могутъ особенно неблагопріятно отозваться военныя дѣйствія. Позвольте мнѣ еще сообщить о тѣхъ послѣдовательныхъ мѣрахъ, которыя приняло Министерство Финансовъ, начиная съ 11-го іюля, т. е. съ того дня, когда сталъ извѣстенъ ультиматумъ Австріи, предъявленный Сербіи. Этотъ ультиматумъ сталъ извѣстенъ утромъ 11-го іюля; вечеромъ того же дня чиновники Министерства Финансовъ выѣхали въ Берлинъ для того, чтобы оттуда взять большое количество процентныхъ бумагъ, находившихся у берлинскихъ корреспондентовъ. (*Голоса:* браво; *рукоплесканія*). Этихъ бумагъ было около двадцати милліоновъ, и онѣ были привезены въ Петербургъ. Кромѣ того, былъ данъ приказъ немедленно переводить суммы Государственнаго казначейства и Государственнаго банка, которыя находились въ Берлинѣ, въ Россію, въ Англію и во Францію. (*Голоса:* браво; *рукоплесканія*). Всѣ эти суммы были переведены, за исключеніемъ небольшого остатка Государственнаго банка, необходимаго для платежей по текущимъ аккредитивамъ. Такимъ образомъ, когда была открыта

война съ Германіей, суммъ казны не было въ Берлинѣ. *(Голоса:* браво; *рукоплесканія).* Такихъ суммъ было около 100.000.000 рублей. Тогда уже Государственному банку было поручено широко идти навстрѣчу требованіямъ по открытію кредитовъ, необходимыхъ для выплаты вкладовъ и поддержанія хозяйственной жизни страны. Относительно продажи валюты какъ Министерство Финансовъ, такъ и Государственный банкъ продавали валюту только въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Когда же былъ объявленъ мораторіумъ во Франціи, всякая продажа валюты, т. е. иностранныхъ переводовъ, была прекращена. Въ настоящее время денежное наше положеніе таково: на текущемъ счетѣ казны имѣется 560.000.000 руб. Государственный банкъ располагаетъ достаточнымъ правомъ выпуска кассовыхъ средствъ при одновременномъ сохраненіи крупныхъ золотыхъ запасовъ. И въ дѣловомъ мірѣ нѣтъ растерянности, есть, конечно, разумная забота о завтрашнемъ днѣ, но господствуетъ спокойствіе и твердая надежда на то, что по минованіи войны здоровыя силы нашей великой родины дадутъ намъ возможность скоро возстановить нормальную хозяйственную жизнь страны. Позвольте въ заключеніе остановиться еще на одномъ чрезвычайно важномъ вопросѣ, забота о коемъ лежитъ на всѣхъ насъ и въ частности на финансовомъ вѣдомствѣ. Я говорю объ обезпеченіи семей запасныхъ, призванныхъ на войну. (*Рукоплесканія и голоса:* браво). Когда кормилецъ семьи идетъ на защиту родины, и правительство и общество должны принять всѣ мѣры, чтобы семьи ушедшихъ были обезпечены. (*Рукоплесканія и голоса:* браво). Въ дѣлѣ организаціи помощи огромное содѣйствіе могутъ оказать мѣстные органы самоуправленія. (*Рукоплесканія и голоса:* браво). На основаніи дѣйствующаго закона Правительство уже ассигновало необходимыя на первое время средства, но вы можете быть вполнѣ увѣрены, что Правительство и въ дальнѣйшемъ готово идти на самыя широкія затраты на эту неотложную надобность. (*Бурныя рукоплесканія и голоса:* браво).

Предсѣдатель. Объявляю перерывъ.

Перерывъ отъ 4 ч. 29 м. до 5 ч. 34 м. пополудни.

Предсѣдатель. Засѣданіе продолжается. Приглашаю Государственную Думу стоя выслушать Высочайшій манифестъ. (*Всѣ встаютъ*).

Божіею Милостію,

МЫ НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая,
и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Немного дней тому назадъ Манифестомъ Нашимъ оповѣстили Мы Русскій народъ о войнѣ, объявленной Намъ Германіей.

Нынѣ Австро-Венгрія, первая зачинщица міровой смуты, обнажившая посреди глубокаго мира мечъ противъ слабѣйшей Сербіи, сбросила съ себя личину и объявила войну не разъ спасавшей ее Россіи.

Силы непріятеля умножаются: противъ Россіи и всего славянства ополчились обѣ могущественныя нѣмецкія державы. Но съ удвоенною силою растетъ навстрѣчу имъ справедливый гнѣвъ мирныхъ народовъ и съ несокрушимой твердостью встаетъ предъ врагомъ вызванная на брань Россія, вѣрная славнымъ преданіямъ своего прошлаго.

Видитъ Господь, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли Мы оружіе, но, ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой Нашей Имперіи, боремся за правое дѣло. Въ предстоящей войнѣ народовъ Мы не одни: вмѣстѣ съ Нами встали доблестные союзники Наши, также вынужденные прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы устранить, наконецъ, вѣчную угрозу германскихъ державъ общему миру и спокойствію.

Да благословитъ Господь Вседержитель Наше и союзное Намъ оружіе и да поднимется вся Россія на ратный подвигъ съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ 26 день Іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„Николай“.

Да здравствуетъ Государь Императоръ! (*Долго несмолкаемые клики:* ура; *голоса:* гимнъ! *Члены Государственной Думы поютъ народный гимнъ*). На основаніи ст. 134 Наказа Государственной

Думѣ надлежитъ разрѣшить голосованіемъ безъ преній вопросъ о томъ, угодно ли въ настоящемъ засѣданіи приступить къ обсужденію разъясненій правительства или же отложить до другого засѣданія. Ставлю на голосованіе, угодно ли Государственной Думѣ приступить къ обсужденію разъясненій правительства въ настоящемъ засѣданіи? (*Баллотировка*). Принято. Переходимъ къ обсужденію. Членъ Государственной Думы Керенскій.

Керенскій (Саратовская губ.). Гг. Члены Государственной Думы. Трудовая группа поручила мнѣ огласить слѣдующее заявленіе: „Тяжкое испытаніе пало на родину и великая скорбь охватила всю страну!

Тысячи и тысячи молодыхъ жизней обречены на нечеловѣческое страданіе, нищета и голодъ идутъ разрушать благосостояніе сиротѣющихъ семей трудящихся массъ населенія.

Мы непоколебимо увѣрены, что великая стихія россійской демократіи вмѣстѣ со всѣми другими силами дадутъ рѣшительный отпоръ нападающему врагу (*рукоплесканія слѣва, въ центрѣ и справа*) и защитятъ свои родныя земли и культуру, созданныя потомъ и кровью поколѣній! Мы вѣримъ, что на поляхъ бранныхъ въ великихъ страданіяхъ укрѣпится братство всѣхъ народовъ Россіи (*рукоплесканія слѣва, въ центрѣ и справа*) и родится единая воля—освободить страну отъ страшныхъ внутреннихъ путъ!

Неискупима отвѣтственность правительствъ всѣхъ европейскихъ государствъ, во имя интересовъ правящихъ классовъ толкнувшихъ свои народы на братоубійственную войну. Соціалисты всѣхъ нынѣ воюющихъ странъ—Франціи, Англіи, Бельгіи и Германіи—пытались протестовать противъ разразившейся нынѣ войны. Мы же—русская демократія—не могли даже въ этотъ послѣдній страшный часъ во-время свободно возвысить свой голосъ противъ надвигавшейся войны. Но глубоко вѣруя въ единство всѣхъ трудящихся классовъ всѣхъ странъ, мы шлемъ свой братскій привѣтъ всѣмъ протестовавшимъ противъ подготовлявшейся братоубійственной бойни народовъ.

Русскіе граждане! Помните,—что нѣтъ враговъ у васъ среди трудящихся классовъ воюющихъ странъ. Защищая до конца все родное отъ попытокъ захвата со стороны враждебныхъ намъ правительствъ Германіи и Австріи, помните,—что не было бы этой страшной войны, если бы великіе идеалы демократіи—свобода, равенство и братство—руководили дѣятельностью правящей России и правительствъ всѣхъ странъ.

Между тѣмъ власть наша даже въ этотъ страшный часъ не хочетъ забыть внутренней распри: не даетъ она амнистіи боровшимся за свободу и счастье страны, не хочетъ примириться съ нерусскими народностями государствъ, все простившими и одушевленно борющимися вмѣстѣ съ нами за общую родину, и, вмѣсто того, чтобы облегчить положеніе трудящихся классовъ народа, именно на нихъ возлагаетъ главную тяжесть военныхъ издержекъ, усиливая бремя косвенныхъ налоговъ.

Крестьяне и рабочіе,—всѣ, кто хочетъ счастья и благополучія Россіи, въ великихъ испытаніяхъ закалите духъ вашъ, соберите всѣ ваши силы и, защитивъ страну, освободите ее.

А вамъ, нашимъ братьямъ, проливающимъ кровь за родину, низкій поклонъ и братскій привѣтъ". (*Рукоплесканія слѣва, въ центрѣ и на отдѣльныхъ мѣстахъ справа*).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Хаустовъ.

Хаустовъ. (Уфимская губ.). Гг. Члены Государственной Думы. Отъ имени соціалъ-демократической фракціи и россійской соціалъ-демократической рабочей фракціи я уполномоченъ заявить нижеслѣдующее: „Страшное, небывалое бѣдствіе обрушилось на народы всего міра. Милліоны рабочихъ оторваны отъ мирнаго труда, разорены и брошены въ кровавый водоворотъ; милліоны семей обречены на голодъ. Война началась. Когда европейскія правительства готовились къ войнѣ, европейскій пролетаріатъ, во главѣ съ германскимъ, выступилъ съ дружнымъ протестомъ противъ подготовляемой правящими кругами войны. Рядъ сложившихся обстоятельствъ помѣшалъ рабочимъ Россіи выступить открыто съ тѣмъ же протестомъ противъ войны. Но въ моменты грандіозныхъ демонстрацій европейскаго пролетаріата противъ войны сердца россійскихъ пролетаріевъ бились вмѣстѣ съ ихъ сердцами. Настоящая война, порожденная политикой захватовъ, является войной, отвѣтственность за которую несутъ правящіе круги всѣхъ воюющихъ теперь странъ. Пролетаріатъ, постоянный защитникъ свободы и интересовъ народа, во всякій моментъ будетъ защищать культурныя блага народа отъ всякихъ посягательствъ, откуда бы они ни исходили. (*Рукоплесканія*). Сознательный пролетаріатъ воюющихъ странъ не могъ помѣшать возникновенію войны и тому разгулу варварства, который онъ съ собой несетъ. Но мы глубоко убѣждены въ томъ, что въ международной солидарности всѣхъ трудящихся массъ всего міра пролетаріатъ найдетъ средства къ скорѣйшему прекращенію войны. И пусть условія мирнаго договора будутъ продиктованы не дипломатами,

а самимъ народомъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ мы высказываемъ глубокое убѣжденіе, что эта война окончательно раскроетъ глаза народнымъ массамъ Европы на дѣйствительный источникъ насилій и угнетеній, отъ которыхъ они страдаютъ, и что теперешняя вспышка варварства будетъ въ то же время и послѣдней вспышкой". (*Рукоплесканія на отдѣльныхъ мѣстахъ крайней лѣвой: шиканье справа*).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы бар. Фелькерзамъ.

Бар. Фелькерзамъ (Курляндская губ.). Гг. Члены Государственной Думы. Отъ имени моихъ ближайшихъ политическихъ друзей имѣю честь заявить, что искони вѣрноподданное нѣмецкое населеніе Прибалтійскаго края всегда готово встать на защиту престола и отечества, что мы не только будемъ голосовать за всѣ предложенные военные кредиты, но по примѣру нашихъ предковъ готовы жертвовать жизнью и имуществомъ за единство и величіе Россіи. (*Въ центрѣ, справа и слѣва бурныя рукоплесканія и голоса:* браво).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Яронскій.

Яронскій (Кѣлецкая губ.). Въ тотъ историческій моментъ, когда славянство и германскій міръ, руководимый вѣковымъ врагомъ нашимъ—Пруссіей, приходятъ къ роковому столкновенію, положеніе польскаго народа, лишеннаго своей самостоятельности и возможности проявленія своей свободной воли, является трагическимъ. Трагизмъ этотъ усугубляется не только тѣмъ, что нашъ край является театромъ войны, со всѣми ея ужасами, но что разорванный на три части польскій народъ увидитъ сыновъ своихъ во враждебныхъ другъ другу станахъ; но разъединенные территоріально, мы въ чувствахъ своихъ и симпатіяхъ къ славянамъ должны составлять единое. (*Въ центрѣ, справа и слѣва бурныя рукоплесканія и голоса:* браво). Это намъ подсказываетъ не только то правое дѣло, за которое вступилась Россія, но и политическій разумъ. Міровое значеніе переживаемаго времени должно отодвинуть на второй планъ всѣ внутренніе счеты. (*Въ центрѣ, справа и слѣва бурныя рукоплесканія и голоса:* браво). Дай Богъ, чтобы славянствомъ, подъ главенствомъ Россіи, былъ данъ тевтонамъ такой же отпоръ, какъ пять столѣтій тому назадъ Польшей и Литвой былъ имъ данъ при Грюнвальденѣ. (*Въ центрѣ, справа и слѣва бурныя рукоплесканія и голоса:* браво). Пусть пролитая наша кровь и ужасы братоубійственной для насъ войны приведутъ къ соединенію

разорваннаго на три части польскаго народа. (*Въ центрѣ, справа и слѣва бурныя рукоплесканія и голоса:* браво).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Гольдманъ.

Гольдманъ (Курляндская губ.). Гг. Члены Государственной Думы. Одинъ изъ первыхъ выстрѣловъ непріятеля прогремѣлъ въ томъ краѣ, представителемъ котораго я являюсь. Это было у г. Либавы, Курляндской губ. Но повелитель Германіи глубоко ошибался, если онъ ожидалъ, что эти выстрѣлы найдутъ отзвукъ въ мѣстномъ населеніи въ какихъ-нибудь враждебныхъ выступленіяхъ противъ Россіи. Наоборотъ, отъ населенія Прибалтійскаго края, гдѣ подавляющее большинство латыши и эстонцы, въ отвѣтъ на этотъ выстрѣлъ столь же громко прогремѣло „да здравствуетъ Россія!“. (*Слѣва, въ центрѣ и справа бурныя рукоплесканія и голоса:* браво). И такъ это будетъ и дальше, даже при самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ. Среди латышей и эстонцевъ нѣтъ ни одного человѣка, который бы не сознавалъ, что все то, что ими достигнуто, это достигнуто только подъ защитою русскаго орла (*рукоплесканія*), и что все то, что латыши должны еще достигнуть, возможно только тогда, когда Прибалтійскій край и въ будущемъ будетъ какъ нераздѣльная часть великой Россіи. (*Слѣва, въ центрѣ и справа бурныя рукоплесканія*). Поэтому вы можете видѣть теперь у насъ такой подъемъ духа, такой энтузіазмъ стать на защиту своего дорогого отечества, что для нарисованія правильной картины объ этомъ — самыя яркія краски были бы совершенно блѣдны. Эти великіе дни доказываютъ, что ни національность, ни языкъ, ни вѣроисповѣданіе не мѣшаютъ намъ, латышамъ и эстонцамъ, быть горячими патріотами Россіи и стать на защиту своего отечества, стать плечомъ къ плечу съ великимъ русскимъ народомъ противъ дерзкаго врага. Въ море крови, въ которомъ захотѣлъ купаться сидящій въ Берлинѣ тираннъ Европы (*рукоплесканія и голоса:* вѣрно), въ это море вольютъ латыши и эстонцы свою послѣднюю каплю крови, чтобы этотъ постоянно угрожающій міру человѣкъ, нашептывающій всегда злѣйшіе совѣты своимъ сосѣдямъ (*голоса:* правильно), чтобы этотъ человѣкъ не только купался въ этомъ морѣ, но и утонулъ бы тамъ (*рукоплесканія*). Въ эти великіе дни мы докажемъ, что мы способны не только на патріотическіе порывы, но и на сдержанность относительно внутренняго порядка, какъ необходимаго залога успѣха оружія на полѣ битвы (*голоса:* вѣрно, правильно). У насъ много счетовъ съ нашими прибалтійскими нѣмцами, но мы не будемъ теперь съ ними считаться. Когда пройдутъ грозные, тяжелые дни

отечества, тогда мы предоставимъ это вашему разсмотрѣнію, гг. народные представители, и я глубоко убѣжденъ, что при новомъ свѣтѣ солнца мира уже не будетъ многихъ такихъ предразсудковъ, которые до сихъ поръ, можетъ быть, у одного-другого могли быть. Поэтому въ настоящее время для насъ, латышей и эстонцевъ, выше всего одна цѣль: отбить натискъ общаго врага. Для достиженія этой цѣли я въ настоящую историческую минуту торжественно заявляю съ этой трибуны отъ имени латышскаго и, по порученію эстонскихъ депутатовъ, эстонскаго народа, что мы, латыши и эстонцы, въ настоящей святой и справедливой борьбѣ пойдемъ съ русскимъ народомъ до конца. Не только наши сыновья, братья и отцы будутъ героически сражаться въ рядахъ арміи, но непріятель найдетъ и дома у насъ въ каждой хижинѣ, на каждомъ шагу, отъ мала до велика, своего злѣйшаго врага, которому, да, онъ можетъ отнять голову, но отъ котораго, даже умирающаго, онъ услышитъ только одно: да здравствуетъ Россія! (*Слѣва, въ центрѣ и справа бурныя и продолжительныя рукоплесканія*).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Ичасъ.

Ичасъ (Ковенская губ.). Гг. народные представители, въ этотъ историческій моментъ по порученію своихъ товарищей, сидящихъ здѣсь, въ Думѣ, безъ различія партій, и отъ своего имени, отъ имени литовцевъ, я имѣю возможность заявить, что судьбы нашего народа всегда были связаны съ судьбами славянства. Еще тогда, когда наше славное литовское государство существовало, былъ данъ отпоръ тевтонскому натиску и подъ знаменемъ нашего славнаго великаго князя Витовта литовцами и славянами былъ сокрушенъ Тевтонскій орденъ, который едва только теперь поднимаетъ свою голову; и литовскій народъ, на землю котораго упали первые выстрѣлы, который въ первыхъ рядахъ вынужденъ сражаться, идетъ на эту войну, какъ на священную; онъ забываетъ всѣ свои обиды, надѣясь увидѣть Россію свободной и счастливой послѣ этой войны, и надѣется, что литовцы, раскроенные надвое, послѣ сокрушенія нѣмецкой силы будутъ соединены подъ однимъ русскимъ знаменемъ. (*Слѣва, въ центрѣ и справа бурныя рукоплесканія и голоса*: браво).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Фридманъ.

Фридманъ (Ковенская губ.). Гг. Члены Государственной Думы, на меня выпала высокая честь выразить тѣ чувства, которыя въ настоящій историческій моментъ воодушевляютъ еврейскій народъ. Въ великомъ порывѣ, поднявшемъ всѣ племена и народы Россіи, евреи выступаютъ на поле брани плечомъ къ

плечу со всѣми народами ея. Въ исключительно тяжелыхъ правовыхъ условіяхъ жили и живемъ мы, евреи, и тѣмъ не менѣе мы всегда чувствовали себя гражданами Россіи и всегда были вѣрными сынами своего отечества, и никакія силы не отторгнутъ насъ отъ нашей родины Россіи, отъ земли, съ которой мы связаны вѣковыми узами въ Россіи; и въ защиту нашей родины отъ иноземнаго нашествія мы выступаемъ не только по чувству совѣсти, но и по чувству глубокой привязанности. Въ настоящій часъ испытанія, слѣдуя раздавшемуся съ высоты Престола призыву, мы, русскіе евреи, какъ одинъ человѣкъ, станемъ подъ русскими знаменами и положимъ всѣ свои силы на отраженіе врага. (*Слѣва, въ центрѣ и справа бурныя рукоплесканія и голоса:* браво). Еврейскій народъ исполнитъ свой долгъ до конца. (*Бурныя рукоплесканія слѣва, въ центрѣ и справа; голоса:* браво).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Милюковъ.

Милюковъ (г. С.-Петербургъ). Гг. Члены Государственной Думы. Фракція народной свободы неоднократно говорила въ Государственной Думѣ о тѣхъ вопросахъ, которые здѣсь были затронуты двумя первыми ораторами, говорившими съ этой каѳедры. Ея мнѣніе по этимъ вопросамъ всѣмъ хорошо извѣстно, и, конечно, никакія внѣшнія обстоятельства не могутъ измѣнить этихъ мнѣній; когда настанетъ время, фракція вновь заговоритъ о нихъ и вновь будетъ указывать на единственный возможный путь къ внутреннему обновленію Россіи. Она надѣется, что, пройдя черезъ тяжкія испытанія, намъ предстоящія, страна станетъ ближе къ своей завѣтной цѣли. Но въ эту минуту всѣхъ насъ слишкомъ глубоко захватили другіе вопросы, и иная задача, грозная и величественная, стоитъ предъ нами и повелительно требуетъ немедленнаго разрѣшенія. Намъ нужно сосредоточить всѣ свои силы на защитѣ государства отъ внѣшняго врага, вознамѣрившагося столкнуть насъ съ своего пути къ міровому господству. Наше дѣло—правое дѣло: мы ведемъ борьбу за освобожденіе нашей родины отъ иноземнаго нашествія, Европы и славянства отъ германскаго преобладанія (*голоса слѣва:* браво), всего міра отъ невыносимаго гнета постоянно растущихъ вооруженій, разоряющихъ мирныхъ тружениковъ (*голоса слѣва:* браво) и вызывающихъ все новыя и новыя вооруженныя столкновенія. Въ этой борьбѣ мы всѣ заодно, мы не ставимъ условій и требованій, мы просто кладемъ на вѣсы борьбы нашу твердую волю одолѣть насильника. (*Слѣва, въ центрѣ и справа рукоплесканія и голоса:* браво). Вотъ почему центральный комитетъ

нашей партіи, руководимый этими соображеніями, обратился къ своимъ единомышленникамъ съ воззваніемъ, къ которому фракція всецѣло присоединяется и которое мы считаемъ своимъ долгомъ огласить съ этой высокой каѳедры: „Въ тяжелую минуту, когда внѣшній врагъ стоитъ у воротъ, когда наши братья вышли ему навстрѣчу и готова пролиться родная кровь за спасеніе родины; когда тѣ, кто остались, въ силу вещей призваны къ великимъ жертвамъ духовнымъ и матеріальнымъ, руководители партіи народной свободы высказываютъ твердую увѣренность, что ихъ политическіе друзья и единомышленники, гдѣ бы они ни были и въ какомъ бы положеніи ни застала ихъ война, до конца исполнятъ свой долгъ россійскихъ гражданъ въ предстоящей борьбѣ. Каково бы ни было наше отношеніе къ внутренней политикѣ правительства, нашъ первый долгъ—сохранить нашу страну единой и нераздѣльной (*бурныя рукоплесканія въ центрѣ, справа и слѣва*) и удержать за ней то положеніе въ ряду міровыхъ державъ, которое оспаривается у насъ врагами. Отложимъ же внутренніе споры, не дадимъ врагу ни малѣйшаго повода надѣяться на раздѣляющія насъ разногласія (*бурныя рукоплесканія въ центрѣ, справа и слѣва*) и будемъ твердо помнить, что теперь—первая и единственная задача наша поддержать борцовъ вѣрой въ правоту нашего дѣла, съ спокойною бодростью и надеждою на успѣхъ нашего оружія. Пусть моральная поддержка всей страны дастъ нашей арміи всю ту дѣйственную силу, на которую она способна, и пусть наши защитники не обращаются съ тревогой назадъ, а смѣло идутъ впередъ, навстрѣчу побѣдѣ и лучшему будущему“. (*Бурныя рукоплесканія слѣва, въ центрѣ и справа*).

Люцъ (Херсонская губ.). Германскіе круги въ своемъ стремленіи Drang nach Osten, очевидно, имѣли предположеніе видѣть форпосты въ лицѣ нѣмцевъ русско-подданныхъ, населяющихъ всю Россію. Наступилъ, гг. Члены Государственной Думы, часъ, когда нѣмцы, населяющіе Россію, вѣрноподданные Его Величества сумѣютъ защитить достоинство и честь великаго государства и снять то оскорбленіе, которое могло быть нанесено однимъ предположеніемъ, что русско-подданные нѣмцы могутъ измѣнить своему отечеству, честь и достоинство котораго они никогда не забудутъ и никогда его не забывали. Я знаю, гг., настроеніе нѣмцевъ, населяющихъ Россію. Они мнѣ не поручали выразить этого чувства, но я знаю, что они всегда считали своей матерью и своей родиной великую Россію и за достоинство и за честь этого великаго государства они всѣ,

какъ одинъ,—не подлежитъ никакому сомнѣнію,—сложатъ свои головы. Ближайшее будущее, гг. Члены Государственной Думы, покажетъ, какъ они, по зову Монарха на поле брани, на защиту народовъ Россіи, сумѣютъ постоять за то довѣріе, которое имъ было оказано раньше. (*Голоса*: браво; *бурныя рукоплесканія въ центрѣ, справа и слѣва*).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Балашевъ.

Балашевъ (Подольская губ.). Гг. Члены Государственной Думы. На часахъ исторіи пробила великая минута, и въ это тяжелое, въ это славное время Россія призвана исправить нѣкоторыя свои историческія ошибки, ошибки XVIII столѣтія, ошибки 1845, 1848 и 1870 гг. Всюду по всей необъятной шири поднялась та волна, тотъ порывъ духовный, та непреоборимая психическая сила, которая является вѣрнымъ залогомъ окончательнаго торжества праваго и справедливаго дѣла. Поклянемтесь же всѣ, всѣми силами, забывши все, кромѣ великой цѣли, которою мы задались, что мы будемъ бороться до той минуты, пока эта вѣчная угроза правдѣ, справедливости и миру, этотъ воинственный натискъ воинственнаго германизма не будетъ сначала сломленъ, а затѣмъ окончательно уничтоженъ. (*Бурныя рукоплесканія справа, въ центрѣ и слѣва*). Въ полномъ беззавѣтномъ единеніи съ нашимъ Самодержцемъ пройдемъ сквозь строй всѣхъ испытаній, какія бы они ниб ыли, и достигнемъ великой святой цѣли. (*Бурныя рукоплесканія справа, въ центрѣ и на отдѣльныхъ мѣстахъ слѣва*).

Предсѣдатель. Членъ Государственный Думы гр. Мусинъ-Пушкинъ.

Гр. Мусинъ-Пушкинъ. (Московская губ.). Гг. Члены Государственной Думы! Избранники Земли Русской! Братья! Бываютъ минуты въ жизни государства, когда всѣ мысли, все чувство, весь порывъ народный долженъ выразиться въ одномъ кличѣ. И пусть будетъ этотъ кличъ: Богъ, Царь, народъ! И нашъ пароль: Побѣда! (*Бурныя рукоплесканія въ центрѣ, справа и слѣва).*

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Марковъ 2-ой.

Марковъ 2-ой (Курская губ.). Гг. Члены Государственной Думы. Мы только-что съ упоеніемъ выслушали голоса, патріотическіе голоса народностей, населяющихъ Россію; мы не слышали только представителей одного народа, это именно русскаго народа, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо когда война въ Россіи, то, конечно, объяснять свое поведеніе русскому народу не приходится, и не для этого вышелъ я,

чтобы быть представителемъ русскаго народа,—всѣ вы являетесь его представителями. (*Голоса:* браво). Я вышелъ для того, чтобы разсказать вамъ, какъ въ одномъ изъ городовъ Россіи, въ Курскѣ, часть русскаго народа провожала свою армію, ту часть арміи, которая находится въ Курскѣ. Было болѣе 20.000 людей, среди которыхъ, я думаю, не было ни одного, который не отправилъ бы въ армію или брата, или сына, или мужа; было много женщинъ; они шли проводить полки, идущіе на войну, они шли проводить тѣхъ своихъ родныхъ по духу и по крови, которые, быть можетъ, никогда не вернутся и сложатъ свои головы на защиту дорого отечества. Я былъ среди нихъ нѣсколько часовъ: народъ благословлялъ войска иконами, и я не слышалъ ни одного слова, ни одного упрека по поводу того: зачѣмъ война. Весь народъ, какъ одинъ, и я оттѣняю, среди нихъ было много фабричныхъ, слесарей желѣзной дороги, всѣхъ тѣхъ, кого именуютъ пролетаріатомъ, и ни одинъ голосъ не возвышался противъ войны, ни одинъ голосъ не упрекалъ никого: зачѣмъ война; всѣ говорили только объ одномъ, всѣ думали только объ одномъ: Господи, пусть будетъ побѣда. Только о побѣдѣ думаетъ русскій народъ на всемъ пространствѣ великой матушки-Россіи, это единственная мысль, которая занимаетъ въ это время, и никакія мысли, никакіе торги, никакія условія не ставятся народомъ своей великой арміи и своему могущественному флоту. Весь народъ ждетъ и молится о побѣдѣ, молится о дарованіи побѣды православному русскому воинству и только. Вотъ, гг., въ виду этого, если мы — представители русскаго народа въ его полной совокупности, то, мнѣ кажется, что мы исполнимъ крикъ нашей души, мы исполнимъ свой святой долгъ, если мы обратимся къ высшимъ представителямъ нашей доблестной русской арміи, нашего доблестнаго русскаго флота—къ Военному и Морскому Министрамъ и попросимъ ихъ передать войскамъ и флоту тѣ чувства, которыя мы всѣ здѣсь раздѣляемъ. Я, гг., здѣсь провозглашаю ура нашему великому войску и ура нашему флоту! (*Справа, въ центрѣ и слѣва рукоплесканія. Члены Государственной Думы стоя привѣтствуютъ продолжительными и бурными рукоплесканіями Военнаго Министра Сухомлинова и Морского Министра Григоровича; клики:* ура).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Годневъ.

Годневъ (Казанская губ.). Гг. Члены Государственной Думы. Для васъ не можетъ быть страннымъ, что я выступаю въ данномъ случаѣ не какъ русскій, а какъ представитель инород-

цевъ Казанской губ., отъ которой нѣтъ ни одного представителя. Казанское царство, какъ вы знаете, преимущественно магометанское, и татары не имѣютъ своего представителя, — слѣдовательно, не могутъ вамъ выразить своихъ чувствъ. Позвольте мнѣ, какъ представителю и избраннику ихъ, а равнымъ образомъ избраннику чувашскаго населенія и черемисскаго населенія Казанской губ., заявить, что, живя съ ними десятки лѣтъ, я могу передать ихъ чувства: они, какъ одинъ человѣкъ, будутъ бороться, какъ и мы, русскіе, противъ того нашествія, которое въ настоящее время сдѣлано на нашу Россію. Поэтому примите черезъ меня отъ нихъ завѣренія, что они всецѣло желаютъ полнѣйшей побѣды русскому оружію и сложатъ свои головы, какъ русскіе, за Россію. (*Бурныя рукоплесканія въ центрѣ, справа и слѣва*).

Предсѣдатель. Членъ Государственной Думы Протопоповъ.

Протопоповъ (Симбирская губ.). Въ настоящій часъ, часъ великихъ, тяжелыхъ испытаній народныхъ, часъ, въ который вся Россія безъ различія классовъ и состояній сплотилась и объединилась вокругъ единой мысли, вокругъ единаго святого завѣта—защиты родной земли, слова казались бы излишни. Весь міръ свидѣтель нашего единенія, — единенія, которое съ Божьей помощью приведетъ насъ къ побѣдѣ. Политическіе друзья мои послали меня сюда на эту каѳедру въ этотъ историческій моментъ не для того, чтобы сказать, выразить свое мнѣніе, свои чувства,—они извѣстны и внѣ сомнѣній,—они послали меня для того. чтобы сказать и выразить твердое убѣжденіе, нашу непоколебимую вѣру, что предъ лицомъ грознаго нашествія дѣяніями мы всѣ будемъ вмѣстѣ, мы всѣ одинаково готовы пожертвовать достояніемъ своимъ, жизнью близкихъ намъ людей, своею жизнью и безмѣрно и безпредѣльно бороться противъ попытки врага, старающагося сломить силы и свободу великой родины нашей. Мы вѣримъ, что на неправо поднявшаго мечъ—Господь и что Россія теперь въ этой исторической борьбѣ, какъ и въ прежніе годы тяжкихъ испытаній, сплотившись вокругъ своего Царя, выйдетъ изъ этой борьбы единой, нераздѣльной, нравственно выросшей, обновленной и окрѣпшей. (*Бурныя рукоплесканія въ центрѣ, справа и слѣва*).

Предсѣдатель. Списокъ ораторовъ исчерпанъ. Объявляю пренія законченными. Внесена формула перехода къ очереднымъ дѣламъ, которую я буду сейчасъ имѣть честь огласить: „Выслушавъ объясненія правительства и съ чувствомъ удовлетворенія убѣдившись, что были исчерпаны всѣ средства для

сохраненія мира, отвѣчающія достоинству Россіи, какъ великой державы, Государственная Дума выражаетъ непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что въ тяжелый часъ испытанія предъ надвигающейся военной грозой всѣ народы Россіи, объединенные единымъ чувствомъ любви къ родинѣ, твердо вѣруя въ правоту своего дѣла, по призыву своего Государя готовы стать на защиту родины, ея чести и достоянія. Въ сознаніи этого Государственная Дума черпаетъ спокойную увѣренность въ несокрушимой силѣ и славномъ будущемъ Россіи. Переходя къ очереднымъ дѣламъ и выражая полную готовность содѣйствовать дѣлу обороны страны и обезпеченія семей запасныхъ, Государственная Дума посылаетъ свой братскій привѣтъ доблестнымъ защитникамъ родины, самоотверженно приступившимъ къ выполненію геройскаго своего долга". Формулу эту ставлю на голосованіе. (*Баллотировка*). Принято единогласно. (*Справа, въ центрѣ и слѣва рукоплесканія и голоса:* гимнъ! *Члены Государственной Думы поютъ народный гимнъ*). Внесено за надлежащимъ количествомъ подписей предложеніе разсмотрѣть стоящіе на повѣсткѣ законопроекты, не передавая ихъ въ комиссію, въ настоящемъ же засѣданіи и въ порядкѣ спѣшности (*голоса:* просимъ). Ставлю это предложеніе на голосованіе. (*Баллотировка*). Принято единогласно. Переходимъ къ обсужденію перваго законопроекта—о мѣрахъ по денежному обращенію въ виду военнаго времени. Желающихъ говорить нѣтъ? Угодно признать законопроектъ спѣшнымъ? (*Баллотировка*). Принято. (*Законопроектъ принимается въ трехъ обсужденіяхъ безъ преній*). Членъ Государственной Думы Шидловскій 1.

Шидловскій 1 (Воронежская губ.). Гг. Члены Государственной Думы. Какъ вамъ извѣстно, въ 1912 г. былъ изданъ законъ объ обезпеченіи семей запасныхъ. Позвольте нынѣ предложить вамъ принять въ видѣ формулы перехода слѣдующее пожеланіе: „Государственная Дума выражаетъ пожеланіе, чтобы въ дополненіе предусмотрѣнныхъ закономъ 25 іюня 1912 г. мѣръ были привлечены къ дѣлу обезпеченія семей запасныхъ земскія и городскія учрежденія и общественныя силы въ тѣсномъ единеніи съ административными органами". (*Въ центрѣ, справа и слѣва рукоплесканія и голоса:* браво).

Предсѣдатель. Формулу перехода за неимѣніемъ желающихъ говорить ставлю на голосованіе. (*Баллотировка*). Принято. Переходимъ къ разсмотрѣнію законопроекта о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ усиленію рессурсовъ казны на веденіе военныхъ дѣйствій. Желающихъ говорить нѣтъ? Угодно признать законо-

проектъ спѣшнымъ? (*Баллотировка*). Принято. (*Законопроектъ принимается въ трехъ обсужденіяхъ безъ преній*). Оба законопроекта будутъ переданы въ Государственный Совѣтъ. Приглашаю Государственную Думу стоя выслушать Высочайшій указъ. (*Всѣ встаютъ*).

„Указъ Правительствующему Сенату.

На основаніи статьи 99 Основныхъ Государственныхъ Законовъ, Повелѣваемъ: занятія Государственной Думы прервать съ 26 іюля сего года и назначить срокъ ихъ возобновленія не позднѣе 1 февраля 1915 г., въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„Николай".

Въ Петергофѣ.
24 іюля 1914 г.

Государю Императору ура! (*Долго несмолкаемые клики*: ура; *голоса*: гимнъ! *Члены Государственной Думы поютъ народный гимнъ*).

Объявляю засѣданіе Государственной Думы закрытымъ.

Засѣданіе закрывается въ 6 ч. 25 м. вечера.

Приложенія.

Одобренные Государственною Думою въ засѣданіи 26 іюля 1914 г. проекты законовъ.

I. О нѣкоторыхъ мѣрахъ къ усиленію средствъ казны въ виду обстоятельствъ военнаго времени.

1. Предоставить Совѣту Министровъ произвести сокращеніе отпущенныхъ по государственнымъ росписямъ расходовъ на 1914 и предыдущіе годы кредитовъ, не исключая и такихъ, которые разрѣшены законами и штатными расписаніями, а также не производить расходовъ, разрѣшенныхъ въ установленномъ порядкѣ на счетъ источниковъ, не предусмотрѣнныхъ росписями, если состоявшіеся о нихъ законы еще не приведены въ исполненіе, съ тѣмъ, чтобы списки всѣхъ сдѣланныхъ сокращеній были представлены Государственному Совѣту и Государственной Думѣ по открытіи ближайшей сессіи.

II. Предоставить Совѣту Министровъ образовавшіяся отъ исполненія государственныхъ росписей на 1914 и предыдущіе годы сбереженія обратить на потребности военнаго времени.

III. Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній предоставить Совѣту Министровъ:

1) устанавливать во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введена казенная продажа питей, цѣны на вино въ размѣрахъ, не превышающихъ слѣдующихъ высшихъ предѣльныхъ цѣнъ: а) для очищеннаго вина крѣпостью въ 40°—въ *двѣнадцать* рублей *восемьдесятъ* копѣекъ за ведро; б) для ректификованнаго спирта—въ *тридцать двѣ* копѣйки за градусъ, и в) для вина высшей очистки (столоваго) и водочныхъ издѣлій—въ *шестнадцать* рублей *восемьдесятъ копѣекъ* за ведро;

2) акцизъ съ вина и спирта, выкуриваемаго изъ всякаго рода припасовъ, кромѣ выкуриваемаго на фруктово-и виноградо-водочныхъ заводахъ изъ виноградныхъ матеріаловъ и сырыхъ фруктовъ и ягодъ всякаго рода, взимать въ размѣрѣ не свыше *двадцати* копѣекъ съ градуса (1/100 ведра) по металлическому спиртомѣру или не свыше *двадцати* рублей съ ведра безводнаго спирта;

3) акцизъ съ выкуриваемаго на фруктово-и виноградоводочныхъ заводахъ спирта изъ виноградныхъ матеріаловъ и сырыхъ фруктовъ и ягодъ всякаго рода взимать въ размѣрѣ не свыше *четырнадцати* копѣекъ съ градуса (1/100 ведра) по металлическому спиртомѣру или не свыше *четырнадцати* рублей съ ведра безводнаго спирта;

4) акцизъ съ пивоваренія взимать въ размѣрѣ не свыше *трехъ* рублей съ пуда поступающаго въ заторъ солода;

5) съ пивоваренныхъ заводовъ, производящихъ затираніе солода съ примѣненіемъ ручного способа или тяги животныхъ и перерабатывающихъ въ теченіе отчетнаго года не болѣе двухъ тысячъ пудовъ солода, взимать акцизъ въ размѣрѣ не свыше *двухъ* рублей *тридцати* копѣекъ съ пуда учтеннаго солода;

6) съ выпускаемыхъ съ табачныхъ фабрикъ издѣлій, кромѣ облагаемыхъ пониженнымъ бандеролемъ, взимать, независимо отъ акциза, уплачиваемаго за бандероли, дополнительный акцизъ въ размѣрѣ не свыше *восьми* рублей съ пуда или не свыше *двадцати* копѣекъ съ фунта заключающагося въ этихъ издѣліяхъ табака, и

7) акцизъ съ табака-махорки взимать въ размѣрѣ не свыше *двѣнадцати* копѣекъ съ фунта.

IV. Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній предоставить Министру Финансовъ:

1) въ соотвѣтствіи съ введеніемъ дополнительнаго акциза съ табачныхъ издѣлій и повышеніемъ акциза съ табака-махорки (отд. III п. 6 и 7), поднять указанныя въ приложеніи къ статьѣ 912 (по Прод. 1912 г.) Уставовъ объ Акцизныхъ Сборахъ (Св. Зак., т. V) предѣльныя продажныя цѣны этихъ издѣлій, и

2) опредѣлить сроки, съ которыхъ должны быть введены въ дѣйствіе предусмотрѣнныя въ предыдущемъ (III) отдѣлѣ мѣропріятія, а равно порядокъ и условія ихъ осуществленія, съ тѣмъ, чтобы распоряженія по сему предмету могли быть обращены къ исполненію по телеграфу.

II. О нѣкоторыхъ мѣрахъ финансоваго характера въ виду обстоятельствъ военнаго времени.

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній временно, впредь до минованія чрезвычайныхъ обстоятельствъ, постановить:

1. Размѣнъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ на золотую монету пріостанавливается.

2. Сверхъ разрѣшенной къ выпуску суммы государственныхъ кредитныхъ билетовъ (Св. Зак., т. XI, ч. 2, Уст. Кред., изд. 1903 г., разд. III, ст. 1), государственному банку предоставляется выпускать кредитные билеты на сумму не свыше *одного милліарда двухсотъ милліоновъ* рублей.

3. Государственному банку предоставляется учитывать краткосрочныя обязательства государственнаго казначейства въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ потребностямъ военнаго времени.

Привѣтственныя телеграммы, посланныя по постановленію Государственной Думы.

I.

Предсѣдателю Сербской Народной Скупщины.

Государственная Дума, выслушавъ при восторженныхъ кликахъ телеграмму Сербской Народной Скупщины, единогласно поручила мнѣ передать Скупщинѣ ея сердечную благодарность за братскій привѣтъ. Въ настоящую минуту, когда всѣ славянскія сердца слились въ одномъ порывѣ возмущенія

противъ нарушителей европейскаго мира, весь Русскій народъ съ глубокимъ восхищеніемъ слѣдитъ за геройскими подвигами сербской арміи, мужественно принявшей на себя первый ударъ врага и блестяще отразившей всѣ его нападенія. Государственная Дума твердо вѣритъ, что соединенными усиліями державъ, ставшихъ на сторону праваго дѣла, общій врагъ будетъ сломленъ и Европѣ и славянству надолго будетъ обезпечено культурное развитіе.

Да здравствуетъ Король Петръ, Королевичъ Александръ! Да здравствуетъ доблестная сербская армія! Да здравствуетъ Народная Скупщина и мужественный, стойкій, братскій Сербскій народъ!

Предсѣдатель Государственной Думы

(подписалъ) *Михаилъ Родзянко.*

II.

Предсѣдателю Черногорской Народной Скупщины.

Государственная Дума шлетъ Черногорской Народной Скупщинѣ сердечную благодарность за горячій братскій привѣтъ. Рѣшеніе выступить противъ исконнаго врага славянства, обрушившагося на Сербскій народъ, встрѣчено единодушными кликами восторга въ засѣданіи Государственной Думы, которая шлетъ пламенный привѣтъ геройской арміи и всему мужественному братскому Черногорскому народу. Въ начавшейся борьбѣ Русскій народъ не отступится ни передъ какими жертвами и доведетъ ее до славнаго конца.

Да здравствуетъ Его Величество Король Николай! Да здравствуетъ Народная Скупщина и весь доблестный Черногорскій народъ!

Предсѣдатель Государственной Думы

(подписалъ) *Михаилъ Родзянко.*

III.

Предсѣдателю Французской Палаты Депутатовъ.

Пробилъ часъ великаго испытанія для обѣихъ дружественныхъ и союзныхъ націй. Всѣ русскія сердца бьются въ унисонъ съ сердцами Французскаго народа, всѣ помыслы обращены къ усиліямъ доблестныхъ армій, которыя въ теченіе четверти столѣтія братались въ мирѣ и теперь призваны на поляхъ

битвъ освятить тѣсныя узы дружбы и любви, соединяющія обѣ великія націи. Государственная Дума, созванная на чрезвычайную сессію, поручила мнѣ передать Палатѣ Депутатовъ ея горячій братскій привѣтъ. Выразительница чувствъ всего Русскаго народа, Государственная Дума твердо увѣрена, что подвиги обѣихъ армій, поддержанныхъ могучей помощью Англіи, сломятъ усилія нарушителей европейскаго мира и вернутъ Европу на мирный путь культуры и прогресса.

Да здравствуетъ наша вѣрная союзница благородная Франція! Да здравствуетъ ея храбрая армія и доблестный флотъ!

Предсѣдатель Государственной Думы

(подписалъ) *Михаилъ Родзянко.*

IV.

Спикеру Англійской Палаты Общинъ.

Государственная Дума, созванная на чрезвычайную сессію, въ виду исключительныхъ событій, переживаемыхъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, проситъ Палату Общинъ Великобританіи во имя тѣсной дружбы, соединяющей наши великія націи, принять ея искренній горячій привѣтъ. Вся Россія съ восторгомъ встрѣтила рѣшеніе Англійскаго народа оказать свою могучую поддержку дружественнымъ націямъ въ развертывающейся нынѣ исторической борьбѣ. Богъ да благословитъ оружіе дружественныхъ націй тройственнаго согласія, мужественно сражающихся за правое дѣло.

Да здравствуетъ Его Величество Король Георгъ и его доблестные флотъ и армія! Да здравствуетъ Англійскій Парламентъ! Да здравствуетъ Великобританія!

Предсѣдатель Государственной Думы

(подписалъ) *Михаилъ Родзянко.*

V.

Предсѣдателю Бельгійской Палаты Депутатовъ.

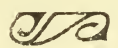
Государственная Дума выразила свой восторгъ геройскимъ подвигамъ славной Бельгійской арміи въ ея борьбѣ съ германскими войсками и поручила мнѣ передать Бельгійскому парламенту, что весь Русскій народъ горитъ желаніемъ покарать дерзкаго врага, осмѣлившагося нарушить европейскій миръ и напасть на нейтральную Бельгію. Въ эту торжественную ми-

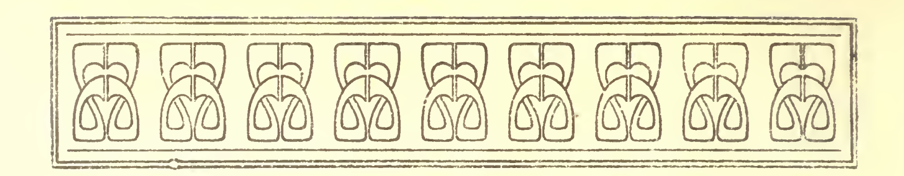
нуту Государственная Дума шлетъ горячій привѣтъ Бельгійскому парламенту и проситъ вѣрить, что всѣ народы, населяющіе великую Россію, объединены съ Бельгійскимъ народомъ одною мыслію, однимъ горячимъ желаніемъ скорѣйшей побѣды надъ врагомъ, нарушившимъ право и справедливость!

Да здравствуетъ Его Величество Король Альбертъ! Да здравствуетъ Палата Депутатовъ! Да здравствуетъ мужественный Бельгійскій народъ и его славная армія!

Предсѣдатель Государственной Думы

(подписалъ) *Михаилъ Родзянко.*





Донесенія датскаго посланника Гакстгаузена о царствованіи Петра III и переворотѣ 1762 года[1]).

Переводъ съ французскаго оригинала Н. А. Бѣловой.

Петербургъ, $\frac{\text{24 декабря 1761 г.}}{\text{4 января 1762 г.}}$
въ 6 час. вечера.

Ваше превосходительство, уже десять дней, какъ Великая Княгиня, будучи слишкомъ озабочена мыслью о предстоящемъ событіи, ничего не отправляла въ Варшаву. Обращаю вниманіе вашего превосходительства на то, что я не порывалъ съ нею сношеній, что меня въ данное время очень радуетъ [2]).

Спѣшу отправить эстафету, такъ какъ это единственный способъ, которымъ я могу сейчасъ воспользоваться для того, чтобы переслать свое письмо: я не могъ достать у канцлера, къ которому нѣтъ теперь доступа, проходного свидѣтельства для курьера, къ тому же курьеръ былъ бы задержанъ на первой же остановкѣ. Я даже не увѣренъ, будетъ ли отправлена и эстафета, но все же я хочу попытаться использовать этотъ способъ; завтра я напишу вашему превосходительству съ очередной почтой. Такъ какъ я адресую свое письмо шведскому пограничному комиссару почтъ и такъ какъ я въ хорошихъ отношеніяхъ съ мѣстнымъ комиссаромъ, то я надѣюсь. что эстафета съ моимъ письмомъ будетъ отправлена.

[1]) См. „Русск. Стар.", октябрь 1914 г.

[2]) Переписка Екатерины съ Понятовскимъ. О ней имѣли свѣдѣнія Мерси и Кастера, но ни тотъ, ни другой не знали, через какія руки она проходила. Одинъ только Гельбигъ указывалъ на посредничество Остена въ этомъ дѣлѣ. До назначенія Остена посланникомъ въ Варшавѣ переписка эта шла черезъ датскаго резидента въ Польшѣ, Кура.

Если Императрица умретъ, я буду въ большомъ затрудненіи, не зная, какимъ образомъ сообщить вашему превосходительству эту новость, такъ какъ всѣ пути будутъ отрѣзаны: почта не будетъ дѣйствовать, курьеры и эстафеты не будутъ пропускаться, и такъ продолжится до тѣхъ поръ, пока не совершится переворотъ и не возстановится спокойствіе. Но тѣмъ не менѣе вы, ваше превосходительство, можете быть увѣрены, что я использую всѣ доступные и безопасные пути и способы.

Тѣмъ временемъ, я убѣдительно прошу ваше превосходительство дать мнѣ новыя указанія относительно того, какъ долженъ я дѣйствовать въ это критическое для насъ время.

Не смѣю ничего здѣсь больше прибавить, несмотря на то, что я многое имѣлъ бы сказать вашему превосходительству.

Молю Бога, чтобы завтра я имѣлъ возможность сообщить лучшія вѣсти, чѣмъ тѣ, которыя имѣются сегодня: передавать такія печальныя извѣстія доставляетъ мнѣ невыразимую душевную скорбь. Вы легко можете себѣ представить, ваше превосходительство, мое горе и то тягостное и крайне непріятное положеніе, въ которомъ я нахожусь.

Гакстгаузенъ.

Петербургъ, 24 декабря 1761 г. / 4 января 1762 г.

Ваше превосходительство, прошу дешифрирующаго не останавливаться на точкахъ и запятыхъ, разставленныхъ между шифромъ, такъ какъ это шифръ буквъ С и Е, которыя я передаю такимъ образомъ для того, чтобы сдѣлать ихъ еще болѣе непонятными.

Такъ какъ со вчерашняго дня Императрица находится въ крайне опасномъ положеніи и доктора потеряли всякую надежду на ея выздоровленіе, полагая, что дни и часы ея сочтены, то я счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ необычному способу и отправить это письмо эстафетой, для того, чтобы, какъ бы ни было печально это извѣстіе, сообщить его, не теряя времени, вашему превосходительству.

Въ ночь съ пятницы на субботу она спала семь часовъ подъ рядъ (въ теченіе семи дней она не спала трехъ часовъ подъ рядъ, то внезапно пробуждаясь, то находясь въ какомъ-то состояніи забытья, близкомъ къ летаргіи); сонъ ея въ то время былъ глубокимъ и спокойнымъ; всѣ были чрезвычайно обра-

дованы этимъ обстоятельствомъ, и доктора стали снова питать самыя большія надежды на ея выздоровленіе.

Канцлеръ, съ которымъ я видѣлся въ тотъ же день на конференціи, засвидѣтельствовалъ мнѣ по этому поводу свою радость; онъ дружески бесѣдовалъ со мной о многомъ, что впрочемъ совсѣмъ не касалось нашего дѣла, и сказалъ мнѣ, что съ Государыней на этотъ разъ было хуже, чѣмъ когда бы то ни было, что, вслѣдствіе кровохарканья, она потеряла много крови, что ея болѣзнь есть совокупность многихъ болѣзней, но что ей очень помогли сдѣланныя пять дней тому назадъ кровопусканія и что теперь можно было вполнѣ надѣяться на ея выздоровленіе. Болѣе того, онъ сказалъ мнѣ, что на первый день Рождества будетъ совершено молебствіе за взятіе Кольберга и что въ тотъ же день при дворѣ состоятся празднества. Я выразилъ ему свое удовольствіе по поводу того, что онъ мнѣ сообщилъ, и онъ, продолжая разговоръ, сказалъ, что баронъ Корфъ прислалъ ему эстафетой письмо, но что онъ не сообщалъ ничего особенно интереснаго; канцлеръ прибавилъ, что здоровье его по-прежнему плохо.

Въ этотъ день царила всеобщая радость, но уже со вчерашняго дня эта радость смѣнилась уныніемъ и тревогой за жизнь Императрицы, конецъ которой, повидимому, уже близокъ. Третьяго дня у нея возобновились обмороки и, вскорѣ послѣ этого, вслѣдствіе кровохарканья, продолжающагося и до сихъ поръ, она потеряла много крови; она очень слаба и говоритъ тихимъ, какъ бы угасающимъ голосомъ. Вчера — уже очень поздно — ее пріобщили св. Таинъ, и она провела очень плохую ночь. Всѣ проявленія ея болѣзни весьма опасны: врачи замѣчаютъ, какъ по качеству крови при кровохарканіи, такъ и при повторенныхъ нѣсколько разъ кровопусканіяхъ, что кровь ея не только испорчена, но что у нея появились, въ связи съ новымъ болѣзненнымъ явленіемъ на ногахъ, несомнѣнные признаки водянки. Эти явленія, въ связи съ состояніемъ агоніи, въ которомъ она находится, и заставляютъ опасаться за ея жизнь. Мнѣ не удалось узнать, — точно такъ же какъ и ни одному изъ моихъ товарищей, — сдѣлала ли она вчера какое-либо распоряженіе. Съ трудомъ допускаю мысль о томъ, — такъ же, какъ и всѣ другіе посланники, — чтобы это распоряженіе было ею сдѣлано, и можно почти навѣрное сказать, что на престолъ спокойно взойдетъ Великій Князь.

Гакстгаузенъ.

Приписка. Меня увѣряютъ, что г-нъ Стахіевъ [1]), о которомъ ваше превосходительство должны знать изъ донесеній г-на Шака [2]) и который представляетъ изъ себя креатуру Великаго Князя, будетъ переведенъ изъ Стокгольма въ Копенгагенъ, въ распоряженіе г-на Корфа. Сейчасъ, въ 4 часа пополудни, я узналъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что Императрица при смерти и что она призвала къ себѣ Великаго Князя и Княгиню, которые и находятся сейчасъ у ея постели, проливая, вѣроятно, слезы. Это заставляетъ думать, что она не сдѣлала завѣщанія и что восшествіе Великаго Князя на престолъ совершится довольно спокойно.

Пока всѣ здѣсь въ большомъ горѣ и полномъ отчаяніи.

Петербургъ, 25 декабря 1761 г. / 5 января 1762 г.
5 час. вечера.

Имѣю честь сообщить вашему превосходительству о кончинѣ Императрицы, которая только-что послѣдовала. Его Высочество Великій Князь, законный наслѣдникъ Имперіи, взошелъ на престолъ. Сенатъ, собравшійся во всемъ своемъ составѣ, гвардейскіе полки и прочіе вельможи приносятъ ему присягу.

Я не могу ничего больше прибавить и вынужденъ отложить болѣе подробное сообщеніе объ этомъ достопримѣчательномъ событіи до болѣе спокойнаго времени.

Такъ какъ надо предполагать, что новый Императоръ отправится вскорѣ въ Москву для своей коронаціи, то ваше превосходительство соблаговолите испросить по этому поводу приказанія короля для того, чтобы я, сообразуясь съ ними, могъ своевременно принять необходимыя мѣры.

Гакстгаузенъ.

Петербургъ, 29 декабря 1761 г. / 9 января 1762 г.

Я не сомнѣваюсь, что вашему превосходительству извѣстно о смерти Императрицы изъ одного изъ моихъ трехъ писемъ, помѣченныхъ № 69 и отправленныхъ мною тремя различными путями.

---

[1]) Александръ Стахіевичъ Стахіевъ, назначенный секретаремъ русской миссіи въ Копенгагенѣ. Въ Стокгольмѣ онъ былъ при Н. И. Панинѣ, который имѣлъ о немъ хорошее мнѣніе.

[2]) Шакъ—датскій посланникъ въ Стокгольмѣ.

Подателю настоящаго письма было вручено четвертое того же содержанія; до границы его долженъ былъ провести подкупленный мною человѣкъ, знакомый съ мѣстными условіями, но, къ несчастью, въ послѣдній моментъ его удержала жена, которая со слезами умоляла его не подвергать себя опасности; вслѣдствіе этого отъѣздъ курьера задержался до тѣхъ поръ, пока мнѣ не удалось, наконецъ, достать ему проходного свидѣтельства. Во всякомъ случаѣ это первый чужеземный курьеръ, отправляющійся отсюда послѣ смерти Императрицы. Между тѣмъ, благодаря этой задержкѣ, я имѣю возможность сообщить вашему превосходительству много интересныхъ событій, происшедшихъ за это время.

Для того, чтобы у вашего превосходительства была нить всѣхъ событій, происшедшихъ съ той поры, какъ я отправилъ эстафетой мою почтительнѣйшую депешу отъ 4-го января, я долженъ сообщить о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ послѣднія минуты и кончину Императрицы.

Въ субботу $\frac{\text{22 декабря}}{\text{2 января}}$ она снова начала сильно харкать кровью, и ея обмороки еще болѣе участились.

Въ ночь съ субботы на воскресенье врачи—и даже тѣ изъ нихъ, которые продолжали еще надѣяться на благополучный исходъ ея болѣзни, должны были признать опасность и придти къ убѣжденію, что положеніе ея безнадежно, тѣмъ болѣе, что началось уже общее зараженіе, все болѣе и болѣе распространявшееся, и нижняя часть уже тѣла ея омертвѣла.

Тогда фельдмаршалъ Разумовскій и камергеръ Шуваловъ, во все время болѣзни Императрицы почти отъ нея не отходившіе, а также окружавшія ее женщины предупредили ее объ опасномъ положеніи, въ которомъ она находилась; въ то же время врачи прибѣгли къ сильно дѣйствующимъ средствамъ, которыя даютъ умирающимъ; Императрица изъявила уже свое согласіе принимать всякія лѣкарства, какія ей предложатъ (въ теченіе всей своей болѣзни она отказывалась отъ нихъ или же принимала съ отвращеніемъ). Но такъ какъ уже невозможно было остановить кровохарканія и непрерывное состояніе эпилепсіи стало еще болѣе жестокимъ, то признали, что лѣкарства безполезны и что конецъ ея уже близокъ.

Тогда снова заговорили съ нею о смерти, и она пожелала въ ту же ночь принять св. Таины; ее пріобщили и соборовали. Въ понедѣльникъ, утромъ, въ одинъ изъ рѣдкихъ промежутковъ, когда она чувствовала себя спокойнѣе, она призвала Ве-

ликаго Князя и Великую Княгиню и простилась съ ними. Она простилась также съ окружавшими ее и со всѣми дамами и вельможами своего двора. Говорятъ, что она проявила при этомъ много спокойствія и смиренія и что прощаніе ея было очень трогательно.

Около полудня конвульсіи возобновились, и она впадала изъ одного обморочнаго состоянія въ другое. Не предполагали уже, что она проживетъ до вечера, но между тѣмъ въ такомъ же состояніи, но будучи уже почти все время безъ сознанія, она провела ночь съ понедѣльника на вторникъ.

Во вторникъ утромъ, въ наступившій короткій промежутокъ просвѣтлѣнія, она снова позвала къ себѣ Великую Княгиню, но, не могла произнести слабымъ, умирающимъ голосомъ, ничего кромѣ отдѣльныхъ слоговъ и безсвязныхъ словъ, пока, наконецъ, въ 3½ часа пополудни Государыни не стало.

Въ 4 часа смерть Императрицы была обнародована, и предъ дворцомъ продефилировали три пѣшіе гвардейскіе полка и одинъ конный, которые въ общей сложности составляютъ корпусъ отъ 9 до 10 тысячъ человѣкъ и которымъ еще накапунѣ былъ отданъ приказъ быть готовыми къ сбору. Тѣмъ временемъ, пока войска собирались, тѣло Императрицы было поднято съ постели, обмыто и выставлено для поклоненія собравшимся съ утра при дворѣ сенаторамъ и другимъ вельможамъ; они выразили свое соболѣзнованіе Великому Князю и Великой Княгинѣ и тотчасъ же приняли присягу.

Послѣ этого, когда гвардія была уже выстроена въ нѣсколько рядовъ вдоль дворцовой площади и по прилегающимъ большимъ улицамъ, въ 4½ часа, вышелъ Его Высочество Великій Князь, въ формѣ Преображенскаго полка, которою онъ два дня тому назадъ замѣнилъ форму голштинскаго образца, сѣлъ на лошадь и, съ открытой головой и держа шляпу въ рукѣ, во главѣ коннаго гвардейскаго полка, прослѣдовалъ отъ одного ряда войскъ къ другому, весьма ласково и запросто раскланиваясь со всѣми; обращаясь къ гвардейцамъ, онъ громко говорилъ по-русски: „ребята, я надѣюсь, что вы не оставите меня сегодня“. Въ отвѣтъ гвардейцы кричали, что они не покинутъ его и что они съ своей стороны надѣются не быть покинутыми имъ. Затѣмъ, къ раздавшимся радостнымъ крикамъ, присоединилось—„да здравствуетъ нашъ новый Императоръ Петръ III“.

Такъ совершился этотъ крупный переворотъ, который составитъ замѣчательную эпоху въ лѣтописяхъ сѣвера и Европы—

менѣе, чѣмъ въ два часа все было рѣшено и приведено въ порядокъ.

Затѣмъ новый Императоръ вернулся во дворецъ, гдѣ онъ принялъ присягу отъ командировъ и офицеровъ гвардіи. Послѣ этого войска разошлись; имъ отданъ приказъ вернуться въ казармы и оставаться тамъ, соблюдая полное спокойствіе, о чемъ было предписано позаботиться оберъ и унтеръ-офицерамъ. Кромѣ того Императоръ имѣлъ осторожность, въ предупрежденіе волненій и безпорядковъ, распорядиться закрыть на эту ночь всѣ кабаки и разставить около нихъ патрули.

Вечеромъ при дворѣ былъ ужинъ, на которомъ присутствовалъ Императоръ и болѣе ста человѣкъ вельможъ и придворныхъ дамъ. Въ тотъ же день, въ 6 ч. вечера, ко мнѣ явился церемоніймейстеръ г. Лефортъ, въ сопровожденіи секретаря, и сказалъ, что онъ пришелъ по приказанію двора, чтобы объявить о кончинѣ Императрицы и восшествіи на престолъ Императора Петра III-го, а также, чтобы предупредить о томъ, что Императоръ приметъ посланниковъ, съ изъявленіями соболѣзнованія и поздравленіями, завтра, въ 11 ч. утра.

Въ тотъ же вечеръ Императоръ назначилъ генералъ-прокурора Глѣбова на мѣсто отрѣшеннаго имъ сенатора князя Шаховского, нѣкоего же Нарышкина — гофмаршаломъ своего двора. Сомнительно, чтобы гр. Сиверсъ [1], гофмаршалъ двора покойной Императрицы, сохранилъ свой постъ.

Нѣкто князь Голицынъ [2], гвардейскій офицеръ, произведенъ въ капитаны и пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго; четверо другихъ князей Голицыныхъ, поручиковъ гвардіи, назначены камеръ-юнкерами; во всѣхъ трехъ гвардейскихъ полкахъ нѣтъ ни одного офицера, который не былъ бы повышенъ на одинъ или нѣсколько чиновъ.

На другой день, въ среду, къ назначенному времени мы отправились ко двору, послѣ того, какъ въ 7 ч. утра того же дня приходилъ секретарь для того, чтобы предупредить, что одновременно съ Императоромъ будетъ принимать и Императрица, при чемъ дамы должны быть въ парадныхъ платьяхъ, а мы въ парадной формѣ, что и было всѣми нами точно выполнено.

[1] Гр. Карлъ Ефимовичъ Сиверсъ, ум. въ 1774 г.

[2] Капитанъ Преображенскаго полка Иванъ Ѳедоровичъ Голицынъ въ томъ же 1761 г. назначенъ генералъ-адъютантомъ. По смерти Петра III-го вышелъ въ отставку. Въ 1796 г. императоръ Павелъ принялъ его на службу генераломъ-отъ-инфантеріи.

Г. де-Бретейль, котораго я засталъ уже тамъ, сказалъ мнѣ, что онъ написалъ канцлеру, что онъ и его жена готовы имѣть честь поцѣловать руку Императрицы, но не въ качествѣ французскаго посланника и его супруги, но какъ частныя лица, и что это не должно вести ни къ какимъ послѣдствіямъ и не служитъ примѣромъ ни для него, ни для его замѣстителей.

То же заявилъ устно обоимъ церемоніймейстерамъ двора испанскій посланникъ. Относительно жены голландскаго посланника и моей не было никакихъ переговоровъ, и онѣ, вмѣстѣ съ двумя другими дамами, поцѣловали, какъ обыкновенно, руку Императрицы. Но между посланниками было рѣшено, что никто изъ нихъ не поцѣлуетъ руки Императора, если австрійскій посланникъ (не цѣлующій руки не только у Императора, но даже у Императрицы) этого не сдѣлаетъ. Я заговорилъ объ этомъ со шведскимъ посланникомъ, зная, что на своихъ аудіенціяхъ у Императора, тогда еще великаго князя, онъ всегда цѣловалъ у него руку точно такъ же, какъ и я поцѣловалъ руку у великаго князя на своей пріемной у него аудіенціи, слѣдуя совѣту г. Остена, увѣрившаго меня въ Данцигѣ, что онъ и г. Мальцанъ [1]) всегда также поступали. Я заявилъ шведскому посланнику о своей готовности поцѣловать руку Императору, какъ принцу, принадлежащему къ дому моего короля и повелителя, тѣмъ болѣе, что я это дѣлалъ еще тогда, когда онъ былъ только предполагаемымъ наслѣдникомъ имперіи. Но посланникъ продолжалъ упорно стоять на своемъ, ссылаясь на то, что онъ никогда не цѣловалъ руки у великаго князя публично, и что, по даннымъ ему инструкціямъ, онъ обязанъ во всемъ, что касается этикета, поступать такъ, какъ будутъ поступать другіе посланники, одного съ нимъ ранга.

Когда, послѣ обѣдни, Императоръ и Императрица вошли въ большую залу, всѣ посланники поцѣловали руку Императрицы, что и я имѣлъ честь исполнить, но убѣдившись, что никто изъ нихъ не поцѣловалъ руки Императора, я рѣшилъ, что одному мнѣ не слѣдовало этого дѣлать; я пропустилъ мимо себя всѣхъ посланниковъ — англійскаго, французскаго, испанскаго, шведскаго и голландскаго, и изъ всего дипломатическаго корпуса только одинъ уполномоченный Саксоніи — г. Прассе, слѣдовавшій за мной, поступилъ иначе.

Я покорнѣйше прошу ваше превосходительство по поводу

---

[1]) Мальцанъ, камергеръ, датскій посланникъ, имѣвшій пріемную аудіенцію 16-го окт. 1751 г. и умершій въ Петербургѣ въ 1757 г.

этого случая сообщить мнѣ, желаетъ ли его величество, чтобы я, несмотря на отказъ другихъ посланниковъ, цѣловалъ руку Императора, и притомъ публично или нѣтъ, или же—чтобы вовсе не цѣловалъ его руки. Долженъ сказать, что я не замѣтилъ, чтобы нашъ поступокъ произвелъ дурное впечатлѣніе на Императора: каждому изъ насъ онъ сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ, исключая г. Бретейля и г. Прассе и, какъ всегда, отличая своимъ особымъ вниманіемъ г. Кейта, къ которому, полчаса спустя послѣ своего восшествія на престолъ, онъ посылалъ человѣка, пользующагося его довѣріемъ, чтобы извѣстить его объ этомъ счастливомъ для него событіи.

Насъ оставили при дворѣ отобѣдать, и мы имѣли честь быть за однимъ столомъ съ ихъ величествами, которые такъ же, какъ и мы, сидѣли не по этикету; обѣдъ былъ сервированъ на сто человѣкъ. Дамой Императора была М-lle Воронцова (въ тотъ же день, утромъ, назначенная Императрицей камеръ-фрейлиной, должность, которой до сихъ поръ не существовало); кавалеромъ Императрицы, сидѣвшей все же во главѣ стола, былъ фельдмаршалъ Трубецкой.

Въ тотъ же день Императрица назначила гр. Скавронскаго, брата жены канцлера, гофмейстеромъ своего двора, — также только-что учрежденная должность.

Императрица удваиваетъ свои усилія, чтобы подчинить себѣ Государя, своего супруга, и управлять имъ, но я сомнѣваюсь, чтобы ей удалось этого достигнуть. М-lle Воронцова беретъ надъ нею верхъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ настолько благоразуменъ, чтобы, въ это критическое для него время, во многомъ совѣтовался съ нею; ясно, что многое было предпринято по ея совѣту, но несмотря на это я смѣю предсказывать, что ей никогда не удастся пріобрѣсти вліянія на своего супруга, и, быть можетъ, когда онъ почувствуетъ себя болѣе прочно на престолѣ, онъ будетъ еще менѣе съ нею считаться и, при своей несдержанности—не будетъ соблюдать по отношенію къ ней даже внѣшнихъ приличій.

Всѣ здѣсь поражены, не высказывая этого вслухъ, тѣмъ, что этотъ крупный переворотъ могъ совершиться такъ спокойно,—не вызвавъ ни сопротивленія, ни мятежа. Я приписываю это многимъ причинамъ. Весьма благопріятнымъ обстоятельствомъ для Государя было то, что Императрица умерла въ городѣ, а не за городомъ, что могло бы повлечь за собой замѣшательство и многія затрудненія. Не менѣе благопріятна для него была самая длительность ея болѣзни, такъ какъ это да-

вало ему возможность подготовить почву, пріобрѣтая щедрыми обѣщаніями расположеніе сенаторовъ и другихъ вліятельныхъ вельможъ и принявъ къ своему двору нѣкоторыхъ гвардейскихъ офицеровъ. Если бы смерть Императрицы случилась внезапно, то это лишило бы его возможности принять эти мѣры; къ тому же неожиданная смерть повергла бы всѣхъ въ отчаяніе и могла бы вызвать смятеніе и, быть можетъ, даже бунтъ.

Я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, что за шесть дней до смерти Императрицы существовало намѣреніе возвести на престолъ маленькаго великаго князя, назначивъ его мать опекуншей и учредивъ совѣтъ изъ числа сенаторовъ, и сдѣлавъ великаго князя-отца генералиссимусомъ, но затѣмъ признали трудности выполненія этого проекта, такъ какъ предвидѣли, что это могло бы вызвать мятежъ со стороны партіи приверженцевъ великаго князя, которая могла бы у него оказаться, такъ какъ дворянство присягало ему, какъ наслѣднику престола, и въ теченіе многихъ лѣтъ признавало его права. Кромѣ того, когда Императрица была при смерти и попытались, предложивъ ей нѣсколько вопросовъ, узнать—не пожелаетъ ли она выразить свою волю, то она будто бы отвѣчала, что воля ея давно уже выражена, что великій князь—наслѣдникъ престола и что въ послѣднія минуты своей жизни она должна подумать о болѣе важномъ, чѣмъ о мірскихъ дѣлахъ.

Особенно стоялъ за маленькаго великаго князя духовникъ покойной Императрицы [1]), который, повидимому, пытался уговорить ее лишить трона великаго князя-отца: подозрѣваютъ, что имъ руководилъ камергеръ Шуваловъ,—но Императрица и слышать не хотѣла объ этомъ. Ихъ величества, освѣдомленные объ этомъ прежде другихъ, съумѣли, при помощи происковъ приближенныхъ къ императрицѣ женщинъ, ловко отразить этотъ ударъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что о намѣреніи духовника извѣстно и Императору, и Императрицѣ: третьяго дня я былъ свидѣтелемъ того, какъ священникъ этотъ вошелъ въ залу, и ни Императоръ, ни Императрица не дали ему поцѣловать руки; они не сдѣлали этого даже тогда, когда священникъ бросился передъ ними на колѣни, хотя по мѣстному обычаю не только священники цѣлуютъ руку у государей, но и они послѣ этого

[1]) Протоіерей Ѳедоръ Яковлевичъ Дубянскій, духовникъ Импер. Елизаветы, ум. въ 1771 г.; онъ въ то же время былъ духовникомъ и вел. кн. Екатерины Алексѣевны и заступался за нее передъ Императрицей Елизаветой.

цѣлуютъ самого священника. Въ то же время у Императора вырвались слова, съ которыми онъ обратился къ гр. Мерси: „признаюсь, что на этотъ разъ мнѣ стоило большого труда сдержаться“. Хотя гр. Мерси отлично зналъ, что онъ хотѣлъ сказать, но онъ сдѣлалъ видъ, что ничего не понимаетъ.

Счастье Императора, что не нашлось достаточно рѣшительныхъ людей, чтобы стать во главѣ смѣлаго предпріятія, и что гр. Петръ Шуваловъ, въ рукахъ котораго находится артиллерійскій корпусъ въ 6 т. человѣкъ, опасно боленъ и не въ состояніи дѣйствовать. Это самый могущественный и вліятельный вельможа въ странѣ. Камергеръ Шуваловъ слишкомъ робокъ, чтобы на что-нибудь рѣшиться.

Я болѣе. чѣмъ увѣренъ въ томъ, что при дворѣ произойдетъ теперь полная перемѣна курса. Мнѣ извѣстно отъ человѣка, заслуживающаго полнаго довѣрія и близкаго друга г. Кейта, что Императоръ третьяго дня, пожимая ему руку, сказалъ: „надѣюсь, что мой братъ, король Великобританіи, останется теперь мною доволенъ: сегодня я отправилъ приказъ въ армію о томъ, чтобы были прекращены враждебныя дѣйствія противъ прусскаго короля“.

Что причиняетъ мнѣ истинное огорченіе и что будетъ для насъ большой потерей—это то, что канцлеръ, который чувствовалъ себя въ воскресенье очень плохо, навѣрно, недолго останется на своемъ посту. Думаю, что онъ будетъ просить уволить его въ отставку и такъ какъ Императоръ не чувствуетъ къ нему особаго расположенія, и еще менѣе—къ его женѣ, то онъ будетъ очень радъ исполнить его просьбу.

Пока графиня Воронцова [1]) продолжаетъ быть гофмейстериной, точно такъ же, какъ и канцлеръ продолжаетъ исполнять свои обязанности.

Вѣроятно, мы увидимъ много новыхъ выскочекъ, и весьма возможно, что на сцену снова выступятъ многіе изъ тѣхъ, кто находился до сихъ поръ въ ссылкѣ и забвеніи. Къ ихъ числу принадлежитъ бывшій канцлеръ, графъ Бестужевъ, приказъ объ освобожденіи котораго уже отправленъ Императоромъ, а также знаменитый Лестокъ, который такимъ же указомъ будетъ освобожденъ и вернется сюда; Лестоку Императоръ въ значительной степени обязанъ престоломъ, такъ какъ онъ возвелъ на престолъ покойную Императрицу, его тетку, и ѣздилъ въ

[1]) Гр. Анна Карловна Воронцова, рожд. гр. Скавронская, была въ связи съ саксонскимъ посланникомъ Прассе.

Киль за нынѣшнимъ Императоромъ для того, чтобы привезти его въ Россію.

О молодомъ Іоаннѣ нѣтъ и не было и рѣчи, даже во время болѣзни Императрицы. Покойной Императрицѣ два раза въ недѣлю докладывали о здоровьѣ несчастнаго принца и его успѣхахъ въ наукахъ, несмотря на то, что онъ находился въ Шлиссельбургѣ, т. е. на разстояніи всего 24-хъ часовъ ѣзды отсюда.

Покойная Императрица оставила большія богатства, не только драгоцѣнными вещами громадной стоимости, но и наличными деньгами: найдено до 600 пуд. слитковъ серебра и 67 пуд. золота (пудъ равняется 32-мъ датскимъ фунтамъ), сверхъ того, на $1^1/_2$ милліона имперіаловъ и еще приблизительно на 2 милліона неотчеканеной монеты.

Императоръ теперь расплачивается со всѣми своими долгами, а также съ долгами покойной Императрицы, достигающими въ общей сложности 700 т. р. Третьяго дня онъ послалъ въ Киль 20 тыс. имперіаловъ, что составляетъ 200 т. р., такъ какъ имперіалъ равняется 10-ти рублямъ.

Кромѣ того, третьяго же дня онъ подарилъ M-lle Воронцовой 5 т. имперіаловъ чтобы она заплатила свои долги и въ тотъ же день ужиналъ съ нею tête à tête.

Въ среду вечеромъ, Государь посѣтилъ графа Петра Шувалова, который по-прежнему опасно боленъ, и назначилъ его своимъ генералъ-фельдмаршаломъ.

Фельдмаршалъ Разумовскій и камергеръ Шуваловъ—въ большомъ горѣ; къ тому же они оба больны. Есть основанія думать, что они оба сохранятъ свои мѣста: желая оказать, въ память своей тетки, вниманіе камергеру, Императоръ не только посѣтилъ его, но и отнесся къ нему весьма благосклонно и приказалъ передать ему 50 тыс. руб. и сказать, что эти деньги Императрица предполагала выдать ему въ наступающемъ январѣ.

Хотя г. Олсуфьевъ и продолжаетъ занимать свой постъ и хотя онъ горячо извинялся передъ Императоромъ за свои по отношенію къ нему поступки, къ которымъ иногда вынуждали его распоряженія Императрицы, но тѣмъ не менѣе я не думаю, чтобы онъ надолго сохранилъ свое мѣсто, и судя по его огорченному виду онъ самъ подозрѣваетъ, что его ждетъ отставка. Если графъ Бестужевъ возвратится изъ ссылки, то паденіе Олсуфьева мнѣ кажется неизбѣжнымъ, такъ какъ это злѣйшій врагъ Бестужева, во многомъ способствовавшій его гибели.

Фельдмаршалъ Бутурлинъ отозванъ и командованіе арміей передано фельдмаршалу Салтыкову.

Императоръ и Императрица чествуютъ и отличаютъ своимъ особымъ вниманіемъ фельдмаршала князя Трубецкого, оказавшаго въ это рѣшающее время такія важныя услуги Императору, своимъ вліяніемъ, дѣятельнымъ участіемъ и совѣтами содѣйствуя его восшествію на престолъ. Его назначили подполковникомъ Преображенскаго полка, и ему даны полномочія производить во всей гвардіи перемѣны, какія онъ найдетъ нужными; его сыновья получили званіе камергеровъ.

Голштинскіе генералъ-лейтенанты гг. Брокдорфъ, Шильденъ и Блекъ произведены въ генералы-аншефы голштинской арміей. Второй изъ нихъ — г. Шильденъ — отправляется въ Ораніенбаумъ, чтобы привести къ присягѣ голштинскій корпусъ, состоящій изъ одной тысячи человѣкъ; этому корпусу приказано никуда оттуда не двигаться.

Несмотря на это, г. Брокдорфъ, повидимому, недоволенъ; онъ поступилъ весьма опрометчиво, сказавъ недавно, что онъ до сихъ поръ очень удивленъ тѣмъ, что все произошло здѣсь такъ спокойно, и прибавивъ, что онъ будетъ просить объ отставкѣ, такъ какъ Россія теперь не для него. Повидимому, Императоръ относится къ нему теперь безъ всякаго уваженія и дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ его, а Императрица дуется на него и не скрываетъ своего къ нему презрѣнія.

Г. Бредаль [1], родившійся здѣсь и очень хорошо говорящій по-русски, пожалованъ орденомъ св. Андрея; предполагаютъ, что получитъ назначеніе.

Я думаю, что г. Сальдернъ, котораго Императоръ очень высоко цѣнитъ, будетъ первымъ совѣтникомъ въ голштинскихъ дѣлахъ.

Голштинцы утверждаютъ, что притязанія Императора на Голштинію и Шлезвигъ выражаются огромной суммой въ 17 милліоновъ талеровъ.

При дворѣ совсѣмъ неожиданно появилась маленькая, 12-ти лѣтняя, принцесса Гольштейнъ-Бекская [2], которая до сихъ

---

[1] Голштинскій оберъ-егермейстеръ Петръ Петровичъ Бредаль, сынъ бывшаго русскаго адмирала.

[2] Принцесса Ек. Петр. Голштейнъ-Бекская въ 1767 г. вышла замужъ за кн. Ив. Петр. Барятинскаго; ея мать, рожд. графиня Головина, имѣла громадное имѣніе, которое, по приказанію Петра III-го, было отнято у нея и отдано въ управленіе ея мужу, принцу Голштейнъ-Бекскому.

поръ никто нигдѣ не видѣлъ; она назначена фрейлиной и въ прошлую среду была на парадномъ обѣдѣ Императора.

Кто-то предложилъ Императору распустить теперь голштинское войско, на что послѣдній отвѣтилъ, что онъ проситъ его не говорить ему ни о его войскѣ, ни о голштинскихъ дѣлахъ.

Императоръ пожаловалъ также орденъ св. Андрея начальнику полиціи барону Корфу, сказавъ публично, что это вознагражденіе за его хорошее обращеніе съ пруссаками въ то время, когда онъ былъ кенигсбергскимъ губернаторомъ.

Баронъ Корфъ, находящійся въ Копенгагенѣ, совсѣмъ не пользуется его расположеніемъ, и можно навѣрное сказать, что онъ долго у насъ не останется, если, впрочемъ, еще раньше не произойдетъ полнаго разрыва и посланники не будутъ отозваны.

Я замѣтилъ, что Императоръ, несмотря на многочисленную охрану дворца — въ 300 человѣкъ, приказалъ, подъ самыми своими окнами, поставить еще человѣкъ пятьдесятъ чрезвычайной охраны, что заставляетъ думать, что опасенія его еще не совсѣмъ улеглись.

Обратили вниманіе, что Императоръ всѣ эти дни воздерживался отъ вина, и говорятъ даже, что онъ, въ продолженіе нѣсколькихъ ночей, не ложился спать, для того, чтобы во всякое время быть готовымъ дѣйствовать. Но, кажется, что сейчасъ его опасенія излишни, и ему не грозитъ рѣшительно никакой опасности.

Благодаря тому, что все здѣсь такъ круто измѣнилось, вѣнскій и версальскій дворы, повидимому, совершенно потеряютъ то вліяніе, которымъ они пользовались до сихъ поръ, и я увѣренъ, что теперь гг. Мерси и Бретейль, послѣ безплоднаго ожиданія въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, о чемъ я съ горечью вспоминаю сто разъ въ день, получили, наконецъ, отъ своихъ дворовъ указанія дѣйствовать въ пользу нашего дѣла, но теперь они не смогутъ ими воспользоваться, такъ какъ имъ впору будетъ позаботиться только о томъ, чтобы поддержать свое положеніе и доставить своимъ дворамъ хотя бы сотую долю того, на что послѣдніе надѣются; не подлежитъ сомнѣнію, что Императоръ и Императрица терпѣть не могутъ французовъ и желаютъ прусскому королю скорѣе добра, чѣмъ зла.

Не много пройдетъ времени прежде, чѣмъ мы убѣдимся въ истинности этого предположенія. Пока Императоръ еще остерегается, но когда онъ будетъ думать, что положеніе его упрочилось и онъ почувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ своихъ по-

ступковъ, онъ потеряетъ всякую мѣру и будетъ дѣйствовать сообразно системѣ, которую самъ себѣ создалъ.

Я сомнѣваюсь, какъ я уже говорилъ, чтобы Императрицѣ удалось пріобрѣсти вліяніе на его умъ, и поэтому я не могу быть увѣреннымъ, чтобы ей удалось когда-нибудь выполнить свой излюбленный планъ, который заключается въ томъ, чтобы перевести сюда графа Понятовскаго и создать ему положеніе. Быть можетъ, ей удастся доставить ему богатство и кому-нибудь изъ членовъ ея семьи — польскій тронъ, мысль, которую она, какъ мнѣ кажется, легко могла бы внушить своему супругу, какъ вслѣдствіе удовольствія, которое онъ испыталъ бы, назначивъ, по примѣру Петра Великаго, на польскій престолъ короля, такъ и вслѣдствіе его недоброжелательства по отношенію къ саксонскому двору.

Черезъ нѣкоторое время герцогу Курляндскому будетъ угрожать опасность лишиться своихъ владѣній: они могутъ перейти къ принцу Георгу Голштинскому.

Я воздержусь отъ прочихъ своихъ предположеній и разсужденій, такъ какъ и тѣ и другія могутъ оказаться ложными или преждевременными, тѣмъ болѣе, что я увѣренъ, что сами событія текущей эпохи, такой богатой матеріаломъ для наблюденій, приведутъ васъ, Ваше Превосходительство, къ самымъ неизбѣжнымъ, самымъ естественнымъ выводамъ и очень важнымъ размышленіямъ.

Утверждаютъ, что тотчасъ послѣ похоронъ Императрицы дворъ отправится въ Москву для коронованія Императора и Императрицы и что обрядъ коронованія будетъ совершенъ еще до Пасхи.

Въ виду этого я вынужденъ просить Ваше Превосходительство сообщить мнѣ, не теряя времени, (не найдетъ ли Его Величество нужнымъ, при настоящихъ условіяхъ, отозвать меня отсюда или не желаетъ ли Его Величество, чтобы я, вмѣстѣ съ другими посланниками, послѣдовали за дворомъ въ Москву (несмотря на горячее желаніе припасть къ ногамъ Его Величества), но я знаю, что мой долгъ повиноваться и всѣмъ жертвовать на службѣ лучшему изъ королей, поэтому я съ покорностью и почтительностью подчинюсь всякому рѣшенію, какое королю заблагоразсудится принять на этотъ счетъ. Но я позволю себѣ обратить вниманіе Вашего Превосходительства на слѣдующее обстоятельство: не въ интересахъ ли короля (въ томъ случаѣ, конечно, если не произойдетъ между обоими дворами полнаго разрыва, отчего да хранитъ насъ Господь) при-

слать новому Императору, его кузену, спеціальнаго посла въ военномъ рангѣ; такое сугубое вниманіе оказало бы, быть можетъ, самое хорошее дѣйствіе и является, надо думать, единственнымъ средствомъ, могущимъ тронуть Императора и вызвать въ немъ милостивыя чувства, достойныя дома и крови, къ которымъ принадлежитъ король. Я считаю это соображеніе вѣскимъ и поэтому убѣдительно прошу Ваше Превосходительство обратить на него вниманіе короля.

Я очень желалъ бы, чтобы рѣшеніе короля было, по возможности, скорымъ, такъ какъ, быть можетъ, благодаря этому рѣшенію наше дѣло выйдетъ изъ того неопредѣленнаго положенія, въ которомъ оно находится со времени разрыва договора, или же оно поведетъ къ полному разрыву между обоими дворами. Если король прикажетъ мнѣ остаться, я почтительнѣйше прошу снова снабдить меня самыми точными инструкціями.

По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я имѣлъ честь сообщить, вы, Ваше Превосходительство, легко можете судить объ истинномъ положеніи дѣлъ современныхъ, а также въ значительной степени о будущихъ событіяхъ, къ которымъ надо быть готовымъ, вслѣдствіе перемѣны курса. Въ случаѣ, если бы мое пребываніе здѣсь продлилось, я прошу Ваше Превосходительство почтительнѣйше представить на усмотрѣніе Его Величества тѣ большіе расходы, которые потребуются на переѣздъ въ Москву, вторичное обзаведеніе тамъ и, въ особенности, во время коронаціонныхъ торжествъ и увеселеній, когда устройство празднествъ и большихъ званныхъ обѣдовъ является дѣломъ необходимымъ и неизбѣжнымъ. Я хочу вѣрить въ возможность возобновленія дружескихъ отношеній между нами и русскимъ дворомъ, и поэтому мнѣ кажется, если датскій посланникъ не можетъ превзойти другихъ посланниковъ, то, по крайней мѣрѣ, онъ не долженъ, въ подобныхъ случаяхъ, ради поддержанія чести короля и своего народа, ни въ чемъ отставать отъ нихъ. Поѣздка и пребываніе въ Москвѣ, несомнѣнно, удвоятъ мои расходы; я увѣренъ, что король слишкомъ справедливъ, чтобы не принять этого въ соображеніе, и поэтому полагаюсь на его великодушіе и съ полнымъ довѣріемъ вручаю заботу о своихъ интересахъ Вашему Превосходительству.

Еще прошу Ваше Превосходительство передать мнѣ распоряженія короля по поводу траура, который я долженъ буду носить, и сообщить, желаетъ ли Его Величество, чтобы я на этотъ счетъ сообразовался съ указаніями, которыя будутъ даны

этимъ дворомъ и которымъ прочіе посланники считаютъ себя обязанными слѣдовать, или же я долженъ буду носить трауръ такъ, какъ это установлено у насъ.

Но если Его Величеству угодно будетъ согласиться на мое отозваніе, то я прошу Ваше Превосходительство войти въ соглашеніе съ министерствомъ финансовъ относительно того, чтобы я могъ получить первую четверть своего жалованья до истеченія срока, который наступитъ только въ концѣ марта, и уѣхать, не оставивъ долговъ.

Соблаговолите также, Ваше Превосходительство, приказать г-ну Гиссу выдать по моимъ ассигновкамъ, сдѣланнымъ мною въ уплату 4-хъ эстафетъ, которыя я имѣлъ честь отправить Вашему Превосходительству, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ—когда я платилъ г-ну Берингшольду, г. Гиссъ дѣлалъ затрудненія, ссылаясь на то, что у него нѣтъ никакихъ распоряженій по этому поводу отъ министерства финансовъ. Предоставляю на обсужденіе Вашего Превосходительства слѣдующее соображеніе, не будетъ ли полезнымъ, въ виду такихъ условій, чтобы въ моемъ распоряженіи постоянно была небольшая сумма денегъ, размѣры которой опредѣлилъ бы самъ король, для того, чтобы я имѣлъ возможность, дѣлая небольшіе подарки, поощрять усердіе тѣхъ, которые въ это серьезное время могли бы сказать намъ какую-либо услугу. Я льщу себя надеждой, что король будетъ увѣреннымъ въ томъ, что я буду расходовать эти деньги разсчетливо и съ разборомъ.

Мнѣ остается сказать Вашему Превосходительству, что согласно приказаніямъ отъ 7-го сентября, уже больше трехъ мѣсяцевъ, какъ я принялъ въ свой домъ и къ своему столу молодого Туксена, доставляя ему все необходимое. Но, къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что этотъ молодой челевѣкъ, который между прочимъ совершенно для меня безполезенъ, находясь у меня, безъ надзора своего дяди, все болѣе и болѣе сбивается съ пути; хотя я, насколько возможно, слѣжу за нимъ, но я не могу помѣшать ему сдѣлать какое-либо сумасбродство или совершенно опуститься. Такъ какъ этотъ молодой человѣкъ служитъ только лишнимъ поводомъ для непріятностей и расходовъ, то я былъ бы очень благодаренъ, если бы Ваше Превосходительство поскорѣе избавили бы меня отъ него и разрѣшили бы отправить его въ Данію съ первымъ же судномъ. Но такъ какъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, работы значительно прибавилось и нѣтъ возможности одному все зашифровывать, то я просилъ бы Ваше Превосходительство

разрѣшить мнѣ принять, вмѣсто молодого Туксена, въ качествѣ переписчика—старшаго сына одного основавшагося здѣсь купца—англичанина, по имени Бардевика, родомъ изъ Ольденбурга, англійскаго подданнаго; старикъ очень старателенъ и былъ мнѣ полезенъ во многихъ случаяхъ; его сынъ—22-хъ лѣтъ, хорошаго, скромнаго поведенія и пишетъ красивымъ почеркомъ.

Я могъ бы, съ согласія Вашего Превосходительства, привести его къ присягѣ на вѣрность королю или дать ему подписать присягу и прислать вамъ. Онъ удовлетворится, живя у меня на всемъ готовомъ, жалованьемъ 200 кронъ въ годъ, которое получаетъ молодой Туксенъ, въ надеждѣ, что Ваше Превосходительство окажетъ ему поддержку, если онъ заслужитъ этого своимъ усердіемъ.

Говорятъ о трехъ нововведеніяхъ, которыя Императоръ, какъ онъ сказалъ, будто бы, объ этомъ въ среду, намѣревается ввести, а именно отмѣнить монополіи, значительно понизить таможенную пошлину и, наконецъ, запретить впредь носить богатыя одежды и употреблять дорогія ткани.

Императоръ, подаривъ камергеру Шувалову 50 тыс. руб., объявилъ всенародно, что онъ всегда готовъ въ точности выполнить обѣщанія, данныя покойной теткой, память которой для него священна по многимъ основаніямъ, и что всякій, кому Императрица обѣщала сдѣлать денежный или какой-либо другой подарокъ, долженъ только заявить объ этомъ, и обѣщаніе ея будетъ тотчасъ же выполнено.

Освобожденъ нѣкто Груманъ, родомъ норвежецъ и католикъ по религіи, служившій многимъ государямъ и въ томъ числѣ—прусскому королю, въ качествѣ гусарскаго полковника; взятый въ плѣнъ во время осады Берлина, какъ начальникъ полиціи, онъ былъ отправленъ въ Кенигсбергъ: тамъ, своимъ пронырствомъ, онъ пробилъ себѣ дорогу сюда. Здѣсь Императоръ освободилъ его и снабдилъ деньгами для покрытія издержекъ по его путешествію въ дилижансѣ къ Государю, его послѣднему повелителю; подозрѣваютъ, что ему дано какое-либо порученіе относительно примиренія Россіи съ Пруссіей, теперь такъ легко достижимаго.

Отправленъ также приказъ генералу Чернышеву прекратить враждебныя дѣйствія противъ прусскаго короля и его корпусу быть въ бездѣйствіи впредь до новаго приказа.

Утверждаютъ, что братъ этого генерала,—посланникъ при французскомъ дворѣ, будетъ отозванъ, и выражаютъ сомнѣніе

по поводу того, чтобы постъ его былъ замѣщенъ; по крайней мѣрѣ на это надѣется г. Кейтъ, который является тайнымъ двигателемъ въ этомъ дѣлѣ.

M-lle Воронцовой отведено помѣщеніе во дворцѣ. Если канцлеръ, ея дядя, котораго между прочимъ Императоръ посѣтилъ третьяго дня, долженъ будетъ оставить свой постъ, то весьма возможно, что его замѣстителемъ будетъ князь Голицынъ [1]), находящійся сейчасъ въ Лондонѣ, вся семья котораго находится въ большой милости; къ тому же его постоянно превозноситъ г. Кейтъ.

Его двоюродный братъ, получившій на дняхъ званіе камергера, въ знакъ особаго къ нему вниманія, будетъ отправленъ въ Лондонъ съ извѣстіемъ о восшествіи императора на престолъ; говорятъ, что онъ, быть можетъ, останется тамъ посланникомъ.

Судьба г. Гросса [2]) представляется мнѣ весьма шаткой, въ виду того, что у него нѣтъ здѣсь друзей, кромѣ канцлера, и онъ ненавистенъ какъ Императору, такъ и Императрицѣ.

Императоръ отдалъ приказъ полковнику Опитцу, пользующемуся его довѣріемъ, немедленно отправиться въ Киль и подробно донести о положеніи тамъ всѣхъ дѣлъ, въ особенности о состояніи нашей арміи и нашего вооруженія.

Прежде, чѣмъ закончить эту депешу, я долженъ просить Ваше Превосходительство съ первымъ же курьеромъ увѣдомить меня, какъ я долженъ буду поступить въ случаѣ, если бы Императоръ, по своей прежней къ намъ ненависти, приказалъ мнѣ удалиться отсюда.

Если бы, не дай Богъ, это случилось раньше, чѣмъ я могъ бы получить распоряженія Вашего Превосходительства, то я полагаю, что честь короля требуетъ, чтобы я, не подвергая своего званія униженію, уѣхалъ бы отсюда какъ можно скорѣе.

Въ теченіе трехъ дней сряду здѣсь носили цвѣтныя одежды и городъ по вечерамъ былъ иллюминованъ.

Вчера ко мнѣ приходили, чтобы сообщить о томъ, что всѣ будутъ носить черныя одежды, но форма траура еще не установлена. Такъ какъ покойная Императрица не любила чернаго цвѣта и во время ея царствованія почти не носили траура, то у здѣшнихъ купцовъ нѣтъ чернаго сукна и другихъ принад-

---

[1]) Кн. Александръ Михайловичъ Голицынъ р. 1723 † 1807.

[2]) Андрей Леонтьевичъ Гроссъ † 1765.

лежностей траура. Цѣна толстаго чернаго сукна доходитъ уже до 6 руб. за аршинъ, и поэтому этотъ трауръ будетъ стоить всѣмъ очень дорого. Долженъ еще замѣтить по поводу траура, что дворъ дастъ распоряженіе носить его въ теченіе цѣлаго года, при чемъ ливреи и все убранство должно быть чернаго цвѣта.

Прилагаемый счетъ изъ министерства на имя г-на Кебке заставляетъ меня просить Ваше Превосходительство удалить его на время отсюда для того, чтобы онъ не подвергъ себя и то званіе, которымъ его удостоилъ король, всенародному униженію. Я уладилъ это дѣло съ канцлеромъ недѣлю тому назадъ и надѣюсь, что вопросъ о немъ не будетъ больше подниматься, лишь бы только онъ сдержалъ свое обѣщаніе и уплатилъ бы по счету, но я сильно опасаюсь, нѣтъ ли у него еще другихъ дѣлъ, требующихъ устройства.

Я имѣю также честь послать Вашему Превосходительству перечень наиболѣе крупныхъ назначеній и манифестъ, изданный по случаю восшествія на престолъ Императора.

Вчера и сегодня вся буржуазія и служащіе всѣхъ казенныхъ учрежденій принимали присягу, каждый въ церкви своего прихода и вѣроисповѣданія.

Сейчасъ только узналъ изъ вѣрнаго источника, что Императоръ отправилъ вчера своего адъютанта, камергера Гудовича, въ Цербстъ съ извѣщеніемъ о его восшествіи на престолъ; онъ везетъ съ собой донесенія г-на Кейта и ѣдетъ черезъ Бреславль; ему поручено другое извѣщеніе, которое предназначается для короля и которое онъ завезетъ ему по пути.

Вчера отправленъ также курьеръ въ Стокгольмъ; Его Величество въ своемъ письмѣ къ шведскому королю говоритъ, что онъ не желалъ бы—и надѣется, что желаніе его будетъ исполнено,—чтобы шведская армія удалилась и спокойно пребывала на своихъ квартирахъ.

Отправленный генералу Чернышеву приказъ гласитъ слѣдующее: онъ долженъ отдѣлиться отъ австрійской арміи и заявить генералну Лаудону о томъ, что ему не разрѣшается болѣе дѣйствовать съ нимъ сообща.

Изъ всего этого вы, Ваше Превосходительство, можете видѣть, какъ плохо умѣетъ новый Императоръ скрывать свои чувства, и вы поразитесь, конечно, тѣмъ, съ какой необычайной, неслыханной быстротой дѣлаются всѣ дѣла въ Россіи, которыми теперь всѣ здѣсь, повидимому, такъ увлечены. Прусскій король—его герой, передъ которымъ онъ преклоняется,

котораго онъ считаетъ образцомъ и которому онъ стремится подражать. Мы могли бы предоставить ему это удовольствіе, лишь бы только у него не явилось желанія нарушить нашъ покой; какъ это ни больно, но указанія на то, что у него есть это желаніе, настолько убѣдительны, что не оставляютъ во мнѣ почти никакого сомнѣнія, и я думаю, что отчасти онъ добивается и дружбы прусскаго короля съ той цѣлью, чтобы обезпечить себѣ свободный проходъ черезъ его страну и тѣмъ удобнѣе пройти въ Голштинію и предаться тамъ своему мщенію противъ насъ.

Его фавориты довольно смѣло говорятъ объ этомъ всѣмъ, кто только хочетъ ихъ слушать; англійскій посланникъ, прекрасно освѣдомленный относительно того, что̀ происходитъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые полагаютъ, что онъ объявитъ намъ войну. Я знаю навѣрное, что этотъ посланникъ воспользовался отъѣздомъ г. Гудовича, чтобы написать г-ну Митчелю[1]) о томъ, что по всему видитъ, что Россія порветъ съ нами и что онъ даже думаетъ, что Гудовичу поручено войти по поводу этого въ переговоры съ прусскимъ королемъ, но что онъ проситъ его употребить все свое вліяніе, какимъ онъ пользуется при прусскомъ королѣ, чтобы помѣшать ему дать на это свое согласіе, такъ какъ, вмѣсто того, чтобы затушить настоящую войну, разгорится новая, еще болѣе кровопролитная и жестокая.

Я высказалъ бы за это свою благодарность г-ну Кейту, если бы я такимъ образомъ не выдалъ его друга, сообщившаго мнѣ то, что довѣрилъ ему самъ г. Кейтъ; вы также, Ваше Превосходительство, будьте добры сдѣлать видъ, что вы ничего не знаете объ этомъ обстоятельствѣ, пока я не увѣдомлю васъ, что о немъ сообщилъ мнѣ г. Кейтъ.

Тѣмъ временемъ, я прошу Ваше Превосходительство быть увѣреннымъ—и почтительнѣйше увѣрить въ томъ же короля,— что я, имѣя передъ собой такую печальную перспективу, не только не теряю мужества и не падаю духомъ, но что я еще съ большимъ рвеніемъ и настойчивостью, если это возможно, и всѣми средствами, какія только можетъ подсказать мнѣ мой разумъ, но не компрометтирующими короля, буду стремиться къ тому, чтобы предотвратить первый ударъ этой грозы до тѣхъ поръ, пока черезъ курьера, котораго я буду ждать съ большимъ нетерпѣніемъ, мнѣ не станутъ извѣстны распоряже-

[1]) Англійскій посланникъ въ Берлинѣ.

нія короля и онъ своей волей и указаніями не придастъ увѣренности моимъ поступкамъ.

Принцъ Голштейнъ-Бекскій, губернаторъ Ревеля, ѣдетъ сюда и находится уже въ пути; его назначатъ генералъ-фельдмаршаломъ. Это его дочь приняли ко двору; она будетъ воспитываться какъ принцесса крови, подъ руководствомъ самой Императрицы.

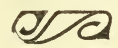
Г. Сальдернъ назначенъ совѣтникомъ конференціи, а камергеръ Вольфъ получилъ орденъ Александра Невскаго.

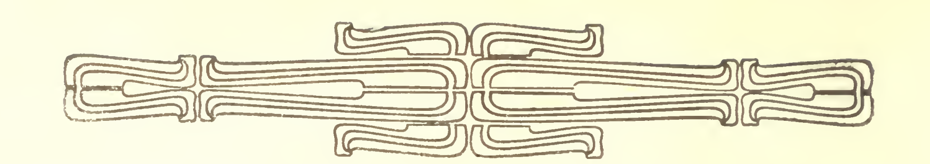
Его Величество значительно увеличилъ жалованье гвардейскимъ офицерамъ, а также солдатскій паекъ.

Гакстгаузенъ.

Сообщ. **Е. С. Шумигорскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).





Его Высочество Князь Олегъ Константиновичъ.

Князь Олегъ Константиновичъ умеръ отъ раны, полученной въ бою съ непріятельскимъ разъѣздомъ, на который онъ бросился во главѣ гусаръ.

Занимаясь, въ теченіе двухъ лѣтъ (1910—1912 г.), преподаваніемъ Его Высочеству статистики и политической экономіи, я имѣлъ возможность, за этотъ періодъ времени, слѣдить за развитіемъ разностороннихъ способностей даровитаго князя Олега Константиновича. Пусть моя замѣтка, хотя въ слабой степени, напомнитъ свѣтлый образъ почившаго князя-героя.

Послѣ окончанія курса въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, Его Высочество кн. Олегъ Константиновичъ не пожелалъ получить спеціально военное образованіе и, съ разрѣшенія Государя Императора, поступилъ въ спеціальные классы Александровскаго лицея. Принятое рѣшеніе вызывалось сознаніемъ необходимости получить въ высшемъ учебномъ заведеніи основательную теоретическую подготовку въ области общественныхъ и государственныхъ наукъ. Тѣ событія, которыя пришлось пережить Россіи съ измѣненіемъ сложившагося въ теченіе вѣковъ уклада народной жизни, подъ вліяніемъ перехода отъ общиннаго землепользованія крестьянъ къ частному, повидимому, явились тою внутреннею причиною, которая побудила юношу—князя отрѣшиться отъ традиціонной системы образованія и перейти къ изученію экономическихъ и юридическихъ наукъ.

Поступивъ въ Лицей, князь Олегъ Константиновичъ первые два года изучалъ читаемые въ Лицеѣ предметы на дому, подъ руководствомъ И. Г. Щегловитова, Э. Л. Радлова, Б. В. Никольскаго, Н. К. Кульмана и др. ученыхъ и сдавалъ экзамены въ Лицеѣ.

Организацiей учебными занятiями завѣдывалъ воспитатель августѣйшихъ дѣтей Великаго Князя Константина Константиновича Н. Н. Ермолинскiй, настойчиво поддерживавшiй въ нихъ убѣжденiе въ необходимости знанiя не только для удовлетворенiя личныхъ вкусовъ, но и для болѣе успѣшнаго выполненiя вызываемыхъ высокимъ положенiемъ князей обязанностей предъ родиной.

Слушая первые два года лекцiи на дому, князь Олегъ Константиновичъ умѣло воспользовался уроками преподавателей, пытливо добиваясь отвѣтовъ на сомнительные или неясные вопросы научныхъ дисциплинъ.

Получивъ приглашенiе читать лекцiи Ихъ Высочествамъ Гаврiилу Константиновичу и Олегу Константиновичу, я, не имѣвъ случая до этого времени встрѣчаться съ Ихъ Высочествами, приступилъ къ чтенiямъ не безъ нѣкотораго смущенiя, но съ перваго знакомства августѣйшiе слушатели проявили такой интересъ и, скажу больше, энтузiазмъ къ предмету изученiя, что появленiе къ нимъ во дворецъ являлось удовольствiемъ. Мнѣ памятно первое появленiе въ Павловскомъ дворцѣ, въ одномъ изъ флигелей котораго помѣщались Гаврiилъ, Олегъ и Игорь Константиновичи. Кабинетъ князя Олега Константиновича, гдѣ мы занимались, былъ украшенъ рѣдкими гравюрами и нѣкоторыми предметами, связанными съ памятью Великаго Преобразователя Россiи. Обстановка кабинета указывала на характеръ и вкусы хозяина: на столахъ лежали книги, которыя такъ любилъ почившiй. Послѣ первой лекцiи, князь Олегъ Константиновичъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „В. Т. Я буду очень стараться. Благодарю за интересную лекцiю. Я буду у Васъ работать". И этими первыми сердечными словами опредѣлилось его отношенiе къ предмету изученiя. Это не была случайная фраза, напротивъ, послѣдующимъ серьезнымъ отношенiемъ къ занятiямъ онъ доказалъ, въ какой степени слово его не расходится съ дѣломъ.

Между среднею и высшею школою какъ у насъ, такъ и за границею, нѣтъ преемственной связи, и поэтому поступающiе въ высшiя учебныя заведенiя должны преодолѣть не мало затрудненiй, пока не освоятся основательно съ научными понятiями и методами.

Въ такомъ положенiи оказался и князь Олегъ Константиновичъ: въ теченiе перваго года ему трудно давалось усвоенiе юридическихъ и экономическихъ наукъ, въ особенности послѣднихъ. Мнѣ не разъ приходилось отъ него слышать слѣдующее:

„изученіе философіи, литературы, меня не затрудняетъ, но экономическія науки для меня трудны: мнѣ объ нихъ ничего не приходилось слышать раньше“.

При его дарованіяхъ и настойчивомъ упорномъ трудѣ, затрудненія исчезли, и къ концу перваго учебнаго года для насъ, преподающихъ, были замѣтны сдѣланные имъ быстрые успѣхи въ усвоеніи преподаваемыхъ наукъ. Несомнѣнно этому содѣйствовала и окружающая обстановка.

Жизнь въ Павловскомъ дворцѣ, расположенномъ среди чуднаго парка, являющагося однимъ изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ, представляетъ особыя удобства для успѣшной умственной работы. Окружающія условія содѣйствовали гармоническому развитію способностей даровитаго юноши. Чистая, разлитая вокругъ, духовная атмосфера благотворно вліяла на воспріимчивую душу князя Олега и создавала тѣ привлекательныя черты въ характерѣ покойнаго, которыя такъ плѣняли въ немъ всѣхъ его знавшихъ.

Въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ онъ проявлялъ благородство души и сердечность. Если ему приходилось слышать что-либо для него непріятное, но вызванное справедливостью, то это нисколько не мѣшало проявленію съ его стороны самыхъ милыхъ, сердечныхъ отношеній.

Въ теченіе преподавательской дѣятельности мнѣ рѣдко приходилось встрѣчать молодыхъ людей съ столь развитымъ сознаніемъ долга, какъ у князя Олега Константиновича. Замедленіе въ выполненіи принятыхъ на себя работъ его мучило. Какъ-то зимою въ восьмомъ часу утра раздался телефонный звонокъ. Я подошелъ и слышу голосъ князя. На мой вопросъ, что это, Ваше Высочество, Вы такъ рано встали—онъ отвѣтилъ: „Я не сплю съ четырехъ часовъ, меня мучитъ моя работа о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ“.

При прекрасныхъ природныхъ дарованіяхъ, у него выработался пріемъ схватить суть вопроса, не запутываясь въ мелочахъ. Родовая, семейная черта—прекрасная память облегчала ему быстрое усвоеніе прочитаннаго, а развитая, въ силу особыхъ условій жизни, наблюдательность помогала быстро понимать характеръ лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться.

Помыслы князя Олега Константиновича были направлены къ основательному усвоенію знаній, необходимыхъ для служенія родинѣ, и несомнѣнно, въ послѣдующей жизни, при его трудоспособности и дарованіяхъ, изъ него выработался бы крупный государственный дѣятель.

Послѣдній годъ князь Олегъ Константиновичъ слушалъ лекціи въ лицеѣ, и мнѣ приходилось встрѣчаться съ нимъ рѣже. При свиданіяхъ, онъ охотно дѣлился впечатлѣніями учебной жизни и съ особеннымъ удовольствіемъ передавалъ о хорошихъ, дружескихъ отношеніяхъ съ своими однокурсниками, которые, по общимъ отзывамъ, его очень любили.

За это время я замѣтилъ въ немъ новую черту: помимо литературныхъ работъ, посвященныхъ Пушкину, изученію воззрѣній Ѳеофана Прокоповича на государство и др., въ немъ пробудился интересъ къ историческимъ занятіямъ, и онъ высказывалъ намѣреніе написать исторію жизни и дѣятельности ближайшаго сотрудника Императора Александра II, своего дѣда, Великаго Князя Константина Николаевича, въ связи съ его эпохой.

Всѣхъ, соприкасавшихся съ княземъ Олегомъ Константиновичемъ, онъ подкупалъ искренностью и благородствомъ характера, вниманіемъ и доброжелательностью. Онъ добродушнѣйшимъ образомъ смѣялся, когда я, смотря на его чудные, добрые глаза, говорилъ ему: „Ваше Высочество, Вы знаете секретъ покорять сердца людей“.

Ко всему нечестному онъ относился съ нескрываемою брезгливостью и рѣзкостью.

Казалось, свѣтлое будущее открывалось предъ этимъ даровитымъ юношей. Высокая честность, любовь къ труду, упорная настойчивость въ преслѣдованіи цѣлей и благородные помыслы сочетались въ его душѣ.

Судьба сложилась иначе. Она не пожалѣла его, и человѣкъ высокихъ помысловъ, благородныхъ порывовъ, окончилъ жизнь въ цвѣтущемъ возрастѣ, оставивъ по себѣ свѣтлую память у всѣхъ его знавшихъ.

В. Т. Судейкинъ.

Послѣдняя въ родѣ графовъ Скавронскихъ.

Въ 1913-мъ году въ „Новомъ Времени“ было напечатано историческое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Родственники и свойственники Дома Романовыхъ“ [1]). Въ этомъ изслѣдованіи имѣется досадный пропускъ относительно потомства родственниковъ Императрицы Екатерины 1-й—графовъ Скавронскихъ: въ немъ сказано, что потомство Скавронскихъ по мужской линіи пресѣклось съ кончиною графа Павла Мартыновича, упомянуто потомство Скавронскихъ по женской линіи, но совершенно забыта послѣдняя въ родѣ Скавронскихъ и по женской линіи — графиня Юлія Павловна фонъ-деръ-Паленъ, по 1-му мужу — графиня Самойлова.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію біографическихъ данныхъ о графинѣ Юліи Павловнѣ, я считаю необходимымъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія изъ ея родословной, которыя помогутъ читателю уяснить духовный обликъ этой замѣчательной по красотѣ и по превратности судьбы женщины.

Со стороны матери Юлія Павловна происходила изъ рода Скавронскихъ.

У брата Императрицы Екатерины I-й — графа Карла Самуиловича Скавронскаго [2]) и его жены Маріи Ивановны былъ сынъ Мартынъ Карловичъ (род. 24-го іюня 1714 г., сконч. 28-го іюля 1776 г.). 15-го января 1754 г., по настоянію Императрицы Елизаветы Петровны, онъ женился на баронессѣ Маріи Нико-

[1]) Вл. Анд—ъ. „Новое Время“. 1913 г. 23-го и 25-го мая №№ 13.360 и 13.362.

[2]) Осторожныя историческія изслѣдованія не рѣшаются назвать К. С. Скавронскаго роднымъ братомъ Екатерины I-й, а устанавливаютъ лишь фактъ близкаго родства между ними.

Графиня САМОЙЛОВА.

лаевнѣ Строгановой (род. въ 1731 г., сконч. въ 1805 г.), богатѣйшей невѣстѣ того времени [1]). Будучи безцвѣтенъ, какъ государственный дѣятель, Мартынъ Карловичъ оставилъ по себѣ хорошую память, какъ добрый человѣкъ. Чуждый интригъ, мягкій и покладистый, онъ хорошо умѣлъ ладить съ людьми. Въ духовномъ завѣщаніи, составленномъ за нѣсколько дней до смерти, онъ проявилъ трогательныя заботы о семьѣ и, что особенно характерно,—о своихъ многочисленныхъ крестьянахъ [2]): „что касается до людей и крестьянъ, писалъ М. К.,—главное мое было попеченіе содержать ихъ добропорядочно и не отягощать непомѣрною службою и поборами".

Овдовѣвъ, графиня Марія Николаевна съ сыномъ Павломъ Мартыновичемъ (род. въ 1757 г., сконч. 23-го ноября 1793 г.) почти навсегда покинула Россію и поселилась въ Италіи, которую она также страстно любила, какъ и ея сынъ. По словамъ одного изъ современниковъ, Павелъ Мартыновичъ „былъ великій чудакъ, никакая земля не нравилась ему, кромѣ Италіи, всему предпочиталъ онъ музыку, самъ сочинялъ какую-то еролашь, давалъ концерты". Онъ покровительствовалъ музыкантамъ и пѣвцамъ, въ его домѣ разрѣшалось говорить только речитативомъ.

10-го ноября 1781 г. П. М. женился на племянницѣ князя Потемкина-Таврическаго—Екатеринѣ Васильевнѣ Энгельгардъ (род. въ 1761 г., сконч. въ 1829 г.). Князь И. М. Долгорукій пишетъ: „ихъ [3]) было нѣсколько сестеръ, всѣ лица безподобнаго, и во всѣхъ дядюшка изволилъ влюбляться. Влюбиться на языкѣ Потемкина значило наслаждаться плотью: любовныя его интриги оплачивались отъ казны милостью, отличіями и разными наградами, кои потомъ обольщали богатыхъ жениховъ и доставляли каждой племянницѣ, сошедшей съ ложа сатрапа, прочную фортуну на всю жизнь. Дошла очередь до Екатерины Васильевны; она всѣхъ сестеръ была пригожѣе. Во время ея интриги съ дядею, появился ко двору изъ чужихъ краевъ молодой и богатый графъ Скавронскій... Онъ влюбился, и добрый дядюшка благословилъ счастливый бракъ".

Свадьба была отпразднована въ присутствіи Императрицы Екатерины II-й. Выйдя замужъ, гр. Е. В. Скавронская продолжала свою связь съ Потемкинымъ.

---

[1]) У ея отца было болѣе 40.000 душъ крестьянъ.

[2]) М. К. владѣлъ обширными помѣстьями, напр., пожалованнымъ ему селомъ Кимрами, конфискованнымъ у графини Екатерины Ивановны Головкиной, рожденной Ромодановской.

[3]) 5 сестеръ—дѣвицы Энгельгардъ.

Съ восхищеніемъ о ея красотѣ отзывались Сегюръ, князь Циціановъ и извѣстная художница Виже-Лебренъ, которая писала: „La comtesse était douce et jolie, comme un ange“ [1]).

Отъ брака Павла Мартыновича съ Екатериной Васильевной были дочери Марія Павловна [2]) и Екатерина Павловна.

Со смертью Павла Мартыновича, занимавшаго постъ русскаго посланника въ Неаполѣ, угасло потомство графовъ Скавронскихъ по мужской линіи.

Черезъ 5 лѣтъ послѣ его смерти (въ 1798 г.) вдова его вышла замужъ за графа Юлія Помпеевича Литту (1765—1839) [3]). По случаю этого брака Державинъ посвятилъ новобрачной стихи. Поэтъ восклицаетъ:

„Такъ, Пирра, Пирра дорогая!
„Кто столько легковѣрнымъ сталъ,
„Что вѣкъ тобой мнитъ наслаждаться:
„Тотъ долженъ искренно признаться,
„Что бурь онъ въ морѣ не видалъ.

Графиня Екатерина Павловна Скавронская (сконч. въ 1857 г.) въ 1-мъ бракѣ была за героемъ Отечественной войны 1812 г.— княземъ Петромъ Ивановичемъ Багратіонъ, а во 2-мъ за лордомъ Гоуденъ. Оба эти брака были бездѣтны.

Графиня Марія Павловна Скавронская также была замужемъ дважды. 1-й разъ она вышла за графа Павла Петровича Фонъ-деръ-Паленъ (род. 7 іюля 1775 г., сконч. 9 февр. 1834 г.), сына того Палена, который былъ душою заговора, стоившаго жизни Императору Павлу [4]). Влюбленный въ гр. Марію Павловну и встрѣтивъ несочувствіе со стороны ея родныхъ, лихой кавалерійскій генералъ [5]) похитилъ красавицу, обвѣнчался съ

[1]) „Графиня была добра и прелестна какъ ангелъ“. Въ 1790 году Виже-Лебренъ написала пастелью ея портретъ. Гравюра съ него (работы Р. Моргенъ) находится въ собраніи Вел. Кн. Николая Михаиловича.

[2]) Гр. Е. В. Скавронская со старшей дочерью Маріей Павловной изображена на портретѣ, писанномъ Анжеликой Кауфманъ (1741—1807).

[3]) Его портретъ кисти англійскаго художника, принадлежавшій покойному Вел. Кн. Владиміру Александровичу, былъ на выставкѣ русскихъ портр. XVIII-го вѣка въ 1905 г. въ Таврическомъ Дворцѣ.

[4]) Гр. Петръ Алексѣевичъ Фонъ-деръ-Паленъ (род. 17 іюля 1745 г., сконч. 13 февр. 1826 г.) въ 1801 году состоялъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ.

[5]) Въ Отечественную войну 1812 г. онъ причинялъ французамъ жестокій вредъ внезапными налетами на нихъ со своей кавалеріей во время отступленія великой арміи.

нею и невольно заставилъ ее вести кочевой образъ жизни, передвигаясь на походѣ за кавалерійской частью, которой онъ командовалъ.

Отъ этого брака въ 1803-мъ году, въ простой крестьянской избѣ, родилась Юлія Павловна графиня Фонъ-деръ-Паленъ, названная Юліей въ честь ея бабушки гр. Юліи Ивановны Фонъ-деръ-Паленъ (1751—1814) [1]).

Юлія Павловна рано лишилась родительскихъ заботъ: уже въ 1804-мъ году ея родители развелись, мать вышла за гр. Адама Петровича Ожаровскаго, а отецъ вступилъ во 2-й бракъ съ Аграѳеной Ивановной Лермонтовой, рожденной Орловой (сконч. въ 1810-мъ году) [2]), а по ея кончинѣ и въ 3-й бракъ съ Екатериной Васильевной Орловой (сконч. въ 1853-мъ году). Юлія Павловна воспитывалась въ домѣ бабушки, граф. Екатерины Васильевны Скавронской. Графъ Литта, не имѣя дѣтей, сердечно къ ней привязался и питалъ истинно отцовскія чувства; онъ завѣщалъ ей все свое громадное состояніе, часть котораго передалъ ей еще при жизни, когда она, будучи фрейлиной, въ 1825-мъ году вышла за флигель-адъютанта графа Николая Александровича Самойлова.

Мужъ доводился ей дальнимъ родственникомъ, ибо его отецъ гр. Александръ Николаевичъ Самойловъ (1744—1814)—Екатерининскій генералъ-прокуроръ, приходился племянникомъ князю Потемкину, а любимой племянницей послѣдняго была бабушка гр. Юліи Павловны—гр. Екатерина Васильевна Литта (рожденная Энгельгардъ).

Гр. Н. А. Самойловъ началъ службу въ л.-гв. Преображенскомъ полку, затѣмъ состоялъ адъютантомъ командующаго отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ генерала Ермолова. 17-го августа 1821 г. онъ, въ чинѣ штабсъ-капитана, былъ пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта.

Жениха и невѣсту благословляли къ вѣнцу Императоръ Александръ I-й и Императрица Марія Ѳеодоровна, устроившая для молодыхъ въ Павловскѣ въ „Розовомъ Павильонѣ“ блестящій балъ.

Графъ Н. А. Самойловъ былъ красивъ, Юлія Павловна

---

[1]) Рожденная баронесса Шеппнгъ.

[2]) Отъ этого брака было трое дочерей: Екатерина Павловна (замужемъ за княземъ Иваномъ Григорьевичемъ Грузинскимъ), Елизавета Павловна (замужемъ за княземъ Дадіани) и Елена Павловна (замужемъ за Аркадіемъ Африкановичемъ Болдыревымъ).

была „красива, умна, прелестна, обворожительно любезна“ [1]) и тѣмъ не менѣе супруги недолго прожили вмѣстѣ. По словамъ однихъ современниковъ, причиною ихъ разлада была близость графини съ французскимъ посломъ въ Петербургѣ графомъ Лафферонэ, по словамъ другихъ—съ Барантомъ-сыномъ; Тургеневъ говоритъ, что нѣкто А. Я. Мишковскій, управляющій ихъ имѣніями, войдя въ довѣренность къ графу Самойлову, сдѣлался его сотоварищемъ въ кутежахъ и въ то же время пріобрѣлъ особенно милостивое расположеніе графини. Юлія Павловна на колѣняхъ умоляла мужа простить ее, но все было тщетно, и супруги разошлись.

Разставшись съ мужемъ, графиня одно время жила близъ Петербурга въ своемъ имѣніи „Графской Славянкѣ“, доставшемся ей изъ рода Скавронскихъ, гдѣ собирался цвѣтъ столичнаго общества. Императоръ Николай Павловичъ былъ недоволенъ постоянными собраніями въ Славянкѣ, и это дали понять графинѣ Самойловой. Юлія Павловна, говорятъ, отвѣтила: „Ѣздили не въ Славянку, а къ графинѣ Самойловой, и гдѣ бы она ни была, будутъ продолжать къ ней ѣздить“. Однако же Юліи Павловнѣ пришлось перебраться въ Петербургъ; здѣсь она начала кататься на Стрѣлку, на Елагинъ островъ, туда стали пріѣзжать ея поклонники, и затѣмъ эти катанія на Стрѣлку вошли въ моду.

1832-й годъ графиня провела въ Италіи. Въ Римѣ она встрѣтила знаменитаго художника Карла Павловича Брюллова [2]), питавшаго къ ней чувства болѣе нѣжныя, чѣмъ дружба. Въ то время Брюлловъ страдалъ меланхоліей и терзался нравственными муками [3]). Юлія Павловна сумѣла быстро развеселить художника; онъ съ увлеченіемъ написалъ съ нея нѣсколько великолѣпныхъ портретовъ, про одинъ изъ которыхъ Бутурлинъ говоритъ: „Самойлова изображена во весь ростъ сходящей съ лѣстницы Миланскаго театра съ маскою въ рукѣ, къ ней прижимается ея прелестная воспитанница Джіованина въ костюмѣ гречанки“ [4]). На другомъ портретѣ графиня обни-

---

[1]) По словамъ Августѣйшаго историка Вел. Кн. Николая Михаиловича, „elle était belle, intelligente, charmante, aimable à ravir“.

[2]) К. П. Брюлловъ 1799—1852.

[3]) Увлеченная имъ, а послѣ отвергнутая итальянка бросилась въ рѣку и погибла.

[4]) Портретъ переданъ изъ Царскосельскаго Александровскаго дворца въ Музей Императора Александра III-го въ С.-Петербургѣ, XXII-й залъ № 1556.

маетъ лѣвою рукою свою другую воспитанницу Амадилію Пачини, а правою рукою передаетъ арапченку шаль; къ графинѣ ласкается собачка [1]). На третьемъ портретѣ графиня въ видѣ амазонки [2]). Наконецъ, она изображена Брюлловымъ на первомъ планѣ на лѣвой сторонѣ картины. „Послѣдній день Помпеи“ [3]).

Между тѣмъ друзья Самойловыхъ стремились примирить супруговъ, и, повидимому, ихъ старанія должны были увѣнчаться успѣхомъ, такъ какъ графиня сдѣлала распоряженіе приготовить Славянку къ пріѣзду ея и графа. Но... судьба судила иначе: графъ скончался 23-го іюля 1842 г., за нѣсколько дней до пріѣзда въ Славянку и до примиренія съ женою [4]). Съ его смертью пресѣкся родъ графовъ Самойловыхъ: онъ былъ послѣдній въ родѣ и не имѣлъ дѣтей.

Юлія Павловна была глубоко опечалена кончиной мужа; однако ея живой, веселый характеръ сказывался и въ эти тяжелые дни: слезы чередовались со смѣхомъ. „Въ Петербургѣ никто́ не повѣритъ, какъ мнѣ грустно“, жаловалась графиня своимъ хорошимъ знакомымъ, а черезъ минуту она же съ громкимъ смѣхомъ бѣгала вокругъ стола, возя на обшитомъ плерезами огромномъ шлейфѣ траурнаго платья своихъ друзей — маленькихъ дѣтишекъ.

Послѣ смерти мужа Юлія Павловна жила въ Италіи. Въ Миланѣ она имѣла свой дворецъ, а въ Ballagio [5]) дачу—villa Giulia. Здѣсь собирались литераторы, художники и музыканты; графиня была въ дружбѣ съ композиторами Россини, Беллини, Доницетти.

Въ 1846 г., при проѣздѣ графини черезъ одинъ маленькій итальянскій городъ, у нея сломался экипажъ и ей невольно пришлось задержаться въ пути. Случайно она узнала, что вечеромъ въ мѣстномъ театрѣ шла „Лючія“. Въ театрѣ графиня влюбилась въ дебютировавшаго тенора—замѣчательнаго красавца съ грустнымъ выраженіемъ лица; черезъ нѣсколько дней

---

[1]) Принадлежитъ г. Гинцбургу въ г. Кіевѣ. Былъ на историко-художественной выставкѣ русскихъ портретовъ въ 1905 г. въ Таврическомъ Дворцѣ.

[2]) Въ Третьяковской галлереѣ (въ Москвѣ). Во 2-й комнатѣ (вверху) № 124. На портретѣ дата—1832 г.

[3]) Въ Музеѣ Императора Александра III. Залъ XXIV-й.

[4]) 21-го іюня 1827 г. онъ былъ, „за болѣзнью“, уволенъ въ отставку полковникомъ.

[5]) На озерѣ Комо.

она вышла замужъ за этого итальянца, и графиня Самойлова превратилась въ синьору Пери (Pèry) [1].

Лишившись русскаго подданства, Юлія Павловна была принуждена продать свои многочисленныя помѣстія въ Россіи и въ томъ числѣ свою любимую Славянку. Вотъ разсказъ современника, графа Корфа о продажѣ Славянки: „графиня Самойлова, пользовавшаяся большой, но не совсѣмъ лестной репутаціей, по смерти перваго мужа, вышла вторично за границей за иностранца, что лишило ее русскаго подданства и заставило продать недвижимыя имѣнія, въ томъ числѣ и „Графскую Славянку", имѣніе истинно царское. Николай I-й велѣлъ немедленно купить ее, но покупка не состоялась, и графъ Воронцовъ купилъ имѣніе. Тогда Государь велѣлъ немедленно купить Славянку тѣмъ болѣе, что онъ, какъ родственникъ (по Скавронскимъ), имѣлъ право выкупа".

Недолго пользовалась Юлія Павловна супружескимъ счастьемъ во 2-мъ бракѣ: въ томъ же 1846-мъ году Пери умеръ въ Венеціи отъ чахотки. Тѣло его въ гробу было выставлено въ соборѣ Св. Марка (San Marco), а затѣмъ погребено въ Парижѣ на кладбищѣ Pere Lachaise.

На письменномъ столѣ Юліи Павловны стояли портреты гр. Самойлова и г. Пери; она часто любила сравнивать ихъ красоту, все же отдавая предпочтеніе итальянцу.

Потеря графскаго титула огорчила Юлію Павловну. Живя въ имѣніи Груссэ (Groussay) близъ Парижа и располагая громадными средствами, она купила графскій титулъ, выйдя въ 1863 г., шестидесяти лѣтъ отъ роду, за раззорившагося французскаго дипломата графа Карла де Морнэ (de Mornay), шестидесяти четырехъ лѣтъ. Тотчасъ послѣ свадьбы новобрачные разъѣхались, и Юлія Павловна должна была ежегодно выплачивать своему супругу огромную субсидію, что пагубно отразилось на ея благосостояніи.

Несмотря, однако, на разныя перемѣны своей фамиліи, Юлія Павловна до конца своей жизни подписывалась „Юлія Самойлова".

Своихъ дѣтей у Юліи Павловны никогда не было; но, любя дѣтей, она постоянно заботилась о пріемышахъ-дѣвочкахъ. Такъ, у нея были пріемныя дочери: Джіованина, выданная ею

[1]) Въ Русскомъ Біографическомъ Словарѣ въ статьѣ „Скавронскіе" и въ статьѣ Вл. Михневича „Семейство Скавронскихъ" („Историческій Вѣстникъ" 1885 г. февр., мартъ и апрѣль) неправильно указано, что вторымъ мужемъ Юліи Павловны былъ „французскій докторъ Перри".

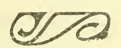
замужъ и снабженная большимъ приданымъ, и Амадилія Пачини—дочь композитора, написавшаго оперу „Сафо“.

Юлія Павловна, послѣдняя въ родѣ Скавронскихъ, унаслѣдовавъ выдающуюся красоту своей бабушки графини Екатерины Васильевны, сосредоточила въ своей личности хорошія черты характера своихъ предковъ: подобно прадѣду—Мартыну Карловичу, она была добра, отзывчива и проста въ обращеніи съ окружающими людьми, къ какому бы классу общества они ни принадлежали. Крестьяне Славянки обожали свою „графинюшку“, какъ они ее называли. Она часто посѣщала ихъ избы и охотно принимала приглашенія на пирогъ и т. п. Она щедро благотворила бѣднымъ: пенсіи, награды и пособія текли обильнымъ ручьемъ. Подобно дѣду—Павлу Мартыновичу, она широко покровительствовала искусствамъ. Портретъ ея прилагается къ настоящей статьѣ.

Юлія Павловна скончалась въ Парижѣ 19 марта 1875 г. и, по завѣщанію, погребена на кладбищѣ Pere Lachaise въ одномъ склепѣ съ тѣмъ, кого она такъ страстно любила—съ итальянскимъ пѣвцомъ Пери. Подъ конецъ жизни она разстроила свое огромное состояніе и умерла въ сравнительно скромной обстановкѣ.

Кромѣ вышеперечисленныхъ портретовъ работъ Брюллова извѣстны слѣдующіе портреты Юліи Павловны: портретъ кисти англійскаго художника, изображающій ее маленькой дѣвочкой [1]); портретъ работы Греведона [2]), акварель Босси (1835 г.) [3]); наконецъ, миніатюра, изображающая графиню въ старости [4]).

В. А. Бернацкій.

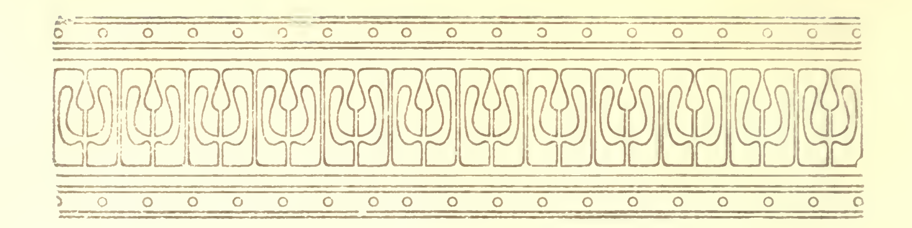


[1]) Собственность гр. М. Браницкой.

[2]) 1830 г. Собр. Е. Е. Рейтерна. Былъ на выставкѣ женскихъ портретовъ кружка любителей изящныхъ русскихъ изданій 1911 г.

[3]) Собственность кн. А. А. Куракина.

[4]) Собственность Вел. Кн. Николая Михаиловича.



Изъ неизданныхъ записокъ гр. Ѳ. Г. Головкина.

Принцъ Нассау-Зигенъ [1]).

Принцъ Нассау-Зигенъ былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ авантюристовъ эпохи, предшествовавшей французской революціи, во время которой онъ продолжалъ играть ту же роль съ большимъ для себя успѣхомъ.

Незаконный сынъ человѣка, который долженъ былъ публично признать себя отцомъ его, принцъ священной римской имперіи, какъ говорили въ то время, милостью парижскаго парламента и Императрицы Всероссійской, Нассау-Зигенъ впервые появился при Версальскомъ дворѣ, отличаясь прекрасной рыцарской наружностью, рѣдкой осторожностью въ интригахъ и замѣчательною молчаливостью. Это сначала придавало ему видъ скромнаго и разсудительнаго человѣка и въ продолженіе долгаго времени скрывало его глубокое невѣжество. Я говорю „глубокое", потому что онъ не умѣлъ ни писать ни считать, не зналъ, гдѣ находятся мѣстности, въ которыхъ онъ самъ не былъ и почти не умѣлъ читать писанное.

Осада Гибралтара была началомъ военной его дѣятельности, но онъ при этомъ надѣлалъ массу ошибокъ, хотя за нимъ

[1]) Принцъ Нассау-Зигенъ, Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ (р. 1743. † 1808 г.), адмиралъ, приглашенный на русскую службу Императрицей Екатериной II, прославился своими дѣйствіями противъ турецкаго флота, какъ сподвижникъ Потемкина, при осадѣ Очакова. Вызванный въ Петербургъ для начальствованія гребнымъ флотомъ въ войнѣ Даніи со шведами, принцъ Нассау-Зигенъ сначала имѣлъ успѣхъ въ борьбѣ со шведскимъ флотомъ, но вслѣдъ затѣмъ, по собственной неосторожности потерпѣлъ пораженіе при Свекзундѣ въ самомъ концѣ войны, закончившейся Верельскимъ миромъ. Послѣ этого Нассау-Зигенъ оставилъ Россію.

осталась репутація храбраго и мужественнаго человѣка. Со времени Американской войны онъ находился постоянно подъ ружейными выстрѣлами, а промежутки между ними были наполнены смѣлыми искательствами, результаты которыхъ были всегда для него выгодны — я говорю о наградахъ и пенсіяхъ. Поэтому онъ всегда пользовался положеніемъ очень богатаго человѣка, не владѣя ни пядью земли. Онъ былъ въ одно и то время генералъ-лейтенантомъ во Франціи и Испаніи и вице-адмираломъ въ Россіи.

Вездѣ милость, которой онъ пользовался, и довѣріе, которое, казалось, ему оказывали, возбуждали къ нему зависть, но вездѣ его холодная осанка и благородный видъ мѣшали открыто нападать на него. Онъ получалъ большое жалованье и подарки, но проживалъ все и, держа домъ на широкую ногу, бывалъ часто наканунѣ полнаго банкротства. Я былъ очень друженъ съ нимъ, потому что это былъ настолько же честный, насколько и ограниченный человѣкъ; я позволю себѣ сказать, что я часто пользовался его услугами, такъ какъ онъ былъ очень отзывчивъ. Хотя онъ былъ несчастенъ въ своихъ предпріятіяхъ, тѣмъ не менѣе онъ пользовался въ Россіи почетнымъ и блестящимъ положеніемъ, потому что Екатерина II его поддерживала, вопреки мнѣнію всѣхъ своихъ приближенныхъ.

Онъ былъ начальникомъ Черноморскаго и Балтійскаго флотовъ, велъ очень важные переговоры, получилъ голубую ленту и большой крестъ ордена Св. Георгія, но кончилъ такъ же плохо и въ Россіи, какъ въ другихъ странахъ. Послѣ отъѣзда изъ Россіи принцъ Нассау-Зигенъ поселился въ Венеціи во дворцѣ Loredan, названіе котораго соблазнило его больше, чѣмъ сама мѣстность. Онъ устроилъ здѣсь нѣчто въ родѣ убѣжища для эмигрантовъ, гдѣ каждый платилъ или служилъ, смотря по своимъ средствамъ. Я самъ пробылъ у него тамъ 2 мѣсяца, когда, возвращаясь изъ Неаполя въ Россію, я хотѣлъ выждать время, чтобы узнать причины своего отозванія.

Бѣдные принимались здѣсь безъ всякаго затрудненія и ничего не платили. Принцесса Нассауская отлично ихъ принимала; но пора поговорить о ней.

Она была полькой по фамиліи Готска [1]), разведенная съ княземъ Сангушко, и какъ мнѣ кажется, еще съ однимъ; она была прекрасна и была въ восхищеніи, что имѣла возможность

[1]) Шарлотта Гоудзка по *біографіи Дидо*. --Гриммъ называетъ ее также Годска и очень хвалитъ ее, см. *„Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ.“* Т. XLIV, 157.

соединить свою судьбу съ судьбою короля авантюристовъ. Она была образована, благоразумна, сговорчива или дерзка, смотря по настроенію или обстоятельствамъ, но была большой лгуньей. По возвращеніи ея въ день Пасхи изъ церкви св. Марка, мы ради шутки спросили ее, о чемъ проповѣдывали въ церкви. „Объ астрономіи“. Можно себѣ представить наше удивленіе! — „Какъ, объ астрономіи? въ день Пасхи?“ — „Да, объ астрономіи“. И вотъ она импровизируетъ цѣлую прекрасную рѣчь. „Ужасно такъ лгать послѣ причастія, значительно сказалъ ей епископъ de Lombez [1]), но нужно предположить, что проповѣдь, сказанная вами, вѣроятно, лучше той, которую вы выслушали“. Но ее ничто не приводило въ смущеніе. Во время шведской войны, стоившей столькихъ слезъ Россіи, послѣ печальной битвы при Свекзундѣ, во время которой погибло 12 тысячъ человѣкъ, казна, знамена, всѣ галеры и я не знаю сколько фрегатовъ, когда мужъ ея велъ себя, какъ герой, она легкомысленно говорила: „Я не знаю, о чемъ кричатъ и шумятъ эти русскіе скоты, ...во всемъ этомъ я вижу только славу принца Нассаускаго“.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, она страстно хотѣла быть статсъ-дамой и сильно домогалась этого отличія. Екатерина, соблюдавшая приличія, находила, что эта милость, какъ бы она ни была высока въ Россіи, была ниже женщины, мужъ которой былъ членомъ владѣтельнаго дома; она пыталась дать ей понять это, но безуспѣшно. Желая быть любезной къ принцессѣ, Императрица искала средство удовлетворить ее, не нарушая обычаевъ, и рѣшила послать ей свой портретъ во весь ростъ—весьма рѣдкое отличіе—и драгоцѣнности, стоившія не менѣе тѣхъ бриллiантовъ, которые окружали маленькій портретъ, носимый на груди статсъ-дамами. Но принцесса страшно разгнѣвалась, говоря, что съ ней обращаются, какъ со старымъ посломъ или съ женщиной, пріѣхавшей клянчить. Екатерина въ своемъ безграничномъ великодушіи и желая успокоить ее, на другой день во время парада, подошла къ принцессѣ и спросила ее: „Вы уже выбросили мой портретъ черезъ окно?— Нѣтъ еще“, былъ отвѣтъ. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела эта дерзость на дворъ, преклонявшійся предъ Государыней. Я не знаю, посовѣтовали ли принцессѣ Нассауской или ей приказалъ ея мужъ, котораго она боялась, только черезъ нѣсколько дней она уѣхала въ Польшу.

[1]) Александръ-Генрихъ де *Щовиньи де Бло* род. 11 января 1751 г., посвященъ въ епископы Ломбеца (Геръ) 30 марта 1788 г.

Иногда у нея были довольно смѣшныя выходки. Она встрѣтилась въ Спа съ Густавомъ III. Король этотъ, зная, что женщины не могутъ его любить, сталъ высказывать ей необузданную страсть. Однажды, когда онъ бросился къ ея ногамъ, говоря, что умретъ, если она не отдастся ему, она сказала: „Какъ, ваше величество, вы можете думать, что я васъ не люблю! Между тѣмъ вы имѣете самое убѣдительное доказательство — я васъ не люблю такъ, чтобы вамъ отдаться“.

Во время своего пребыванія въ Венеціи, принцъ Нассаускій, утомленный праздностью, захотѣлъ снова попытать счастья на службѣ въ Испаніи. Въ Барселонѣ его заставили долго ждать разрѣшенія отправиться въ Мадридъ, но когда онъ его получилъ, никто тамъ не хотѣлъ его принимать. Послѣ многихъ хлопотъ ему приказали быть въ манежѣ въ то время, когда извѣстный князь мира (Годой) будетъ кататься верхомъ. Онъ поспѣшилъ быть тамъ; фаворитъ его не замѣтилъ; королева холодно спросила его, видалъ ли онъ когда-нибудь болѣе прекраснаго кавалера. Несчастный принцъ клялся, что онъ никогда не могъ даже представить себѣ что-нибудь болѣе совершенное. Все-таки на другой день онъ получилъ приказаніе оставить Испанію.

Между тѣмъ, принцесса Нассауская только-что получила въ наслѣдство отъ своего брата Готскаго земли въ Польшѣ. Ея пылкое воображеніе подсказывало ей такія способы употребленія состоянія, которые она сама лишь была способна осуществить. Нарушили контрактъ съ владѣльцемъ дворца Loredan, эмигранты разбрелись кто куда, остановились въ Вѣнѣ, чтобы развѣдать почву, но она показалась имъ неблагодарной, и тогда отправились въ помѣстья ихъ высочествъ. Первымъ дѣломъ принцессы въ этихъ помѣстьяхъ было отнять у крестьянъ земли которыми они пользовались и на нихъ насадить..., но я боюсь, что меня заподозрятъ въ подражаніи разсказамъ принцессы. Тѣмъ не менѣе, нужно упомянуть объ этомъ, такъ какъ это извѣстно: она употребила всѣ земли подъ посѣвъ лаванды, сѣмена которой съ большими издержками были выписаны изъ Франціи. Собирались захватить въ свои руки всю торговлю лавандовой водой на всемъ сѣверѣ и востокѣ. Балтійское и Черное море должны были покрыться судами, нагруженными благовонными товарами, и милліоны должны были стекаться со всѣхъ сторонъ...

Въ самый разгаръ этого прекраснаго дѣла принцесса внезапно умерла, а принцъ, поѣхавшій въ Парижъ узнать, не на-

значитъ ли его старый товарищъ по хитростямъ, Талейранъ, имперскимъ маршаломъ, вернулся обратно, успѣвши только быть свидѣтелемъ на свадьбѣ бывшаго Отенскаго епископа съ одной содержанкой [1]).

Онъ сталъ понемногу сходить съ ума, и дѣло дошло до того, что этотъ столь важный человѣкъ, съ виду такой разсудительный, сохранившій рыцарскія манеры, умеръ въ старинномъ придворномъ женскомъ платьѣ, въ фижмахъ, въ лентахъ, спускавшихся съ его сѣдой головы, и съ шлейфомъ, поддерживаемымъ двумя пажами въ парадной ливреѣ. Отъ этого незаконнорожденнаго существа остались тоже только незаконнорожденныя дѣти, изъ которыхъ одна вышла замужъ за *д'Аррагона*, сдѣланнаго перомъ въ то время, когда Деказъ вздумалъ унизить во Франціи палату перовъ. Sic transit gloria mundi!

Я разскажу еще одинъ случай изъ жизни принца, потому что онъ мнѣ кажется замѣчательнымъ.

Принцъ Нассаускій, отправленный Императрицей къ графу д'Артуа, находившемуся въ Веронѣ, просилъ меня рекомендовать ему довѣреннаго секретаря. Я вспомнилъ объ одномъ молодомъ эльзасцѣ—первомъ приказчикѣ и любовникѣ одной француженки-интриганки, превратившейся послѣ многихъ приключеній въ продавщицу модъ и просившей меня пристроить его куда-нибудь.

Принцъ принялъ его безъ колебаній и нашелъ въ немъ много талантовъ; но ихъ отношенія сложились совсѣмъ не такъ, какъ у прочихъ людей. Обыкновенно, посолъ пишетъ черновую, которую затѣмъ переписываетъ секретарь начисто; здѣсь же посолъ диктовалъ, секретарь исправлялъ слова посла, и тогда уже принцъ съ трудомъ переписывалъ черновую, которую онъ часто не умѣлъ читать... Этотъ секретарь, вытащенный изъ-за прилавка, казавшійся мнѣ сперва только большимъ нѣмецкимъ мальчикомъ, сталъ господиномъ д'Анстетъ [2]), полночнымъ министромъ Императора Александра въ самыхъ важныхъ случаяхъ, имѣвшимъ красную ленту, однимъ словомъ, особой, которую Бонапартъ ненавидѣлъ до смерти и объявилъ своимъ подданнымъ. Его порокъ — пьянство высказался однажды довольно странно.

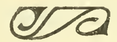
[1]) Это было послѣ установленія во Франціи имперіи Наполеона.

[2]) Анстетъ, Ив. Осип. д. т. с. † 1835 г. Онъ вступилъ въ русскую службу въ 1789 г. и въ этомъ же году былъ подъ начальствомъ принца Нассау-Зигенскаго.

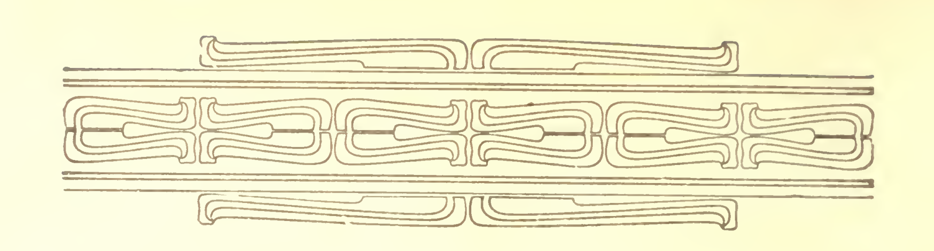
Присутствуя на церемоніи, во время которой лордъ Абердинъ принималъ Императора Александра—кавалера ордена Подвязки [1]), и будучи пьянъ, онъ сталъ говорить громко во время богослужебной тишины: „Какой фарсъ!“. Императоръ, который быть можетъ раздѣлялъ его мнѣніе, ограничился приказомъ, чтобы впредь не совѣщались о дѣлахъ съ его частнымъ секретаремъ д'Анстетомъ послѣ обѣда.

Тогда любили выскочекъ; настоящій баринъ затерялся между ними.

Сообщ. **Е. С. Шумигорскій.**



[1]) Это произошло во время поѣздки Императора Александра въ Англію въ 1815 году.



Дневникъ И. М. Снегирева.

Дневникъ московскаго профессора и цензора Ивана Михайловича Снегирева (род. 23 апрѣля 1793 † 9 декабря 1868) обнимаетъ время за 1821—1865 гг. Рукопись его почти вся въ свое время поступила въ собственность покойнаго собирателя А. А. Титова, который и напечаталъ ее въ „Русскомъ Архивѣ", кромѣ недостававшихъ у него тетрадей за 1826—1833 гг. Часть этихъ „выпавшихъ" записей нашлась въ библіотекѣ тоже нынѣ покойнаго М. И. Пыляева,—обстоятельство, оставшееся неизвѣстнымъ А. А. Титову. Послѣ смерти М. И. Пыляева одинъ только дневникъ Снегирева—съ іюня 1825 г. по 1828 г. включительно—былъ пріобрѣтенъ извѣстнымъ петербургскимъ библіофиломъ, не такъ давно сошедшимъ въ могилу. Куда дѣвались тетради дневника періода 1829—1833 гг.,—вопросъ, пока остающійся безъ отвѣта.

Личность И. М. Снегирева и его роль въ исторіи нашей науки и общественности достаточно освѣщены въ литературѣ и говорить объ этомъ лишній разъ едва-ли нужно. Его дневники, веденные съ щепетильною аккуратностью и рѣдкою откровенностью, крайне характерны для обрисовки „всей Москвы" первой половины прошлаго столѣтія. Предлагаемыя читателямъ „Русской Старины" страницы любопытны отраженіемъ общественнаго настроенія „старой столицы" на переломѣ двухъ эпохъ— „Александровской" и „Николаевской", исторической вѣхою между которыми явилось 14 декабря 1825 г.

В. Андерсонъ.

Іюнь. 1825 г.

16. Я служилъ въ своемъ приходѣ панихиду по батюшкѣ; потомъ былъ на лекціи своей въ Универс. Зашелъ къ Я. Е. Арсеньеву [1]), котораго нашелъ лучше и веселѣе прежняго: я читалъ ему переписку Филарета съ Серафимомъ насчетъ Катихизиса; отъ него прошелъ къ Боборыкиной, училъ и обѣдалъ, потомъ къ кн. Черкасской [2]). Внесъ за свой чинъ 102, росписавшись у казначея Универс.

17. Получилъ при письмѣ отъ Броневскаго изъ Тулы его рукопись: 1 ч. *Письма морского офицера* [3]); послѣ обѣда занимаюсь музыкою и логикою. Утромъ послалъ къ генералу Писареву [4]) его книгу Историческую Академію, свою книгу: *Извѣстія Академ.* и *письмо къ Филарету* о присланныхъ имъ лѣтописцахъ въ истор. общ.

18. Подписалъ прочитанныя мною рукописи: Броневск. пер. *Единбургская тюрьма* ч. 1 [5]) и *полный пѣсенникъ*, въ 3 част. 2 изд. По дорогѣ заѣхалъ въ Петровскій монастырь къ празднику Боголюбской Богородицы, потомъ въ лавку Ширляева, который звалъ меня къ себѣ, наконецъ въ универс. на свою лекцію, на коей былъ для продолженія экзамена професс. Чумаковъ [6]). Послѣ урока у Боборыкиной зашелъ я къ Я. Е. Арсеньеву, который звалъ меня съ собою въ Ярославль: я отвѣчалъ, что боюсь, чтобы ему не быть въ тягость—впрочемъ посовѣтуюсь съ маменькою и своими обстоятельствами. Обѣдалъ и урокъ давалъ у кн. Черкасской.

19. Послѣ урока въ воспитательномъ домѣ былъ у тетушки Е. П., отъ нея въ дождикъ домой. Отдохнувъ послѣ обѣда, занимаюсь съ Чулковымъ музыкою и логикою. Потомъ пошелъ

---

[1]) Яковъ Евграфовичъ Арсеньевъ, умеръ въ чинѣ д. с. с. 9 августа 1839 года.

[2]) Марія Васильевна Боборыкина, мать поэта Николая Николаевича Б—на, р. 12 іюля 1776 г., ум. 15 іюня 1860 г.

[3]) Владиміръ Богдановичъ Броневскій (1784—1835), морской писатель; изданъ въ Москвѣ, въ 1826 г., Письма морского писателя.

[4]) Генералъ-лейтенантъ Александръ Александровичъ Писаревъ, род. 16 авг. 1780 г., ум. 23 іюня 1848 г. Занималъ одно время должность попечителя Московскаго университета.

[5]) Работа, повидимому, осталась ненапечатанною. Въ 1825 г. дѣйствительно вышелъ въ Москвѣ переводъ „Эдинбургской темницы“, но онъ подписанъ буквами „А... З... г.“.

[6]) Ѳедоръ Ивановичъ Чумаковъ, проф. математики, р. 24 декабря 1782 г., ум. въ 1837 г.

къ Полевому [1]) и провелъ съ нимъ вечеръ въ разговорахъ о литер. и литер. сплетняхъ. Полевой говор., что я очень смѣлъ въ пропускѣ книгъ и будто вошелъ въ славу, которой бы и не желалъ: замѣтилъ мнѣ одно мѣсто изъ пропущенной мною книги *два Ивана*, гдѣ будто осмѣивается священнослужитель. Я предоставлялъ это читать г-ну Ректору, и онъ ничего не сказалъ противъ этого.

20. Съ утра дождь. Послѣ урока въ В. Д. обѣдалъ дома и занимался чтеніемъ журналовъ: получилъ извѣстіе, что пріятель мой стат. совѣтн. Дм. Алекс. Бороздинъ скончался 1 д. іюня.—Былъ кн. Одоевской [2]) съ предложеніемъ не пропускать ст. Шелехова въ Мнем. 4: [3]) онъ живетъ на пресненск. прудахъ въ домѣ кн. Одоевскаго.

Пилатъ Бѣлугинъ—вотъ прекрасное названье!
Хотите ль знать, друзья, ему истолкованье?
Свой своему вѣдь по неволѣ братъ
Бѣлуга Дмитріевъ, а Писаревъ Пилатъ.

Насчетъ предложенія кн. Одоевскаго не пропускать въ Мнем. статьи Шелехова я отвѣчалъ, что не иначе на это соглашусь, какъ по замѣчанію Ценз. Комит. Вмѣстѣ съ кн. Одоевск. поѣхали ко всенощной на Троиц. Подв., отстоявъ ее, распростились.

21. Поутру написалъ письмо къ М. Ф. Телепневой. Пріѣзжалъ проститься Е. П. Телепневъ, отъѣзжающій въ Орелъ. Со Л. А. Цвѣтаевымъ [4]) ѣздилъ на обѣдъ, званный къ Ширяеву [5]), у коего былъ также Дружининъ [6]), Мерзляковъ [7]), Давыдовъ [8]). За столомъ Давыд. говорилъ, что приготовительные классы не нужны: Л. А. и А. Ѳ. его опровергнули.

---

[1]) „Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ", Василія Паритнаго. 3 части, М. 1825 г.

[2]) Князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій.

[3]) Статьи этой въ „Мнемозинѣ" нѣтъ.

[4]) Профессоръ по каѳедрѣ „правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ" Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ, ум. 7 февр. 1835 г.

[5]) Книгопродавецъ Александръ Сергѣевичъ Ширяевъ, ум. въ 1841 г.

[6]) Петръ Михайловичъ Дружининъ, директоръ училищъ Московской губерніи, ум. 20 іюля 1827 г.

[7]) Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ, проф. поэзіи и краснорѣчія, р. 1778 г., ум. 26 іюня 1830 г.

[8]) Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, засл. проф. русской словесности, потомъ предсѣдатель второго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, р. 15 іюня 1794 г., ум. 15 ноября 1863 г.

22. Былъ на выносѣ тѣла Дм. Алекс. Бороздина; оттуда проѣхалъ въ универс. на экзам. Етико-Полит. отдѣленія, на коемъ былъ и Филаретъ съ Викаріемъ, и дѣлалъ самъ вопросы изъ богословіи и св. исторіи, объснялъ превращеніе лотов. жены въ соляной столбъ и вынесеніе Еноха естественнымъ образомъ, говоря также, что виноградъ до потопа не былъ пьянъ.

23. Былъ на экзаменѣ своемъ изъ лат. класса въ В. Д.: отвѣчали порядочно. Съ универс. лекціи я проѣхалъ къ Бобарыкиной; отъ нея къ Л. А. Цвѣтаеву на именины супруги его; обѣдалъ: гостей было много и весело; Канту не совѣтывалъ мнѣ пить чаю. М-ель Софія Тикверк. подарила мнѣ двѣ розы. Протоп. Иванъ Дмитр. разсказывалъ анекдоты о Платонѣ, о знакомствѣ его съ Дмитр. Сѣченовымъ, о гнѣвѣ Императора Павла I на него. Анна Алекс. [1]) вызвалась мнѣ сватать невѣсту; а Аграфена Нерон. сказала, что Ив. Мих. женихъ вездѣ и нигдѣ. За ужиномъ разговаривали о пословицахъ, служившихъ законами: тоже что *обычаи* предковъ у римл. Киселевъ замѣтилъ пословицу: „При овцахъ онъ слыветъ въ молодцахъ, а при молодцахъ онъ овца“ (говоря о Груст.) Фехтмейстеръ въ Москвѣ Мортье изнасиловалъ своихъ двухъ дочерей и по доносу жены своей теперь судится. Ивашковскій [2]) сказывалъ, что при Новиковѣ издана книжка съ переводами изъ Арго, гдѣ есть толкованіе нѣкоторыхъ русск. пословицъ. Разъѣхались за полночь.

24. Ѣздилъ поздравить И. П. Давыд. съ чиномъ и вмѣстѣ съ нимъ слушалъ обѣдню въ Пансіонѣ. Слышалъ отъ него, что 23 іюня въ Срѣт. монаст. чуть было Филарета не ушибло упавшею оконницей, когда онъ подошелъ къ жертвеннику взять сосуды. Обѣдалъ у П. М. Иракліонова.—Ввечеру у меня были кн. Н. Г. Вяземскій [3]) и В. Б. Броневскій—разсуждали о воспитаніи юношества и духѣ противорѣчія, нынѣ господствующемъ въ юношествѣ—просили меня о своихъ книгахъ.

25. Былъ у кн. Вяземскаго и познакомился съ зятемъ его Болтинымъ; первый поручилъ мнѣ прочесть его переводъ *новѣйшія путешествія*; другой спрашивалъ о комит. экзаменѣ. Послѣ универс. лекціи заѣхалъ къ Я. Е. Арсеньеву, у коего засталъ Дмит. Мих., разговоръ зашелъ объ *убогихъ домахъ*, на кои св. Дмитрій Рост. завѣщевалъ отнести себя послѣ смерти

---

[1]) Анна Алексѣевна Платонова.

[2]) Семенъ Мартыновичъ Ивашковскій, проф. греческаго языка (1774—1850).

[3]) Князь Николай Григорьевичъ Вяземскій, сенаторъ (1769—1846).

въ своей *духовной*. Дмитр. Михайл. разсказывалъ, какъ ребята играли въ Красномъ селѣ близъ Тихвинской въ короли, и король велѣлъ одному принести съ убогаго дома мертвеца, и когда онъ же опять отнесъ на себѣ мертвеца, то тотъ такъ крѣпко обхватилъ его руками, что никакъ онъ не могъ освободиться до тѣхъ поръ, пока обѣщалъ покойника поминать во всю жизнь. Екатерина II проѣздомъ въ Москву послѣ мора, увидѣвъ убогій домъ и узнавъ о назначеніи его, запретила строить.

Послѣ урока по просьбѣ М. В. Б. обѣдалъ вмѣстѣ съ женою и зятемъ ея брата; отъ нея проѣхалъ къ кн. Черкасской, которая разсказывала, какъ въ Курскѣ нищіе, поймавши одного ребенка, изувѣчили его, подрѣзавъ жилы, чтобы, возбуждая имъ состраданіе въ прохожихъ, собирать болѣе денегъ.

26. Былъ на похоронахъ приходскаго нашего дьячка и сына Демидова, и слышалъ вопль и рыданіе, которое потрясло мою душу. Оттуда на экзаменъ слов. отдѣленія въ универс.; сказалъ А. А. Антон. [1], что я намѣренъ ѣхать въ Ярославль, если позволятъ обстоятельства; онъ просилъ меня объ немъ помолиться, обѣщавъ дать билетъ. Экзаменъ Гаврилова [2] показался мнѣ плохимъ; Давыдовъ хорошо спрашивалъ и худо ему отвѣчали, кромѣ двухъ или трехъ отличныхъ [3]. У Каченевскаго экзаменъ шелъ довольно хорошо. Съ Васильев. обѣдали у Давыдова; первый насъ смѣшилъ своими разсказами; предлагалъ издавать вмѣстѣ журналъ.

27. Утромъ занимался своими дѣлами; поѣхалъ въ универ., гдѣ получилъ письмо отъ архіеп. Псковскаго Евгенія и I тетр. *Жизни Платона* съ его примѣчаніями и отмѣтками. На экзаменѣ Лодера [4] сказалъ это професс. Цвѣтаеву. Былъ у Сандунова [5], читалъ ему письма Филарета къ Серафиму насчетъ Катихизиса; онъ выпросилъ списать до втори. Въ 12 час. пошелъ въ свой классъ, гдѣ сверх. обыкн. ожидали меня мои слушатели, съ коими я занимаюсь повтореніемъ логики до 3 час.: въ срединѣ

[1]) Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, ректоръ Московскаго университета; годъ его рожденія неизвѣстенъ, умеръ въ 1848 г.

[2]) Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ, проф. слав. языка и словесности (1759—1829).

[3]) Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, проф. исторіи, статистики и славянской литературы (1775—1842).

[4]) Христіанъ Ивановичъ Лодеръ, проф. медицины (1753—1832).

[5]) Николай Николаевичъ Сандуновъ, проф. уголовнаго и гражданскаго судопроизводства (1769—1832).

повторенія пріѣхалъ ко мнѣ на лекцію генералъ Арсеньевъ, съ коимъ вмѣстѣ поѣхалъ къ нему обѣдать и послѣ обѣда разговаривалъ съ его женою, очень умною и любезною, такъ равно и дочерью, очень милою и, повидимому, добродушною дѣвицею. Я разсказывалъ имъ анекдоты нравственнаго содержанія. Они отпустили меня на своихъ дрожкахъ съ сыномъ, кои изломались у самаго дома моего. Былъ у всенощной; подходилъ къ окошку Марфы Петр., чтобы утѣшить ее въ потерѣ сына.

28. Послѣ дождя прекрасное утро. Заходилъ Нефедьевъ съ Хрущевымъ, идучи въ Троиц. Лавру благодарить преп. Сергія за студенчество. Послѣ обѣдни въ своемъ приходѣ съ маменькою зашли къ Аннѣ Алекс. Платоновой на полчаса. Ѣздилъ въ Люблино и не засталъ хозяина; выкупался тамъ и погулялъ; проѣхалъ къ Гусеву—были мнѣ рады, давно меня не видавши. Отъ нихъ къ частн. прист. Ивану Федоров. Полтаранову, который принялъ меня ласково; у него познакомился съ г. Верстовскимъ [1]), человѣкомъ очень умнымъ, и его зятемъ П. Н. Страховымъ, ученикомъ моего батюшки. Съ семействомъ хозяина и его гости гуляли въ Демидовомъ саду, очень пріятномъ и хорошо обдѣланномъ: онъ раздѣляется на голл., англійск. и русск.; мнѣ понравились пруды съ островками, галлереи и бесѣдки. Разговоръ былъ о вредномъ вліяніи Пушкина стиховъ на нравственность юношества, о блестящемъ вѣкѣ Екатерины II. Верстов. звалъ меня къ себѣ неотмѣнно—обѣщалъ. Послѣ веселаго ужина, въ 11 час. разъѣхались.—Безъ меня былъ у меня кн. Н. Г. Вяземскій и кн. Трубецкой.

Іюль 1825 г.

1. Въ церкви Зачатія св. Анны въ приходѣ св. Екатерины, былъ крестнымъ воспріемникомъ у дьякона сей церкви, сына Сергія. Холодная церковь очень древняя изъ бѣлаго камня, возобновлена послѣ пожара Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, который далъ въ нее вкладу подсвѣчникъ и образъ своего ангела, см. *Степенную Книгу*. Иконостасъ древнѣе Успенскаго соб. Царь Алексій былъ возобновителемъ и вкладчикомъ въ стар. храмѣ, въ коемъ четыре престола: 1, зачатіе св. Анны. 2, св. IX мучениковъ, 3, св. мученика Мины, Виктора. 4, св. муч. Екатерины. Замѣчательно мѣдное паникадило, повидимому

[1]) Вѣроятно, композиторъ Алексѣй Николаевичъ Верстовскій (1799—1862).

Голланд. работы.—Заѣхалъ къ Никол. Мокренскому священ. Андрею Иван. [1]), возвратилъ ему его книгу, Собраніе Проповѣдей и подарилъ ему свою біогр. преосв. Августина, а онъ мнѣ свой Латин. Лексиконъ, прося дѣлать отмѣтки.

5. Въ 8 часу вечера выѣхали изъ Москвы съ Я. Е. Арсеньевымъ въ Ярославль; дорога была грязна и дурна; въ 11 час. пріѣхали на ночлегъ въ Большіе Мытищи, пили чай изъ громовой воды.—По грязной дорогѣ пустились въ дальній путь, на коемъ попадалось намъ навстрѣчу много экипажей и пѣшихъ Богомольцевъ.

Дорогой я читалъ *Записки морск. путеш. В. Броневск.* Обѣдали въ Талицахъ, съ Маріею Васил. вмѣстѣ и съ Я. Е. Арсеньевымъ. Небо было сумрачно; моросилъ дождикъ изрѣдка.—

6. Послѣ обѣда отправились въ Хотьковъ [2]), куда пріѣхали ввечеру и остановились на постояломъ дворѣ. Заходилъ къ схимницѣ Евпраксіи сперва одинъ, потомъ съ Маріею Вас., Никол. Никол. и кн. Друцкимъ. Старица была намъ рада, говорила много назидательнаго, благословила всѣхъ насъ крестиками, подчивала хлѣбомъ; мнѣ особенно совѣтывала жениться, говоря, что бракомъ очищаются грѣхи юности, приводила на память *Пс.* Помилуй мя Боже... — Утромъ съ Я. Е. Арсеньевымъ служили панихиды; потомъ ходили къ схимн. Евпраксіи, которая просила его употреблять въ лѣкарство отъ паралича воды, настоенной землею, взятою съ трехъ перекрестковъ, на кои должно положить для птицъ и звѣрей по куску хлѣба: это отъ Петра могилы. Замѣтилъ ея пословицу: надобно, *чтобъ была молитва въ устахъ, а дѣло въ рукахъ.* Она сказывала, что будто Импер. Алекс. I. послѣ нашествія непріятелей бывши въ Троиц. Лаврѣ, читалъ тамъ молитву Царя Манассіи посреди церкви.

7. Послѣ поздней обѣдни съ Мар. Вас. заходилъ къ схимницѣ Палладіи, худой маленькаго роста старушкѣ, лѣтъ восьмидесяти. Она разсказывала съ пріятною простотою и откровенностію о томъ, какъ ее назадъ тому лѣтъ сорокъ оглушило громомъ и опалило молніею; повторяя часто: *Великъ Господь, и Велики дѣла Его.* Ей, повидимому, лѣтъ около 80-ти. Потомъ она всѣхъ насъ благословила, крестя съ лѣваго плеча на правое. Я зашелъ къ попу Ивану, который былъ мнѣ очень радъ, со-

---

[1]) Священникъ Андрей Ивановичъ Лебедевъ, составитель нѣсколькихъ словарей.

[2]) Хотьковъ монастырь

вѣтовалъ жениться, не выбирая богатой жены: тоже говорила и схимница. Отъ него я узналъ, что между Вдвиженск. и Рязанцами есть мѣстечко *Бѣлые боги*, или *Бѣльскій станъ*, гдѣ за 50 или болѣе лѣтъ была на холмѣ роща, которую можно было видѣть изъ Ростокина. Въ 3 часу пріѣхали въ Троицкую Лавру по пріятной дорогѣ и въ свѣтлую погоду: отслушавъ вечерню въ Лаврѣ, служилъ молебенъ преподобному Сергію; списалъ на паперти надпись, о спасеніи отъ мора Троицкой Лавры въ 1771 г., тамъ же на каменной доскѣ вырѣзано о спасеніи ея отъ французовъ, а на чугунной исчисленіе того, что сдѣлано при Платонѣ для Лавры. Я познакомился съ ректоромъ академіи Поликарпомъ, который звалъ меня къ себѣ: онъ показался мнѣ откровеннымъ и добрымъ человѣкомъ. О. Іона, прежде ни съ кѣмъ не говорившій, со мною говорилъ и служилъ мнѣ молебенъ.

8. Поутру напившись чаю, пошли къ обѣднѣ; видѣли прощаніе Филарета съ монахами и слышали его поученіе: послѣ осматривали достопамятности Лавры: видѣлъ *Синодикъ*, на коемъ подписалъ 1792 г. Платонъ, чтобы совершать по уставу поминовеніе всегда непремѣнно и неизмѣнно. На обеликсѣ, выдвижн. Платономъ, замѣтили часы солнечные проф. Панкевича [1]). Зашелъ къ архимандриту ректору Поликарпу, который принялъ меня ласково, подчивалъ виномъ и кулебякою, за которою и сидѣла старушка мать его: онъ сказывалъ, что М. Платонъ встрѣчалъ въ Лаврѣ Павла I въ убогой ризѣ преп. Сергія. Павелъ I спросилъ: что это за ветхая риза? Драгоцѣнность, превосходящая всѣ сокровища Лаврскія: риза преп. Сергія. По просьбѣ моей, онъ отправилъ меня къ библіотекарю Евлампію, посмотрѣть библіотеку акад., помѣщенную въ 4-хъ комнатахъ. Библіотекарь человѣкъ просвѣщенный и ласковый показывалъ мнѣ рѣдкія книги: переводы *Скорина 5-и книжіе Моисеево* [2]), безъ перваго листа, однако съ листомъ заглавнымъ и съ рисунками, рѣзанными, повидимому, на деревѣ. Есть Славянскія рукописи Харатейныя, стоющія вниманія, но еще не описанныя, между прочимъ, я замѣтилъ въ *Троицкой Лѣтописи путешествіе* по Азіи при Тверскомъ князѣ Михаилѣ Борисовѣ въ 4—*Великій кругъ міротворнаго теченія*, въ листъ. Въ сіе книгохранилище поступили библіотеки по завѣщанію М. Пла-

[1]) Михаилъ Ивановичъ Панкевичъ, преподаватель прикладной математики Моск. унив. (1757—1812).

[2]) Георгій Скорина, русскій ученый и топографъ XVI в.; его изданіе выходило въ Прагѣ, Вильнѣ и Нѣжинѣ.

тона, Архіепископа Тверск. Мефодія, и Августина; тамъ поставлены и портреты дателей. — Я спрашивалъ о собственной жизни Платона, имъ самимъ писанной—О. Евлампій сказалъ, что ея нѣтъ въ библіотекѣ, а должна быть она въ Вифаніи; показывалъ мнѣ рукописныя Платоновы сочиненія съ его надписаніемъ. Я простился съ О. Е. пріятельски, и тотчасъ отправились въ 3 час. въ Переяславль; ночевали въ Тереберевѣ, гдѣ застали праздникъ сельскій,—хороводы и пѣсни.

9. Утромъ пустились въ дорогу — гористую, но по мѣстоположенію веселую, на коей попадались намъ сельбища съ церквами и усадьбы; на поляхъ видна рожь, овесъ, гречиха и ленъ. За 7 верстъ отъ Переяславля на Собнякѣ остановились у древней каменной часовни, поддерживаемой 4-мя столбами въ Мавританскомъ вкусѣ, посмотрѣть на Переяславль и на озеро Клешнино, которое казалось зеркаломъ. Видъ прекрасный. Во 2-мъ часу въѣхали по полю въ городъ, въ которомъ есть красивые домики и довольно церквей, хорошо построенныхъ. Замѣчателенъ по древности своей старый соборъ; онъ стоитъ розысканія относительно въ исторіи и археологіи. Заходилъ въ городское уѣздное училище, двухъэтажный каменный домъ, довольно хорошій, кромѣ служебъ. Смотритель Устинъ Егор. Гинне показался мнѣ пріятнымъ нѣмцемъ; показывалъ мнѣ вѣдомости училищныя; видѣлъ учителя Виноградова: сказалъ я имъ, чтобы они приготовили вѣдомости и экзаменъ къ моему пріѣзду изъ Ярославля. Я осматривалъ строеніе кн. Андреевскаго училища, не нашедши учителя; былъ въ церкви, видѣлъ мощи подъ спудомъ и богатую раку серебряную: замѣтилъ древній образъ св. Николая. Въ 5-мъ часу обѣдали; пошелъ маленькій дождикъ. Ввечеру ѣздили съ М. В. Б. и Я. Е. въ монастырь св. Никиты Столпника; видѣли его столбъ, гдѣ онъ спасался, надѣвали на себя его цѣпи, очень тяжелыя. На дорогѣ близъ монастыря есть каменная часовня, кн. Черниговскаго. Озера, кажется, выше города. Вечеръ скученъ, о люди.

10. Послѣ обѣдни пустились въ Ростовъ; и погода и дорога хороши. На пути замѣтилъ не далеко отъ упраздненнаго города Петровска, гору или городище Соколку, гдѣ вѣроятно было капище. За 25 верстъ съ горы, въ деревнѣ виденъ Ростовъ, въ который мы пріѣхали ввечеру и остановились противъ Яковлевскаго монастыря, смежнаго съ Спасскимъ.

11. Вставши рано, слушалъ раннюю обѣдню въ Яков. монастырѣ. Служилъ молебенъ св. Дмитрію и прикладывался къ мощамъ его. Соборная церковь, украшенная великолѣпно, древ-

няго зодчества; походилъ по берегу озера мутнаго и съ виду печальнаго. Въ водѣ недостатокъ большой. Въ Кремлѣ, огражденномъ довольно высокими стѣнами съ башнями, въ числѣ коихъ замѣтны двѣ набатныя или подборныя на стѣнѣ; находится съ лѣвой стороны соборъ Успенскій, построенный В. К. Константиномъ Всеволод. 1213 года, въ серединѣ онаго бывшій Григорьевскій монастырь ветчайшій, а съ правой, садъ, въ сторонѣ конный дворъ. Въ соборѣ осматривалъ я съ Протоп. Андреемъ Тимоф. ризницу, гдѣ замѣтилъ присланный отъ Патр. Филарета крестъ наперсный золотой, Яшмовые сосуды, внутри обдѣланные золотомъ, снаружи коихъ вырѣзаны Деисусъ и слово: *Пійте.* Между прочимъ есть и деревянный Потиръ. Замѣчателенъ покровъ, на коемъ по атласу вышитъ золотомъ св. Леонтій въ многокресчатой ризѣ свящ. съ омофоромъ и въ бѣломъ клобукѣ — во весь ростъ, внизу слѣдуетъ надпись: „Сдѣланъ бысть Покровъ сей, повелѣніемъ Василія, Божіею милостію Госуд. и В. кн. всея Руси, и Вел. кн. Владимирскаго и Московскаго и Новгородскаго и Тверскаго и Псковского и Югорскаго и иныхъ, въ лѣто 7022, въ лѣто господства его".— Въ соборѣ четверо мощей святителей: Игнатія, Исаіи, Леонтія, и Феодора: надъ мощами св. Леонтія въ алтарѣ, хранится крещатая его риза, бѣлый его вязаный клобукъ.—Библіотека порядочная; замѣтилъ *Каталогъ Архіереевъ Ростовскихъ*, съ котораго просилъ я списать мнѣ копію. — Ростовскій соборъ въ 1264 г. покрытъ былъ оловомъ и сдѣланъ полъ изъ краснаго мрамора; въ 1730 послѣ пожара возобновленъ; въ такомъ видѣ и до нынѣ. Многія драгоцѣнности тогда утратились, а другія перевезены въ Ярославль вмѣстѣ съ Чудотв. иконою Владимирскія. При соборѣ есть особенные звоны: Іонинскій, Іоакимовскій и Георгіевскій, такъ названы въ честь Архіереевъ,— Іоны Сысоевича, великаго домостроителя, Іоакима и Георгія Дашкова. На колоннѣ въ 4 яруса, и весьма длинной 14 колоколовъ октавы; въ большомъ колоколѣ 2 тыс. пуд., этотъ звонъ наблюдается горожанами издревле. Государь въ 1823 г и Митроп. Платонъ проѣздомъ въ Ярославль около 1793 г. слушали съ удовольствіемъ сіи три звона. Я заходилъ въ уѣздное училище, помѣщенное въ наемномъ двухъэтажномъ домѣ. Смотритель Фадѣевъ показался мнѣ умнымъ человѣкомъ, довольно оборотливымъ; въ верхнемъ этажѣ онъ живетъ и помѣщаются классы. Послѣ обѣда онъ явился ко мнѣ на квартиру съ приглашеніемъ въ гости къ Головѣ Васил. Михайл. Хлѣбникову, который принялъ меня ласково, разсуждалъ объ учил. домѣ,

предлагалъ купить домъ Наджинскаго; отъ него я заѣхалъ въ училище, осмотрѣлъ его и спрашивалъ учениковъ, сдѣлалъ имъ наставленіе, видѣлъ отведенное въ центрѣ губернаторомъ мѣсто для постройки училищнаго дома. Отъ Хлѣбникова, коему предлагалъ я быть почетн. смотрителемъ, я узналъ, что *убогій домъ* въ Ростовѣ упоминается св. Дмитріемъ Ростовскимъ, находится въ Лазаревскомъ приходѣ, 2-го квартала внѣ города, куда и при Арсеніи бывалъ изъ собора крестный ходъ и уничтожился съ кончиною Елизав. Петр.— Всенощную слушалъ въ Яковлевскомъ монастырѣ; осматривалъ съ Н. К. Бобар. ризницу, облаченій богатыхъ нѣтъ: есть шапка тафтяная съ писан. образами, въ коей св. Дмитрій лежалъ въ землѣ 42 года—книга поправленная имъ и другая съ подписью, подаренная св. Дмитріемъ Сотнику Кондратьеву: видѣли богатые покровы; въ алтарѣ достойны замѣчанія, 4 шитые по бархату образа.

12. Съ М. В. Боборыкиной и Я. Е. Арсеньевымъ поѣхали въ соборъ къ обѣднѣ: слушили звоны Ростовскіе и обѣдню; по батюшкѣ я служилъ панихиду. Послѣ зашелъ вмѣстѣ съ смотрит. учил. къ протоп. Андрею, который угостилъ насъ закускою, показывалъ архіерейскіе дома и церкви: Воскресенскую, осв. 1655 г. при Іонѣ Сысоевичѣ: внутри зодчество необыкновенное; алтарь возвышается на 4 ступени, иконостаса нѣтъ, вмѣсто его стѣнопись, хорошо сохранившаяся, у царскихъ вратъ и на горнемъ мѣстѣ сдѣлана сѣнь или шатеръ, поддержив. четырьмя столбами: иконопись на двухъ мѣстныхъ образахъ и на царскихъ дверяхъ древняя, окна узкія вверху, въ стѣнахъ есть голосники. Кругомъ сей церкви родъ галлереи крытой съ окнами росписанная. Черезъ башню по стѣнѣ прошли мы въ церковь см. Дмитрія, позднѣйшаго зодчества, опять по стѣнному переходу въ церковь Іоанна Богослова иконостасъ разрушенъ, на стѣнѣ видна надпись, что сія церковь высокая, издали видная, о пяти главахъ, крытыхъ гонтомъ, совершена и подписана назадъ тому 143 года; но она древнѣе; подъ престоломъ найдены заключенныя въ камнѣ мощи (частицы), который стоитъ теперь на престолѣ въ Воскресенскомъ надъ воротами церкви между двумя башнями готическ. На полу лежатъ два клироса съ навѣсомъ, поддержаннымъ 4 мѣдными столбами: два мѣстныхъ образа очень древни, краска на полѣ Іерусалима такъ зелена отъ времени, что едва можно разглядѣть лице Спасителя и Богоматери. Переходы покрыты стѣнописью; сводъ треснутъ, валится и грозитъ паденіемъ. По узкому переходу, едва освѣщенному узкими окошками, пробирались мы въ Григорьевскую

церковь, принадлежащую бывшему Григор. монастырю, извѣстному по своему книгохранилищу. Иконостасъ разрушенъ временемъ; образовъ нѣтъ; сводъ крестообразный, какъ у Спаса на Бору. Кресты на 5 главахъ, четвероконечные, какихъ нѣтъ въ древнихъ церквахъ. По переходамъ и лѣстницамъ полуразвалившимся мы пришли въ архіер. домъ, гдѣ есть *бѣлая столовая*, квадратная зала саженъ около 8, поддерживаемая однимъ по срединѣ столбомъ, какъ въ Гран. моск. палатѣ, видны остатки на сводѣ лѣпной работы; въ ней митроп. Ростов. давали столы пышные; при семъ домѣ есть крестовая церковь во имя Спаса Преобр. зодчествомъ похожая на Воскресенскую. Посреди двора есть огромный трехъ этажный домъ. Близъ церкви Іоанна Богосл. домъ двухъ этажный, въ коемъ была *красная столовая*, гдѣ обѣдалъ Петръ I въ бытность свою въ Ростовѣ, и гдѣ находилась консисторія; ее посѣщалъ и митроп. Платонъ. Въ Ростовѣ по многоводію погреба дѣлаются верховые или подвалы; въ озерахъ и колодцахъ вода дурна, много есть ключей соленыхъ. Въ 14 в. отъ Ростова въ селѣ Дебловѣ, начинается Которосль, которая вмѣстѣ съ Сарою протекаетъ черезъ Ростовское озеро и сливается подъ Ярославлемъ съ Волгою. Въ 3 часу послѣ обѣда выѣхали изъ Ростова въ Ярославль ночевать въ Шопшѣ.

13. Въ 1 часу пополудни пріѣхали въ Ярославль, который начинаетъ быть виденъ верстъ за 8. Послѣ обѣда былъ у Яросл. Богом., служилъ молебенъ, прикладывался къ мощамъ въ монастырѣ кн. Константина, Ѳеодора: на внѣшней стѣнѣ церкви есть двѣ явленныя иконы Сошествіе Св. Духа и Знаменіе Богородицы.

Въ самой церкви, возобновленной при царѣ Іоаннѣ Вас. образа очень древніе, такъ какъ и стѣнопись: иконостасъ дуренъ и не соотвѣтствуетъ зодчеству храма и образамъ. Строенія въ городѣ много каменнаго, дома красивые, публичныя заведенія огромныя; торговля обширная, купцы богатые, улицы чистыя, много площадей. Отстраиваемая гимназія будетъ большой и красивый домъ, въ серединѣ города, на видномъ мѣстѣ: на стѣнѣ оной во дворѣ есть чудотворная икона Спаса, избавившая городъ отъ чумы. На строеніи встрѣчался я съ директ. гимназіи Павломъ Петров. Абатуровымъ, который показывалъ мнѣ производство работъ, и показался мнѣ человѣкомъ благонамѣреннымъ, скромнымъ и ловкимъ въ обхожденіи, а жена его дамою скромною и умною. Я объяснилъ ему цѣль моего пріѣзда. Кстати попался также и подрядчикъ Левъ Дмит. Кро-

нинъ, котораго я вмѣстѣ съ директ. убѣждалъ сдѣлать уступку 800 р. въ пользу гимназіи, принявъ на себя нужныя поддѣлки на эту сумму. Возвратясь домой, вечеръ провелъ съ М. В. Б.

14. Утромъ прислалъ за мною карету директ., съ коимъ я толковалъ о дѣлахъ гимназіи и Рост. уѣзд. училища, потомъ поѣхали въ гимназію, гдѣ нашли учителей собранныхъ: они мнѣ рекомендовались: я съ каждымъ говорилъ о его предметѣ, о способѣ преподаванія и учебныхъ пособіяхъ; осматривалъ библіотеку, довольно изрядную, но не достаточную въ латин. книгахъ, потомъ свидѣтельствовалъ учил. сумму и нашелъ по журналу іюня, 1825 года, строевой 6, 7864, гимназической 3.500. училищ. 1.275, итого 11.561; 4, за выдачею подрядчику 3.000 въ іюлѣ. Кабинеты физич. и естест. исторіи бѣдны. Учителя всѣ люди вѣжливые и довольно свѣдущіе, особливо Рудневъ, живутъ въ согласіи между собою; директ. послѣ 4 час. занятій нашихъ о дѣлахъ училища, пригласилъ меня и учителей къ обѣду. Увѣрили подрядчика въ уступкѣ 800 (работами), написали отъ его имени отзывъ и заставили его подписать. Послѣ обѣда ѣздилъ съ письмами отъ Л. А. Цвѣтаева къ И. И. Смирнову и Крылову; не заставши ихъ, оставилъ имъ письма. Юродливый Ѳеодоръ, весьма уважаемый въ Ярославлѣ, сказалъ мнѣ о пребываніи здѣсь Бартеневой, къ которой я тотчасъ и отправился—она, невѣстка ея и сынъ мнѣ были рады; съ ними просидѣлъ я до полночи.

15. Утромъ вмѣстѣ съ директ. ѣздилъ я къ губернатору, у котораго съ ярослав. полицмейстеромъ познакомился, его зовутъ Александр. Иван. Алексѣевымъ, товарищемъ моего батюшки.

Губернаторъ [1]) принялъ меня вѣжливо и человѣкъ онъ умный и велерѣчивый: говорилъ мнѣ, что онъ противъ воли принялъ на себя званіе попечителя Демид. учил., повелѣ Государь и что онъ, какъ почетный членъ, уважаетъ университетъ и что ему непріятно имѣть съ нимъ какое-либо неудовольствіе. Ему желательно, чтобы при Демид. учил. былъ совѣтъ, который бы управлялъ дѣлами, относясь къ Москов. универ.; ибо не всякій губернаторъ можетъ и захочетъ обременять себя дѣлами училищными. На просьбу мою о постройкѣ дома для ростовск. уѣздн. училища, онъ отвѣчалъ, что весьма радъ и готовъ на это и въ дополненіе умѣющій сумѣя сдѣлаетъ и

[1]) Губернаторомъ былъ тогда тайный совѣтникъ Александръ Михайловичъ Безобразовъ.

вспоможеніе, что постройку поручаетъ директору, которому сдѣлаетъ объ этомъ отношеніе, а между тѣмъ въ Ростовѣ выберетъ для надзора надъ постройкою изъ тамошняго сословія людей благонадежныхъ. Я спросилъ, позволитъ ли онъ мнѣ внести его обѣщаніе въ свое донесеніе университету—онъ позволилъ. Говорилъ также о заведеніи въ Романовѣ училища; ибо тамъ много раскольниковъ, которые безъ училища болѣе укореняютъ и распространяютъ свои мнѣнія. Я напомнилъ ему о Львовѣ (П. Ю.) и о карт. Ярославск. губ.: Безобразовъ тотчасъ мнѣ ее показалъ: она любопытна и важна для соображеній полит., нравственныхъ и статистич., онъ составляетъ другую карту: о ходѣ дѣлъ, суммѣ преступленій и наказаній, тяжбъ правильн. и неправильн. Отъ него я узналъ, что Ярославль первый далъ присягу царю Михаилу Өеодоровичу, потому что въ Костромѣ не успѣли сего сдѣлать, торопясь депутаты въ Москву съ избраннымъ царемъ Алекс. Михайл. Водилъ меня на балконъ и казалъ мнѣ прекрасный видъ на Волгу, на плывущія по ней суда разныя и зеленые берега, на коихъ по мѣстамъ видны луга, рощи и селенія. Картина разнообразная и прекрасная! Наконецъ, послѣ часовой бесѣды, мы простились съ губернаторомъ, который пригласилъ меня къ обѣду, и поѣхали на обѣдъ къ кн. Урусову имениннику: у него я видѣлъ священника церкви Дмитрія Солунскаго, который сказывалъ мнѣ о *путешествіи въ Ярославль митроп. Платона,* въ 1792 г. сдѣланномъ и описанномъ, но не напечатанномъ и ходящемъ по рукамъ, о существующей въ Ярославлѣ почти внѣ города церкви Владимірскія Богоматери при убогихъ домахъ, кои уничтожены съ учрежденіемъ въ Яросл. Намѣстничества 1777 г.; указывалъ мнѣ близъ церкви мѣсто дома, гдѣ жилъ знаменитый нашъ актеръ Дмитревскій; такъ какъ и Волковъ, уроженецъ Ярославск.; разсказывалъ примѣры отмѣнной доброты Дмитревскаго. Вечеръ провелъ у Бартеневой; на квартиру поздно возвратился, долго ѣздили по улицамъ, не находя моей квартиры. Ночь была прекрасная, погода тихая.

16. Утромъ ѣздилъ я къ обѣднѣ въ Спасскій монастырь, гдѣ видѣлъ дерев. гробы четвер. ящики Ярослав. чудотвор. Өеодора, Константина и Романа—близъ чудотворн. иконы Богоматери Яросл. Наканунѣ былъ я съ Бартеневымъ у Николы Надзина на берегу Волги; церковь построена при царѣ Михаилѣ Феодор. Икона св. Николая во весь ростъ, древняго письма, иконостасъ временъ, повидимому, Императ. Елисав. Петров., риза свящ. вкладу Михаила Феодор. изъ персид. золотого ковра.

На древнемъ образѣ во весь почти ростъ св. Іоанна Предтечи внизу есть надпись слѣд.: „Поставлена бысть сія икона Іоанномъ Дементьевымъ Богомоловымъ“. Дьячекъ сказывалъ, что сей иконѣ 270 лѣтъ и что икона св. Николая Надзина приплыла Волгою и остановилась у этого мѣста, гдѣ нынѣ церковь. Осмотрѣвъ по сдѣланной подрядчикомъ запискѣ производящееся строеніе, вмѣстѣ съ директор. я отправился пѣшкомъ черезъ Которосль на Тугову гору, съ коей виденъ весь Ярославль и его окрестности: она верстахъ въ двухъ отъ Кремля; на ней кладбище и церковь св. Параскевы Пятн., замѣчанія въ ней достойны рѣзныя Царскія врата, очень древнія, изъ прежней деревянной церкви, да образъ Спасовъ, греческаго письма, величиною 6 вершк., сверху надпись: „*Христе Боже нашъ, всякъ надъяся на Тя не постыдится*“; а внизу изъ написи приложенной на доскѣ къ сему образу видно, что онъ привезенъ въ Москву іерусалим. патріархомъ Феолофилатомъ, посвятившимъ въ патріархи ростовск. и ярославск. митрополита Филарета, которому онъ далъ въ благословеніе, а Филаретъ поднесъ сыну своему Михаилу. Императрица Анна пожаловала сей образъ духовнику своему Троицк. Лавры, архимандриту Варлааму Антипіевичу, а сей благословилъ онымъ крестника своего священника церкви св. Николая Надзина, поставленнаго свящ. Дмитріемъ. Отъ потомка сего священника купца Холщевникова отданъ сей образъ въ Туговскую церковь и перенесенъ въ оную преосв. архіеп. Арсеніемъ (1790 г.) съ крестнымъ ходомъ. На обратномъ пути смотрѣли слитіе Которосли съ Волгою; первая течетъ въ послѣднюю съ запада и образуетъ при извилистомъ впаденіи маленькій мысъ: прежде, говорятъ, Которосль имѣла другое теченіе, коего слѣды хотя изглаживаются, однако и до нынѣ видны: тутъ была рѣка Медвѣдица: отчего будто и гербъ Ярославля: медвѣдь съ бердышемъ въ лапѣ. Отобѣдавъ въ трактирѣ и походивъ, въ 4 часа пополудни пришелъ въ гимназію на экзаменъ трехъ учениковъ изъ ярославск. семинар., назначаемыхъ въ медиц., двухъ семинар. профессоровъ и члена медиц. управы: я ихъ экзаменовалъ вмѣстѣ съ учител. и проф. изъ риторики, логики, лат. языка и проч., двухъ нашли достойными; въ 9 часу пошелъ на свою новую квартиру Семена Федор. Сторожева, которую я занялъ за отъѣздомъ Я. Е. Арсеньева въ Толгскій монастырь, спалъ покойно.

17. Утромъ занимался своими дѣлами; написалъ письмо къ дядѣ въ Кинешму П. П. Кондр. - Обѣдалъ у К. С. Бартеневой, которая приняла меня ласково; послѣ обѣда я пошелъ къ

церкви Николы Мокраго, построенной при царѣ Алексіи гостями двумя братьями Лузиными: въ ней есть два царскія мѣста деревянныя съ рѣзьбою и позолотою, съ гербами на обѣихъ сторонахъ, подобны архитектурѣ, находящейся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ; сіи мѣста замѣняютъ клироса: полъ церкви холодный изъ мраморныхъ четыреугольныхъ плитокъ. Замѣчательны образа св. Николая мѣстный древняго Греческаго письма и образъ Богоматери мѣстный, кругомъ коего праздники написаны весьма мелко и искусно изографомъ Семеномъ Спиридоновымъ Холмогорцемъ. Есть ризы богатыя съ дробницами жемч. и съ каменьями по прежней оцѣнкѣ въ 3,500 р. съ стихаремъ. При холодной пятиглавой церкви есть два придѣла, помѣщаемые въ двухъ башняхъ, пристроенные къ главной, переходы съ окнами большими изъ стобы росписанной, надъ креслецемъ къ сѣв. двер. герб. орелъ; колокольня съ боевыми часами. Теплая церковь объ одной главѣ. Священникъ умный и любознательный о. Андрей пригласилъ меня къ себѣ; разсуждали о переводѣ св. писанія и причиненныхъ оныхъ расколамъ. Слова Платона въ *увѣщаніи* къ раскольникамъ. Оттуда въ дождикъ пошелъ къ Владимирск. при убогихъ домахъ; въ Рыбинск. пер.: церковь старинная о трехъ главахъ, въ Маврит. вкусѣ, какъ въ Москвѣ, у Рождества въ паутинкахъ: тутъ прежде было кладбище, кое перенесено къ Леонтію чуд., куда бываетъ ежегодно крестный ходъ изъ собора мая 23 дня, въ воспоминаніе прежняго хода на убогіе домы. Остатки прежнихъ убогихъ домовъ шагахъ въ ста отъ церкви: въ ямахъ, гдѣ были амбары или сараи, берутъ песокъ и кости лежатъ грудами обнаженныя, тамъ черепъ, тамъ остовъ, тамъ лоскутки одеждъ, и гнилыя доски отъ гробовъ. Зрѣлище печальное, наводящее уныніе. Судя по пространству земли, усѣянной костями, сихъ домовъ было довольно. Оттуда пѣшкомъ пришелъ на свою квартиру въ сумерки; поужиналъ съ хозяиномъ, легъ спать, поручивъ себя Богу. Въ полночь прогуливался по горницѣ и по сѣнямъ.

18. Отправясь на Волгу утромъ рано, заходилъ въ Казанскій монастырь, близъ бульвара, который простирается до самаго берега и идетъ вдоль онаго по возвышенности, какую составляетъ оный. Крутой берегъ отъ города хорошо обдѣланъ камнями, на верху по бульвару, идущему отъ театра небольшого зданія, есть прекрасныя бесѣдки, два взвода покатые изъ города съ каменными мостами, соединяющими бульвары, обсаженные березками и липками и одинъ сходъ по лѣстницѣ отъ

Губернат. дома; откуда видъ прекрасный: величаво текущая рѣка, временемъ при вѣтрѣ волнующаяся или рябѣющая, плывущія по ней суда съ распущенными парусами, будто крыльями, протяжные крики или пѣсни бурлаковъ, и перевозщиковъ—все это наполняетъ душу какимъ-то торжественнымъ чувствомъ. Вода въ рѣкѣ Вол. изжелта-песочнаго цвѣта; берега ея покрыты мелкими и крупными каменьями, раковинъ мало; мѣстами до четырехъ саженъ и меньше трехъ. Покупавшись въ одной изъ двухъ купаленъ, пошелъ въ ряды, кои всѣ камен. и суть слѣдующіе:

1. Москотильный. 2. Красный, гдѣ торгуютъ ситцами. 3. Овощный, гдѣ двѣ лавки мануфактурныхъ издѣлій Яросл. фабр. 4. Яблочный. 5. Мучной. 6. Сапожный. 7. Кожевенный. 8. Мѣховой или пушной. 9. Чулочный. 10. Шляпный или шапочный. 11. Уздяной. 12. Мѣдный. 13. Желѣзный или скобеный. 14. Сундучный. 15. Мыльный. 16. Масляный. 17. Свѣчной. 18. Рыбный. 19. Кирпичный. 20. Мелочной, есть 4 винныхъ погреба. 21. Серебряный.

Пивныхъ заводовъ III: Змѣевскій, Папилов. и Постниковъ. Послѣ обѣда ходилъ къ Алексѣеву, который принялъ меня ласково; у него я познакомился съ директоромъ Демид. учил. Майковымъ Михаиломъ Александрович. Разговоръ былъ о театрѣ, объ Универс. Моск. и Карамзин. исторіи, въ коей онъ находитъ предосудительнымъ чрезмѣрное увеличеніе жестокостей царя Іоанна Вас. и романизмъ; о вредномъ вліяніи Карамзина на русскую словесность.

Распростились до свиданія; я пошелъ въ Спасск. монастырь ко всенощной, оттуда на квартиру - бесѣды съ хозяиномъ. Дуня дѣвушка перестлала мнѣ постель, и меня раздѣла. Ночное странствіе. Безъ сна встрѣтилъ я утро грѣхомъ и молитвою.

19. Слушалъ обѣдню въ Спасск. монас., коего соборная церковь, какъ значится въ надписи надъ дверьми, освящена при В. К. Васил. Іоан., расписана Ярославск. иконописцами при Іоан. Васильевичѣ; иконостасъ въ ней сдѣланъ и очень неприличный при преосв. Антоніи, который умеръ сидя въ изголовьи своего гроба, по его приказанію къ нему принесеннаго въ келью. Профес. словесности показалъ мнѣ Семинарію, въ коей до 400 чел. учениковъ. Зданіе старинное, ветчайшее; оттуда я прошелъ въ сиротскій домъ, довольно большое зданіе съ церковью Всѣхъ Скорбящихъ Богоматери; оно основано Намѣстникомъ Ярослав. Алексіемъ Петров. Мельгуновымъ

вмѣстѣ съ Ярославск. купцомъ Кучумовымъ въ 1786 году: въ немъ изрядное зало дворянское собраніе. Портретная комната, гдѣ выставлено 24 портрета благотворителей сего дома, уѣздное училище, въ коемъ 140 учен. и 3 учит. и приготовит. классъ. Сверхъ того здѣсь воспитывается 60 воспитан. благородныхъ, разночин., и не законнорожденныхъ; штатное число 64. У учениковъ уѣзднаго училища я спрашивалъ, чему они учатся: отвѣчали посредственно. Порядокъ и чистота отличны: столъ сытенъ, посуда исправна, классы вмѣстительны. Видѣлъ двѣ больницы, мужск. на 12 кров., а жен. на 10 кров. при сидѣлк. Я заходилъ въ церковь и нашелъ тамъ губернатора и мног. чиновниковъ: пѣніе стройное; каждое воскресеніе поютъ молебенъ всѣхъ скорбящихъ Богоматери; встрѣтился съ проф. Ханенкою [1]), коему сказалъ поклонъ отъ А. А. Антонова. Съ Х. гуляли по Волжскому бульвару, любовались со стрѣлки, гдѣ сливается Которосль съ Волгою, окрестностями; познакомился въ домѣ у гебернатора съ братомъ Дѣлова, который показывалъ мнѣ въ саду собраніе разныхъ каменьевъ изъ Волги. Губернаторъ принялъ меня очень ласково; я ему подарилъ экз. Біогр. Августина: за что благодарилъ онъ, сказавъ, что сего пастыря онъ весьма уважалъ. Губернаторша Анна Феод. очень любезная, миловидная и умная женщина, мать восьми дѣтей, хорошо воспитываемыхъ. За столомъ разговаривали о древностяхъ Ярославскихъ, о которыхъ и я сдѣлалъ свои замѣчанія, имъ принятыя. Послѣ обѣда пошли на балконъ; я познакомился съ родственницею губерн., дамою очень умною и чувствительною, полков. Струйск., съ вицъ-губернат. Яковомъ Иванов. Горанскимъ, ученикомъ моего батюшки съ прежнимъ своимъ товарищемъ Макаровымъ, совѣтникомъ губерн. правленія. Губернат. одаренъ пылкимъ воображеніемъ и умомъ проницательнымъ: спорилъ съ профес. Шмидтомъ [2]) о геніи и учености, о преимуществѣ перваго на другого. Я напомнилъ губернатору о Ростовск. уѣздн. учил.; онъ обѣщалъ содѣйствовать построенію онаго всѣми силами и готовъ дать пособіе; если будетъ недостатокъ: только жаловался, что некому поручить стройку. Онъ желаетъ лучше выстроить вновь училище на отведенномъ мѣстѣ. Говорилъ, что онъ жалѣетъ, что Демидово училище изъято изъ вѣдомства Москов. университета; въ этомъ

---

[1]) Михаилъ Осиповичъ Ханенко, проф. древнихъ языковъ въ бывшемъ Демидовскомъ Ярославскомъ училищѣ (1779–1839).

[2]) Ѳедоръ Ивановичъ Шмидтъ, инспекторъ Демидовскаго училища, авторъ „Краткаго описанія г. Ярославля“ (1766–1845)

винитъ онъ кн. А. Голицина; сказалъ, что онъ весьма уважаетъ Москов. университетъ и желалъ бы имѣть съ нимъ сношенія. Увидѣлся и познакомился съ проф. Феодор. Андреев. Шмидтомъ: это явленіе въ нравствен. мірѣ: ученъ и простъ, пылокъ и уступчивъ, твердъ и трусливъ; учитъ и разсуждаетъ какъ ученый, поетъ и играетъ какъ шутъ, влюбляется какъ старый Селадонъ, смѣшонъ въ обращеніи, въ 60 лѣтъ, дитя совершенное, радуется бездѣлкѣ и сердится за бездѣлку, хочетъ быть свѣтскимъ и бываетъ педантомъ, за ученость его уважаютъ, за доброту любятъ, надъ странностями его смѣются. На другой день я былъ у него съ Н. Н. Бобар. и кн Друцкимъ, я заставилъ его пѣть пѣсню: *Заря утренняя*; потомъ взяли его съ собою домой, гдѣ онъ забавлялъ дамъ. Ночь плохо спалъ и разсуждалъ о причинахъ безсонницы.

20. Обѣдню слушалъ въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ встрѣтился съ Ярославск. купцомъ Свѣшниковымъ, человѣкомъ отъ природы умнымъ начетчикомъ: онъ показывалъ мнѣ въ собор. церкви образъ Преображенія, писанный Рублевымъ, Ярослав. уроженцомъ, сказывалъ, что будто въ Москов. благов. соборѣ полъ изъ Ростова, что близъ села Коровникова есть въ водѣ камень въ 9 арш. Съ М. В. Бобар. и Я. Е. Арсеньев. осматривали *Сиротскій домъ*, гуляли по бульвару Волжскому, были на стрѣлкѣ, откуда любовались теченіемъ Волги и положеніемъ ея береговъ. Я обѣдалъ у М. В. Б.: время провели пріятно, ввечеру только ходилъ къ Крылову и не засталъ его.

21. Отобѣдавъ у К. С. Бартеневой, я на лодкѣ отправился въ Толгскій монастырь Волгою, напередъ выкупавшись въ ней, время было тихое; лодку вверхъ рѣки тянули бичевою, я пробовалъ тянуть. Волга представляла рябѣвщую поверхность; берега ея круты и красивы, будучи усѣяны то рощами, то лугами, то селеніями; намъ попадались навстрѣчу разныя суда. Вѣтры на Волгѣ, по словамъ перевозчика, *низовый*, широкій, восточный луговенъ; верховый (западн. и сѣв. или чистый), полуденникъ въ плесахъ. Отъ Ярославля верстахъ въ трехъ, по теченію Волги, есть островокъ, длинный, обтекающая съ другой стор. Волги, наз. *Воложскою*. Толгскій монастырь стоитъ на красивомъ мѣстѣ берега Волжскаго, при р. Толкоболкѣ, отчего называется: Толкобольская волость. Монастырь обнесенъ кам. стѣною, имѣетъ садъ съ кедрами. Холодная соборная церковь перестроена при царѣ Феод. Алекс., образъ чудотворный, богато украшенъ жемчугомъ и каменьями, съ теплою соединена переходами. Монастырь этотъ сущ. въ 14-мъ вѣкѣ, въ

немъ по преданію содержался Іоаннъ Антон. Въ библіотекѣ монас. есть между хорошими печатными книгами и рукописями, по большей части церковнаго содержанія; сборники стоятъ прилежнѣйшаго разсмотрѣнія; есть рукописи по моему замѣчанію вѣка 16; есть полная *Л. Зизаніева слав. грамматика.* Перевозчики дорогой разсказывали мнѣ народное преданіе о томъ, какъ завелись ерши въ Ростовскомъ озерѣ, будто одинъ ершъ нечаянно вечеромъ изъ Которосли попалъ въ озеро Ростовск. и упросилъ рыбъ позволить ночевать ему у нихъ. Но когда на другой день стали рыбы выгонять изъ озера, онъ ихъ сталъ колоть, такъ что они принуждены были позволить ему жить у себя. Не къ этому ли преданію относится послов.: *Вселился, какъ ракъ къ нимъ ершъ, въ Ростов. озерѣ*, и не относится ли также исторія о Феодорѣ Ростовск. епископѣ. Ввечеру причалили къ взвозу; вечеръ провелъ пріятно для себя, съ М. В. Б., шутили, разсуждали и отужинавъ разошлись спать.

22. По случаю отправленія принесенной изъ Ростова въ Ярославль чудотв. Владим. иконы, въ соборѣ служилъ Толгск. архиманд. Аронъ; прежде обѣдни, ѣздилъ прощаться съ губернаторомъ, который въ этотъ день никого не принималъ; послѣ обѣдни заходилъ къ Ханенкѣ, у которой завтракалъ съ отставн. проф. Покровскимъ; отъ него я зашелъ къ полицмейст. Алексѣеву, который принялъ меня очень ласково, разсказывалъ о вновь появившихся въ Романовѣ раскольникахъ, кои не признаютъ надъ собой никакой власти, не хотятъ повиноваться, почитая и Государя еретикомъ; разсуждая о мѣрахъ, я совѣтовалъ не брать жестокихъ, ибо жестокостью производится закосненіе. По случаю именинъ обѣдалъ у М. В. Б., одно недоумѣніе на часъ нарушило было мое веселіе, но тучи прошли скоро и возсіяло въ сердцѣ солнце покоя и радости. Послѣ обѣда съ С. Ф. Сторожевымъ, осматривали находящуюся за городомъ Которослью, полотняную, скатертную и затрапезную фабрики, основатель коей, Затрапезовъ, погребенъ на паперти церкви св. Петра и Павла; онъ родился въ 1605 г., и за свои услуги и полезныя изобрѣтенія пожал. коллеж. совѣтн.

Фабрика состоитъ изъ нѣсколькихъ домовъ кам. двухъэтажн., называемыхъ свѣтлицами, гдѣ находится станъ для тканья полотенъ, пактышей бумажн. и шелк. корольков., холстинокъ, скатертей и салфетокъ, тика, пестреди и затрапеза. Нитки суровыя шанхтуются растворомъ гречневой муки; бѣлятъ на особомъ бѣлильномъ дворѣ шадрикомъ. Рабочихъ мужскаго пола 1.260 чел., кромѣ женщинъ, коихъ простирается до 2.000. Близъ

фабрики въ слободѣ Толчковѣ, есть церковь св. Іоанна Предт. о 15 глав. архитектуры греческой. Вечеръ провелъ съ К. С. Барт.; на прощаньи она просила меня оставшіяся у меня ея деньги употребить на овесъ лошадей моихъ, я отказался и просилъ ее не обижать меня.

23. Пошедши утромъ рано въ Спасск. монастырь помолиться, я обошелъ ряды хорошо выстроенные и довольно богатые; въ монастырѣ у обѣдни встрѣтился съ В. З., которая обрадовалась мнѣ, какъ и я ей, говорили насчетъ дружбы и любви; она сказала мнѣ, что меня любитъ и клянется меня любить и быть моимъ другомъ, что не откажется никакъ выйти замужъ за меня, если только будетъ свободна, что она еще до сихъ поръ никого не любила; я ее проводилъ до дому, совѣтывалъ подумать о клятвѣ,—она сказала, что обдумала, только чтобъ я не измѣнилъ; я ей совѣтывалъ помнить свои обязанности и хранить ихъ; въ залогѣ дружбы, данъ былъ жаркій поцѣлуй и объятья. Вотъ каковъ; молился, чтобы избавиться отъ искушеній, а самъ иду на нихъ. Она обѣщала писать мнѣ и открывалась... Гдѣ же К....ъ? Я не доволенъ былъ собою, молился въ тайнѣ, чтобы нѣсколько успокоиться; отправились въ путь; изъ окошка глазами провожала меня Дуня; М. В. смѣялась надо мною, предлагала мнѣ купить ее и сказала, что совѣтывала госпожѣ ея продать. Въ позднюю обѣдню мы оставили Ярославль, дорогой вспоминая о немъ.

24. На дорогѣ къ Ростову, заѣзжали въ Петровск. монастырь, гдѣ видѣлъ деньги, данныя будто св. Петромъ апостоломъ.

25. Петру ордын. царевичу на построеніе сей обители; П. Ц. умеръ 1250 году, а прочихъ надписей не разобрать; въ Бѣлогостицкомъ, стоящемъ на прекрасномъ мѣстѣ, есть древняя икона Казанскія, вокругъ коей вставлены кресты и рѣзные образа князей Темкиныхъ, погребенныхъ подъ церковью Соборною, древней архитектуры. Въ Авраамієвомъ монаст. кромѣ лоцей я видѣлъ шитую золотомъ попушенную горностаемъ его шапку съ надписью, данной ему съ жезломъ отъ Іоанна Богослова на низложеніе Велесова идола мѣднаго четвероконечнаго креста; жезлъ взятъ цар. Іоанн. Васил. тогда, когда онъ шелъ подъ Казань. На крыльцѣ Соборн. цер. на стѣнѣ есть слѣд. надпись: „Во многихъ временахъ ненавистникъ добра дьяволъ, вселился въ Ростовѣ въ камень, и многи мечты творя человѣкомъ“. Преподобному Авраамію много о семъ молящуся како его изгнати, пріиде къ нему старецъ бесѣдова: отче, пойди въ

Царьградъ на изысканіе дому Іоанна Богослова и обрящеши и побѣдиша врага. Преп. Авраамій пойде, и въ малыхъ поприщехъ срѣте апостол. и евангел. Іоанна Богослова и даетъ трость. Преп. Авраамій пойде на мѣсто, помолился и избоде тростію врага и камень бысть прахъ". Замѣчателенъ образъ Богоматери мѣстный Корсунскій, сказали, что будто есть и другіе образа Корсунскіе въ семъ монаст. вкладу царя Іоанна: образъ Смоленск. Богоматери съ надписью „Написанъ бысть сей образъ „Смоленск. Богоматери при царѣ Іоаннѣ Васил.". Повелѣніемъ кн. Юрія Іоанн. Ростовскаго Темкина".

Монахъ сказывалъ, что при разбираніи стѣны въ предѣлѣ св. Іоанн. Богосл. найдено нѣсколько серебр. денегъ древнихъ, закладенныхъ въ стѣнѣ. За отсутствіемъ казначея не видали ни сихъ денегъ, ни ризницы. До обѣда были у вечерни въ Ростов. Яковлевск. монастырѣ. На другой день по утру, пригласивъ съ вечера Соборн. протоіерея Андрея Тихвинскаго въ учил. уѣздн. Сдѣлалъ экзаменъ изъ преподаваемыхъ предметовъ, по просьбѣ моей экзаменовалъ и протоіерей (коему я предлагалъ быть почетн. смотрителемъ сего училища), въ Законѣ Бож. и въ ариѳметикѣ; въ первомъ отвѣчали посредственно, зная болѣе механически, въ первомъ, а въ другой изрядно грамм. по славян. Еще есть водосвятная мѣдная луженая чаша, въ срединѣ на днѣ вырѣзанъ крестъ. Преподается плохо, изъ исторіи Всеобщ. и Русск. (не конченной ими), отвѣчали посредственно. Освидѣтельствовавъ сумму и библіотеку, все нашелъ въ исправности. Совѣтывалъ дополнить библіотеку нужнѣйшими классич. книгами, коихъ не достаетъ; обѣщался доставить имъ сочиненіе св. Дмитрія, какъ пастыря ростовск. отъ Я. Е. Арсеньева, отъ себя нѣкоторыя книги, I часть не дост. Истор. Словесн. протоіерей хотѣлъ подарить клас. книгъ. Послѣ экзамена, продолжавшагося съ 7—12 час., закусивъ не много, разошлись; я принявъ рапорты отъ смотрит. и учит., простился съ протоп., прося его памятовать меня; объ этомъ же и онъ просилъ меня.

Послѣ обѣда тотчасъ отправились въ Переяславль. Хотѣли было заѣхать въ Варницкій мон. навѣстить Августина архіерея оренб., но отдумали. Я встрѣтился съ М. А. Ф. И погода, и дорога, и мѣстоположеніе, дѣлали насъ веселыми, такъ что я съ М. В. и Я. Е. безпрестанно хохотали.

26. Въ дорогѣ я праздновалъ именины маменьки своей воспоминаніемъ сладостнымъ и умилительнымъ для сердца. М. В. Б. и Я. Е. поздравленіемъ доставили мнѣ много удоволь-

ствія и тронули меня до слезъ, коихъ я стыдился передъ ними, не зная самъ отчего. У обѣдни я не былъ, только вмѣсто жертвы подалъ нищему скудную милостыню о здравіи маменьки, я переносился мыслію въ мирный уголокъ свой и благодарилъ Бога, что Онъ сдѣлалъ сердце мое способнымъ къ такимъ ощущеніямъ, кои удвоиваютъ бытье наше и придаютъ ему цѣну. Къ обѣду пріѣхали мы въ Переяславль, до обѣда ходилъ на озеро, котораго берега покрыты были народомъ, хороводы женщинъ и дѣвушекъ гуляли съ веселыми пѣснями. Съ удовольствіемъ я плескался въ струяхъ Плещеева; вода чиста какъ дно, по колѣно. Освѣжившись, пошелъ обѣдать. Потомъ съ Я. Е. Арсеньев. ѣздилъ въ церковь кн. Андрея Смоленск. въ Даниловск. монаст., стоящій на высокомъ мѣстѣ, откуда видны озеро и городъ; зданія въ обители ветчайшія, Соборная церковь съ сѣв. стороны въ стѣнѣ треснула. Потомъ были у Корнилія Блажен. въ Борисоглѣбск. церкви, гдѣ встрѣтились съ М. В. Б. Священникъ оной старикъ смѣтливый Иванъ Федор. Ремезовъ, просилъ меня кланяться отъ него кн. С. М. Голицыну. По пріѣздѣ домой, городничій Василій Федор. Варсонофьевъ сперва черезъ учителя Парскаго, потомъ черезъ сына своего, моего ученика зазвалъ меня къ себѣ на ужинъ. Онъ показался мнѣ добрымъ, разсказывалъ мнѣ о достопамятностяхъ города, о правахъ жителей. Я просилъ учителя П. доставить мнѣ записку о Переяславлѣ и числѣ домовъ и жителей.

27. Зашедши въ церковь помолиться, оттуда пришелъ въ уѣздн. училище, гдѣ нашелъ собранныхъ учителей и учениковъ уѣзднаго и приходскихъ училищъ, въ коихъ учатся и дѣвушки. Въ приходскомъ учатъ два дьякона и священникъ, я сдѣлалъ ученикамъ каждаго училища по нѣсколько вопросовъ, читаютъ и пишутъ порядочно, катехизисъ знаютъ буквально. Я сдѣлалъ замѣчаніе учителямъ, чтобы они старались внушить смыслъ, а не слова одни и выраженіе. Ученики 2 класса изъ Закона Божія и Св. Исторіи отвѣчали препорядочно; изъ исторіи и географіи довольно хорошо, въ матем. не далеко. Грамматику русскую они порядочно знаютъ, я совѣтывалъ упражнять ихъ въ правописаніи, а въ руководство для исторіи взять Кайданова, для географіи Арсеньева, для ариометики Перевозчикова. Сдѣлавъ приличное наставленіе ученикамъ, повидимому, умнымъ и благонравнымъ дѣтямъ и простившись съ учителями, кои проводили меня до воротъ, я сѣлъ съ М. В. въ карету и поѣхалъ въ путь. Весь день въ дорогѣ, не очень хорошей, къ

Лисавамъ и отъ Лисава гористой и неровной. Безпокойно пріѣхали поздно ночью въ Троиц. Лавру; отъ дороги Я. Е. чувствовалъ себя не такъ хорошо; и мнѣ что-то соскучилось. Мы остановились въ мон. гостиницѣ и не много развеселились.

28. По утру ходилъ къ ранней обѣднѣ, прикладывался къ мощамъ пр. Сергія, побесѣдовалъ съ гробовымъ монах. Іоною, который водилъ насъ въ трапезу монас., около нея бываетъ крестный ходъ въ Срѣтенье, потомъ зазвалъ насъ къ себѣ и говорилъ много назидательнаго; бесѣда его понравилась М. В., онъ просилъ меня кланяться Котел. и просилъ послѣ обѣда поѣхать въ Вифанію, съ М. В. Б. и Я. Е. осматривали церковь вверху на горѣ Преображенія съ двумя сѣнями по сторонамъ, а въ низу Лазарево Воскресеніе, гдѣ въ пещерѣ на лѣвой сторонѣ, подлѣ гроба преп. Сергія находится памятникъ надъ гробомъ М. Платона съ мѣдною на верху доскою, на коей надпись: надъ гробницею поставлена картина, изображающая Платона, лежащаго во гробѣ, и портретъ его вышитый шелкомъ. Въ Лазаревс. церкви на паникадилѣ, принесенномъ въ даръ, слѣпцомъ однимъ, написано Платономъ: *даръ слѣпого Свѣтодавцу*. Кругомъ хоровъ, примыкающихъ съ обѣихъ сторонъ къ Преображ. церкви, поставлены изображенія св. отцовъ, учителей, между коими находится и портретъ М. Платона, надъ ними вверху Спаситель, есть нѣсколько картинъ, одна приписана Рафаэлю, Мар. Магд. и рѣзной на кости образъ импер. Маріи Феодор. надъ картиною, изображены младенцы приход. къ І. Хрис. (работы дѣвицы Воеводской, написано Платономъ: Благословляетъ васъ Христосъ, птенцы незлобны; О если бы могли и мы быть вамъ подобны).

Профессоръ Виф. Сем. П. И. Лилеевъ показывалъ мнѣ Вифан. библіотеку, въ коей есть изрядныя и довольно рѣдкія книги; хранятся рукописныя проповѣди Платона, изъ коихъ видно, что онъ вдругъ писалъ ихъ, мало поправляя. Я видѣлъ тамъ же переписку Платонову: письма Екатерины II, Павла I, Александра I, когда онъ еще не былъ 15 лѣтъ, обѣихъ супругъ Павла I Наталіи и Маріи. Письма Павловы дружескія; въ нихъ онъ повѣрялъ ему скорби сердечныя и радости, припоминая ему о счастливыхъ лѣтахъ жизни, когда онъ учился у него. Замѣчательны и дружескія письма Потемкина, Дмитр. Сѣчен. поздравительное письмо Амвросія Кам. 1770 года съ Архіеп. Тверск. Патріарх. Греческихъ, Сербск. Архіереевъ и другихъ вельможъ: есть и черновые отвѣты Платона нѣкоторые. Поблагодаривъ учтиваго библіотекаря, у коего я спраши-

валъ о жизни Платона, имъ самимъ написанной, на что отвѣчалъ онъ незнаніемъ, отправились въ Троиц. Лавру, въ ризницу. За темнотою вечера и за торопливостью ризничнаго, не могли хорошо разсмотрѣть; между прочими рѣдкостями замѣчательны Евангелія рукопис. В. К. Влад. Андр. 7060 года, В. К. Семеона Іоанн. образъ древній преп. Сергія, который былъ посланъ М. Платономъ Государю въ 1812 году, и находился съ нимъ въ Парижѣ. Цѣны на вещи, кажется, увеличены по невѣжеству, или изъ хвастовства: многія древнія утвари достойны точнѣйшаго разсмотрѣнія, М. Платонъ привелъ въ порядокъ ризницу, умноживъ ее одеждами (между прочимъ 50 паръ ризъ свящ. и дьякон.) и утварями.—Я заходилъ къ о. Іонѣ, побесѣдовалъ съ нимъ о себѣ самомъ, онъ совѣтовалъ, для избѣжанія грѣховъ, уклонять самую мысль о грѣхѣ, какъ внушеніе дьяв. и не настаивать, втайнѣ молиться, помышлять о чемъ-нибудь добромъ. Я разсказалъ о происшествіи Яросл. касательно женит., онъ на это сказалъ, что лучше участь свою повѣрять Богу, которая неисповѣдимыми судьбами доведетъ меня до угла безъ усилій съ моей стороны и по молитвамъ матери моей дастъ мнѣ подружіе. Въ заключеніе бесѣды нашей, я просилъ его помолиться обо мнѣ, а онъ—кланяется университетскимъ.

29. Послѣ ранней обѣдни и лобзанія мощей пр. Сергія, отправились въ путь; въ Мытищахъ ночевали, и напившись чаю на другой день.

30. Пріѣхали въ Москву къ обѣду. Маменька была крайне рада. Вмѣстѣ съ почтеннымъ Я. Е. мы тамъ обѣдали и распростились, благодаривъ другъ друга. Ввечеру я заходилъ къ Л. А. Цвѣтаеву, благодарить его и жену его за посѣщеніе маменьки моей и разсказывалъ ему о занятіяхъ своихъ въ путешествіи.

31. Ѣздилъ въ университ. повидаться съ своими, отвезъ Гаврилову статью, напис. изъ Броnев. путешествія о Неаполѣ; въ правленіи Каченовскій, увидѣвъ меня, пригласилъ къ себѣ обѣдать. Оттуда я заѣхалъ къ Я. Е. Арсеньеву и М. В. Бобарык. поблагодарить ихъ за сопутничество; они приняли меня ласково и въ свою очередь благодарили меня:—надѣвъ на себя фракъ кн. А. Друцкаго, я поѣхалъ къ Каченовскому, у коего засталъ Григ. Иван. Спасск. издателя Сибир. Вѣстника, съ братомъ: разговоръ былъ о Сибири и Китаѣ: о народахъ и языкахъ тамошнихъ. Китайцы наз. Русск. Алазинцами. Онъ писалъ намъ развратное и соблазнительное поведеніе въ Китаѣ

нашего Архиман. Іоакинфа, коего мѣсто заступилъ Петръ Каменскій, лицо почтенное, по своему ученію и поведенію и принявшій монашество по волѣ Государя. Рѣчь дошла до Греча и Булгарина: ихъ Спасскій описалъ самыми черными красками, особливо перваго. По отъѣздѣ Спасскаго я еще посидѣлъ съ Каченовс. и говорили объ универс. професс., о пансіонѣ университ., изъ котораго онъ самъ вышелъ и взялъ сына. И такъ мое пророчество сбылось. Пріѣхавъ домой, засталъ у себя кн. Шаликова съ просьбою о продолженіи цензуровать его журналъ.

Августъ.

1. Отправился въ Симоновс. мон. къ обѣднѣ, прекраснымъ утромъ: въ церкви встрѣтился съ П. П. Бекетовымъ. Послѣ обѣдни зашелъ къ архиман. Герасиму отдать ему обѣщанный экз. жизни пр. Августина. Обѣдалъ у Селивановскаго и познакомился съ С. В. Руссовымъ [1]), который по просьбѣ моей обѣщалъ доставить въ общество истор. свои пьесы; остатокъ провелъ у Татаринов.

5. Былъ у А. А. А., который объявилъ мнѣ о новомъ попечителѣ А. А. Писаревѣ, съ которымъ я въ тотъ же день видѣлся и рекомендовался какъ подчиненный прежнему пріятелю: онъ просилъ меня не отдаляться отъ него и звалъ въ субб. съ кѣмъ я хочу въ Люблино; отдалъ мнѣ статьи, доставленныя въ Петров. общество митроп. Евгеніемъ.

6. Отслушавъ обѣдню въ Новоспасскомъ мон., зашелъ на закуску къ Архиман. Поликарпу, у коего видѣлся съ Троиц. библіотекаремъ Евлампіемъ. Обѣдалъ у Татаринова, который сбирается ко мнѣ для объясненія своихъ домашнихъ обстоятельствъ; отчего я уклонялся, не желая быть судьею или посредникомъ въ чужихъ дѣлахъ. Послѣ обѣда пришли пѣсенники и тѣшили насъ пѣніемъ; предъ ужиномъ случилась размолвка у А. П. съ зятемъ, который разсердясь ушелъ, а къ ужину опять пришелъ. Ночью я отправился съ полпымъ кучеромъ домой вмѣстѣ съ Зейдлеромъ.

8. Поработавъ утромъ, отправился въ Люблино, куда приглашалъ съ собою Л. А. Цвѣтаева, отказавшагося подъ предлогомъ экзамена въ Институтѣ. По дорогѣ я заѣхалъ къ Гусеву и Соколову; они были мнѣ рады, и у послѣдняго за слу-

---

[1]) Степанъ Васильевичъ Руссовъ, очень разносторонній писатель, академикъ, † 1842 г.

чившимся дождемъ и громомъ обѣдалъ; но въ Люблино поспѣлъ къ обѣду; тамъ видѣлъ генер. Хитрова, коему отдалъ описаніе Іерусалима, и П. С. Полуденскаго, коему обѣщалъ доставить письма Филарета о Катихизисѣ, и который звалъ меня къ себѣ обѣдать. Послѣ обѣда отправились всей компаніей на Самарову гору, прекрасное мѣстечко на Москвѣ р. близъ Перервинскаго мон. гдѣ я былъ съ женою Писарева и Хитрова у всенощной.

16. Заѣзжалъ къ С. Д. Нечаеву и просилъ его, именемъ А. А. Писарева, написать для истор. общ. біографію Власова: разсуждали съ ними о сходствѣ зодчества древн. русск. церквей съ Индійск. пагодами. Отъ него проѣхалъ я было къ обѣднѣ въ Алексѣев. мон., но, не заставъ оной, помолился и приложился къ иконамъ и завернулъ къ Дружинину, котораго нашелъ не здоровымъ послѣ поѣздки въ Серпухов. и мнѣ очень радѣли: я сказывалъ ему о своей визитаціи въ Ярославль; онъ приглашалъ меня въ Люблино съ собою. Отъ него я прошелъ къ Кудрявцеву и далъ ему записку, какія мнѣ нужно списать въ Вифаніи письма Платоновы; онъ обѣщалъ исходатайствовать ихъ у проф. Лилеева. Потомъ къ имениннику Д. А. Соколову съ поздравленіемъ: онъ былъ очень радъ мнѣ, пенялъ мнѣ за мое забвеніе его и убѣдилъ съ Неждан. остаться у него обѣдать, хоть я и не хотѣлъ, увидѣлъ Нат. Іог. съ матерью, съ которыми и не кланялся.

22. Узнавъ, что новый попечитель будетъ въ университ. Пансіон. къ обѣднѣ, туда поѣхалъ и слушалъ обѣдню, послѣ коей всѣ представлялись; онъ самъ подошелъ ко мнѣ и обласкалъ меня, спросилъ, гдѣ его дожидаются профессора. Изъ панс. церкви проѣхалъ онъ въ университ. церковь св. Георгія и посмотрѣлъ ее съ ректоромъ и священникомъ, отправился въ аудиторію, гдѣ сказалъ привѣтственную рѣчь профессорамъ, за которую благодарилъ его ректоръ — рекомендовался имъ; велѣлъ снять съ бюста Александра I закрывавшее оный полотно, чтобы Государь (примолвилъ, былъ свидѣтелемъ нашихъ чувствій). Потомъ прошелъ въ столовую, гдѣ и обѣдалъ со студентами: Мудровъ хотѣлъ было подчивать шампанскимъ; однакожъ онъ отказался пить за столомъ студенческ. и выпилъ вмѣсто этого кружку квасу. Антонскій пригласилъ попечителя къ себѣ на кофе. Я обѣдалъ у Давыдова съ Мягковымъ, Перевощиковымъ, Маловымъ. На дорогѣ домой, коляска моя изломалась, и я дошелъ пѣшкомъ. Ввечеру у меня были Романовскій, Виф. Сем. профессоръ П. И. Лилеевъ съ В. В. Кудряв-

цевымъ: разсказывали поочередно анекдоты и веселились въ саду. Пиллесъ смотрѣлъ мою библіотеку—я подарилъ ему съ Кудрявцев. своеизданіе пословицъ: онъ обѣщалъ доставить мнѣ нѣкор. письма Платона.

24. Съ попечителемъ обѣдалъ у генерала Хитрова, который показалъ мнѣ свой кабинетъ и рѣдкости разнаго рода, между прочимъ хлѣбъ, данный ему Архиманд. Фотіемъ съ тѣмъ, что если черезъ три года не сгніетъ: то значитъ, что дружба ихъ продолжится, и что одинъ не измѣнитъ другому. Послѣ обѣда онъ показывалъ записки свои, изъ коихъ позволилъ мнѣ сдѣлать выписки и помѣстить въ Истор. Журн. Гаврилова, предварительно давъ ему знать о этомъ. А. А. Писаревъ довезъ меня въ своей коляскѣ до дому, откуда я пошелъ ко всенощной и къ проф. Цвѣтаеву, у коего посидѣлъ съ часъ. Обѣдалъ у Арсеньева; вечеръ провелъ у инст. Протопопа Василія Ивановича. Маменька возвратилась изъ Троицкой Лавры.

25. Послѣ уроковъ у кн. Черкасской и М. В. Бобар. отправился на экзаменъ студент. въ универ., на коемъ были Ризенко [1]), Щепкинъ [2]) и Антонскій; сидѣли до 9 час. Ввечеру у всенощной у Андріана и Наталіи.

26. Послѣ уроковъ въ В. Д. обѣдалъ у Арсеньева на именинахъ его дочери Наталіи Петровны. Было довольно весело; Радзиваловъ мастерски игралъ на балалайкѣ. Отъ нихъ прошелъ на часокъ къ Матушкину, который подчивалъ меня прилежно. Ночью у Краснолез. кричали караулъ—поймали вора и били.

27. Послѣ уроковъ у кн. Черкасской и Бобар. пріѣхалъ въ университ. на студенч. экзаменъ, на коемъ были отличные молодые люди; я экзаменовалъ изъ Закона Бож., Истор., Геогр. и Русск. языка. Просилъ за Кудрявцева сына; но А. А. не согласился и отложилъ экзаменъ до другого раза.

28. Въ В. Д. видѣлся съ Т. Д., которая прощалась со мною со слезами; я просилъ не забывать меня. Ввечеру былъ у проф. Цвѣтаева и читалъ съ нимъ изъ жизни Платона объ Московск. Академ. и духовныхъ витіяхъ, имъ воспитанныхъ; я съ нимъ разсуждалъ объ этомъ предметѣ.

29. До обѣдни заѣхалъ въ В. Д., опять видѣлся съ Т. Д. и приглашалъ ее къ себѣ въ гости—плакала; предлагалъ ей бо-

[1]) Василій Павловичъ Ризенко, проф. медицины (1784—1827).

[2]) Павелъ Степановичъ Щепкинъ, проф. чистой математики (1793—1836).

гатаго и хорошаго жениха—отказалась. Обѣдню слушалъ у фраздн. въ церкви св. Іоанна Предт. у Луз. моста, обѣдалъ у генер. Хитрова [1]), съ которымъ перечиталъ его статью *Посольство во Францію 1801 къ І-му Консулу*, для Истор. Журнала. Женѣ его, умной дамѣ, читалъ акафистъ, сочиненный одною дѣвицею.

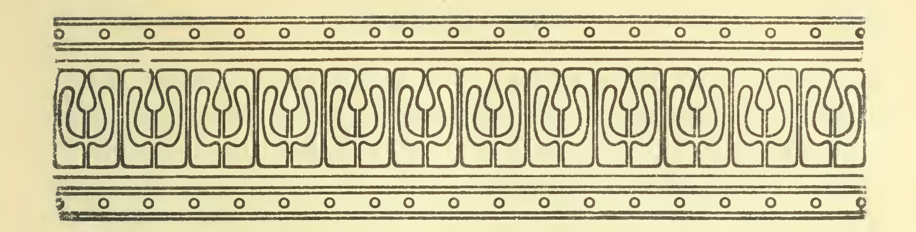
30. По утру пріѣзжалъ Алексан. Васил. Гвоздевъ благодарить за мое имъ пособіе при студент. экзаменѣ и звать къ себѣ на именины обѣдать. Съ Арсеньевымъ ѣздилъ поздравлять А. А. Писарева: онъ принялъ насъ ласково, сказавъ, что я его забылъ; обѣщалъ къ Арсеньеву вмѣстѣ со мною заѣхать; отъ него рѣшили проѣхать къ Антонскому, который встрѣтилъ насъ ласково, совѣтовалъ Я. Евгр. ѣхать со мною въ Воскресен. монас. къ обѣднѣ. Гдѣ насъ зазвала къ себѣ на чай Магдалина; выпивъ чашку, кофе у Я. Е., отправился домой, гдѣ ожидали меня Гвоздева лошади. Надобно было ѣхать и обѣдать: тамъ встрѣтилъ Щепкина; хозяева приняли меня ласково, благодарили, за обѣдомъ пили за мое здоровье. Не надобно упоевать свое тщеславіе. Уже ввечеру отпустили меня домой. Часу въ 3-мъ пополудни, былъ громъ и дождь, помѣшавшій освѣщенію.

31. Весь день дома; докончилъ визитац. отчетъ. Ввечеру былъ у меня Гусева зять, Ник. Матв. съ благодѣтелемъ своимъ Лебедевымъ—просили о сынѣ, поступающемъ въ студенты: я экзаменовалъ его; изрядно.

Сообщ. **В. Андерсонъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Николай Захаровичъ Хитровъ, ген.-маіоръ, почетн. членъ Моск. унив. и дѣйств. членъ общества Исторіи и Древности Россійскихъ (род. 1779); былъ не чуждъ литературѣ. Его жена, дочь фельдмаршала М. И. Кутузова-Смоленскаго.



Исторія и судьба.

Клѣтка Пугачева.

Въ архивахъ Московскаго губернскаго правленія хранится отъ 1864 года небольшое дѣло канцеляріи московскаго военнаго генералъ-губернатора, озаглавленное такъ: „О передачѣ въ публичный музей клѣтки и кандаловъ, въ которыхъ содержался въ Москвѣ бунтовщикъ Пугачевъ“.

Дѣло это началось донесеніемъ московскаго военнаго генералъ-губернатора министру внутреннихъ дѣлъ, которому отъ 5-го октября 1864 года генералъ-губернаторъ писалъ: „Въ Московскомъ губернскомъ тюремномъ замкѣ сохраняются желѣзная клѣтка и кандалы, въ которыхъ привезенъ былъ въ Москву и содержался до времени казни извѣстный бунтовщикъ Пугачевъ“.

„Московскій оберъ-полиціймейстеръ, приписывая вещамъ этимъ историческое значеніе, ходатайствуетъ о разрѣшеніи передать оныя въ Московскій музей“.

„Не встрѣчая съ своей стороны препятствій къ приведенію въ исполненіе означеннаго предположенія оберъ-полиціймейстера, долгомъ считаю сообщить о семъ на усмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства, покорнѣйше прося васъ, милостивый государь, о послѣдующемъ почтить отзывомъ“.

На этой бумагѣ сдѣлана карандашемъ слѣдующая помѣтка: „Его Высокопревосходительство намѣренъ осмотрѣть клѣтку и цѣпь лично, о чемъ просилъ ему напомнить“. 20 октября.

Такъ вопросъ о мѣстѣ нахожденія клѣтки и кандаловъ Пугачева остался неразрѣшеннымъ, и онѣ остались въ Московской губернской тюрьмѣ.

Но въ 1865 году вопросъ объ этихъ памятникахъ Пугачева снова дѣлается предметомъ министерской переписки, и на этотъ разъ въ дѣлѣ принимаетъ участіе министръ юстиціи.

Въ сообщеніи отъ 10 апрѣля 1865 года министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ писалъ московскому военному генералъ-губернатору:

„Министръ юстиціи увѣдомилъ меня, что при осмотрѣ въ Москвѣ мѣстъ заключенія арестантовъ, подвѣдомственныхъ судебнымъ мѣстамъ, онъ нашелъ въ Московской губернской тюрьмѣ кандалы и желѣзную клѣтку, въ которыхъ содержался государственный преступникъ *Пугачевъ*, и что такую историческую древность было бы, по его мнѣнію, приличнѣе хранить въ Московскомъ музеѣ, чѣмъ въ тюремномъ замкѣ.

„Раздѣляя мнѣніе тайнаго совѣтника Замятина, я имѣю честь сообщить о семъ Вашему Высокопревосходительству для зависящихъ съ вашей, милостивый государь, стороны по сему предмету распоряженій, покорнѣйше прося о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ“.

На поляхъ этой бумаги министра внутреннихъ дѣлъ написано карандашемъ: „приказано отвѣтить, что едва-ли было бы удобно выставлять въ музеѣ напоказъ орудіе казни“.

Въ этомъ смыслѣ и посланъ былъ въ 1865 году, апрѣля 23-го дня московскимъ генералъ-губернаторомъ министру внутреннихъ дѣлъ слѣдующій отвѣтъ:

„Отношеніемъ № 3427, Ваше Высокопревосходительство изволили мнѣ сообщить предположеніе г. министра юстиціи о помѣщеніи въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ хранящихся нынѣ въ здѣшнемъ губернскомъ тюремномъ замкѣ кандаловъ и клѣтки, въ которыхъ содержался государственный преступникъ Пугачевъ.

„Принимая во вниманіе, что Московскій музей есть хранилище предметовъ науки и искусства, и что при постоянномъ стеченіи тамъ посѣтителей, быть можетъ было бы неудобно выставлять предъ публикою орудія казни, я долгомъ считаю сообщить о семъ предварительно на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства и покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ“.

Такъ писалъ московскій генералъ-губернаторъ въ этотъ разъ министру внутреннихъ дѣлъ по поводу „предположенія“ министра юстиціи. Видимо мнѣніе московскаго генералъ-губер-

натора князя В. А. Долгорукова возымѣло свое дѣйствіе, такъ какъ Императорскій Румянцевскій музей получилъ въ свое вѣдѣніе клѣтку Пугачева только въ 1870 году, и съ этого времени она находится въ этомъ знаменитѣйшемъ древнехранилищѣ въ отдѣленіи памятниковъ отечественной старины.

Въ каталогѣ Румянцевскаго музея о клѣткѣ и кандалахъ Пугачева сказано слѣдующее: „Ручныя кандалы съ замкомъ и отдѣльными тремя ключами отъ товарища прокурора 1870 года". „Желѣзная клѣтка, въ которой содержался Пугачевъ въ Московскомъ тюремномъ замкѣ, собственно желѣзный заслонъ, сдѣланный угломъ изъ полосъ желѣза съ такою же покрышкою и дверью и прибивавшійся къ углу камеры для помѣщенія арестанта—стоя".

„Мѣра клѣтки въ вышину 2 аршина 12 вершковъ, въ ширину по одной сторонѣ 8½ вершковъ, по другой, гдѣ дверка, 11 вершковъ. Дверка вышиной 1 аршинъ 12 вершковъ. Кандалы вѣсомъ 22 фунта, въ длину 1 арш. 4 верш. Однимъ желѣзнымъ прутомъ соединяются вмѣстѣ наложенными съ наручниками. Изъ Московскаго тюремнаго замка въ 1870 году".

Пугачевская клѣтка, какъ бы въ соотвѣтствіе историческаго сказанія о ней, въ Румянцевскомъ музеѣ занимаетъ мѣсто въ углу стѣны, при чемъ на стѣнѣ зданія при клѣткѣ находится черная доска съ слѣдующимъ печатнымъ текстомъ на ней: „Яицкій казакъ Емельянъ Пугачевъ, пойманный въ концѣ 1774 года, привезенъ былъ въ Москву въ деревянной клѣткѣ и посаженъ на монетномъ дворѣ, находящемся тогда у Воскресенскихъ воротъ, влѣво отъ Иверской часовни при входѣ на монетный дворъ подъ нынѣшнимъ помѣщеніемъ 2-го департамента уѣзднаго суда".

„Пугачевъ сидѣлъ прикованнымъ къ стѣнѣ за желѣзною рѣшеткою и показывался народу въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ до дня своей казни", т. е. до 10 января 1775 года.

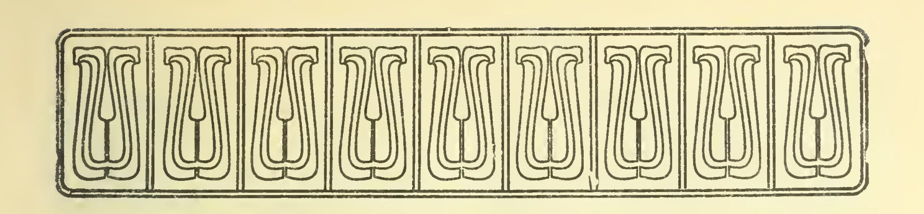
„Желѣзная клѣтка Пугачева, состоящая изъ сихъ рѣшетчатыхъ стѣнокъ, находилась сначала въ юго-западной башнѣ Московскаго тюремнаго замка, которая потому и названа Пугачевскою. А въ 1851-мъ году устроена здѣсь въ настоящемъ видѣ съ присоединеніемъ ножныхъ кандаловъ Пугачева, въ которыхъ вѣсу 22 фунта".

Такова исторія и судьба Пугачевской жизни.

На основаніи приведенныхъ свѣдѣній о Пугачевской клѣткѣ слѣдуетъ придти къ заключенію: 1, что хранящаяся въ Румянцевскомъ музеѣ клѣтка устроена въ Москвѣ по доставленіи

сюда съ Волги Пугачева, замѣнивъ собою деревянную, въ которой онъ доставленъ былъ въ Москву; 2, клѣтка эта до 1851 года находилась въ зданіи монетнаго двора; 3, изъ монетнаго двора Пугачевская клѣтка въ 1851 году перемѣщена была въ Московскую губернскую тюрьму и 4, изъ тюрьмы перемѣщена въ 1870 году въ Румянцевскій музей и находится здѣсь среди многотысячныхъ памятниковъ отечественной древности, что, конечно, Емельяну Пугачеву и во снѣ не снилось!..

Н. И. Соловьевъ.



Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава XIII [1].

Армянскій вопросъ.

Изъ массы неразрѣшимыхъ задачъ, составляющихъ восточный вопросъ, самая трудная задача: армянскій вопросъ. Со времени Берлинскаго конгресса на Арменію обрушилась больше всего племенная и религіозная ненависть, однако армянамъ были даны два ручательства за сохраненіе имъ жизни и имущества: одно, законное, берлинскимъ трактатомъ, другое, частное: англо-турецкимъ договоромъ. Останься въ силѣ Санъ-Стефанскій договоръ, турецкое правительство отвѣтственно было бы передъ русскимъ правительствомъ за хорошее управленіе Арменіей. Берлинскій трактатъ эту отвѣтственность уничтожилъ. Вмѣсто этого державы подписали международный договоръ въ Берлинѣ, которымъ обезпечивались армянамъ нужныя для ихъ безопасности реформы. Параграфъ LXI точенъ и спеціаленъ. Глава 16-я Санъ-Стефанскаго договора слѣдующая.

Такъ какъ эвакуація русскихъ войскъ изъ мѣстъ, занимаемыхъ ими, въ Арменіи, которыя должны быть возвращены Турціи, можетъ подать поводъ къ треніямъ, вредящимъ добрымъ отношеніямъ между этими двумя странами, Турція обязуется привести безотлагательно въ исполненіе улучшенія и преобразованія, требуемыя мѣстными условіями провинцій, населенныхъ

---

[1]) См. „Русская Старина", октябрь 1914 г.

армянами, и обезпечить имъ безопасность отъ нападенія курдовъ и черкесовъ.

30-го мая 1878 г. меморандумъ, подписанный въ Лондонѣ маркизомъ Салзберри и графомъ Шуваловымъ, гласитъ (№ 7): „обѣщанія, касательно Арменіи, по предварительному условію Санъ-Стефанскаго договора, не должны быть даны исключительно Россіи, но и Англіи“.

На германскомъ конгрессѣ, въ засѣданіи 9-го іюля, лордъ Салзберри прочиталъ слѣдующій параграфъ безъ возраженій, „съ согласія уполномоченныхъ Великобританіи и Турціи“:

„Блистательная порта принимаетъ на себя исполнить, безотлагательно, улучшенія и преобразованія, требуемыя мѣстными условіями провинцій, обитаемыхъ армянами, и обезпечить имъ безопасность отъ нападеній курдовъ и черкесовъ. По временамъ, должно быть дано державамъ, наблюдающимъ за ними, знать о томъ, что предпринято по этому поводу“.

Эти слова, принятыя безъ преній, сдѣлались, съ легкимъ измѣненіемъ, 6-й статьей Берлинскаго трактата, оканчивающейся такъ: періодически будетъ сообщаемо о предпринятыхъ по этому поводу шагахъ державамъ, которыя будутъ наблюдать за ихъ исполненіемъ.

Блистательная Порта, по обыкновенію, ничего не сдѣлала. Параграфъ остался мертвой буквой, никакихъ улучшеній, никакихъ реформъ. Англо-турецкое соглашеніе, навязанное публикѣ, говоритъ Стэдъ, какъ новое и особенное обезпеченіе покровительства Арменіи, обратилось въ главное препятствіе какимъ бы ни было соединеннымъ мѣрамъ въ ея защиту.

Г-жа О. А. Новикова, послѣ побѣды либераловъ въ 1880 г., пояснила въ „Сѣверномъ эхо“ русскую точку зрѣнія, описавъ страданія армянъ, причиняемыя имъ турками.

„Если бы Россія стремилась, въ своей политикѣ, къ увеличенію владѣній, ей было бы весьма выгодно настоящее положеніе вещей.

„Но Россія не ищетъ присоединенія Арменіи. Въ доказательство чего она желаетъ исполненія параграфа берлинскаго трактата и если бы державы потребовали его исполненія, не было бы причины армянамъ смотрѣть на принадлежность ихъ Россіи, какъ на единственное спасеніе. Будетъ ли новое правительство честно содѣйствовать намъ, заставляя турокъ исполнить свои обѣщанія, или, другими словами, поможетъ ли оно намъ заставить султана уступить настолько своей власти, чтобъ бѣднымъ армянамъ организовать что-нибудь въ родѣ авто-

номіи, какъ защиту противъ опустошеній курдовъ и грабежа турокъ".

На этотъ разъ Гладстонъ не откликнулся на ея призывъ. Онъ былъ такъ озабоченъ тѣмъ, чтобъ заставить турокъ исполнить свои обязательства къ Греціи и Черногоріи, что предоставилъ армянъ самимъ себѣ. Когда армянскіе уполномоченные пріѣхали въ Лондонъ просить защиты ихъ правъ, обезпеченныхъ договоромъ, Брайтъ отвѣтилъ съ рѣзкой прямотой, что „Европа ничего для нихъ сдѣлать не можетъ, и Англія также. Поѣзжайте въ Петербургъ и просите русскихъ Вамъ помочь. Они одни могутъ это сдѣлать".

Но Брайтъ и Гладстонъ не хотѣли помнить, что англо-турецкій договоръ обязывалъ англичанъ, на все время занятія ими Кипра, защищать военной силой Турцію противъ Россіи.

Поэтому дѣло армянъ было въ безнадежномъ положеніи. Берлинскій трактатъ мертвая буква, и единственная держава, которой вмѣшательство могло принести дѣйствительную пользу, лишена возможности это сдѣлать, тѣмъ самымъ способомъ, который очевидно предназначался для обезпеченія реформъ въ Азіатской Турціи. Смѣлая и прямодушная политика была бы очистить Кипръ, передавъ его временно Греціи, пока обѣщанныя реформы въ Ѳессаліи и Эпирѣ совершились бы. Къ несчастью, кабинетъ Гладстона уклонился отъ такого геройскаго поступка. Въ результатѣ англо-турецкій договоръ былъ тридцать лѣтъ препятствіемъ для русскихъ дѣйствій въ защиту Арменіи.

Только внимательно вникнувъ въ этотъ фактъ, можно понять, почему въ 1896 г. политика Россіи въ Арменіи была въ оппозиціи съ политикой, поддерживаемой Гладстономъ, и какъ случилось, что самыя послѣднія письма между Гладстономъ и г-жей Новиковой значительно не носили своего обычнаго дружескаго характера. Хладнокровный читатель убѣдится, что въ этомъ вопросѣ была права г-жа Новикова.

Въ сентябрѣ 1889 г. Ольга Алексѣевна помѣстила въ Пелль-Мель газетѣ статью о Критѣ и Арменіи.

Гладстонъ тотчасъ написалъ ей, привѣтствуя возвращеніе ея къ роли защитницы угнетенныхъ восточныхъ христіанъ:

„Хорденъ 16 сентября 1889 г.

„Дорогая г-жа Новикова.—Я радъ, что Вы взялись за критскій и въ особенности за армянскій вопросъ. Эти жестокости въ Арменіи—нашъ позоръ. Если мы не имѣемъ власти

ихъ остановить, мы не должны болѣе браться за дѣло, и похищать Кипръ взамѣнъ;—кража обременительная.

„Если проведу нѣкоторое время въ Лондонѣ, то я надѣюсь быть у Васъ. Вѣрьте моей преданности.

Гладстонъ".

„Я читалъ „Марію Башкирцеву", теперь читаю „Преступленіе и наказаніе". Какъ видите, мой взглядъ обращенъ на Россію".

Это письмо интересно уже потому, что это послѣднее, въ которомъ говорится безъ тѣни недовѣрія и гнѣва о Россіи и Арменіи. Просьба г-жи Новиковой, получившая согласіе Гладстона, не имѣла однако результата.

Только въ 1895 г. Гладстонъ, повидимому, пришелъ къ заключенію, что нельзя разсчитывать на помощь Россіи армянамъ. Россія, Англія и Франція дѣятельно улаживали критскій вопросъ. Но Арменія далека была отъ брани и пушекъ, для нея ничего не было сдѣлано.

Гладстонъ, какъ всегда, когда хотѣлъ не оффиціально обратиться къ Русскому Правительству, наканунѣ своей прогулки по морю, писалъ г-жѣ Новиковой слѣдующее:

„Хорденъ, 10 января 1895 г.

„Дорогая г-жа Новикова, не хочу отправляться въ Ваше сосѣдство, не воспользуясь адресованнымъ конвертомъ, который Вы были такъ добры, что дали мнѣ. Мы завтра садимся на большой пароходъ; морская вода всегда мнѣ благопріятствовала, и я надѣюсь на нее, какъ на лучшее средство, чтобы избавиться отъ кашля. Въ 85 лѣтъ кашель гость непріятный, который мучитъ меня послѣдніе десять дней.

„Надѣюсь взглянуть на Петербургъ, но мнѣ говорятъ, что онъ слишкомъ далекъ. Это единственная большая столица, которой я не видалъ. Оба наши правительства (вмѣстѣ съ Франціей) заняты общимъ предпріятіемъ. Значенія для ихъ чести оно не имѣетъ, въ смыслѣ христіанства и долга. Это не будетъ новый Наваринъ! А насколько менѣе значительна была причины Наварина!..

„У насъ было такое же положеніе относительно Греціи и Черногоріи въ 1880 г. Я живо помню отличный образъ дѣйствій Россіи въ этомъ дѣлѣ. Я вспоминаю съ большимъ удовольствіемъ мое знакомство, очень краткое, къ сожалѣнію, съ княземъ Лобановымъ, во время его пребыванія въ Лондонѣ.

Надѣюсь, что его библіотека процвѣтаетъ. Если Вы когда-нибудь съ нимъ увидитесь, я бы просилъ Васъ напомнить ему обо мнѣ. Англійскому правительству вполнѣ извѣстны мои чувства, и я надѣюсь, оно не порицаетъ ихъ. Меня очень убѣждаютъ принять общественную дѣятельность, но этого я всѣми мѣрами избѣгаю. Благослови Богъ справедливую политику!..

Искренно Вашъ Гладстонъ".

„Не скрою отъ Васъ, что въ Англіи упрекаютъ Россію въ нежеланіи сильныхъ мѣръ въ Арменіи.

„Но я надѣюсь, что это не основательно".

Положеніе Россіи, въ то время, было ясно представлено сэръ Франкомъ Лассель, англійскимъ посломъ въ Петербургѣ въ письмѣ къ лорду Салзберри, отъ 3-го іюля 1895 г., изъ котораго взята слѣдующая выдержка:

„Сегодня днемъ, въ разговорѣ со мной, князь Лобановъ сказалъ, что онъ видѣлъ письмо Гладстона къ корреспонденту, имени котораго нечего упоминать, въ которомъ онъ выражаетъ сожалѣніе о томъ, что видимо есть разница мнѣній между Англіей и Россіей въ армянскомъ вопросѣ. Князь Лобановъ сообщилъ корреспонденту Гладстона, желавшаго получить отъ него совѣтъ, какъ отвѣчать, что несомнѣнно есть разница мнѣній между двумя государствами и что Россія, по своему географическому положенію и по количеству армянъ, живущихъ въ ней, не можетъ согласиться ни на какой планъ автономіи въ Малой Азіи. Россія всегда была покровительницей христіанъ въ турецкихъ владѣніяхъ, и она была бы счастлива доставить еще болѣе обезпеченія ихъ благосостоянію и жизни, но выгоды собственныхъ границъ не позволяютъ ей пока предаваться человѣколюбивымъ мечтамъ, которыя преобладаютъ, повидимому, въ Англіи; интересы Англіи не могутъ быть такимъ же образомъ затронуты, благодаря ея островному положенію и отдаленности отъ Арменіи.

За три года до своей смерти, Гладстону было въ 1895 г. восемьдесятъ пять лѣтъ, и это былъ предпослѣдній годъ его политической дѣятельности. Это былъ годъ многихъ памятныхъ событій, говоритъ Стэдъ. Въ началѣ его, Джемсонъ Ридъ вовлекъ въ войну Южную Африку и въ приготовленія къ войнѣ. До конца года, Европа была встревожена и человѣчество возмущено избіеніемъ армянъ въ Константинополѣ. Послѣднее усиліе Гладстона произнести послѣднюю рѣчь было побужденіе правительства лорда Розберри рѣшиться, если нужно безъ вся-

каго посторонняго участія, силой принудить султана. Онъ встрѣтилъ препятствіе со стороны лорда Салзберри, отказавшагося отъ лидерства въ партіи либераловъ, указывая этимъ на свое убѣжденіе, что планъ Гладстона вовлечетъ насъ въ Европейскую войну.

Онъ провозгласилъ, что идея, будто бы каждое независимое дѣйствіе съ нашей стороны сдѣлаетъ насъ отвѣтственными за возбужденіе европейской войны, ошибочна и что эта ошибка плачевнѣе всѣхъ когда-либо совершенныхъ въ исторіи дипломатіи. Онъ особенно былъ раздраженъ противъ Россіи, правительство которой, при князѣ Лобановѣ, противилось всякому вооруженному вмѣшательству въ Турціи. Это объясняетъ небывалый тонъ его письма г-жѣ Новиковой.

Гладстонъ очень сердился. Г-жа Новикова писала въ Теймсъ и въ Дели Кроникль въ защиту политики князя Лобанова. На ея письмо къ нему по этому предмету, онъ отвѣчалъ 22 октября 1895 г. „Я буду держаться своего мнѣнія". Его письмо доказываетъ, говоритъ Стэдъ, какъ больно ему было видѣть торжество султана, но выраженія его письма были таковы, что приводить ихъ нежелательно.

Князь Лобановъ былъ непоколебимъ несмотря на упреки Гладстона. Ольга Алексѣевва помѣстила статью въ Обсерверѣ, представляя сопротивленіе Россіи вооруженному вмѣшательству во избѣжаніе того, что ея согласіе означало бы войну Россіи съ Турціей, которой неприкосновенность гарантирована Англіей. Но Гладстонъ не успокаивался. 3-го февраля 1896 г. онъ пишетъ ей изъ Біарица: „Я читалъ Ваше письмо въ Обсерверѣ. Что касается прежняго времени, Вы знаете мое сильное и нескрываемое признаніе Вашихъ заслугъ. Но относительно несчастнаго армянскаго вопроса я молчу. Очень вѣроятно, что Англія сдѣлалась не популярна въ Арменіи, заслуженно или нѣтъ, это мы вскорѣ узнаемъ. Изъ недавней рѣчи Бальфура я заключаю, что министры намѣрены бросить обвиненіе въ другую сторону. Надѣюсь, что они дадутъ намъ возможность судить. Я знаю одно, что, помимо вины султана, гдѣ-то кроется страшная вина и стыдъ".

7-го марта Гладстонъ пишетъ г-жѣ Новиковой: „Искренно благодарю Васъ за книгу Бэрбекъ. Думаю, что я ей сочувствую одинаково съ Вами. Въ Лондонѣ есть общество восточной церкви, которое, я полагаю, было бы радо поощрить изданіе сочиненія генерала Кирѣева, если оно одобрено епископами и правоспособными авторитетами.

„Не могу признать, чтобы Ваши доводы относительно Арменіи меня удовлетворили. Меня огорчаетъ и возмущаетъ поведеніе Европы и плачевное положеніе тѣхъ, которые окажутся самыми главными виновниками этого поведенія,—кто бы они ни были.

„Мы рѣшили ѣхать домой на будущей недѣлѣ и въ Хорденѣ я долженъ быть, скажемъ, 13-го. Мнѣ кажется, что сочиненія Пюрселя въ громадномъ распространеніи. Дѣйствительно это историческое событіе, и мы далеко еще не покончили съ нимъ. Слишкомъ часто тамъ фигурируетъ мое имя.

Преданный Вамъ

Гладстонъ".

Книга Пюрселя была „Жизнь кардинала Манинга".

Въ то время, говоритъ Стэдъ, какъ Гладстонъ представлялъ Россію величайшимъ препятствіемъ къ вооруженному вмѣшательству въ Малой Азіи, довольно странно было видѣть, что турки твердо были убѣждены, что злодѣйства въ Арменіи выдуманы, въ интересахъ Россіи. Въ собраніи мусульманъ въ Лондонѣ былъ симпатичный докладъ о томъ, что—

„Пункты, на которыхъ настаивали и обсужденіе которыхъ велось съ большимъ искусствомъ, заключались въ томъ, что никакихъ достовѣрныхъ фактовъ о злодѣйствахъ въ Арменіи не имѣется; что волненія эти политическія, а не религіозныя; что религію слѣдуетъ устранить изъ вопроса и что русскіе полуоффиціальные агенты и M-me Olga Novikoff играютъ главную роль въ этомъ дѣлѣ.

Страшное негодованіе произвелъ, въ Западной Европѣ, орденъ Меджидіе, которымъ султанъ наградилъ князя Лобанова. Около того времени г-жа Новикова послала Гладстону статью подъ названіемъ „Souvenirs", помѣщенную ею въ Nouvelle Revue, и упомянула, при этомъ, объ Арменіи. Въ отвѣтъ на это было получено открытое письмо, въ которомъ Гладстонъ благодарилъ ее за „Воспоминанія", несомнѣнно весьма интересныя, но объ Арменіи, послѣ ордена князю Лобанову онъ отказывался слово сказать.

Послѣ этого не было обмѣна писемъ до сентября, когда вмѣсто того, чтобы успокоиться, Гладстонъ еще больше горячился, какъ видно изъ слѣдующаго письма:

Хорденъ 1 сентября 1896.

„Дорогая г-жа Новикова. Дѣйствительно цѣлый вѣкъ, и какой ужасный вѣкъ, мы не переписывались.

„Я не сомнѣваюсь въ полномъ нашемъ единомысліи о союзѣ христіанства, этой великой, но отдаленной цѣли.

„Нашимъ предметомъ всегда былъ Востокъ, предметъ дошедшій до самой мрачной ступени и покрывшій Англію неизгладимымъ позоромъ, писать о немъ я вамъ не могу, въ особенности объ участіи въ немъ Россіи, иначе какъ въ выраженіяхъ, которыя вы, русская, не могли бы читать терпѣливо:

„Дай Богъ, чтобы намъ скоро представились новыя темы для переписки. Мои воспоминанія о Лобановѣ—когда онъ былъ въ Англіи — какъ о самомъ пріятномъ, добромъ и образованномъ человѣкѣ. Вѣрьте моей молчаливой, но искренней преданности.

Гладстонъ".

Г-жа Новикова отвѣчала, и это было послѣднее ея письмо къ Гладстону.

Маріенбадъ. 9-е сентября 1896.

„Дорогой г-нъ Гладстонъ,—Вы слишкомъ великодушны, разрѣшая мнѣ потерять терпѣніе.

„Помня всегдашнюю доброту Вашу, добраго стараго времени, я не могу ошибочно понять благородную причину, которая руководитъ Вашимъ перомъ. Но Вы, можетъ быть, тѣмъ не менѣе огорчены и я считаю себя обязанной, въ защиту моего отечества, сообщить Вамъ, что произошло на одномъ изъ коронаціонныхъ баловъ: Лобановъ, казалось, искалъ случая поболтать со мной, и мы усѣлись вмѣстѣ на диванѣ. „Я радъ случаю лагодарить Васъ за всѣ Ваши усилія привести къ дружескимъ отношеніямъ Англію и Россію", сказалъ князь.

„Но, признайтесь", отвѣчала я, улыбаясь, „что министерстерство иностранныхъ дѣлъ мало даетъ мнѣ въ этомъ поддержки".

„Лобановъ сталъ очень серьезенъ. „Вы намекаете на ужасный Армянскій вопросъ", спросилъ онъ.

„Именно, отвѣтила я твердо". Но, прервалъ онъ, какъ можемъ мы, русскіе, не знать значенія и важности договора о Кипрѣ, обязывающаго Англію идти противъ Россіи, при каждой опасности, грозящей цѣлости Турціи".

„Да, это правда, замѣтила я, но въ Англіи существуетъ положительная перемѣна мнѣній о святости этого договора".

„Несомнѣнно", отвѣчалъ онъ, не думайте, что я такъ мало освѣдомленъ, я знаю все объ этой перемѣнѣ къ лучшему, тѣмъ не менѣе этотъ Англо-Русскій договоръ не уничтоженъ: Мо-

жете ли Вы, хотя бы минуту подумать, что, откажись Англія отъ своихъ обязательствъ по этому договору, мы бы не отвѣтили немедленно предложеніемъ иной точки зрѣнія?!!

Насъ перервалъ, подошедшій къ намъ, сэръ О'Конорь, британскій посолъ. Все, что я слышала отъ своихъ, не менѣе Вашего людей заинтересованныхъ въ христіанскомъ дѣлѣ, я это изложила во французской статьѣ, которую посылаю Вамъ съ этой почтой и которую, я надѣюсь, Вы будете такъ добры, что прочтете. Это маленькая вещь безъ большого значенія, все же прочтите ее; быть можетъ, Вы на минуту надъ ней призадумаетесь".

„Декларація Чемберлена была новымъ ударомъ для насъ; онъ, повидимому, болѣе чѣмъ когда-либо стремится удержать во владѣніи Англіи Критъ, который Греція приняла бы съ такой благодарностью. Надѣюсь, что Вы будете видѣть нашего Государя, когда онъ пріѣдетъ въ Англію.

Всегда Вамъ благодарная,
Ольга Новикова".

Гладстонъ, все еще страдая отъ мысли, что его бывшая союзница ему измѣнила, отвѣчалъ 13 сентября съ нѣкоторой ѣдкостью, что давнымъ давно султанъ былъ увѣдомленъ о томъ, что договоръ о защитѣ Азіатской Турціи, по условію Кипрскаго договора, уничтоженъ благодаря нарушеніямъ его обѣщаній о реформахъ.

Г-жа Новикова не отвѣчала прямо Гладстону, но рѣзкость его совсѣмъ ее не убѣдила; неудивительно, что даже огромный престижъ Гладстона не могъ ее убѣдить въ томъ, что Россія не права въ своей сдержанности. Споръ обратился на Англо-Турецкій договоръ 1878 г., посредствомъ котораго Биконсфильдъ похитилъ Кипръ. Лордъ Розберри говорилъ, что договоръ уничтоженъ, но насъ занимаетъ споръ съ Гладстономъ, говоритъ Стэдъ. Читая письмо Гладстона, трудно себѣ представить, какъ онъ могъ, съ другой стороны, утверждать, что Англо-Турецкій договоръ вовсе не уничтоженъ, а въ дѣйствительности давалъ Россіи законную причину для войны. Онъ, такимъ образомъ, излагаетъ дѣло въ статьѣ, помѣщенной имъ въ октябрѣ 1896 г. въ Nineteenth Century:

„Мы имѣемъ право требовать отъ султана немедленнаго исполненія своихъ обязательствъ, согласно нашему договору, и поступить съ нимъ за неисполненіе, какъ по міровымъ законамъ наказываются иныя нарушенія договоровъ

„Мы обязались, передъ лицомъ свѣта, добиться хорошаго управленія для Арменіи и Азіатской Турціи.

„За это обязательство мы получили то, что считали цѣннымъ прибавленіемъ къ территоріи нашего государства.

„Все это мы совершили, не въ согласіи съ Европой, а по личному нашему договору и на нашу личную отвѣтственность.

„Англія можетъ давать за себя самыя торжественныя обязательства при самыхъ стѣснительныхъ условіяхъ, но она теперь претендуетъ на право обратиться къ другому или другимъ лицамъ, къ государству или государствамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ ея обязательствамъ, чтобъ они опредѣлили: должна ли она употребить всѣ имѣющіеся у нея способы, чтобъ ихъ выполнить.

„Если такое правило можетъ быть принято, я почтительнѣйше предложилъ бы старое слово честь вычеркнуть изъ нашихъ лексиконовъ и пропустить на нашемъ языкѣ".

Гладстонъ могъ быть правъ или не правъ въ этомъ спорѣ, но въ томъ и другомъ случаѣ его доводы очевидное доказательство правильности русскихъ взглядовъ, что договоръ въ полной силѣ и можетъ во всякую минуту служить орудіемъ, оправдывающимъ воинственныя дѣйствія. Не трудно поэтому понять принятое Россіей положеніе. Посудите, что такое англо-турецкій договоръ и къ чему онъ насъ обязываетъ. Г-нъ Томасъ Гибсонъ Больсъ, писавшій въ Quarterly Review, весьма легко доказалъ, что съ турецкой точки зрѣнія договоръ въ полной силѣ. Потому, говоритъ онъ, что, единственно въ силу этого договора, Англія занимаетъ Кипръ и управляетъ имъ въ теченіе семнадцати лѣтъ, продолжаетъ и теперь имъ управлять, такимъ образомъ она занимаетъ и управляетъ имъ явно и открыто, не для чего иного, какъ для того, чтобъ дать себѣ возможность выполнить свое обязательство защищать оружіемъ Азіатскую Турцію отъ нападенія Россіи".

Гладстонъ и Больсъ замѣчательно оппозиціонные туркофилъ и туркофобъ, были заодно въ вопросѣ о дѣйствительности договора. Это облегчило полемику г-жи Новиковой. Въ „Таймсѣ" и „Дели Кроникль", она энергично защищала политику князя Лобанова отъ нападеній Гладстона и другихъ. Она указывала на то, что лордъ Биконсфильдъ исключительно оправдывалъ англо-турецкій договоръ потому, что онъ обязывалъ насъ и впредь оружіемъ защищать султана, если бы черезъ десять, пятнадцать, двадцать лѣтъ Россія перешла Турецкую границу.

Г-жа Новикова говорила: „Политика князя Лобанова основана на словахъ Биконсфильда: - Хотя произнесенныя въ 1878 году, они дѣйствительны теперь какъ оффиціальный документъ, какъ убѣжденіе англійскаго премьера въ политикѣ, которую Англія, несомнѣнно, приметъ, если бы мы поддержали армянъ оружіемъ, въ этомъ году".

Лордъ Биконсфильдъ сказалъ:

„Кто бы ни былъ министромъ и какая бы партія ни стояла у власти, положеніе правительства было бы таково... Могли быть колебанія, долженъ быть недостатокъ рѣшимости и твердости, но никто не можетъ сомнѣваться, что въ концѣ концовъ Англія сказала бы: „Этого не должно быть". Мы должны помѣшать завоеванію Малой Азіи, мы должны принять участіе въ этомъ дѣлѣ". Никто, я думаю, разсуждающій объ этомъ вопросѣ, не можетъ усумниться, что такова должна бы быть послѣдняя политика.

„Поэтому, продолжалъ онъ, чтобъ устранить всякое сомнѣніе на этотъ счетъ, голосъ Англіи долженъ прозвучать ясно, твердо и рѣшительно „впередъ". И этого онъ достигъ заключеніемъ кипрскаго договора. „Случайностей", сомнительныхъ и колеблющихся, не будетъ больше. Англія, разъ навсегда, обязывается защищать Азіатскую границу Оттоманской Имперіи, противъ нападенія Русской арміи во всякомъ спорѣ.

„Это, объявлялъ онъ, новѣйшая политика Англіи, олицетворяемая кипрскимъ договоромъ. Лордъ Салзберри описывалъ этотъ договоръ, какъ предпріятіе „безусловно" затѣянное, чтобъ препятствовать всякому захвату Россіей въ Малой Азіи.

„Это откровенно, возражала г-жа Новикова,—значитъ, кипрскій договоръ—документъ, приготовленный для того, чтобы препятствовать Россіи чѣмъ бы то ни было помочь армянамъ. Значитъ, это война Англіи, на морѣ и сушѣ вокругъ всего свѣта, противъ Россіи, если она хотя бы эскадронъ вооруженной полиціи послала бы въ Арменію. И при существованіи этого договора, Вы обвиняете Россію въ томъ, что она не присоединилась къ дѣйствіямъ противъ султана, который защищенъ отъ всякой отвѣтственности за свои инстинкты, полнымъ ручательствомъ „новѣйшей политики Англіи" при договорѣ и безъ договора, т. е. при реформахъ и безъ реформъ война съ Россіей за всякое прикосновеніе къ Малой Азіи.

„Мнѣ, конечно, скажутъ, да и сказалъ мнѣ уже самъ Гладстонъ, что договоръ не включаетъ въ себѣ требованія покровительствовать злодѣю Арменіи иначе, какъ при условіи ре-

формъ и, что султанъ давно увѣдомленъ о томъ, что за нарушеніе имъ обязательствъ договоръ теряетъ свою силу.

„Для меня, признаюсь, это новость, и въ Россіи намъ ничего не извѣстно объ уничтоженіи договора съ Англіей. Мы были бы очень рады, если бы оффиціальное сообщеніе объ этомъ фактѣ стало немедленно опубликовано.

„Я думаю, что это успокоило бы совѣсть многихъ людей въ этой странѣ, и въ Европѣ это возстановило бы довѣріе къ Англіи, такъ грубо поколебленное подписаніемъ этого договора. Объясняется наше невѣдѣніе Вашего внезапнаго рѣшенія тѣмъ, что Кипръ, который Вами занятъ и управляемъ единственно въ силу англо-турецкаго договора, все еще въ Вашемъ владѣніи. Уничтоженіе договора тогда только признается вѣрнымъ, когда вслѣдъ за нимъ будетъ эвакуированъ Кипръ.

„Когда это произойдетъ, устранится главное препятствіе къ соединенному побужденію султана и возможно будетъ новое направленіе".

Въ Дели Крониклѣ г-жа Новикова писала слѣдующее: „Когда я слышу обвиненія Россіи въ томъ, что она не занимаетъ Арменію, я просто удивлялась.

„Англія могла бы насъ упрекать лишь, если бъ истратила хоть половину того, что за одну войну мы истратили для всѣхъ племенъ Восточныхъ Христіанъ".

„Неужели Вы забыли о кипрскомъ договорѣ. Неужели Вы не знаете, что Англія провела линію между Россіей и Арменіей, переступить которую мы можемъ только подъ страхомъ войны, не только съ Турціей, но и съ Англіей, какъ союзницей той самой страны, звѣрскія преступленія которой Вы желаете, чтобы мы прекратили безъ посторонней помощи.

„Договоръ существуетъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ публично уничтоженъ, такъ же публично, какъ онъ былъ тайно заключенъ. Иначе Россія повѣрить Англіи не должна.

„Россіи нуженъ миръ. Она страстно желаетъ, чтобы дали ей вздохнуть, окрѣпнуть безъ угрозы войны и безъ войны. Россія съ радостью приняла бы всякое практическое предложеніе общаго разоруженія Европы при условіи ареста всякихъ дальнѣйшихъ вооруженій; поэтому Россія противится легкомысленному способу нѣкоторыхъ англичанъ, съ какимъ они бросаютъ горящіе факелы на пороховые склады Европы. Но, если мы должны силой преодолѣть упорство султана и дать дѣйствительную гарантію порядочнаго управленія его угнетае-

мымъ подданнымъ, не станемъ рѣшаться на такой рискъ, не имѣя опредѣленной цѣли.

„Поставить всѣ владѣнія султана въ вѣдѣніе европейскихъ комиссій—это стоило бы сдѣлать, но соглашаться на войну, чтобъ улучшить управленіе трехъ провинцій, населенныхъ частью армянами и частью курдами, на границѣ Россіи,—въ этомъ я сомнѣваюсь.

Г-жа Новикова, въ своей статьѣ „Предложенія новаго направленія", выражаетъ мысль, что стоило бы восточный вопросъ поднять, въ томъ случаѣ, если бы онъ могъ быть опредѣленъ разъ навсегда. Это была послѣдняя ея статья, которую читалъ князь Лобановъ. Въ ней необыкновенно характерно звучитъ струна излюбленнаго ею англо-русскаго сближенія, которая тридцать лѣтъ звучала во всемъ, что когда-нибудь было написано ею:

„Къ несчастью, много трудностей, слишкомъ много давнихъ затрудненій, которыя слѣдуетъ устранить и которыя могли бы быть устранены, если бы помнили, что разрѣшить ихъ безъ помощи Россіи нельзя. Мнѣ иногда востокъ напоминаетъ замки, которые открываются только сложеніемъ извѣстныхъ буквъ. Онъ именно такой замокъ, никакой ключъ его не откроетъ, пока буквы не сложатся такъ:

„Я говорю Entente, хотя это иностранное слово, но я его предпочитаю слову союзъ. Entente значитъ доброе согласіе на свободу дѣйствій въ извѣстныхъ зонахъ, содѣйствіе (въ случаѣ нужды) въ другихъ направленіяхъ и всюду доброе товарищество. Союзъ можетъ значитъ все, что хотите: слишкомъ много или слишкомъ мало. Союзы часто, вмѣсто помощи, приносятъ вредъ. Нѣкоторые союзы заключаются скорѣе для того, чтобы умѣрить пылъ друга, нежели усилить его дѣятельность.

„Entente настоящее слово. Кошутъ описывалъ себя „птицей, вѣщающей смерть", а я, говоритъ г-жа Новикова, хотѣла бы быть „Птицей, вѣщающей жизнь",—утренней птицей, летящей съ востока, предвѣстницей мира, надежды, грядущаго благоденствія, и я желала бы, чтобы всѣ, сочувствующіе мнѣ въ моей работѣ въ Англіи, помогали бы мнѣ еще больше, чѣмъ прежде, въ дѣлѣ, которое, конечно, не въ моихъ личныхъ силахъ.

„Свѣта, свѣта, больше свѣта, какъ говорилъ умирающій Гете", вотъ что необходимо, при изученіи такихъ трудныхъ вопросовъ, какъ тѣ, которые волнуетъ Востокъ.

„Ко мнѣ отнеслись довольно строго за то, что я упрекала Англію въ ея прошлыхъ ошибкахъ, вмѣсто того, чтобъ под-

держать ее въ добрыхъ дѣлахъ. Но обвиненія не справедливы. Я напомнила Вамъ о прошедшихъ дѣлахъ, для того, чтобъ особенно отмѣтить мои доводы о признаніи Вами Вашей отвѣтственности въ настоящемъ и въ будущемъ.

„Вы спрашивали: какова политика Россіи? Я отвѣчала: политика Россіи въ томъ, чтобы Англія сдѣлала первый шагъ. Иниціатива Ваша, сказала я, Россія же не преминетъ содѣйствовать Вамъ въ каждомъ дѣлѣ, обезпечивающимъ миръ и покровительство несчастнымъ армянамъ".

„Вотъ Вы сдѣлали первый шагъ. Вы взяли на себя починъ, но съ какимъ результатомъ? Г-нъ Гладстонъ, съ всегдашнимъ безстрашіемъ и прямотой, представляетъ яркую картину теперешняго положенія вещей. „Я представляю себѣ въ умѣ жалкаго султана развѣвающимъ, торжественно, свой флагъ. а противники у его ногъ, Россія, Франція и Англія".

„Торжество Его блистательнаго Величества значитъ продолженіе оскорбленій и страшныхъ злодѣяній. Анархія заразительна. Нужна вся власть Русской дисциплины, чтобъ противодѣйствовать такому вредному сосѣдству нашего населенія на Кавказѣ. Политическая паника — нездоровая атмосфера; она дѣйствуетъ на нервы соприкасающихся народовъ.

„Простите мою откровенность: иначе говорить не могу. Что доказали послѣднія событія? Полное безсиліе Англіи въ добромъ покровительствѣ подчиненнымъ восточнымъ племенамъ. Колоссальная способность ея дѣлать зло уже была извѣстна издавна.

„Когда она старается перемѣнить политику и хочетъ настаивать на требованіи реформъ у султана, ей это не удается и не можетъ удаться потому что единственное ея орудіе, флотъ, можетъ только быть примѣнимъ въ Константинополѣ. что повело бы къ разрушенію Оттоманской имперіи; а этого всѣ государства стремятся избѣжать.

„Больной человѣкъ, очень боленъ, почти при смерти; пронзивъ его сердце, ему бы нанесли очевидный конецъ, но этого боятся!

„Уничтожить султана значило бы ускорить общую схватку надъ гибелью его имперіи.

„Въ этомъ весь Восточный Вопросъ? Оставить неприкосновеннымъ территоріальное status quo, номинальный авторитетъ султана въ Константинополѣ; но есть и другое рѣшеніе вопроса: но подъ эгидой европейской комиссіи надъ всѣми подчиненными провинціями.

„Вѣрная политика должна терпѣть существованіе султана въ Константинополѣ, примѣняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, единственно возможную борьбу въ видѣ оккупаціи тѣхъ провинцій, населеніе которыхъ занимается злодѣйствами надъ христіанами.

„У Англіи нѣтъ арміи, чтобы предпринять такую борьбу, но другія державы имѣютъ всѣ средства для защиты христіанъ.

„Болгарія, съ разрѣшенія Европы, можетъ занять и управлять Македоніей. Франція уже разъ занимала Ливанъ; думаю, что, въ случаѣ надобности, она согласится это повторить, нѣтъ надобности, чтобы сфера ея оккупаціи ограничивалась Сирійскимъ берегомъ. Россія и только Россія въ состояніи умиротворить Арменію. Говоря откровенно, я бы сказала, что если бы лордъ Салзберри и державы бросили всякую ревность и попросили бы Россію занять Эрзерумъ и Трепизондъ, это быстро водворило бы порядокъ въ Арменіи и научило бы курдовъ уважать волю Европы.

Роль полицейскаго для Европы мало имѣетъ въ себѣ привлекательнаго, но Арменія насъ тревожитъ, и никто другой не можетъ отвѣчать за спокойствіе въ Сасунѣ.

„Пока державы будутъ заниматься протоколами и ираде, ничто не измѣнится къ лучшему, но сцена мгновенно измѣнится въ тотъ день, когда Европейскій полкъ займетъ Турецкую провинцію. Султанъ знаетъ, когда Европа имѣетъ въ виду дѣло, а не болтовню. Если султанъ данъ Богомъ „какъ проклятье человѣчеству", какъ сказалъ Гладстонъ, то поддерживаетъ его въ злодѣйскомъ владычествѣ зависть Англіи къ Россіи.

Князь Лобановъ читалъ съ большимъ интересомъ статьи г-жи Новиковой объ Арменіи, помѣщенныя въ „Daily Chronicle", говоритъ Стэдъ, и часто приводилъ ихъ въ дипломатическихъ разговорахъ. По наружному виду ея политика, не первый разъ, казалось, противъ Русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Какъ всегда Ольга Алексѣевна была вѣрна традиціонной роли Россіи, какъ покровительницы христіанскаго Востока. Въ своей оживленной полемикѣ г-жа Новикова говорила: Если Гладстонъ, сурово относившійся къ Кипрскому договору, выставляетъ его теперь причиной единоличной борьбы Англіи съ Турціей, Русскіе не могутъ смотрѣть на него какъ на несуществующій. Договоръ этотъ всегда былъ незаконнымъ и противорѣчилъ существующимъ договорамъ; но Англія была связана имъ, добровольно связана, и не избавится отъ этого обязательства, пока надъ Кипромъ вьется Англійскій флагъ. Дѣло, однако, хуже, чѣмъ мы думали, мы полагали, что Гладстонъ, по крайней

мѣрѣ, смотрѣлъ на эту сдѣлку какъ на пустую шутку, ничего не стоющую, хотя творецъ его лордъ Салзберри видѣлъ въ немъ дѣйствительность, теперь мы узнаемъ, что и Гладстонъ придаетъ ему значеніе и силу, такъ что онъ можетъ служить основаніемъ для вмѣшательства Англіи въ Турецкія дѣла.

„Если это такъ, то casus belli противъ Россіи, со стороны англійскаго правительства, готовъ, если та станетъ защищать Арменію безъ опредѣленнаго мандата всей Европы. Въ договорѣ этотъ пунктъ категориченъ.

„Иногда кажется, что Англія забываетъ свои обязательства, не только къ Арменіи, но даже къ султану. Я часто слышу возгласы: „Смѣшно говорить, что Англія обязана защищать султана, ибо это былъ договоръ, основанный на необходимыхъ реформахъ; но несоблюденіе этихъ реформъ измѣняетъ характеръ всего условія.

Отчего же договоръ этотъ формально не уничтоженъ?

„Въ случаѣ спора объ этомъ важномъ вопросѣ, нѣтъ надобности обращаться къ авторитетамъ, а лишь къ документу

„Англичане забыли, кажется, текстъ этого договора. Вотъ главные его параграфы. Ни одинъ честный человѣкъ, прочитавъ ихъ, не можетъ не придти къ заключенію, во-1-хъ, что обязательство Англіи состоитъ въ поддержкѣ оружіемъ силъ султана, при защитѣ его Азіатскихъ границъ отъ Россіи, а занятіе Кипра разрѣшено султаномъ взамѣнъ обѣщанія его защищать.

Вотъ самый текстъ: „Ея Величество Королева и Его Императорское Величество, взаимно одушевленные искреннимъ желаніемъ укрѣпить и распространить, къ счастью, уже существующую дружбу между обѣими Имперіями, рѣшили заключить оборонительный договоръ, съ цѣлью охранять въ будущемъ, Азіатскія территоріи Его Величества султана. Ихъ Величества избрали своихъ уполномоченныхъ, которые должны слѣдовать слѣдующимъ правиламъ:

„Ст. 1. Если Россія удержитъ въ своемъ владѣніи Батумъ, Ардаганъ или Карсъ или въ будущемъ Россія будетъ пытаться завладѣть какой бы то ни было территоріей Его Величества султана, установленной послѣднимъ мирнымъ договоромъ, Англія обязуется защищать права султана силой оружія.

„Взамѣнъ, Его Величество султанъ обѣщаетъ Англіи произвести необходимыя реформы, на счетъ которыхъ вырабатываются условія между обѣими державами, для покровительства

христіанамъ и другихъ подданныхъ Порты въ этихъ владѣніяхъ.

„А для того, чтобы Англія могла приготовить нужные запасы для выполненія своихъ обязательствъ, Его Величество султанъ согласенъ на занятіе и управленіе англичанами острова Кипра.

„Ст. 2 говоритъ о ратификаціи въ мѣсячный срокъ“.

Договоръ подписанъ въ іюнѣ 1878 г. 1-го іюля появилось прибавленіе, послѣдній параграфъ котораго слѣдующій:

„Если Россія возвратитъ Турціи Карсъ и другія завоеванные ею въ Арменіи мѣста, за послѣднюю войну, англичане эвакуируютъ островъ Кипръ и договоръ 4-го іюня уничтожается.

„Не подлежитъ никакому сомнѣнію, принимая во вниманіе статью прибавленія, что если бы Россія возвратила что-нибудь завоеванное, Кипръ будетъ возвращенъ Турціи, вмѣстѣ съ тѣмъ это ясно доказываетъ, что занятіе Кипра, не касалось реформъ.

„Россія, слѣдовательно, обязана признавать фактъ, что пока Вашъ флагъ развѣвается надъ Кипромъ, договоръ не уничтоженъ и при первой серьезной попыткѣ отмстить за злодѣянія въ Сасунѣ, султанъ немедленно пріобрѣтаетъ право, въ силу кипрскаго договора, призвать на помощь британскую армію и британскій флотъ въ защиту своихъ владѣній.

„Я бы желала, чтобъ мнѣ пояснилъ Гладстонъ или другой англійскій сановникъ, какую точку зрѣнія можетъ имѣть Россія, кромѣ той, которой придерживается и высказывается князь Лобановъ, а именно:

„Что Англія связана по рукамъ и по ногамъ обѣщаніемъ помогать султану при малѣйшемъ шагѣ со стороны Россіи. Занятіе Кипра было уступлено съ намѣреніемъ, чтобъ Вы успѣли сдѣлать нужныя приготовленія для защиты Турецкой Азіатской границы отъ Россіи и больше ни для чего.

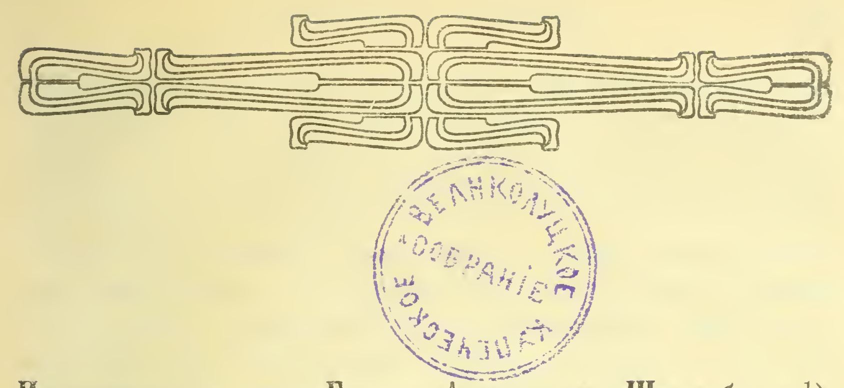
„Это обѣщаніе не касается реформъ, обѣщанныхъ султаномъ въ награду за обязательство защищать его вполнѣ и безостановочно, безъ всякихъ условій присоединить Ваши войска къ его войскамъ для защиты его границы отъ Россіи.

„И что Вы остаетесь связанными Вашимъ договоромъ помогать Турціи противъ Россіи все время, что Вами занятъ Кипръ, каковы бы ни были неисправности со стороны султана въ совершеніи реформъ“.

„Этотъ кипрскій договоръ объясняетъ многое: я не думаю, чтобъ сдержанность князя Лобанова иначе была намъ даже понятна.

Будемъ надѣяться, что ужасы послѣднихъ событій заставятъ англійское министерство иностранныхъ дѣлъ наконецъ отказаться отъ своего упорнаго туркофильства.

Е. С. М.



Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ [1]).

(Изъ его воспоминаній и изъ воспоминаній о немъ).

Вообще аудиторія, какъ новинка, которой въ корпусахъ не было въ заводѣ,—производила на насъ всесторонне прекрасное впечатлѣніе. Мы ее, какъ храмъ науки, облюбовали. Но однажды въ одной изъ аудиторій случилась, вызванная едва-ли не больше всего ея обстановкой, исторія, которая навсегда оставила въ насъ недобрую память по себѣ, несмотря на всю мелочность свою.

Лекціи въ аудиторіи вообще читались по тѣмъ предметамъ, кои приходилось преподавать одинаково и одновременно для всего класса въ 150 чел.; въ отдѣленіяхъ, соотвѣтствовавшихъ мелкимъ корпуснымъ классамъ, мы занимались только практическими занятіями въ родѣ черченія — артиллерійскаго и инженернаго,—а также языками; военныя науки—каковы: фортификація, артиллерія, тактика, военная исторія, военная администрація читались всѣмъ ста пядидесяти слушателямъ сразу въ аудиторіи.

Болѣе трехъ мѣсяцевъ прошло благополучно; мы въ аудиторіи младшаго класса съ большимъ вниманіемъ слушали полковника Чепелевскаго по артиллеріи, полковника Казанскаго по тактикѣ, капитана Зайцева по военной администраціи и другихъ, какъ вдругъ начались у насъ нѣкоторыя, — сначала небольшія, неудовольствія противъ инженера капитана Озерникова, преподававшаго намъ фортификацію.

Дѣло въ томъ, что при чтеніи главной части этой науки, преподаватель чертитъ на большой доскѣ чертежи, такъ называемыхъ, „фронтовъ укрѣпленій“: чертежи, эти какъ извѣстно,

[1]) См. „Русская Старина“, октябрь 1914 г.

представляли собой нѣчто сложное и, для того, чтобы они хорошо запоминались, необходимѣйшимъ условіемъ являлось постепенное, на глазахъ слушателей, воспроизведеніе каждаго чертежа; по мѣрѣ того, что чертежъ создается, онъ запоминается и врѣзывается въ память. Капитанъ Озерниковъ, вопреки этому общепринятому правилу, приказывалъ состоявшему въ его распоряженіи чертежнику заранѣе чертить на доскѣ фронтъ, а во время лекціи самъ палкой лишь указывалъ по готовому рисунку ходъ создаванія чертежа этого фронта. Не имѣя возможности взять въ толкъ дѣло постепеннаго полученія чертежа, мы терпѣливо проморгали глазами двѣ лекціи или два фронта; но, по окончаніи второй лекціи, нѣкоторые изъ насъ рѣшились мягко высказать капитану Озерникову неудобство и даже безцѣльность такого сообщенія намъ свѣдѣній по этому важному отдѣлу фортификаціи. Капитанъ Озерниковъ обратившимся къ нему съ деликатно высказаннымъ заявленіемъ юнкерамъ ничего не отвѣтилъ, и мы полагали, что онъ само собой къ очередной лекціи отдастъ чертежнику надлежащее приказаніе о томъ порядкѣ, который придется завести по этой части въ будущемъ.

Явившись затѣмъ на лекцію, мы съ удивленіемъ и съ грустью увидѣли, что чертежникъ Коломнинъ опять заготовилъ мѣломъ на доскѣ чертежъ фронта, воспроизведеніе котораго мы надѣялись увидѣть на нашихъ глазахъ.

— Я присутствовалъ, сказалъ Коломнинъ, при томъ, когда вы, господа юнкера, обращались къ капитану, и потомъ объ вашей просьбѣ ему даже напомнилъ; несмотря на то, онъ отдалъ мнѣ прямое приказаніе начертить къ сегодняшнему чтенію „капонирный“ фронтъ по-прежнему [1], т. е. заблаговременно.

Выслушавъ это и видя, что уже скоро придетъ самъ капитанъ „читать намъ лекцію“, одинъ изъ юнкеровъ—Васичъ I-й, бывшій кадетъ Орловскаго корпуса, взялъ мокрую губку и, въ присутствіи чертежника, стеръ его работу. Едва успѣлъ онъ окончить этотъ свой трудъ, какъ въ аудиторію вошелъ Озерниковъ и началъ взбираться по ступенькамъ на каѳедру.

— Это что значитъ? Коломнинъ, гдѣ чертежъ фронта? отчего его нѣтъ? – закричалъ онъ грубо, крайне желчно и раздражительно.

— Чертежъ я стеръ,—отвѣтилъ подошедшій къ капитану

[1] Въ нашемъ курсѣ преподавались тогда чертежи фронтовъ —бастіоннаго, теналънаго, капонирнаго, полигональнаго.

юнкеръ Васичь; мы васъ просили, для нашего облегченія, чертить фронты при насъ съ постепеннымъ ихъ воспроизведеніемъ; вы на нашу просьбу не обратили вниманія, а потому я нашелъ и нужнымъ и правильнымъ его стереть, такъ прямо вамъ объ этомъ и заявляю.

Озерниковъ позеленѣлъ, ни слова не отвѣтилъ и, взявъ въ руку мѣлъ, подошелъ къ доскѣ. Всѣ усѣлись на свои мѣста въ ожиданіи начала лекціи и въ надеждѣ увидѣть постепенное воспроизведеніе чертежа самимъ преподавателемъ.

Озерниковъ провелъ по срединѣ доски пунктирную линію, какъ полагается при созданіи чертежа и изъ середины той линіи опустилъ внизъ пунктиромъ же перпендикуляръ.

Доска была очень мокрая, мѣлъ на нее не садился, обваливался, проведенныя далѣе двѣ линіи обсыпались.

— Намъ ничего не видно, — заявило нѣсколько голосовъ,— позвольте доску вытереть досуха.

Озерниковъ не обращалъ вниманія и продолжалъ свое черченіе.

— Мы ничего не видимъ,—раздались опять голоса со скамеекъ, занятыхъ слушателями.

Тогда Озерниковъ обернулся къ намъ и, съ пѣной у рта, произнесъ:

— Господа, вы не воображайте, что вамъ здѣсь будетъ все сходить, какъ сходило въ корпусахъ; здѣсь вамъ ничто не будетъ пропускаемо и оставляемо безнаказаннымъ, за все вы будете строжайше отвѣчать и спуска вамъ давать не будутъ...

Какъ будто сговорившись, юнкера въ разныхъ углахъ обширной аудиторіи закричали, столы и скамьи затряслись, поднялся неимовѣрный шумъ, въ крикѣ нельзя было понять словъ; Озерниковъ очень растерялся и, бросивъ мѣлъ, быстро побѣжалъ съ каѳедры къ выходной двери.

Никогда никто впослѣдствіи не узналъ, какимъ образомъ и почему та дверь оказалась запертою на ключъ; капитанъ, ожидавшій возможности уйдти безпрепятственно, началъ стучаться и ломиться; тутъ онъ пережилъ самыя тяжелыя,—критическія минуты, такъ какъ крики юнкеровъ болѣе и болѣе усиливались, отчего убѣгавшему „профессору“ должно было казаться, что юнкера вотъ-вотъ насѣдаютъ на него и кричатъ чуть не на его спинѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, которыя несомнѣнно показались ему вѣчностью, дверь вдругъ отворилась, и глазамъ всѣхъ предсталъ изъ корридора инспекторъ классовъ,—полковникъ Слуц-

кій со своимъ помощникомъ гв. артиллеріи поручиковъ Юшеновымъ; рядомъ съ ними стоялъ коридорный служитель, который, видимо, только-что отперъ имъ дверь.

Озерниковъ ушелъ съ начальствующими лицами, начавъ растерянно и раздражительно разсказывать имъ, что именно произошло въ аудиторіи.

Такимъ образомъ лекція та окончилась неначатою, и мы провели полтора часа безъ профессора въ пересудахъ всего случившагося.

На Б. А. Шванебаха вся эта исторія произвела крайне тяжелое впечатлѣніе. Озерниковъ сразу, при встрѣчѣ съ нимъ въ инспекторской комнатѣ, освѣтилъ ему ее крайне невыгодно для юнкеровъ, сказавъ: какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ,—юнкера, очевидно, не могутъ отстать отъ кадетской привычки бунтовать.

Этихъ словъ было достаточно для того, чтобы разогорчить Бориса Антоновича, который именно пребывалъ въ полной вѣрѣ относительно того, что время бунтовъ миновало и въ училищѣ имъ мѣста не будетъ...

— Успокойтесь, капитанъ,—сказалъ онъ Озерникову, видя его раздраженіе,—успокойтесь, а затѣмъ разскажите мнѣ спокойно, что у васъ вышло и изъ-за чего?

Выслушавъ его разсказъ, полковникъ Шванебахъ объявилъ юнкерамъ, что желаетъ выслушать каждаго, кто самъ захочетъ придти къ нему, дабы откровенно дать вѣрныя, правдивыя показанія по поводу всего того, что ими надѣлано въ этомъ эпизодѣ. Много юнкеровъ отозвалось на призывъ, и почти три дня самъ Б. А. чинилъ имъ допросъ.

На третій день къ вечеру исторія была сочтена оконченною, при чемъ Васичу и нѣкоторымъ другимъ юнкерамъ, опредѣленіемъ училищной конференціи, были объявлены выговоры и замѣчанія за все то, что оказалось и что каждый самъ про себя разсказалъ на импровизированномъ домашнемъ дознаніи. Чтеніе лекцій фортификаціи въ нашемъ — младшемъ классѣ было передано командиру 4-ой роты капитану л.-гв. Московскаго полка Попелло-Давыдову, который до перевода къ намъ въ училище состоялъ въ Петровскомъ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ именно преподавателемъ фортификаціи; въ его преподаваніи мы получили общеустановленное при лекціяхъ воспроизведеніе чертежей.

Съ Озерниковымъ намъ пришлось навсегда разстаться; съ тѣхъ поръ, до конца года, онъ преподавалъ фортификацію и

фортификаціонное черченіе лишь въ старшемъ классѣ; когда мы перешли въ старшій классъ, онъ занялъ мѣсто преподавателя въ младшемъ классѣ, заполненномъ юнкерами, вновь переведенными изъ кадетскихъ корпусовъ, мы же до конца нашего пребыванія въ училищѣ остались въ рукахъ М. Я. Попелло-Давыдова [1]).

Исторія эта замолкла и заглохла; мы тогда ничего больше о ней не узнали. Впослѣдствіи намъ, уже офицерамъ,—Б. А. не разъ говорилъ: быть бы бѣдѣ, но мнѣ посчастливилось построить оправданіе юнкеровъ на томъ, что они скромно, тихо и вѣжливо съ самаго начала просили преподавателя провести и установить правильный способъ преподаванія, онъ не внялъ ихъ просьбамъ, чѣмъ могъ накликать большую бѣду, вызвавъ что-либо очень сложное и грубое, болѣе значительное, чѣмъ происшедшая вспышка.

По Москвѣ, которая любила, какъ кумушка, всякіе слухи ловить и на разные лады перемывать, пошелъ говоръ о томъ, что „училищные юнкера, находящіеся на дѣйствительной службѣ, взбунтовались“. Слава Богу, мнѣ удалось эту вздорную молву остановить и во-время пресѣчь.

Все окончилось относительно благополучно, бунта во всемъ этомъ не было и тѣни, а Васичъ, позволившій себѣ стереть чертежъ, вполнѣ достаточно былъ наказанъ, получивъ за это выговоръ вмѣстѣ съ другими, сознавшимися въ своихъ выкрикахъ школьническаго характера.

— Надо было слушать, продолжалъ Б. А. Шванебахъ—съ какимъ достоинствомъ, спокойствіемъ и добродушіемъ юнкера все про себя разсказывали и какъ ихъ сознанія были симпатичны въ сравненіи съ тѣми желчными оговорами, которыми Озерниковъ старался всю исторію окрестить въ бунтъ! Онъ не лгалъ, но, разсердившись сразу, получилъ на все случившееся совершенно ложную точку зрѣнія и на ней по-своему твердо стоялъ, какъ бы не желая и не умѣя опомниться.

— Какъ мнѣ впредь читать лекціи и вообще заниматься съ толпой взбунтовавшихся юнкеровъ,—твердилъ онъ мнѣ въ отвѣтъ на все, что я ему сообщалъ изъ юнкерскихъ показаній. Наслушавшись вдоволь этихъ и такихъ его наговоровъ, разсказывалъ Шванебахъ, я собралъ конференцію изъ всѣхъ чиновъ училища и въ присутствіи ихъ съ большою твердостью

[1]) Мих. Яковл. Попелло-Давыдовъ вскорѣ былъ переведенъ въ Пажескій корпусъ ротнымъ командиромъ, а послѣ того былъ назначенъ директоромъ Псковскаго кадетскаго корпуса.

высказалъ Озерникову или, проще говоря, сурово ему внушилъ, что бунта никакого не было, хотя онъ,—капитанъ, все сдѣлалъ для вызова его; слава Богу, у юнкеровъ сердце не лежало къ этому, они всѣ оказались безусловно расположенными,—наносившіяся имъ, неумѣстными нотаціями его, оскорбленія сносить совершенно спокойно и съ полнымъ благоразуміемъ.

— Что же касается вопроса, задаваемаго вами мнѣ,—сказалъ Бор. Ант-чъ Озерникову,—какъ вамъ преподавать толпѣ бунтовщиковъ, считаю, что вы должны мнѣ здѣсь сегодня оффиціально и открыто заявить о своемъ желаніи сдать это преподаваніе кому-либо другому—это вамъ мой совѣтъ, мое положительное заключеніе и окончательное рѣшеніе.

Такъ это дѣло, грозившее большими осложненіями, быстро разсыпалось и окончилось ничѣмъ, благодаря лишь тому, что начальникъ училища, принявъ исторію близко къ сердцу, энергично, по свѣжимъ слѣдамъ, самъ ее разслѣдовалъ, а когда увидѣлъ, что она не стоитъ выѣденнаго яйца,—закончилъ ее своимъ мудрымъ судомъ.

Училищная конференція, о которой здѣсь упомянуто, играла большую роль въ нашей жизни, хотя вообще о ней и объ ея дѣятельности юнкерской массѣ было извѣстно немного. Б. А. Шванебахъ, открывая первое засѣданіе этой конференціи въ октябрѣ или въ ноябрѣ 1863 года, объявилъ, что все передаваемое на ея обсужденіе, какъ тяжелое для юнкеровъ (т. е. касающееся ихъ проступковъ), такъ и пріятное для нихъ (производство въ портупей-юнкера, другія повышенія и т. п.) должно обсуждаться при условіи совершенно свободнаго выраженія каждымъ членомъ мнѣнія своего,—этого, какъ во всемъ служебномъ, неизмѣнно требуетъ законъ и это должно быть установлено по совѣсти; я же, сказалъ онъ, здѣсь напомню только положительно объ одномъ—а именно, чтобы, на тѣхъ же основаніяхъ закона и совѣсти,—ничто отсюда не выходило никакими побочными путями; а затѣмъ, и доводиться до свѣдѣнія юнкеровъ и вообще становиться общеизвѣстнымъ можетъ разъ навсегда лишь то, о чемъ состоится постановленіе „объявить въ приказѣ“ или „сообщить по принадлежности“,—остальное положительно все должно здѣсь замирать. Объ этомъ я настоятельно прошу и даже требую, надѣясь, что повторять сказаннаго мнѣ не придется.

И нужно отдать справедливость сослуживцамъ Б. А. Шванебаха, до какой степени они свято исполняли это „требованіе" его.—Такъ между прочимъ относительно переданнаго на ихъ обсужденіе событія, вызваннаго пресловутымъ фортификаціоннымъ чертежемъ, намъ тогда стало извѣстно только лишь о замѣчаніяхъ и выговорахъ, разсыпанныхъ по адресу нѣкоторыхъ изъ насъ; подробности же всего, что тамъ произошло комичнаго въ связи съ растерянностью, проявленною капитаномъ Озерниковымъ, вообразившимъ, будто бы на обсужденіе конференціи (онъ состоялъ ея членомъ) выставленъ и ею разбирается его весь подвигъ, мы узнали черезъ много лѣтъ, уже начавши сѣдѣть на службѣ въ офицерскихъ чинахъ.

* * *

Дѣятельность конференціи имѣла немалую связь съ однимъ обстоятельствомъ, которое произошло еще до начала вступленія училища въ жизнь, т.-е. до сформированія его.

О томъ, что мнѣ предстоитъ теперь разсказать, я знаю изъ совершенно особаго и вѣрнаго источника. Былъ у насъ на службѣ въ гвардейской конной артиллеріи товарищъ Алексѣй Дмитріевичъ Милютинъ [1])—сынъ военнаго министра; онъ былъ почти однихъ лѣтъ со мной, и мы, прослуживши нѣсколько лѣтъ въ строю, разошлись какъ бы для того, чтобы впослѣдствіи сойтись на гражданской службѣ: въ началѣ 1873 года насъ разлучила прогремѣвшая тогда на всю Россію и ставшая общеизвѣстною печальная „исторія Квитницкаго"; затѣмъ почти черезъ 20 лѣтъ,—въ концѣ іюля 1892 года, я, состоя въ должности курскаго вице-губернатора, получилъ себѣ новаго начальника-губернатора въ лицѣ ген.-маіора Алексѣя Дмитріевича Милютина—въ ту пору уже графа.

Не мѣсто здѣсь распространяться о томъ, что мы, разойдясь въ 1873 году, какъ говорится, „на холодкахъ", испытали немного пріятныхъ чувствъ, когда судьба насъ вновь свела въ столь близкихъ другъ къ другу положеніяхъ; впослѣдствіи мнѣ быть можетъ доведется подробно разсказать, какъ отношенія наши изъ самыхъ холодныхъ постепенно сдѣлались самыми лучшими исключительно благодаря тому, что графъ Алексѣй Дмитріевичъ былъ человѣкомъ полнымъ рыцарства и джентльмэнства, какимъ его и считала Курская губернія въ теченіе

[1]) Выпуска 1865 г. изъ пажескаго корпуса; родился въ 1844-мъ году.

всѣхъ десяти лѣтъ управленія имъ ею.—Все это представляется крайне интереснымъ, но отлагается мною. Теперь же я привелъ здѣсь вообще свѣдѣніе объ этой моей жизненной встрѣчѣ лишь для того, чтобы мимоходомъ указать источникъ, изъ котораго, между прочимъ, довелось мнѣ получать массу богатыхъ фактическихъ данныхъ о прошломъ, ставшемъ извѣстнымъ А. Д—чу отъ отца и передавшемся мнѣ во время простыхъ товарищескихъ бесѣдъ, происходившихъ между нами среди дѣла при нашей совмѣстной службѣ въ Курской губерніи.

Въ самомъ началѣ своего пребыванія въ должности военнаго министра, Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, вернувшись однажды домой изъ обычно посѣщавшихся имъ засѣданій, сообщилъ, что пришлось ему натолкнуться на большой курьезъ; въ комитетѣ о военно-учебныхъ заведеніяхъ, преобразованіе которыхъ было тогда рѣшено, разсматривался вопросъ объ установленіи внутренняго порядка въ нарождавшихся въ ту пору трехъ военныхъ училищахъ—Павловскомъ, Константиновскомъ и Александровскомъ, выдѣлявшихъ изъ корпусовъ въ свой составъ спеціальные классы (лѣто 1863 года). Это, какъ выразился тогда Д. А. Милютинъ, являлось дѣломъ окончательной отполировки положенія о создавшихся новыхъ военноучебныхъ заведеніяхъ.

Въ это время, когда все шло своимъ порядкомъ, одинъ изъ членовъ комитета заявилъ свое мнѣніе о томъ, что въ военныхъ училищахъ, которыя соединятъ въ себѣ спеціальные классы кадетскихъ корпусовъ, не слѣдовало бы допускать наложенія иныхъ взысканій кромѣ выговоровъ, замѣчаній, указаній и т. п.

Нѣкоторые изъ членовъ комитета, не вполнѣ вникнувъ въ суть этого предложенія, возразили, что оставлять юнкеровъ безъ взысканій нельзя, они перейдутъ въ училища изъ кадетскихъ корпусовъ, которыхъ распущенность за послѣдніе годы сдѣлалась общеизвѣстною и нетерпимою.

Было дано разъясненіе о томъ, что безнаказанности никто не предвидитъ и допуска ея вовсе никто не предусматриваетъ; все предложеніе строитъ такой порядокъ, при которомъ можно будетъ избѣжать наказаній, не вяжущихся съ возрастомъ и съ положеніемъ кадетъ старшаго возраста; мелочность въ дѣлѣ наказаній для нихъ должна отпасть—останутся лишь крупные

поступки или преступленія, за которыя училищная власть будетъ имѣть возможность налагать серьезныя взысканія; между ними въ видѣ крайней мѣры надо считать исключеніе изъ училища или переводъ въ армію юнкерскимъ званіемъ.

Предложеніе, показавшееся въ первую минуту курьезнымъ, было на разные лады переработано, высказано было стремленіе отбросить изъ этого дѣла всю мелочность и поставить его серьезно; — въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, что все школьническое должно было отойти изъ быта юнкеровъ, проведены были новые взгляды, при чемъ авторъ, — каковымъ оказался намѣченный на должность начальника одного изъ училищъ полковникъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ,—представилъ свои разъясненія въ подробномъ докладѣ, выслушанномъ комитетомъ и его предсѣдателемъ Дм. Алекс. Милютинымъ.—Массу промежуточныхъ взысканій, говорилъ Шванебахъ въ своемъ докладѣ, мое предложеніе даетъ возможность избѣгать; аресты, карцеры и другія наказанія, являющіяся неподходящими для того полуофицерскаго званія и положенія, которое юнкеръ, поступающій въ училище, принимаетъ, должны отпасть, такъ какъ то, что учиняется юнкерами, не является продѣлкой, а носитъ характеръ поступка, зрѣло, продуманно совершеннаго: соотвѣтственно этому и взысканіе не должно быть налагаемо воспитателемъ, какъ на школьника, иногда подъ вліяніемъ минутной вспышки и безъ какихъ-либо, подъ систему подведенныхъ соображеній; поэтому, предлагается,—мелкіе проступки игнорировать, а крупные передавать на обсужденіе конференціи; члены ея, зная, что за выговоромъ и замѣчаніемъ нерѣдко, по очереди, идетъ исключеніе изъ училища, будутъ умѣрять себя въ дѣлѣ примѣненія строгости особенно излишней; не безъ того, что и сами юнкера, чувствуя возможность полученія, по градаціи своихъ поступковъ, вслѣдъ за выговоромъ взысканія самой строгой оцѣнки, несомнѣнно явятся сдержанными и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ менѣе распущенными.

Результатомъ выслушанія этого разъяснительнаго доклада и происшедшихъ послѣ того дебатовъ явилось постановленіе, разрѣшившее вообще мѣру, предложенную полковникомъ Шванебахомъ, ввести въ видѣ пробы въ его училищѣ, на его отвѣтственность. Говорили будто бы, по донесеніи объ этомъ Государю, Его Величество приказалъ уравнять въ этомъ отношеніи всѣ три училища; тогда же было для насъ выяснено мало, но намъ извѣстно, что за два года нашего пребыванія въ Александровскомъ военномъ училищѣ кромѣ выговоровъ болѣе или

менѣе строгихъ другихъ взысканій не практиковалось, такъ о карцерѣ и помину не было. — Конференція обсуждала каждый серьезный поступокъ и рѣшала, стоитъ ли поступокъ вниманія и строгаго наказанія или можетъ быть оконченъ, какъ не стоющій наказанія.

Главное въ моей мысли было, говорилъ намъ впослѣдствіи Б. А., чтобы избавить моихъ юнкеровъ отъ всякой возможности проявленія придирчивости по отношенію къ нимъ. — Отъ нея нельзя отдѣлаться, если за мелочныя продѣлки полагаются большія наказанія, если мелочамъ дается значеніе и если пустяки третируются какъ что-либо значительное. Впослѣдствіи, согласно закона, были введены баллы за поведеніе; они тоже обсуждались конференціей.

Объ нихъ особо Б. А. Шванебахъ въ своихъ разсужденіяхъ комитету сообщилъ, что они представляютъ собою дѣло казенное, введенное закономъ въ видѣ оцѣнки умѣнья держать себя и вообще и, какъ нормировка всякихъ умѣній и знаній, ставятся наравнѣ съ научными, фронтовыми, строевыми [1]) и иными отмѣтками. Баллы тѣ вѣдала также училищная конференція.

Государь Императоръ, выслушавъ подробности предложеній Шванебаха, совершенно одобрилъ и оцѣнилъ ихъ, сказавъ военному министру: передайте Шванебаху, что его предложенія въ моихъ глазахъ представляются въ полной мѣрѣ человѣчными; все, что онъ вамъ докладывалъ, я считаю вполнѣ справедливымъ; эта исторія, добавилъ Государь, мнѣ живо напоминаетъ случай, который лѣтъ десять тому назадъ вышелъ у меня съ дѣломъ назначенія директора въ создававшійся тогда, по волѣ покойнаго отца моего, кадетскій корпусъ въ Кіевѣ.

Случай этотъ, какъ впослѣдствіи разсказывалъ Милютинъ-министръ сыну, состоялъ вотъ въ чемъ: когда въ 1853 году формировался новый кадетскій корпусъ—Кіевскій, Императоръ Николай Павловичъ поручилъ Цесаревичу Александру Николаевичу, какъ главному начальнику военно-учебныхъ заведеній, доложить,—кто будетъ имъ избранъ въ должность директора того корпуса?

Черезъ нѣсколько времени, остановившись на выборѣ полковника Образцоваго пѣхотнаго полка фонъ Вольскаго, Цесаревичъ доложилъ о немъ Государю и при этомъ добавилъ:

[1]) Баллы за поведеніе, какъ и за фронтъ, за гимнастику, за верховую ѣзду, вмѣстѣ съ классными, фигурировали въ среднемъ годовымъ выводѣ.

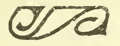
это тотъ достойный штабъ-офицеръ, о которомъ мнѣ не разъ докладывали, какъ объ начальникѣ, тщательно избѣгавшемъ употребленія розогъ и наложенія на подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ тѣлеснаго наказанія, а при томъ умудрявшемся держать свою часть,—роту, батальонъ,—въ полномъ порядкѣ безъ того, чтобы она была, или казалась по сравненію съ другими частями, слабою въ поведеніи или распущенною. — Это меня и понудило избрать его въ директоры.

— Ну тебѣ въ этомъ и книга въ руки, отвѣтилъ Императоръ Николай Павловичъ августѣйшему сыну, тѣмъ самымъ одобривъ его выборъ; дай Богъ чтобы разсчеты твои оправдались, въ чемъ я однако ни на минуту не сомнѣваюсь.

Мѣры, предлагаемыя Шванебахомъ, также ведутъ всецѣло къ снисходительности. Изъ фонъ-Вольскаго вышелъ прекрасный директоръ, говаривалъ впослѣдствіи не разъ Императоръ Алексардръ II,и долго онъ опекалъ корпусъ; увѣреннымъ остаюсь, что и Шванебаху также посчастливится при предложенныхъ имъ совершенно соотвѣтствующихъ мѣрахъ снисхожденія и гуманности; оттого, тѣмъ съ большею радостью благословляю его на постъ начальника моего училища, нынѣ учреждаемаго.

А. Е. К.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).



Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны[1]).

1 августа. Верховный Главнокомандующій обнародовалъ слѣдующее воззваніе къ полякамъ:

ПОЛЯКИ!

Пробилъ часъ, когда завѣтная мечта вашихъ отцовъ и дѣдовъ можетъ осуществиться.

Полтора вѣка тому назадъ живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жила надеждой, что наступитъ часъ воскресенія Польскаго народа, братскаго примиренія его съ Великой Россіей.

Русскія войска несутъ вамъ благую вѣсть этого примиренія.

Пусть сотрутся границы, разрѣзавшія на части Польскій народъ. Да возсоединится онъ воедино подъ скипетромъ Русскаго Царя.

Подъ скипетромъ этимъ возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи.

Одного ждетъ отъ васъ Россія,—такого же уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми связала васъ исторія.

Съ открытымъ сердцемъ, съ братски протянутой рукой идетъ вамъ навстрѣчу Великая Россія. Она вѣритъ, что не заржавѣлъ мечъ, разившій врага при Грюнвальдѣ.

Отъ береговъ Тихаго океана до сѣверныхъ морей движутся Русскія рати.

Заря новой жизни занимается для васъ.

Да возсіяетъ въ этой зарѣ знаменіе Креста,—символъ страданія и воскресенія народовъ.

Верховный главнокомандующій,
генералъ-адъютантъ *Николай*.

[1]) См. „Русскую Старину", октябрь, 1914 г.

Воззваніе это имѣетъ громадное политическое значеніе теперь и еще большее значеніе оно будетъ имѣть для Россіи впослѣдствіи, при заключеніи мира.

Первымъ георгіевскимъ крестомъ въ эту войну награжденъ казакъ Козьма Крючковъ, убившій 11 нѣмцевъ и получившій 16 ранъ пикой.

3 августа. Японское правительство вручило ультиматумъ германскому послу объ очищеніи Кіао-Чао въ теченіи мѣсяца, требуя отвѣта къ 10 августа.

На восточномъ прусскомъ фронтѣ русская кавалерійская дивизія спѣшилась не имѣя возможности дѣйствовать въ конномъ строю, и заставила германскую пѣхоту отступить. Русская конница заняла Маркграбовъ. Слава Богу, первое столкновеніе съ германцами, и ихъ пѣхота отступаетъ передъ нашей спѣшенной конницей. Полный успѣхъ.

4 августа. Слышалъ разсказы двухъ русскихъ дамъ, спѣшно пріѣхавшихъ съ эстляндскаго побережья. Онѣ разсказывали, что тамъ приготовляютъ тріумфальныя арки.

17 августа. По независящимъ отъ насъ причинамъ пришлось прервать мои замѣтки. Много событій громадной важности произошло за это время и у насъ и у союзниковъ на западномъ фронтѣ. У насъ началось наступленіе въ восточной Пруссіи, произошелъ дерзкій натискъ Австрійцевъ въ Польшѣ, а у союзниковъ тевтонскія полчища устремились черезъ Бельгію въ Парижъ. Наши силы съ десятаго августа увеличились могучимъ союзникомъ Японіей, которая, сознавая, что была въ прошлую войну игрушкой германской политики, начинаетъ проявлять къ Россіи самую сердечную и матеріальную благожелательность. Недаромъ передъ Японской войной пріѣзжалъ въ Россію маркизъ Ито съ предложеніемъ тѣснаго союза съ Россіей. Тевтонскія интриги, теперь на свою голову, разрушили всѣ начинанія этого замѣчательнаго японскаго политическаго дѣятеля.

Японія послѣ войны съ нами осталась ни при чемъ, совсѣмъ разоренной, а Германія за свой нейтралитетъ устроилась новымъ торговымъ договоромъ съ нами и получила сотни милліоновъ ежегодно съ Россіи контрибуціи.

Для Россіи японская война оказала прекрасные результаты: послѣдствіемъ ея была отличная подготовка къ настоящей великой войнѣ и могучее веденіе Россіей самой войны.

Подъ 3-мъ августа у насъ въ замѣткахъ было отмѣчено блестящее первое дѣло русской конницы противъ германской

пѣхоты. Затѣмъ началось наступленіе всѣхъ трехъ родовъ русскаго оружія въ восточной Пруссіи. За это время наши войска начали бить нѣмцевъ, взяли Бильдерверйдель, Гумбингенъ, нанесли пораженіе германцамъ 5, 6, 7, 8 августа, взяли Лыкъ, Гольдкапъ, Скалупенъ, Интербургъ, Даркменъ, Ангенбургъ, Бишофсбургъ, Зенсбургъ, ст. Рефлисъ, Алекштейнъ. Германскіе корпуса не могли удержать побѣдоноснаго наступленіе русскихъ и очищали, послѣ боя, указанные нами города. Русскіе завладѣли территоріей до р. Алле на 180 верстъ отъ нашей границы.

Для огражденія Данцига нѣмцы уже стали разрушать плотины въ Эльбингской низменности для ея затопленія.

Мы заняли раіонъ Пруссіи, упитанный въ 1806—1807 году русской кровью и удобренный русскими костями на поляхъ Прейсишъ-Эйлау, Гейльсберга, Гутштадта и Фридланда. Какая иронія судьбы: что прежде мы освобождали, теперь завоевываемъ.

Наступленіе въ восточную Пруссію имѣло громадное нравственное значеніе: это было первое съ германцами столкновеніе на нѣмецкой землѣ, гдѣ каждый домъ, каждая деревня, каждый лѣсъ, каждый мостъ, дорога, всѣ возвышенности, словомъ все было блистательно подготовлено въ ихъ странѣ въ инженерномъ отношеніи. Всѣ пункты были преграждены колючей проволокой, соединены подземными телефонами, безпроволочными телеграфами съ изощренной шпіонской организаціей.

И все это не помогло: нѣмцевъ били и они иногда обращались въ бѣгство. Одинъ изъ участниковъ этихъ боевъ пишетъ [1]):

„Въ этотъ моментъ мы видали паническое бѣгство нѣмцевъ, подобнаго которому мнѣ встрѣчать не приходилось. Не только солдаты бросали ружья, но офицеры кидали въ сторону свои каски, отстегивали сабли, освобождались отъ всего, что могло бы имъ мѣшать въ ихъ бѣгствѣ. Черезъ нѣсколько минутъ наша кавалерія вступила въ улицы селенія. Здѣсь обнаружилось коварство врага. Раненые поднимались и стрѣляли намъ въ спины, а при входѣ въ деревню то тутъ, то тамъ изъ оконъ раздавались револьверные выстрѣлы".

„Духъ нашихъ войскъ выше всякой похвалы", пишетъ тотъ же участникъ этихъ боевъ; „въ настоящей войнѣ вырисовывается новое цѣнное качество русскаго солдата—исключительная настойчивость съ полнымъ сознаніемъ и пониманіемъ обстановки. Народъ нашъ въ нѣсколько лѣтъ необычайно культурно выросъ, появилась замѣтная привычка самостоятельности и

[1]) „Нов. Вр." 12 авг. с. г.

инціативы, и она-то даетъ на полѣ сраженія богатые результаты".

Показанія участниковъ первыхъ боевъ очень знаменательны. Они даютъ возможность произвести правильную оцѣнку событій: *въ первыхъ же бояхъ съ русскими разрушенъ фантомъ непобѣдимости германцевъ и они начинаютъ бѣгать отъ русскихъ войскъ.*

Одно лишь не нравится въ очень лихомъ наступленіи ген. Реннекампфа въ восточной Пруссіи, это то, что оно ведется въ пренебреженіи инженерной подготовки взятой страны; въ данномъ положеніи яркая противоположность инженерной подготовки германцевъ.

Занятіе нами значительной части восточной Пруссіи имѣетъ для пруссаковъ особое важное политическое и матеріальное значеніе. По всей восточной Пруссіи разбросаны самыя культивированыя имѣнія прусскихъ знатнѣйшихъ дворянъ-аграріевъ. Это ихъ родовыя имѣнія, на которыя владѣльцы потратили много средствъ и довели ихъ до высокой степени культуры. Даже самъ Вильгельмъ II владѣетъ тамъ большими имѣніями, своимъ заводомъ племенныхъ лошадей и рогатаго скота. Совершенно понятно, какой вопль подняли наводнившіе Берлинъ бѣженцы—аграріи изъ восточной Пруссіи, тѣ самые аграріи, которые имѣли и имѣютъ громадное вліяніе на германскую политику.

Конечно ихъ моленія доходятъ до глубины сердца нѣмецкаго кайзера и кайзеровское рѣшеніе, вѣроятно, скоро состоится.

Геройскимъ сопротивленіемъ бельгійской арміи, въ особенности у Льежа и Намюра, германцы задержались почти на три недѣли, а затѣмъ, несмотря на высадку англійскихъ войскъ въ Булони, 10 августа начали энергичное наступленіе къ Парижу съ сѣверо-востока, и съ востока черезъ Эльзасъ и Лотарингію. Французы отступаютъ, упорно задерживая на каждой позиціи германцевъ, при энергичной поддержкѣ англичанъ и бельгійцевъ.

Французы начинаютъ съ 15-го августа укрѣплять Парижъ.

Говорятъ, будто Вильгельмъ разсчитывалъ 11 августа обѣдать въ Парижѣ.

Во всякомъ случаѣ на столицу міра надвигается нашествіе тевтонскихъ полчищъ, которое жаждетъ сожрать Парижъ, и наложить на него чудовищную контрибуцію.

Вѣроятно въ это время насъ попросили союзники поддержать съ юга еще наступленіе войскъ генер. Ренненкамфа; это вѣроятно и вызвало экспедицію генерала Самсонова.

Успѣшность дѣйствій французскихъ армій всецѣло зависитъ отъ талантовъ главнокомандующаго генерала Жоффра. Его въ Россіи мало знаютъ.

Одно высокопоставленное лицо, знающее много лѣтъ генерала Жоффра, разсказывало мнѣ про него: „это человѣкъ громадныхъ военныхъ дарованій и желѣзной воли. Все, что онъ предположилъ, онъ неуклонно исполнитъ съ изумительной систематичностью". Не знаю, насколько оправдаются эти предсказанія.

Главнокомандующимъ германскихъ армій, дѣйствующихъ противъ французовъ, назначенъ начальникъ германскаго генеральнаго штаба генералъ фонъ Мольтке. Тоже очень способный и характерный человѣкъ, говорятъ свѣдущіе люди. Главное достоинство генерала ф. Мольтке заключается въ его огромномъ вліяніи на императора Вильгельма II и въ его умѣньи отговорить отъ военныхъ мечтаній своего кайзера, или какъ говорилъ одинъ генералъ — „необычайномъ умѣньи генерала ф. Мольтке стащить своего императора съ неба и поставить его на землю".

Вопросъ заключается въ томъ, что хватитъ ли у Мольтке силъ и здоровья удержаться во время войны, такъ какъ онъ страдаетъ печенью и почками и передъ самой войной дѣйствительно лѣчился въ Карлсбадѣ, въ то время, какъ его кайзеръ, для отвода глазъ передъ войной, услаждалъ себя прогулкой въ норвежскихъ шхерахъ.

Если же, говорятъ свѣдущіе люди, „императоръ Вильгельмъ II самъ начнетъ управлять военными операціями, то кромѣ пользы своему противнику онъ ничего не принесетъ".

Теперь, 17 августа, когда планъ войны германцевъ совершенно ясно обозначился: „оставивъ на первое время противъ насъ, въ числѣ другихъ войскъ, 6 полевыхъ корпусовъ съ остальными, однѣми, германскими силами стремительно идти къ Парижу",—теперь можно поставить вопросъ, правильно ли это рѣшеніе германцевъ. На нашъ взглядъ нѣтъ. Имъ слѣдовало послать тѣ германскія силы, которыя тамъ есть, на Парижъ, и обязательно усилить ихъ половиной австрійской арміи, наступающей черезъ Эльзасъ, Лотарингію къ той же цѣли. Второй части австрійской арміи надо было пока оборонительно сидѣть на прикарпатскихъ укрѣпленныхъ позиціяхъ, не предпринимая противъ Россіи никакихъ авантюръ, грозящихъ катастрофами австрійцамъ.

Самоувѣренность ли Вильгельма тутъ повліяла, что молъ сами германцы съ французомъ справятся, или у Мольтке не

хватило силъ убѣдить своего кайзера, или по чему другому этого не сдѣлано, но война безповоротно нѣмцами проиграна, такъ какъ теперь уже плана этого исполнить невозможно.

18 августа. Началась перевозка германскихъ войскъ съ германскаго западнаго фронта на восточный. Въ южной части Мазурскихъ озеръ произошло неудачное для насъ сраженіе войскъ генерала Самсонова съ германцами.

20 августа. Нѣсколько дней тому назадъ, австрійцы, оставивъ значительную часть арміи противъ наступающихъ въ Галиціи русскихъ войскъ, съ главными силами вторгнулись въ Польшу и начали наступленіе на сѣверо-востокъ. Очень рады австрійскому наступленію.

Армія генерала Рузскаго одержала блистательную побѣду въ Галиціи надъ австрійцами, какъ значится въ приводимой телеграммѣ Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскому Величеству отъ 20 августа:

Счастливъ порадовать Ваше Величество побѣдой, одержанной арміей генерала Рузскаго подъ Львовомъ послѣ семидневнаго непрерывнаго боя. Австрійцы отступаютъ въ полномъ безпорядкѣ, мѣстами бѣгутъ, бросая легкія и тяжелыя орудія, артиллерійскіе парки и обозы. Непріятель понесъ громадныя потери и взято много плѣнныхъ. До этого же рѣшительнаго боя, арміей генерала Рузскаго взято за семь дней сорокъ четыре орудія, множество ручного оружія, большое число пулеметовъ.

Генералъ-адъютантъ

Николай.

21 августа. Опять блистательная побѣда.

Телеграмма Верховнаго Главнокомандующаго Его Императорскому Величеству отъ 21 августа 1914 г.

Съ восторженной радостью и принеся благодареніе Богу, доношу Вашему Величеству, что побѣдоносная армія генерала Рузскаго сегодня въ одиннадцать утра взяла Львовъ, а армія Брусилова городъ Галичъ. Ходатайствую о награжденіи за всѣ предыдущіе бои генерала Рузскаго Георгіемъ 4-й степени, а за взятіе Львова Георгіемъ 3-й степени, генерала Брусилова за всѣ бои Георгіемъ 4-й степени. Подробностей еще нѣтъ.

Генералъ-адъютантъ

Николай.

22 августа. Въ послѣднихъ бояхъ на галиційскомъ фронтѣ принялъ видное участіе генералъ Радко Димитріевъ, во главѣ ввѣренныхъ его командованію „доблестныхъ“ русскихъ войскъ, онъ достигъ замѣчательныхъ успѣховъ.

Нашимъ союзникамъ приходится тяжело. Французское правительство выѣхало изъ Парижа въ Бордо. Начался массовой выѣздъ изъ Парижа. Германцы уже въ 60 верстахъ отъ Парижа.

23 августа. 10-й австрійскій корпусъ отбитъ въ своей попыткѣ прорваться между Люблиномъ и Холмомъ. Взято 5.000 плѣнныхъ. Германцы энергично наступаютъ во Франціи.

24 августа. Германскія войска оставляютъ Парижъ въ сторонѣ.

Произошло событіе громадной политической важности: Россія, Франція и Великобританія подписали декларацію, которой обязуются не заключить отдѣльнаго мира въ теченіе нынѣшней войны.

25 августа. Въ Галиціи нами блестящимъ образомъ взята укрѣпленная позиція у Николаева, при чемъ взяты 40 орудій и большіе запасы.

Гарнизонъ Парижа отразилъ германцевъ на р. Уркъ.

Бельгійцы взорвали свои плотины у Малина и утопили много нѣмцевъ съ орудіями.

26 августа. Продолжается перевозка германскихъ войскъ съ запада противъ Россіи.

27 августа. Нѣмцы стараются скрыть перевозку войскъ съ запада противъ Россіи, а также и количество перевезенныхъ войскъ.

Атакованная съ трехъ сторонъ австрійская, томашевская, армія отступаетъ въ полномъ безпорядкѣ.

Для того, чтобы надлежащимъ образомъ изложить наступленіе австрійцевъ, обождемъ оффиціальнаго о томъ донесенія. Слава Богу для Россіи, что австрійцы полѣзли на насъ въ Польшѣ, и мы ихъ туда заманили. Лѣзутъ они прямо быку на рога.

Японія присоединилась къ декларацін Россіи, Франціи и Великобританіи.

Искуснымъ маневромъ Жоффра Парижъ огражденъ отъ тевтонскаго нашествія. Обходъ праваго французскаго фланга гер-

манцами не удался. Французы понемногу начинаютъ переходить въ наступленіе. Жоффръ начинаетъ медленно, шагъ за шагомъ, методически выпирать германцевъ изъ Франціи. Онъ бережетъ французскую армію и яростнымъ атакамъ германцевъ противопоставляетъ, сильныя, французскія укрѣпленія, порой онъ переходитъ въ контръ-атаки. Начинается общее, медленное отступленіе нѣмцевъ изъ Франціи.

Войну эту германцы ведутъ какъ гунны, вандалы и отчаянные сверхънегодяи. Свои неудачи они вымѣщаютъ на беззащитномъ населеніи занятыхъ ими областей.

Германцы безжалостно грабятъ населеніе, налагаютъ чудовищныя контрибуціи, разстрѣливаютъ мужчинъ и женщинъ, насилуютъ женщинъ и дѣтей, уничтожаютъ памятники искусствъ и зодчества, сожигаютъ драгоцѣнныя книгохранилища.

Въ подтвержденіе приводимъ въ хронологическомъ порядкѣ за этотъ мѣсяцъ рядъ выдержекъ изъ корреспонденцій и телеграммъ, которыя особенно поразили воображеніе петроградскаго обывателя.

— „Меня не будутъ больше бить? Мнѣ не грозитъ больше опасность?"

Эти крики внезапно помѣшавшагося раздаются въ Петропавловской больницѣ Петрограда.

Вчера туда помѣстили русскаго подданнаго, мальчика лѣтъ 12—13, сына профессора Рижскаго университета Симона. Мальчикъ весь избитъ и проявляетъ признаки остраго помѣшательства [1]).

Мальчикъ обучался въ нѣмецкой школѣ въ Кенигсбергѣ. Когда нѣмцы объявили намъ войну, всѣ русскіе подданные, какъ уже извѣстно, подверглись разгрому. Въ Кенигсбергѣ была устроена облава на русскихъ, которыхъ бросали въ тюрьмы, предварительно избивъ.

Рабочій, пріѣхавшій вчера изъ Германіи и привезшій съ собой мальчика, разсказываетъ слѣдующее: „Посадили меня вмѣстѣ съ другими въ тюрьму. Сначала меня поколотили, выбили глазъ. Ночью вдругъ слышу нечеловѣческій дѣтскій крикъ, раздавшійся въ корридорѣ тюрьмы, какъ разъ около окна камеры, гдѣ сидѣлъ я. Ясно были слышны удары по тѣлу. Затѣмъ въ окно что-то влетѣло. Вслѣдъ за паденіемъ слышу стоны... Предо мной на полу лежалъ весь избитый и

[1]) „Вечернее Время" 4 авг. с. г.

окровавленный мальчикъ, впавшій вскорѣ въ безсознательное созпаніе...

Рабочій привезъ этого мальчика съ собой".

Штурманъ каботажнаго плаванія Н. А. Носовъ, плававшій на грузовомъ нѣмецкомъ пароходѣ „Оскаръ", пишетъ, какъ его истязали нѣмцы на пароходѣ 19 іюля [1]).

„Меня поволокли въ клозетъ и подъ дикій вопль всей команды мазали человѣчьимъ каломъ. Потомъ, по распоряженію капитана Августа Вука, меня и моего товарища привязали шкотами къ борту и выбросили за бортъ: выкупаться: Потомъ моего товарища откачивали, сломавъ ему нѣсколько реберъ и вывихнувъ руку.

21-го іюля пришли въ Гамбургъ. Эти трое сутокъ до Гамбурга нѣмцы выдумывали самыя невозможныя вещи глумленія надъ нами. Кромѣ плевковъ и пощечинъ, нѣмцы заставили негра противуестественно насъ насиловать. Все это привѣтствовалось восторженнымъ хохотомъ. До 21-го еще не объявляли военно-плѣнными застрявшихъ русскихъ моряковъ, и я поспѣшилъ бѣжать, бросивъ на произволъ судьбы нѣмцевъ моего умирающаго товарища, оставивъ всѣ документы о плаваніи въ ихъ рукахъ".

Приводимъ разсказы какъ расправлялись нѣмцы на западномъ фронтѣ въ Баденвилье [2]):

„Подтверждается извѣстіе о томъ, что германскія войска подожгли городокъ Баденвилье, разстрѣлявъ въ немъ женщинъ и дѣтей.

Одинъ изъ сыновей императора Вильгельма, прибывъ въ Баденвилье, произнесъ передъ солдатами рѣчь, въ которой сказалъ, что французы дикари и что съ ними надо поступать, какъ съ таковыми. „Истребляйте ихъ сколько можете", — сказалъ принцъ".

Приводимъ другія описанія дѣяній современныхъ гунновъ въ Бельгіи.

„Бельгійскій посланникъ опубликовалъ сообщеніе, опровергающее обвиненіе нѣмцами гражданскаго населенія Бельгіи въ участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Посланникъ въ свою очередь обвиняетъ нѣмцевъ въ звѣрскихъ поступкахъ, совершенныхъ надъ поселянами, женщи-

[1]) „Биржев. Вѣд." 6 авг. с. г.
[2]) „Бирж. Вѣд." 6 авг. с. г.

нами и дѣтьми [1]). Онъ приводитъ неопровержимыя доказательства того, что нѣмцы калѣчатъ и сжигаютъ заживо поселянъ, похищаютъ молодыхъ дѣвушекъ, насилуютъ дѣтей. Онъ разсказываетъ, что, напримѣръ, полковникъ Вандаммъ лежалъ раненый послѣ боя и былъ убитъ германскими пѣхотинцами, стрѣлявшими изъ револьвера ему въ ротъ. Въ другомъ случаѣ германская конница занимала деревню Ленсино и была атакована бельгійской пѣхотой, при чемъ одинъ германскій офицеръ былъ убитъ въ бою бельгійскими войсками, а затѣмъ похороненъ по приказанію командовавшаго бельгійскаго офицера.

Ни одинъ мирный житель не участвовалъ въ этомъ бою. Тѣмъ не менѣе, въ названную деревню вторглись значительные отряды германской кавалеріи, артиллеріи и пѣхоты съ пулеметами и артиллерійскимъ огнемъ, уничтожили двѣ фермы и шесть находившихся въ отдаленіи домовъ. Затѣмъ все мужское населеніе было собрано въ одно мѣсто и ему было приказано выдать все имѣющееся оружіе. Однако, несмотря на то, что не было обнаружено огнестрѣльнаго оружія, съ признаками недавней стрѣльбы, вторгшіеся германцы разбили поселянъ на три группы, изъ которыхъ одна была связана по рукамъ, при чемъ 11 человѣкъ были поставлены въ ровъ, гдѣ ихъ потомъ нашли съ черепами, пробитыми пулями германскихъ ружей".

Лондонскія газеты полны подробностями объ ужасныхъ звѣрствахъ нѣмецкихъ войскъ въ Лувенѣ. Погромъ гражданскаго населенія продолжался безпрерывно. Переходя изъ дома въ домъ, нѣмецкіе солдаты предавались грабежу, насиліямъ и убійствамъ, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, ни стариковъ. Члены городского совѣта, оставшіеся въ живыхъ, были загнаны въ соборъ и тамъ заколоты штыками. Знаменитая мѣстная библіотека, содержавшая 70.000 томовъ, сожжена.

Совершая всѣ эти звѣрства и варварства, нѣмецкіе солдаты заявляли, что они мстятъ за пораженіе нѣмецкихъ войскъ у Малина.

Вотъ какія данныя сообщаетъ бельгійская миссія о поступкахъ германцевъ въ Неерхеспенѣ и Орсмалѣ": Въ Неерхеспенѣ (Neerhespen) германцы разрѣзали одному старику руку на 3 продольныхъ полосы, а затѣмъ повѣсили его за ноги и сожгли живого. Въ Орсмалѣ (Orsmael) у нѣкоторыхъ лицъ были отрѣ-

[1]) „Бирж. Вѣд." 13 авг. с. г.

заны половые органы. Молодыя дѣвушки и дѣти были изнасилованы [1]).

Далѣе приводимъ описаніе дѣяній германцевъ и въ Россіи.

Начальникъ сувалкскаго губернскаго жандармскаго управленія представилъ министерству внутреннихъ дѣлъ слѣдующее донесеніе отъ 8 августа с. г. за № 3991 [2]):

„29 іюля с. г. въ 12 час. дня непріятельскіе разъѣзды, въ числѣ 25 чел., прибыли въ посадъ Сударги, Владиславовскаго уѣзда, и, ворвавшись въ квартиру земскаго стражника Абакумова и удаливъ изъ дома его жену, нанесли стражнику Абакумову рану въ грудь и отрѣзали у него уши и носъ".

Въ „Варшавскомъ Дневникѣ" напечаты выдержки изъ письма офицера по пути въ дѣйствующую въ Пруссіи армію. Одна изъ этихъ выдержекъ гласитъ [3]):

„Въ Млавѣ мнѣ пришлось пробыть нѣсколько часовъ, которыми я воспользовался, чтобы пойти въ православную церковь и провѣрить дѣйствительность разсказовъ о возмутительномъ поступкѣ нѣмцевъ. Разсказы эти оказались правдивыми. Я самъ видѣлъ въ церкви икону Богородицы, въ которой негодяи-нѣмцы выцарапали глаза. Видъ иконы приводитъ въ содроганіе все существо и душу наполняетъ страшнымъ негодованіемъ. Такихъ гадкихъ, низкихъ, безсмысленныхъ поступковъ отъ націи, считающейся культурной, ожидать было трудно".

Вотъ какъ описываются дѣянія въ Калишѣ знаменитаго по своимъ злодѣйствамъ коменданта Прейскера [4]).

„Съ утра въ пятницу 25-го іюля (7-го августа) черезъ Калишъ стали проходить саксонскія войска, пѣхота и уланы, сопровождаемые пресловутымъ 155 полкомъ, во главѣ съ комендантомъ Прейскеромъ. Часть войскъ направилась по Ставишинскому шоссе, другая часть, пройдя по городу, возвращалась въ прежній лагерь. Отъ стрѣльбы изъ пушекъ, винтовокъ и пулеметовъ повреждены были многіе телефонные столбы и телефонные провода, которые въ большомъ количествѣ застилали улицы. Лошадь одного молодого офицера такъ запуталась въ проволокѣ, что упала на переднія ноги; офицеръ, не отдавая себѣ отчета въ происшедшемъ, выстрѣлилъ изъ револьвера. Выстрѣлъ послужилъ поводомъ къ всеобщей паникѣ; опять на-

---

1) „Новое Время" 24 авг. с. г.

2) „Нов. Вр." 16 авг. с. г.

3) „Бирж. Вѣд." 20 авг. с. г.

4) „Бирж. Вѣд." 17 авг. с. г.

чалось обстрѣливаніе оконъ домовъ, нѣкоторыхъ открытыхъ магазиновъ и разстрѣлъ людей, случайно проходившихъ по улицамъ. Стрѣляли изъ пулеметовъ по всему городу, солдаты врывались въ дома и магазины, грабили, поджигали и вырѣзывали цѣлыя семьи—женщинъ, дѣтей и старцевъ. Убито и ранено нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ зданіи магистрата, гдѣ, по приказанію коменданта, собрались городскіе служащіе, зарублены были топоромъ на-смерть городской кассиръ Пашкевичъ и 3 сторожа. На Бабиной и Вроцлавской улицахъ лежала масса труповъ людей, дѣтей и даже лошадей. Въ общей свалкѣ и паникѣ нѣмцы опять стрѣляли по своимъ и потеряли убитыми и ранеными много солдатъ. Населеніемъ города овладѣлъ паническій страхъ въ ожиданіи мести тевтоновъ, которые не заставили себя долго ждать.

Вскорѣ костромъ запылало красивое зданіе магистрата и начались пожары въ разныхъ мѣстахъ города. Небольшіе оставшіеся въ городѣ отряды войскъ, подобравъ своихъ раненыхъ и убитыхъ и побросавъ, по свидѣтельству очевидцевъ, убитыхъ солдатъ своихъ въ огонь, быстро удалились изъ города. Въ $8^{3}/_{4}$ час. началась по городу пушечная пальба (пулями, гранатами и шрапнелью), продолжавшаяся непрерывно до $5^{1}/_{2}$ час. утра. Сдѣлано было въ городъ около 400 выстрѣловъ, послѣ каждаго выстрѣла раздавались шумъ обваливающихся частей зданій и истерическій крикъ женщинъ и дѣтей“.

28 августа. Германцы уже отступили на 40 верстъ отъ Парижа и все еще отвозятъ свои войска отъ французскаго фронта на русскій Выходитъ, что нашими дѣйствіями въ восточной Пруссіи и противъ австрійцевъ мы оттянули отъ союзниковъ на себя не малое количество тевтонскихъ силъ и оказали Франціи и Англіи существенную помощь.

Сегодня въ Петроградѣ состоялась конфискація яхтъ и лошадей австрійскихъ и германскихъ подданныхъ.

Съ особой грустью долженъ отмѣтить, что еще теперь велико нѣмецкое засилье: нѣкоторые русскіе позорно дозволяютъ себѣ прикрывать русскимъ именемъ нѣмецкое имущество. Пора бы окончательно прикончить разъ навсегда съ этимъ поганымъ, нѣмецкимъ, имуществомъ, будь ли оно земельное фабричное, торговое или акціонерное, все равно. Если теперь не прикончимъ съ нимъ, то уже никогда не прикончимъ.

Нѣмцы воображаютъ, что они страшная сила въ Петроградѣ и имъ все возможно.

Для того, чтобы точно выяснить, какъ онаглѣли нѣмцы въ

Петроградѣ приводимъ здѣсь выдержку изъ письма къ А. Л. Пиленко одной дамы о порядкахъ въ одной женской гимназіи [1].

„Въ этой гимназіи ежегодно торжественно праздновалось тезоименитство кайзера. Этотъ день былъ самымъ высокоторжественнымъ въ училищѣ,—днемъ, къ коему пріурочивались всякія чтенія изъ высоконравственной жизни кайзера, разсказы о его доблести, декламировались на эту тему стихи, а затѣмъ шло угощеніе, танцы, спектакли, живыя картины и „hoch Wilhelm“ съ лимонадомъ въ бокалахъ“. Насколько общій складъ преподаванія соотвѣтствуетъ задачамъ онѣмечиванія русскихъ дѣтей, можно судить по тѣмъ даннымъ, которыя приводитъ моя корреспондентка относительно одной „обрусѣвшей нѣмки, русской подданной, два года назадъ отдавшей свою дочь въ указанную гимназію“. „Эта дама еще недавно отъ души ругала эксплоататорами и кровопійцами наживающееся здѣсь тевтонское племя, отрясая отъ себя все нѣмецкое. А теперь ея нельзя узнать. Когда объявили мобилизацію, эта особа, саркастически улыбаясь: говорила: „смѣхотворное бряцаніе оружіемъ! какъ ни невѣжественны русскіе, имъ не можетъ быть непонятнымъ, что воевать съ культурной націей имъ не подъ силу“. Когда война была объявлена, то моя знакомая стала говорить такъ: „Вильгельмъ самый храбрый изъ всѣхъ государей въ мірѣ, и знаетъ, что дѣлаетъ; если онъ объявилъ міровую войну, значитъ, эта война необходима; онъ ее предвидѣлъ и затѣялъ на благо своего культурнаго народа, который сломитъ все некультурное и подчинитъ себѣ“. Сынъ этой дамы выразилъ желаніе поступить добровольцемъ въ русскую армію. Но, говорятъ, мать надавала ему пощечинъ и теперь не выпускаетъ изъ квартиры“.

29 августа. Перевезенныя германцами войска съ западнаго фронта въ Восточную Пруссію сосредоточились на р. Алле и начали наступать на войска ген. Ренненкампфа, которыя стали отходить къ нашей восточной границѣ.

Не утерпѣло сердце Вильгельмово и двинуло свои полчища въ защиту имѣній своихъ и восточно-прусскихъ аграріевъ. Между тѣмъ, казалось бы, что обстановка повелѣвала германцамъ выручить добиваемую русскими австрійскую армію.

Глубокій обходъ нашихъ отступающихъ войскъ германцами черезъ Мышинцъ и Хоржеле отраженъ.

Высоко интересна, приводимая ниже, корреспонденція Ник.

[1]) „Нов. Вр.“ 12 авг. с. г.

Брешко-Брешковскаго объ уничтоженіи казаками прусскаго блиндированнаго поѣзда [1]).

„Засѣвшіе на время въ Ченстоховѣ пруссаки желали продвинуться вглубь Петроковской губерніи на сѣверо-востокъ. Въ ихъ планы входило, оставивъ за собою Новорадомскъ, укрѣпиться въ городкѣ Каменьскѣ.

Такъ какъ часть желѣзнодорожной линіи была въ ихъ рукахъ, они рѣшили использовать прибывшій изъ Германіи блиндированный поѣздъ въ составѣ пятнадцати длинныхъ, закованныхъ въ желѣзо вагоновъ, и гигантскаго паровоза въ непроницаемой кирасѣ.

Нагруженный нѣсколькими пулеметами и полубатальономъ солдатъ, этотъ, убѣжденный въ своей неуязвимости, поѣздъ-драконъ двинулся изъ Новорадомска по направленію въ Каменьску.

И все было бы хорошо для нѣмцевъ, если бы не эти „ужасные казаки", недремлющими, стоглазыми Аргусами бодро и неустанно повсюду рыскающіе.

Полусотня, раскинувшись лавою, двигалась, развернувшись, съ обѣихъ сторонъ полотна, пересѣкавшаго сосновый лѣсъ. Впереди грохотъ и шумъ. Молодой офицеръ, недавно выпущенный изъ Николаевскаго кавалерійскаго училища, съ помощью своего „Цейсса" убѣдился, что навстрѣчу ему несется блиндированный поѣздъ. Слѣдовательно, этотъ поѣздъ непріятельскій, ибо своихъ оттуда нельзя было ждать.

Но что съ нимъ подѣлаешь, съ этимъ огнедышащимъ дракономъ, у котораго даже Ахиллесовой пяты нѣтъ? Обстрѣлять изъ винтовокъ—не почувствуетъ. Все равно, что носорогъ, укушенный мирной комнатной мухой.

Но вдругъ молодого офицера осѣнилъ планъ, за осуществленіе котораго онъ принялся тотчасъ же.

Онъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ половины. Первая должна была такъ обстрѣливать блиндированное чудовище и такъ „маневрировать", чтобъ нѣмцы заподозрили въ тылу у казаковъ значительный русскій отрядъ. Вторая половина удалыхъ станичниковъ была брошена стремительнымъ, бѣшенымъ вихремъ черезъ лѣсъ въ тылъ поѣзда, чтобъ забраться туда незамѣченной и возможно скорѣй и спѣшнѣй разворотить у какого-нибудь крутого откоса путь.

---

[1]) „Биржев. Вѣд." 28 авг. с. г.

Какъ по-писанному вышло.

Поѣздъ, смѣло и дерзко обстрѣлянный казаками, гарцовавшими подъ ливнемъ отвѣтныхъ пуль, заподозрилъ для себя впереди неладное. Навѣрное ждетъ его у Каменьска большой русскій отрядъ. И „бережепаго Богъ бережетъ“ —панцырный драконъ заднимъ ходомъ рѣшилъ вернуться обратно. И, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

А въ это время сзади верстахъ въ шести спѣшившіеся казаки уже развинтили рельсы и, засѣвъ невдалекѣ въ сосѣдней рощѣ, ждали, что будетъ...

Поѣздъ отступалъ спокойно, увѣренно заднимъ ходомъ, не имѣя основанія подозрѣвать за спиной какихъ-либо непріятныхъ случайностей. И—катастрофа! Вагоны, увлекая другъ друга, сплющиваясь и давя наполнявшую ихъ человѣческую гущу, вмѣстѣ съ паровозомъ ринулись внизъ съ крутого, глинистаго откоса. Казаки, выскочившіе изъ рощи, были тутъ какъ тутъ. Своими шашками искрошили мигомъ тѣхъ немногихъ нѣмцевъ, которымъ посчастливилось унести свои головы отъ крушенія. По странной случайности всѣ пулеметы оказались неповрежденными, сдѣлавшись военною добычею нашей.

За этотъ подвигъ, который безъ преувеличенія можно назвать геніальнымъ, и молодой начальникъ полусотни и всѣ его молодцы-казаки представлены къ высокой наградѣ“.

Нѣсколько дней подрядъ вижу въ Петроградѣ запасныхъ идущихъ по Обводному каналу съ удалыми русскими пѣснями. Это производитъ сильное, бодрящее настроеніе на все мѣстное населеніе. Идущіе поперекъ пути запасныхъ, трамваи останавливаются, и всѣ ѣдущіе въ нихъ выходятъ наружу и повсюду только и слышатся одобрительные, сочувственные возгласы.

Даже дѣти въ Петроградскихъ городскихъ садахъ увлеклись воинственной обстановкой: они ходятъ съ игрушечными ружьями и револьверами, играютъ въ войну и отдаютъ честь мимопроходящимъ офицерамъ.

30 августа. Германцы направляютъ свои усилія на восточнопрусскій фронтъ. Прекращено пассажирское движеніе по всѣмъ германскимъ дорогамъ. Такъ сильно упорное желаніе Вильгельма выручить отъ русскихъ земли прусскихъ аграріевъ.

Да позволено мнѣ, петроградскому обывателю, коснуться больнаго для Россіи въ настоящее время вопроса нашихъ прибалтійскихъ аграріевъ, составляющимъ въ прибалтійскомъ краѣ горсточку, но пользующихся, въ силу особыхъ преданій, необычайнымъ въ этомъ краѣ вліяніемъ. Читая въ русскихъ га-

зетахъ корреспонденціи о нѣмецкихъ порядкахъ въ этомъ краѣ, дивишься и не знаешь, какъ это могло случиться?

Намъ лично пришлось слышать въ знаменитомъ, историческомъ засѣданіи рѣчь курляндскаго депутата Гольдмана. Это была самая блестящая, самая патріотическая рѣчь изъ всѣхъ сказанныхъ въ этотъ день. Этой вдохновленной рѣчи бурно рукоплескали всѣ депутаты Государственной Думы, всѣ министры и весь присутствующій народъ, а „митавскій полицеймейстеръ фонъ Шнее призналъ эту рѣчь враждебной нѣмцамъ и воспретилъ митавскимъ латышскимъ газетамъ воспроизвести ее даже въ передачѣ петроградскаго телеграфнаго агентства“ [1]).

По словамъ этой же корреспонденціи, въ этомъ же краѣ вся мѣстная патріотическая печать подвергается тяжкимъ репрессіямъ и въ то же время—какъ „нѣмецкая печать, систематически замалчивающая все то, что говоритъ противъ нѣмцевъ, и подвергающая сомнѣнію сообщенія о нашихъ и нашихъ союзниковъ побѣдахъ и о чинимыхъ нѣмцами звѣрствахъ и варварствахъ,—эта печать у насъ чувствуетъ себя совершенно какъ въ Пруссіи“.

„Чтобы болѣе или менѣе безпристрастно судить объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Курляндской губерніи,—сказано въ этой же корреспонденціи,—надо имѣть въ виду, что изъ 10 уѣздовъ этой губерніи 7 подчинены нѣмцамъ, занимающимъ должности уѣздныхъ начальниковъ; изъ 8 должностей старшихъ помощниковъ уѣздныхъ начальниковъ 6 занимаютъ нѣмцы; изъ 18 должностей младшихъ помощниковъ — 15 занимаютъ нѣмцы; изъ 10 должностей комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ—7 занимаютъ нѣмцы; предводители дворянства всѣ безъ исключенія нѣмцы; въ губернскомъ правленіи, въ канцеляріи губернатора, въ воинскихъ присутствіяхъ и въ разнаго рода пріемныхъ и реквизиціонныхъ комиссіяхъ—всюду слышится только нѣмецкая рѣчь, такъ какъ во главѣ ихъ находятся почти исключительно нѣмцы“.

Въ другой корреспонденціи положеніе края излагается такимъ образомъ [2]): „Нѣмецкимъ языкомъ край теперь обособленъ, приглушенъ и въ тысячахъ мелочей высасывается въ пользу германизма. Здѣсь каждый нѣмецъ имѣетъ въ своемъ языкѣ привилегію на начальническія мѣста, на лучшіе оклады, на

---

[1]) „Новое Время“ 23 авг. с. г.

[2]) „Нов. Вр.“ 27 авг. с. г.

лучшее обращеніе съ собою, чѣмъ можетъ разсчитывать латышъ, или русскій.

Недавно съ этимъ мирились, подчиняясь привычкѣ, но теперь несообразность этого ясна всѣмъ, однако взявшіе верхъ балты не умѣютъ остановиться даже и въ эти времена общей войны всѣхъ славянъ противъ нѣмцевъ.

И вотъ что въ Прибалтикѣ происходитъ.

Для латышей эта война патріотическая, истинно національная. Они понимаютъ, что съ побѣдой нѣмцевъ они будутъ обращены въ рабочій скотъ побѣдителей, а побѣда русскихъ освободитъ ихъ навсегда отъ гнета нѣметчины надъ ними!

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Курляндской губерніи мобилизація фактически совершилась даже нѣсколькими часами ранѣе ея объявленія: призывные собрались по одному только слуху о ней.

Реквизиціонныя коммиссіи работали безупречно, что касается самого населенія: лошади, скотъ, припасы, все предъявлялось точно и открыто, хотя годъ тяжелый—весна была два мѣсяца безъ дождя.

И вездѣ въ здѣшнихъ временныхъ коммиссіяхъ, которыя забирали людей и оцѣнивали припасы, лошадей и скотъ для войны съ нѣмцами, вездѣ со стороны штатской невоенной части начальства объясненія спрашивались и давались, спрашиваются и даются до сихъ поръ—на нѣмецкомъ языкѣ.

Въ одной курляндской коммиссіи латышъ-крестьянинъ даже спросилъ:

— Да, скажите, для какой арміи берутъ моихъ лошадей—русской или прусской"?

„Есть въ Прибалтійскомъ краѣ одно учрежденіе, которое чрезвычайно волнуетъ и тревожитъ мѣстное населеніе, именно потому, что оно, это населеніе, рѣшительно не хочетъ стать „германскимъ наслѣдіемъ", а учрежденіе это именно эту цѣль и имѣетъ предъ собою.

Это—„Deutscher Verein".

„Какія бы цѣли на словахъ ни давали этому ферейну его руководители, цѣли эти ясны изъ всей дѣятельности ферейна, и всѣ въ краѣ знаютъ ихъ. Эти цѣли—возвращеніе Прибалтійскаго края „германскому отечеству". По всему Прибалтійскому краю раскинулась густая черная сѣть начальника, низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, Deutscher Verein'а, подготовляющихъ изъ русскаго матеріала, изъ русскихъ подданныхъ—нѣмцевъ, гражданъ съ пангерманистской психологіей. Мирно завоевательныя тенденціи нѣмцевъ однако не удовле-

творяются однѣми этими школами. Въ послѣднее время открываются учительскія семинаріи (въ Юрьевѣ—женская, въ Митавѣ—мужская), чтобы внутри Имперіи подготовить кадры преподавателей въ германскомъ духѣ [1]).

Школы ферейна можно раздѣлить на два типа: однѣ содержатся иждивеніемъ ферейна, другія считаются частными и получаютъ отъ ферейна только субсидіи. А такъ какъ ферейнъ въ свою очередь субсидируется изъ-за границы, то какъ тѣ, такъ и другія находятся подъ несомнѣннымъ германскимъ вліяніемъ.

Въ настоящее время (по свѣдѣніямъ ферейнскаго календаря за текущій годъ) въ Прибалтійскомъ краѣ насчитывается 64 школы, содержимыя на средства ферейна; распредѣлены онѣ слѣдующимъ образомъ:

Въ Лифляндской губ. начальныхъ —15, среднихъ — 9. Изъ этого числа въ Ригѣ 6. Въ Курляндской: начальныхъ — 24, среднихъ— 2, высшая—1. Изъ этого числа въ Митавѣ—3. Въ Эстляндской — начальныхъ — 8, среднихъ—5. Изъ этого числа въ Ревелѣ—7.

Обучается въ этихъ школахъ: въ Эстляндской губ.—1.766 ч., въ Курляндской—890 сел. Въ Лифляндской губ. точныхъ статистическихъ данныхъ не показано, извѣстно, впрочемъ, что въ одной Ригѣ обучается до 1.200 дѣтей.

Изъ этого краткаго отчета видно, съ какой опасной, глубоко внѣдрившейся въ нашъ отечественный организмъ, болѣзнью приходится бороться русскому правительству [2]).

Помѣщикамъ-балтамъ ферейнъ поставляетъ изъ Германіи всѣхъ нужныхъ имъ служащихъ—и мелкихъ, и крупныхъ, и простыхъ лѣсниковъ,. и директоровъ заводовъ, все это по большей части резервисты германской арміи. И если бы вы знали, сколько въ здѣшнемъ краѣ набралось этихъ людей!

Сколько по имѣніямъ въ краѣ имѣется ставленниковъ „Deutscher Verein'a"—это видно особенно теперь по волнѣ ихъ, которая потекла изъ края съ начала минувшаго іюля. Въ Курляндіи лѣсничіе и лѣсники въ имѣніяхъ до сихъ поръ лишь за небольшими исключеніями были выписаны изъ Германіи. До чего это стало установившимся порядкомъ въ краѣ, видно

[1]) „Новое Время" отъ 29 авг. с. г.
[2]) „Новое Время" отъ 25 авг. с. г.

изъ того, что не такъ давно одинъ изъ лѣсниковъ явился давать показанія въ формѣ германскаго резервиста! [1])".

Разсказываютъ также, что будто бы въ Прибалтійскомъ краѣ въ нѣкоторыхъ баронскихъ семьяхъ одни члены семьи служатъ въ русской арміи, а другіе — въ германской.

31 августа. Наконецъ-то получилось, привожимое въ подлинникѣ донесеніе о разгромѣ австрійскихъ армій.

Отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Рѣшительная побѣда надъ красникской и томашовской австро-венгерскими арміями.

Сила участвовавшихъ въ галиційской битвѣ австрійскихъ войскъ опредѣляется свыше 40 пѣхотныхъ и 11 кавалерійскихъ дивизій съ многочисленными милиціонными формированіями и нѣсколькими германскими дивизіями, всего около милліона человѣкъ при 2.500 орудій.

Главная масса нашихъ противниковъ до 600 тысячъ развернулась на фронтѣ Завихостъ — Томашовъ для наступленія на фронтъ Люблинъ — Холмъ. Правый флангъ ея охранялся арміей въ районѣ Львова до 200 батальоновъ, а лѣвый флангъ группой въ районѣ Радома изъ нѣсколькихъ австрійскихъ и германскихъ дивизій.

12-го августа, чтобы отвести занесенный надъ Восточной Пруссіей ударъ, австрійскія арміи перешли въ рѣшительное наступленіе. Наше развертываніе на фронтѣ въ нѣсколько сотъ верстъ еще не было закончено и потому мы могли противопоставить австрійцамъ на сѣверномъ направленіи лишь значительно меньшія силы Первыя атаки противника были направлены на Красникъ, но скоро центръ тяжести австрійскихъ усилій перемѣстился въ районъ Томашова, куда стекались австрійскія подкрѣпленія.

21-го августа, ко времени взятія Львова, австрійское наступленіе получило наиболѣе полное развитіе. Непріятельскій фронтъ тянулся отъ Ополе на Быхаву, подходилъ на пушечный выстрѣлъ къ станціи Травники, захватывалъ Красноставъ, Замостье и Грубешовъ. У Юзефова были наведены два моста черезъ Вислу, по которымъ перетягивалась на поле сраженія радомская группа.

Въ ожиданіи результатовъ дѣйствій генерала Рузскаго нашъ планъ былъ основанъ на быстромъ усиленіи праваго крыла, съ

---

[1]) „Новое Время" отъ 29 августа с. г.

каковой задачей справились весьма успѣшно наши желѣзныя дороги. Недостаточно сильныя и растянутыя войска въ районѣ Холма, противъ которыхъ былъ направленъ главный ударъ австрійцевъ, не получили подкрѣпленій въ виду того, что проникновеніе австрійцевъ даже къ Холму только увеличило бы въ конечномъ результатѣ итоги ихъ пораженія при нашемъ успѣхѣ на флангахъ. Несмотря на малую численность нашего центра, наши войска и здѣсь не ограничились обороной, а завязали встрѣчный бой и одержали крупный успѣхъ у Лащева, гдѣ въ теченіе шести дней отбивали безпрерывныя атаки непріятеля и лишь 20 августа въ силу полученнаго приказанія были отведены нѣсколько назадъ, что дало намъ болѣе охватывающее положеніе на всемъ фронтѣ.

22 августа развитіе успѣховъ генераловъ Рузскаго и Брусилова обусловило нашъ общій переходъ въ наступленіе.

Австрійскій центръ былъ разбитъ у Суходолья и быстрымъ натискомъ въ направленіи на Туробинъ и Замостье намъ удалось порвать связь между красникской и томашевской группами.

24 августа отходившая томашовская группа была атакована генераломъ Рузскимъ съ юго-востока и принуждена къ бою на три фронта. Контръ-атаки красникской группы были нами отражены и къ 27 августа позиціи непріятеля на фронтѣ Ополе — Туробинъ протяженіемъ въ 60 верстъ были взяты стремительной атакой нашихъ войскъ. Австрійцы бѣжали, бросая оружіе. Въ то же время австрійцы продолжали отчаянныя атаки на наше лѣвое крыло съ цѣлью одержать успѣхъ на львовскомъ направленіи. Однако къ 30 августа мы и здѣсь перешли въ наступленіе. Въ настоящее время продолжавшаяся 17 дней галиційская битва заканчивается. Преслѣдованіе ведется.

Закончился разгромъ австрійской милліонной арміи. Теперь, по микроскопическимъ, оффиціальнымъ даннымъ о забранныхъ трофеяхъ трудно судить о силѣ погрома.

Это выяснится еще не скоро и по другимъ даннымъ во время войны, а можетъ быть и сдѣлается яснымъ по ея окончаніи.

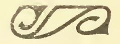
Честь и слава Верховному Главнокомандующему, Его штабу и всѣмъ главнымъ вождямъ. Какіе вожди вели бои на Варшавскомъ фронтѣ, мы не знаемъ.

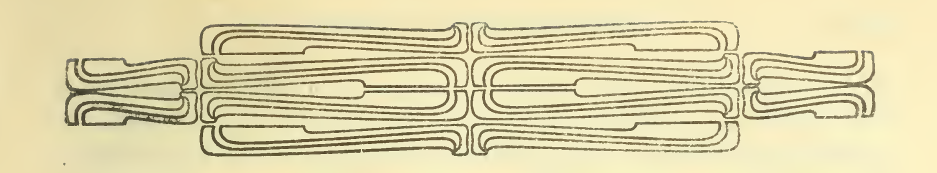
Имена вождей на галиційскомъ фронтѣ уже извѣстны: генералъ Ивановъ, кіевскій—Обручевъ, генералъ Алексѣевъ, генералы Рузскій, Брусиловъ, и современный Наполеонъ -- Радко Дмитріевъ. Хвала имъ великая.

Но гдѣ же еще герои великаго сраженія милліоновъ бойцовъ? Ихъ можно назвать однимъ общимъ именемъ: русскій генералъ, русскій офицеръ, русскій солдатъ и весь великій русскій народъ.

П. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).





Завѣты молодому поколѣнію.

(Изъ книги А. Ѳ. Кони „Отцы и дѣти судебной реформы". Къ пятидесятилѣтію Судебныхъ Уставовъ 1864—1914).

Есть мысли, дѣйствіе которыхъ болѣе глубоко и продолжительно, чѣмъ это можно предвидѣть въ минуты ихъ появленія; есть книги, содержаніе которыхъ шире и значительнѣе ихъ предполагаемой, ближайшей цѣли. Къ такого рода книгамъ относится вышедшій на дняхъ сборникъ очерковъ А. Ѳ. Кони о составителяхъ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. и дѣятеляхъ судебной реформы [1]). По словамъ автора, онъ имѣлъ въ виду дать „посильное оживленіе представленія о времени введенія судебной реформы и ея піонерахъ", однако матеріалъ, включенный имъ даже и въ эти юбилейные очерки, представляетъ собою итоги богатѣйшаго опыта не только судебнаго дѣятеля, но также и ученаго, художника-писателя, не ограничившагося областью одной спеціальности, а соприкасавшагося всѣми гранями своей души съ разнообразными явленіями русской жизни за многія десятилѣтія. Дарованія А. Ѳ. Кони и самое главное изъ нихъ, по извѣстному выраженію „человѣческій талантъ",—хорошо извѣстны нашему обществу; здѣсь намъ хотѣлось бы лишь упомянуть о рѣдкомъ свойствѣ его, какъ писателя,—обладаніи въ равной мѣрѣ „памятью", какъ ума, такъ и „сердца". Мало кому также дано соединить въ себѣ умъ мыслителя, умѣніе проникнуть въ глубь вещей и познать человѣка съ сердечною теплотою и свѣжестью чувства, не утраченными за рядъ годовъ, полныхъ далеко не однѣми

[1]) Настоящій сборникъ образовался изъ тѣхъ очерковъ, которые были помѣщены, между прочими статьями, въ его же книгахъ: „Очерки и воспоминанія", „За послѣдніе годы" и „На жизненномъ пути" и здѣсь дополнены предисловіемъ и послѣсловіемъ.

только радостями. Обращаясь своимъ духовнымъ взоромъ къ прошлому, А. Ѳ. Кони даетъ намъ въ своихъ воспоминаніяхъ страницы глубокаго общественнаго смысла и художественнаго значенія, за которыми, безъ преувеличенія, можно признать одно изъ лучшихъ мѣстъ въ русской мемуарной литературѣ.

Мы отсылаемъ читателя къ самой книгѣ, а въ этой замѣткѣ попытаемся дать лишь общее о ней понятіе для тѣхъ, кто почему-либо будетъ лишенъ возможности лично съ ней знакомиться.

„20 ноября настоящаго года, говоритъ авторъ въ предисловіи, исполняется пятидесятилѣтіе со дня обнародованія Судебныхъ Уставовъ. Эти Уставы были плодомъ возвышеннаго труда, проникнутаго сознаніемъ отвѣтственности составителей ихъ передъ Россіей, жаждавшей правосудія въ его дѣйствительномъ значеніи и проявленіи. Это былъ трудъ сложный, самостоятельный и многосторонній, въ одно и то же время критическій и созидательный,—трудъ исполненный довѣрія къ духовнымъ силамъ русскаго народа и его способности пріять новыя учрежденія съ живымъ сочувствіемъ и непосредственнымъ въ нихъ участіемъ. Въ этомъ смыслѣ работы *отцовъ* Судебныхъ Уставовъ—настоящій памятникъ ихъ любви къ роднѣ“... „Первые дѣятели новаго суда „со страхомъ Божіимъ и вѣрою“ смотрѣли на свое служеніе Судебнымъ Уставамъ,—видѣли въ нихъ своего рода „скинію завѣта“ и съ благоговѣйнымъ одушевленіемъ стремились примѣнить ихъ къ жизни. Между ними и творцами этихъ Уставовъ была живая связь,—они старались вникнуть въ мысль и глубину намѣреній послѣднихъ и своимъ поведеніемъ при отправленіи правосудія осуществить тѣ этическія требованія, которыя слышались и чувствовались за статьями новаго закона. Какъ нельзя отдѣлить, поэтому обнародованія Судебныхъ Уставовъ отъ введенія ихъ въ дѣйствіе и первыхъ шаговъ тѣхъ, кто имѣлъ счастіе быть призваннымъ къ осуществленію высокихъ началъ, которыми они были проникнуты,—такъ, вспоминая это время, нельзя отдѣлить работы отцовъ судебной реформы отъ дѣятельности *дѣтей*, т. е. ихъ ближайшихъ учениковъ и практическихъ приложителей этой реформы къ жизни...

Автору настоящаго сборника выпалъ завидный жребій знать лично и по службѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ *отцовъ* и многихъ изъ *дѣтей*—и посвятить имъ въ разное время приводимыя здѣсь воспоминанія. Не всѣ изъ этихъ „поминокъ“ относятся къ дѣятелямъ первыхъ шаговъ судебной реформы, во введеніи

которой въ Петербургскомъ, Харьковскомъ и Казанскомъ судебныхъ округахъ ему пришлось участвовать въ 1866, 1867, 1870 годахъ, но ему казалось умѣстнымъ помѣстить очерки, относящіеся къ нѣкоторымъ судебнымъ дѣятелямъ позднѣйшаго времени, на служеніи которыхъ Судебнымъ Уставамъ явно отразились завѣты и направленіе творцовъ судебной реформы.

„Книга посвящается молодымъ судебнымъ дѣятелямъ, съ горячимъ желаніемъ, чтобы они, въ своемъ служеніи родному правосудію на почвѣ Судебныхъ Уставовъ, умѣли проникнуться идеями *отцовъ* и примѣромъ *дѣтей*.

Эти уставы были выработаны не для пустого пространства. Будучи вызваны требованіями самой жизни, къ ея потребностямъ они и должны примѣняться. Въ основу многаго въ нихъ были вложены широкія и твердыя упованія, но не предшествующій опытъ, за невозможностью его полученія и провѣрки. Поэтому обнаруженіе и исправленіе нѣкоторыхъ частичныхъ въ нихъ недостатковъ не только возможно, но было и неизбѣжно. Добросовѣстная критика *частностей*—можетъ только содѣйствовать внѣдренію въ общественный и государственный укладъ тѣхъ *общихъ* началъ, которыя были, съ глубокимъ сознаніемъ ихъ важности, заложены въ фундаментъ Уставовъ. Но это допустимо лишь при соблюденіи вниманія и уваженія къ трудамъ и завѣтамъ *отцовъ* Судебныхъ Уставовъ, съ безусловнымъ сохраненіемъ во всемъ новомъ или измѣняемомъ основъ истиннаго правосудія и возвышающей ихъ человѣчности. Этого требуютъ память о лучшихъ дняхъ нашего общественнаго прошлаго и вѣра въ дальнѣйшее духовное и гражданское развитіе родины.

Пусть будетъ дано немногимъ, еще оставшимся въ живыхъ, съ благоговѣйнымъ упованіемъ привѣтствовавшимъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ появленіе Судебныхъ Уставовъ и радостно шедшимъ имъ на служеніе — получить возможность, глядя на образъ дѣйствій и трудъ *молодыхъ* судебныхъ дѣятелей, повторить имъ историческія слова: „въ новизнѣ вашей намъ старина наша слышится“!..

Статья о Д. А. Ровинскомъ, которою начинается собраніе очерковъ, представляетъ собою единственную до сихъ поръ монографію объ этомъ своеобразномъ, выдающемся человѣкѣ, дѣятельность котораго равноцѣнна въ области суда, науки, права и исторіи русскаго искусства. Здѣсь, какъ и въ другихъ очеркахъ, собрано много фактовъ изъ прошлаго нашего суда и общества, яркихъ и запоминающихся. Ровинскій, сдѣлав-

нись губернскимъ прокуроромъ, когда ему было еще только 29 лѣтъ, принесъ на эту должность всю свою молодую жизненность и отзывчивость. Много огорченій, волненій и горькихъ минутъ сознанія своего безсилія предъ буквальнымъ приложеніемъ безжизненнаго закона въ вопіющимъ явленіямъ жизни пережилъ Ровинскій въ бытность свою на этой должности.

Губернскій прокуроръ могъ быть, если хотѣлъ, вліятельнымъ лицомъ и въ тюремномъ управленіи. Ровинскій предавался этой сторонѣ своей служебной дѣятельности съ горячимъ усердіемъ и любовью. Примѣръ трогательнаго человѣколюбца, тюремнаго доктора Ѳ. П. Гааза, отдавшагося всецѣло дѣлу помощи заключеннымъ, утѣшенію ихъ и заботѣ о нихъ, вызывалъ въ Ровинскомъ глубоко-сочувственное къ себѣ отношеніе и въ словѣ и въ дѣлѣ. Впослѣдствіи, въ оффиціальныхъ запискахъ по поводу тюремной реформы и судебнаго преобразованія, онъ не разъ съ особымъ уваженіемъ указывалъ на дѣятельность Гааза, девизомъ котораго были удивительныя по своей простотѣ и глубинѣ слова: „спѣшите дѣлать добро“. Еще будучи губернскимъ стряпчимъ, Ровинскій постоянно посѣщая засѣданія тюремнаго комитета, былъ очевидцемъ замѣчательнаго и памятнаго ему столкновенія Гааза съ предсѣдателемъ комитета, знаменитымъ митрополитомъ Филаретомъ, изъ - за арестантовъ. Филарету наскучили постоянныя и, быть можетъ, не всегда строго провѣренныя, но вполнѣ понятныя при старомъ строѣ суда, ходатайства Гааза о предстательствѣ комитета за „невинно осужденныхъ“ арестантовъ.—„Вы все говорите, Ѳеодоръ Петровичъ,—сказалъ Филаретъ,—о невинно-осужденныхъ... Такихъ нѣтъ. Если человѣкъ подвергнутъ карѣ, значитъ, есть за нимъ вина“... Вспыльчивый и сангвинистическій Гаазъ вскочилъ съ своего мѣста... „Да вы о Христѣ позабыли, владыка!“—вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря, и на евангельское событіе—осужденіе Невиннаго.

Всѣ смутились и замерли на мѣстѣ: такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно вліятельномъ положеніи, никогда еще и никто не дерзалъ говорить въ глаза! Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубинѣ Гааза. Онъ поникъ головой и замолчалъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины, всталъ и, сказавъ „нѣтъ, Ѳеодоръ Петровичъ! когда я произнесъ мои поспѣшныя слова, не я о Христѣ позабылъ,—Христосъ меня позабылъ“!.. благословилъ всѣхъ и вышелъ.

Каждую субботу и праздникъ объѣзжалъ Ровинскій разнообразныя московскія тюремныя помѣщенія и тщательно обходилъ пересыльную тюрьму и губернскій замокъ въ сопровожденіи стряпчихъ и секретарей мѣстныхъ—уголовной палаты, магистрата и надворнаго суда, разрѣшая жалобы арестантовъ, пробуя ихъ пищу и тутъ же, на мѣстѣ, наводя справки по дѣламъ и ускоряя послѣднія. Простота въ обращеніи привлекала къ нему всѣхъ, а по отношенію къ должностнымъ лицамъ его настойчивыя просьбы („батюшка! ну, сдѣлайте это для меня,—двиньте вы это дѣло въ личное для меня одолженіе“ говаривалъ вліятельный прокуроръ секретарямъ судовъ) пріобрѣтали характеръ требованій, которыхъ нельзя было не исполнить.

Въ эпоху взяточничества и всякаго темнаго своекорыстія, личность московскаго губернскаго прокурора, всегда скромно и почти бѣдно одѣтаго, вѣчно занятаго живымъ дѣломъ, а не отписками у себя въ камерѣ, все знающаго и „видящаго насквозь“ производила глубокое нравственное впечатлѣніе на окружающихъ. Ему было трудно отказать въ его просьбахъ, его было совѣстно не слушаться, да и „втереть ему очки“ нечего было и думать. Вѣрный завѣтамъ Гааза, Ровинскій съ успѣхомъ продолжаетъ хлопоты о сокращеніи числа лицъ, подвергаемыхъ тягостному бритью половины головы въ предупрежденіе побѣговъ; изъ его записки о тюремныхъ помѣщеніяхъ Московской губерніи, проникнутой человѣчностью, сквозитъ, несмотря на крайнюю скромность автора, рядъ облегчительныхъ мѣръ, предпринятыхъ по его распоряженію съ цѣлью улучшить бытъ арестантовъ, выведя ихъ изъ пагубной праздности и вооруживъ ихъ для послѣдующей жизни хоть какимъ-нибудь практическимъ знаніемъ... Особенное вниманіе обращалъ онъ на „частные дома“ съ ихъ такъ называемыми „съѣзжими“. Тамъ почти постоянно можно было найти арестованныхъ безъ всякаго законнаго основанія; тамъ было мѣсто примѣненія личной расправы съ людьми, отпускаемыми затѣмъ безъ всякаго суда,—тамъ, наконецъ, производилась знаменитая, глубоко вошедшая въ тогдашніе нравы „сѣкуція“. Въ доброе старое время, вспоминаетъ Ровинскій въ „Русскихъ народныхъ картинкахъ“,—„сѣкуція“ производилась въ частныхъ домахъ по утрамъ; части Тверская и Городская, въ Москвѣ, славились своими исполнителями; пороли всѣхъ безъ разбора: и крѣпостному лакею за то, что не накормилъ во-время барыпину собачку, всыплютъ сотню, и расфранченной барышниной камердинершѣ

за то, что баринъ дѣлаетъ ей глазки—и той всыплютъ сотню: барыня-де особенно попросила частнаго, никому не было спуска, да и не спрашивали даже, кто въ чемъ виноватъ,—присланъ поучить, значитъ, и виноватъ—ну, и дери кожу. Хорошее было время: стонъ и крики стояли въ воздухѣ кругомъ часто цѣлое утро: своего рода хижина дяди Тома, да не одна, а цѣлые десятки. Если Городская и Тверская части пріобрѣли себѣ особенную славу по части тѣлесныхъ наказаній, то Басманный частный домъ отличился въ другомъ отношеніи. Тамъ негодующій Ровинскій нашелъ семь, немедленно имъ уничтоженныхъ, подвальныхъ темницъ, куда никогда не проникалъ лучъ свѣта. Онѣ назывались „могилами" и въ нихъ разстраивали себѣ зрѣніе и даже слѣпли (между прочими почетный гражданинъ Соповъ) люди, числившіеся „за приставомъ". Въ другой изъ московскихъ частей непрошенная любознательность губернскаго прокурора открыла спеціальный „клоповникъ" для арестованныхъ со всѣми его необходимыми принадлежностями.

Изданіе давно и страстно ожидаемаго Ровинскимъ положенія объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей, исключительно предназначенныхъ для исполненія слѣдственныхъ обязанностей, и обнародованіе „наказа судебнымъ слѣдователямъ" было важнымъ шагомъ къ возможному, при существованіи старыхъ судовъ, упорядоченію этой части. Являлась возможность сдѣлать призывъ къ молодымъ, еще не испорченнымъ рутиною и соблазнами жизни, людямъ, въ способность которыхъ къ горячему и безкорыстному труду въ то время такъ охотно, такъ любовно вѣрилось... Рѣчь Ровинскаго, сказанная созваннымъ имъ къ себѣ вновь назначеннымъ слѣдователямъ, полна практическихъ замѣчаній и смѣлой критики недавняго еще отношенія законодательства къ обществу, порождавшаго въ послѣднемъ сначала недовѣріе, а потомъ полное равнодушіе,—была своего рода расчетомъ съ начинающимися разлагаться судебными порядками и завѣтомъ для будущаго.

Указывая, что общество только тогда повѣритъ, что подъ вновь придуманными формами не скрываются недостатки прежняго слѣдствія, когда почувствуетъ исключительную пользу отъ новаго учрежденія, Ровинскій сказалъ своимъ слушателямъ: „Большая часть изъ васъ, господа, только-что окончила образованіе. Вы еще не опытны въ дѣлѣ. Но намъ дорога Ваша неопытность. Вы не привыкли еще видѣть въ арестантѣ нѣмую цифру, которую чиновники съ такимъ стараніемъ сбываютъ другъ другу. Для васъ всякое дѣло еще такъ ново и полно

жизни. Опытности вамъ научиться недолго, если вы рѣшитесь вполнѣ отдаться вашему дѣлу.

„Съ вами подѣлятся ею тѣ изъ вашихъ товарищей, которые знакомы со службой. Вы же, въ свою очередь, подѣлитесь съ ними тѣмъ первымъ и дорогимъ жаромъ молодости, съ которымъ такъ спорится всякая работа. Помогайте другъ другу, господа, наблюдайте другъ за другомъ, не дайте упасть только-что начатому дѣлу, *будьте людьми*, господа, *а не чиновниками!* Опирайтесь на законъ, но объясняйте его разумно, съ цѣлью сдѣлать добро и принести пользу. Домогайтесь *одной награды*: добраго мнѣнія общества, которое всегда отличитъ и оцѣнитъ трудъ и способности. Можетъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ служба еще разъ соберетъ насъ вмѣстѣ,—дай Богъ, чтобы тогда вы могли сказать всѣмъ и каждому:

„Что вы служили дѣлу, а не лицамъ.

„Что вы старались дѣлать правду и приносить пользу.

„Что вы были прежде всего людьми, господа, а уже потомъ чиновниками"...

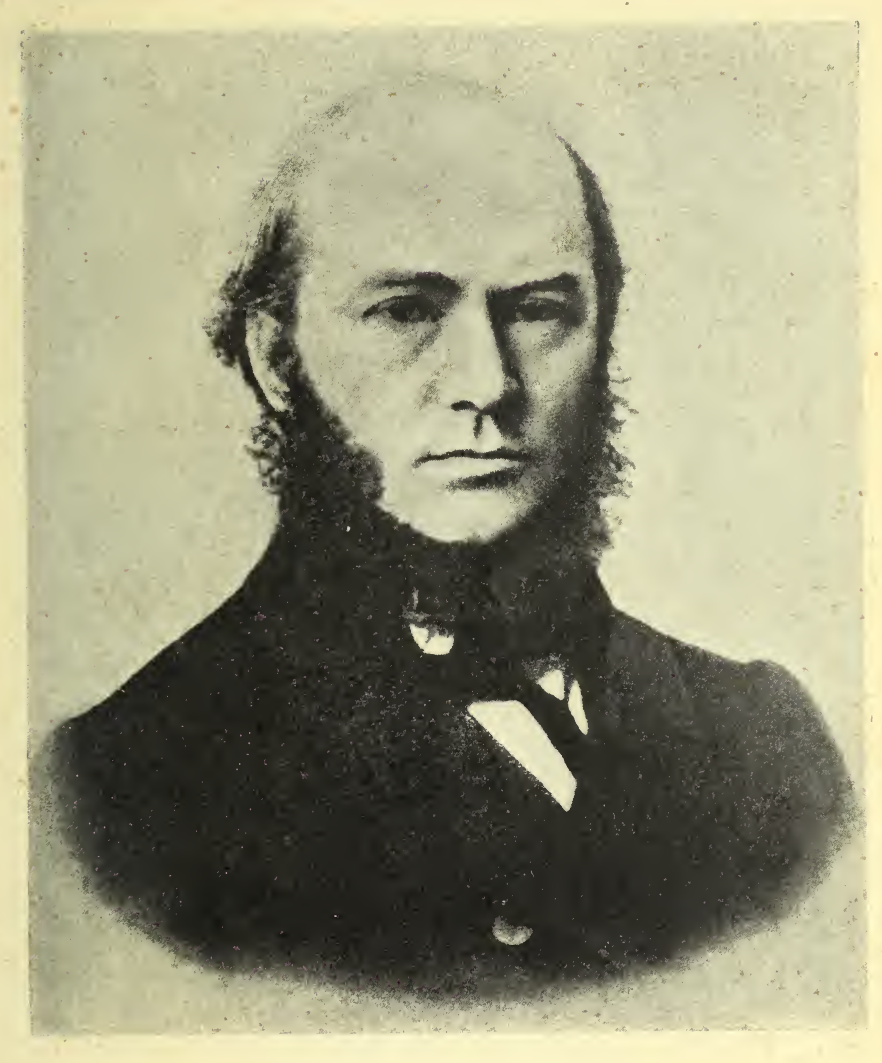
„Какъ въ краткую лѣтнюю сѣверную ночь одна зоря спѣшитъ смѣнить другую, такъ въ незабвенные годы, ознаменованные новымъ царствованіемъ, зорю отмѣны рабства смѣняла зоря настоящаго правдиваго и вмѣстѣ милосерднаго суда. Ее привѣтствовалъ Ровинскій въ своей рѣчи... Эта рѣчь была и лучшимъ и послѣдовательнымъ заключеніемъ его служенія старому суду"...

Большую роль сыгралъ Ровинскій, когда возникъ споръ о возможности введенія въ Россіи суда присяжныхъ. „Ему принадлежитъ огромная заслуга прямой и твердой постановки этого вопроса. Онъ первый изъ лицъ, призванныхъ высказаться относительно судебнаго преобразованія, раньше всѣхъ имѣлъ рѣшимость сказать, что если хотѣть имѣть не впадающій въ рутину судъ по совѣсти, то надо безъ колебаній обратиться къ *учрежденію суда присяжныхъ*. Его труды и заявленія въ этомъ отношеніи имѣютъ одну драгоцѣнную особенность. Возражая противникамъ суда присяжныхъ и развивая свои взгляды, онъ даетъ возможность прослѣдить самый *генезисъ* этихъ взглядовъ, чуждыхъ заимствованій и построенныхъ на знаніи прошлаго русскаго народа, на уваженіи къ его духовнымъ силамъ и довѣріи къ ихъ развитію. Особенно сильнымъ противникомъ суда присяжныхъ былъ, въ своей объяснительной запискѣ, графъ Блудовъ"... „Ровинскій пошелъ въ своихъ возраженіяхъ шагъ за шагомъ по пути, которымъ шелъ Блудовъ. Прежде всего

онъ остановился на непризнаніи за русскимъ народомъ способности со справедливою строгостью смотрѣть на преступленіе. „Чтобы нашъ народъ смотрѣлъ на преступленіе снисходительно и признавалъ преступника *только несчастнымъ*, то предположеніе это,—писалъ Ровинскій въ запискѣ объ устройствѣ уголовнаго суда, противорѣчитъ всѣмъ извѣстному факту, что преступники, пойманные народомъ на самомъ мѣстѣ преступленія, поступаютъ въ руки полиціи не иначе, какъ избитые и изувѣченные. На этомъ основаніи можно бы обвинить народъ скорѣе въ противоположномъ; но и это будетъ несправедливо,—народъ бьетъ пойманнаго преступника просто въ видѣ наказанія, и потому единственно, что не имѣетъ никакого довѣрія *ни къ добросовѣстности полиціи*, которая можетъ замять дѣло, *ни къ правосудію* судей, которые на точномъ основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ могутъ освободить гласнаго преступника отъ всякаго взысканія". „Что народъ смотритъ съ состраданіемъ на преступника, уже наказаннаго плетьми и осужденнаго на каторгу и ссылку, и, забывая все сдѣланное имъ зло, несетъ ему щедрыя подаянія вещами и деньгами — это правда. Что народъ жалѣетъ подсудимыхъ, проживающихъ на основаніи теоріи и уликъ и доказательствъ годы и десятилѣтія, въ явное разореніе своего семейства и государстенной казны—и это правда. За это состраданіе слѣдовало бы скорѣе признать за народомъ *глубокое нравственное достоинство*, нежели обвинять его въ недостаткѣ юридическаго развитія"... „Эти прекрасныя строки, говоритъ А. Ѳ. Кони, проникнутыя искреннимъ чувствомъ, знаніемъ народа и любовью къ нему, полезно было бы вспоминать почаще и въ наше время, пятьдесятъ лѣтъ спустя, когда по поводу какого-нибудь дурно понятаго оправдательнаго приговора, съ легкомысленною поспѣшностью въ обобщеніяхъ, народу ставится кстати въ упрекъ и такое проявленіе его сострадательности, которое даетъ право гордиться за него.

Жизнь Ровинскаго, исполненная вдумчивой наблюдательности и изученія, давала ему фактическія основанія высказывать свой взглядъ на причины такого отношенія народа къ осужденному. Въ его „Русскихъ народныхъ картинкахъ" есть цѣлый рядъ интереснѣйшихъ замѣчаній, посвященныхъ тѣмъ причинамъ, по которымъ въ народѣ вѣками выработалось милосердное отношеніе къ наказанному преступнику и вообще „къ заключенному".

А. Ѳ. Кони подробно разбираетъ и оцѣниваетъ участіе Р. въ



Дмитрій Александровичъ
РОВИНСКІЙ.
Участникъ въ составленіи, Судебныхъ Уставовъ.
Первый Прокуроръ Московской Судебной Палаты.
(1824—1895).

Къ предстоящему 50-ти лѣтію Судебной реформы.

судебной реформѣ и всю его дальнѣйшую плодотворную дѣятельность, дополняя очеркъ прекраснымъ обзоромъ работъ Р. по исторіи графическихъ искусствъ; изъ обзора этого интересно, между прочимъ, привести слѣдующую отмѣтку въ „Подробномъ словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ", о Елисаветѣ Петровнѣ. Представляя рядъ портретовъ граціозной, жизнерадостной и цвѣтущей здоровьемъ императрицы, Ровинскій замѣчаетъ, что рядомъ съ танцами, которые она страстно любила, и французскими нарядами, которыхъ у нея было нѣсколько тысячъ, Елисавета „за стѣнами своего дворца вела настоящую русскую политику", результатомъ которой было обращеніе Кенигсберга въ русскій областной городъ, чеканка въ немъ русской монеты, даже учрежденіе духовной миссіи съ архимандритомъ изъ города Данкова, при чемъ въ 1760 г. былъ составленъ проектъ окончательнаго присоединенія восточной Пруссіи къ Россійской имперіи, на которомъ Елисавета написала 30 апрѣля того же года: „быть по сему", оставивъ за собою право „удобныя средства искать по соглашенію съ республикою Польскою, полюбовнымъ соглашеніемъ и ко взаимному обѣихъ сторонъ удовольствію, сдѣлать о семъ королевствѣ другое опредѣленіе". Смерть императрицы въ 1761 г. и вступленіе на престолъ Петра III, воспитаннаго въ презрѣніи ко всему русскому и въ слѣпомъ поклоненіи Фридриху II, измѣнили все это.

Говоря о появленіи новыхъ судовъ и общественной атмосферѣ того времени, А. Ѳ. Кони вспоминаетъ:

„Тѣ, кто пережилъ это время и первые мѣсяцы, непосредственно за нимъ слѣдовавшіе, не могутъ ихъ забыть. Довѣріе къ своимъ силамъ, свѣтлый взглядъ на будущее, убѣжденіе въ томъ, что введенный порядокъ является образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ, — одушевляло всѣхъ первыхъ дѣятелей новаго суда. Новой дѣятельности были отдаваемы всѣ силы безкорыстно и не безъ личныхъ жертвъ, ибо были люди, оставлявшіе и болѣе обезпеченныя служебныя положенія, чтобы только принадлежать къ судебному вѣдомству. Вице-директоры шли въ члены палаты, губернаторы въ предсѣдатели окружнаго суда. Первое время никто, впрочемъ, и не смотрѣлъ на занятіе новыхъ должностей, какъ на обычную, рядовую службу. Это была дѣятельность, задача, призваніе. Это была первая любовь. Такая любовь существуетъ не только въ личной жизни человѣка, но и въ общественной его жизни; и тутъ и тамъ она, войдя первою въ сердце, послѣднею выходитъ изъ памяти... Это была

первая общественная любовь для многихъ... И какія бы недоумѣнія, испытанія и разочарованія въ себѣ и въ другихъ ни принесла впослѣдствіи жизнь—чувство, одинаково охватившее въ тѣ незабвенные дни и молодого, начинающаго дѣятеля, и человѣка зрѣлаго, призванныхъ къ новой, неизвѣданной и отвѣтственной судебной службѣ,—навѣрное, не забылось ими и издалека свѣтитъ ихъ душѣ и грѣетъ ее...

Современное молодое поколѣніе не извѣдало этого чувства; для него „судебное вѣдомство" есть одно изъ ряда вѣдомствъ, въ двери котораго можно постучаться, вступая въ служебную жизнь, и только. То горделивое увлеченіе, съ которымъ относились тогда новые судебные дѣятели къ своему дѣлу, то иногда преувеличенное мнѣніе, которое они имѣли о значеніи своего служебнаго положенія, вызываютъ теперь, когда яркая пестрота первоначальныхъ красокъ смѣнилась сѣрымъ колоритомъ будничной жизни, невольную улыбку. Но не иронія видится въ ней, а невольное сожалѣніе о томъ, что „тьмы низкихъ истинъ" такъ скоро и прочно смѣнили „насъ возвышающій обманъ"...

Не имѣя возможности передать хотя бы и краткое содержаніе интереснѣйшихъ очерковъ о главномъ изъ творцовъ судебныхъ уставовъ—С. И. Зарудномъ, о Н. И. Стояновскомъ, Н. А. Буцковскомъ, Д. Н. Замятнинѣ и др., статьи о мировыхъ судьяхъ (воспоминанія), о кн. А. И. Урусовъ и Ѳ. Н. Плевако о старомъ и новомъ судѣ въ изображеніи И. Ѳ. Горбунова, мы обратимся теперь къ заключительнымъ строкамъ изъ вновь написаннаго послѣсловія, гдѣ высокочтимый авторъ высказываетъ свой взглядъ на судьбу Судебныхъ Уставовъ.

„Кое-гдѣ въ новые мѣха просочилось старое вино, кое-кто преждевременно устаетъ и утрачиваетъ широту и независимость взглядовъ,—органическая связь между отдѣльными судебными учрежденіями слабѣетъ, рутина то тутъ, то тамъ пытается усѣсться на мѣстѣ живого дѣла, быстрота производства замѣняетъ глубину и достоинство спокойствія, — иногда служеніе призванію уступаетъ стремленію къ служебному повышенію,—чуждая правосудію „злоба дня" просачивается въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ отправленіе послѣдняго, и подчасъ образъ *судебнаго дѣятеля* затемняется образомъ *судейскаго чиновника*.

Судебные Уставы явились своего рода островкомъ среди текущей дѣйствительности съ ними несогласованной,—явились своего рода insula in flumine nata. Ихъ духу и смыслу была противоположна и часто упорно противопоставляема неподвиж-

ная въ своей организаціи, застарѣлыхъ источникахъ и пріемахъ усмотрѣнія администрація,—имъ оставалось чуждо огромное крестьянское населеніе, осужденное на то, что можно назвать самобезсудіемъ, — на нихъ сыпались всякія измѣненія въ мѣропріятіяхъ при политической смутѣ. На этомъ островкѣ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, былъ зажженъ впервые, какъ маякъ огонь настоящаго правосудія. Но когда наступили тяжелыя времена, и волны вражды и вольнаго и невольнаго невѣжества стали заливать берега этого островка, отрывая отъ него кусокъ за кускомъ, съ него стали повторяться случаи бѣгства на болѣе спокойный, удобный и выгодный старый материкъ, а число тѣхъ, кто съ прежней вѣрой, но съ колеблющеюся надеждой, поддерживалъ огонь и проливаемый имъ свѣтъ, загораживая его собою отъ вѣтра, стало замѣтно уменьшаться. Для нихъ, вслѣдствіе пагубнаго незнанія миѳологіи, Ѳемида была, какъ выразился Спасовичъ, „Афродитой, вышедшей изъ пѣны морской". Но, несмотря на то, что враги и ложные друзья исказили ея чарующій образъ, и что ея станъ согнулся, чистое чело покрылось морщинами, и здоровый цвѣтъ лица смѣнился чахоточнымъ румянцемъ, это меньшинство оставалось ей вѣрнымъ, потому что и въ частной и общественной жизни первая любовь, вошедшая въ сердце, послѣднею выходитъ изъ памяти. Въ послѣднія десятилѣтія намѣченные первоначально типы судебныхъ дѣятелей блѣднѣютъ и искажаются, и за ихъ чертами, уже не ясными, виднѣются другія черты, чуждыя идеалу отцовъ Судебныхъ Уставовъ, часто неудачно заимствованныя отъ худшихъ чужеземныхъ образцовъ, несвойственныхъ природѣ русскаго человѣка.

Встрѣчаются случаи, когда съ предсѣдательскаго мѣста раздаются властныя замѣчанія и заявленія, нежелательныя даже въ устахъ представителей состязующихся сторонъ; когда государственные обвинители, забывая начертанную уставами роль *говорящаго судьи*, замѣняютъ спокойствіе доводовъ нервною страстностью и, искажая свою задачу, не брезгаютъ недостойными своего званія выходками противъ подсудимыхъ и свидѣтелей, обращая обвиненіе не въ служеніе самодовлѣющей *цѣли* правосудія, а въ *средство* постороннихъ послѣднему соображеній. Не менѣе печальныя явленія замѣчаются и въ адвокатурѣ, гдѣ встрѣчаются случаи, когда нравственное чувство лучшей части общества со справедливой тревогой вынуждено осуждать пріемы уголовной защиты, направленные къ тому, чтобы защиту преступника обратить въ защиту *преступленія*, при чемъ потер-

пѣвшаго и виновнаго, искусно извращая нравственную перспективу дѣла, заставляютъ помѣняться ролями. Такую тревогу и сопряженное съ нею уже несправедливое обобщеніе вызываютъ и тѣ случаи, когда широко оплаченная ораторская помощь отдается въ пользованіе притѣснителю беззащитныхъ, развратителю невинныхъ и расхитителю чужихъ сбереженій, или когда дѣйствительные интересы обвиняемаго приносятся въ жертву эгоистическому желанію возбудить шумное вниманіе къ *своему* имени.

Будущее Судебныхъ Уставовъ зависитъ не только отъ правомѣрной дѣятельности органовъ и охранителей правосудія отъ высшихъ и до низшихъ, но и въ отношеніи къ своимъ нравственнымъ обязанностямъ тѣхъ, кто будетъ посвящать себя судебной дѣятельности въ ея различныхъ проявленіяхъ. Имъ слѣдуетъ помнить о необходимости обезпечить себѣ въ будущемъ свѣтлыя минуты душевнаго удовлетворенія. Онѣ бываютъ тогда, когда на закатѣ своей трудовой жизни, вспоминая отдѣльные ея эпизоды, судебный дѣятель имѣетъ возможность сказать себѣ, что ни голосъ страсти, ни постороннія вліянія, ни личныя соображенія, ни шумъ и гулъ общественнаго возбужденія—ничто не заглушало въ немъ сокровеннаго голоса совѣсти, не измѣняло его *искренняго* убѣжденія и не свело его съ указаннаго Судебными Уставами пути дѣйствительнаго правосудія.

Вотъ почему настоящая книга посвящена *молодымъ судебнымъ дѣятелямъ*. Въ нихъ, во *внукахъ*, такъ хочется видѣть людей, которые проникнутся завѣтами *отцовъ* и примѣромъ *дѣтей*"...

По поводу невольныхъ сожалѣній автора можно вспомнить его же слова изъ другого мѣста той же книги, гдѣ, говоря о возведеніи величаваго зданія Судебныхъ Уставовъ, онъ выражается слѣдующими вдохновенными словами:

„Когда оно воздвигалось — скороспѣлые и невѣжественные порицатели стали находить, что въ новый храмъ правосудія внесены чуждыя прежнему культу изображенія иновѣрныхъ божествъ. Да, это такъ... Эти божества назывались — равноправностью, уваженіемъ къ человѣческому достоинству, гласностью, открытою защитой, независимостью судей и т. д. Такъ было и въ римскомъ Пантеонѣ. И его гармоническія мраморныя стѣны принимали въ свои нѣдра изображенія, свойственныя чуждымъ суровому Риму культамъ, и къ этимъ стѣнамъ, искажая ихъ классическую красоту, пристраивались впослѣд-

ствіи рѣжущія глазъ башенки... Но ихъ потомъ сняли, и чудный куполъ, съ яркимъ круглымъ отверстіемъ въ синее небо, по-прежнему наполняетъ душу вошедшаго благодарнымъ восхищеніемъ предъ строителемъ храма. То же будетъ и со зданіемъ Судебныхъ Уставовъ, пока основныя ихъ начала будутъ неприкосновенны. Пускай внутри зданія, за время его существованія, кое-что передвинуто и сломано, а внѣ его—кое-что и пристроено—оно все еще хранитъ въ себѣ глубокую мысль строителя и черезъ его куполъ, сведенный надъ его основами, все еще свѣтитъ голубое небо высокихъ идеаловъ"!.. Что касается *внуковъ*, то молодому поколѣнію остается точно также привести А. Ѳ. Кони его же надежды, высказанныя въ другомъ мѣстѣ. „Провидѣніе ведетъ нашу родину дорогою тяжелыхъ испытаній, но пути къ проявленію силъ и способностей по немногу все-таки расширяются. Поэтому должны, не могутъ не явиться новые ихъ носители! Они *были*, и хочется думать, что Тургеневскій Уваръ Ивановичъ, поигравъ перстами и задумчиво поглядѣвъ вдаль, скажетъ еще разъ: „*будутъ*"!

Мы назвали нашу замѣтку „завѣтами молодому поколѣнію"; это потому, что книга эта нужна не только молодымъ „судебнымъ" дѣятелямъ. Она нужна всѣмъ, кому дорога наша общественная жизнь, ея нравственное и духовное развитіе.

В. Я.

Въ чужой странѣ [1]).

После „умилительной“ сцены мы не замедлили выпить по второй, а потомъ и по третьей; хотѣли выпить и по четвертой, но я чувствовалъ уже, что съ холода напитокъ началъ уже оказывать на мнѣ свое дѣйствіе, на душѣ стало какъ-то веселѣе; люди начали казаться всѣ такими добрыми и хорошими: Чанъ-фу преобразился въ моихъ глазахъ въ преданнѣйшаго мнѣ человѣка, готоваго положить свой китайскій животъ въ пользу моихъ русскихъ интересовъ; „малъ-мало земля копай“ вдругъ превратился изъ гордаго и несообщительнаго человѣка въ человѣка угнетеннаго житейскими невзгодами и потому мрачнаго и печальнаго; „писарь начальникъ“ въ красавца мужчину; его колоссальный носъ—въ какое-то чудное по своей красотѣ мраморное изваяніе, а толстыя, мясистыя губы — въ два пунцовыхъ бутона, полныхъ свѣжести и красоты. „Шарообразный юноша“,—изъ обыкновеннаго прислуживающаго за столомъ человѣка, преобразился въ какого-то добраго генія, который напрягаетъ всѣ свои силы къ тому, чтобы всѣмъ намъ дать столько добра, сколько каждый изъ насъ вмѣстить можетъ; въ его рукахъ уже не металлическій кувшинчикъ, а рогъ изобилія, изъ котораго онъ намъ будетъ подливать свой живительный нектаръ. Такъ мало-по-малу всѣ мы начали приходить въ нѣкоторое возбужденіе отъ этого, живительнаго нектара;—возбужденіе, выразившееся прежде всего тѣмъ, что у всѣхъ насъ слегка покраснѣли носы, зарумянились щеки и въ глазахъ начали свѣтиться какія-то особенныя искорки. Признаюсь, что мнѣ не хотѣлось, чтобы такое умиротворенное состояніе замѣнилось бы какимъ-либо инымъ, ничего общаго съ нимъ не имѣющимъ, а потому я и рѣшилъ

[1]) См. „Русск. Стар.“, октябрь 1914 г.

не воспринимать больше этого „живительнаго нектара" и ограничился поглощеннымъ уже количествомъ, но фудутунъ и слышать не хотѣлъ объ такомъ ограниченіи и только послѣ оживленныхъ по этому поводу преній разрѣшилъ замѣнить этотъ нектаръ болѣе слабымъ напиткомъ—въ видѣ бѣлаго китайскаго вина. Вино это цвѣтомъ совершенно походило на бѣлое крымское вино, но на вкусъ оно очень кисло и, чтобы уничтожить эту чрезмѣрную кислоту, оно пьется въ подогрѣтомъ видѣ и съ китайскимъ сахаромъ, напоминающимъ собою нашъ такъ называемый, постный сахаръ. Я забылъ упомянуть, что та водка, которую мы только-что пили (суля или хопъ-шикъ) пьется также въ подогрѣтомъ видѣ. Приходилось слышать отъ многихъ, что эта суля представляетъ собою нѣчто отвратительное, какъ по вкусу, такъ и по запаху; ничего подобнаго. Я никогда не замѣчалъ (положимъ, что и вкусы-то вѣдь разные бываютъ) и по-моему суля въ общемъ все же недурное средство для поддержанія въ организмѣ утраченныхъ силъ и энергіи. Конечно, если злоупотреблять этимъ напиткомъ и пить его въ неумѣренномъ количествѣ, то организмъ человѣка скорѣе подвергнется всѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ отъ отравленія алкоголемъ, такъ какъ процентное содержаніе этого вещества—въ сулѣ значительно превыситъ процентъ спирта въ водкѣ, къ тому же и сивушное масло, котораго въ сулѣ, повидимому, не мало, не можетъ быть полезно для организма; но если принимать этотъ напитокъ въ маломъ количествѣ, то дѣйствіе, имъ причиняемое, не производитъ никакого особеннаго и замѣтнаго вреда организму; выпитая на морозѣ, суля быстро подбадриваетъ и согрѣваетъ человѣка. Китайцы почти всѣ пьютъ эту сулю и пьютъ ее изъ очень маленькихъ фарфоровыхъ чашечекъ вмѣстимостью не больше половины маленькой рюмки и за все время моего пребыванія въ Китаѣ—мнѣ не пришлось наблюдать не только ни одного пьянаго, но даже и захмѣлѣвшаго человѣка, и лишь только солдаты позволяютъ себѣ излишества въ этомъ отношеніи, что происходитъ, надо полагать, потому, что въ солдаты, насколько извѣстно, поступаетъ самый неблагонадежный элементъ населенія—элементъ, къ которому масса народная относится не совсѣмъ доброжелательно.

Продолжая закусывать, я рѣшилъ отвѣдать понемногу всего, что стояло на столѣ, тѣмъ болѣе, что послѣ усиленнаго моціона и долгаго пребыванія на холодѣ разъигравшійся аппетитъ требовалъ значительнаго количества пищи;—да и всѣ сидящіе

за столомъ видимо проголодались, потому что въ воздухѣ неустанно мелькали палочки, которыя, ловко забирая изрядныя порціи съ разныхъ блюдъ, совершали безпрестанныя путешествія отъ этихъ блюдъ ко ртамъ и обратно. — Моя ложка каждый разъ предупредительно нагружалась всевозможными яствами любезнымъ хозяиномъ и всѣми гостями. — Чанъ-фу также улавливалъ иногда моменты и успѣвалъ помѣстить въ ложку какой-нибудь кусочекъ и хотя всѣ эти куски были и неособенно пріятно жевать послѣ того, какъ ихъ держали замусоленными палочками, но приходилось смириться съ этими пустяками и отбрасывать въ сторону всякую брезгливость. Все, что я пробовалъ, казалось мнѣ необычайно вкуснымъ и дѣйствительно все было очень вкусно и пикантно. Шарообразный юноша частенько наполнялъ наши чашечки теплымъ виномъ, и мы пили, увѣряя другъ друга во взаимной дружбѣ и симпатіяхъ — и мнѣ казалось, что въ данный моментъ всѣ эти увѣренія были совершенно искренни, какъ это всегда бываетъ за стаканомъ вина, когда всѣ пріобрѣтаютъ способность вѣрить всему тому, что имъ говорятъ и что сами они говорятъ. Фудутунъ совершенно откровенно началъ увѣрять меня въ томъ, что онъ не придаетъ никакого значенія всѣмъ тѣмъ вздорнымъ слухамъ, которые циркулируютъ въ народѣ о томъ, что будто бы русскіе помогаютъ японцамъ, и въ это время онъ дѣйствительно вѣрилъ въ то, что говорилъ. „Она говоли, что худой человѣкъ болтай—русски. Японски помогай; она умна, холоса человѣкъ; худой человѣкъ худой скажи:—наша Фудутунъ шипко его ругай есть"—говорилъ Чанъ-фу, передѣлывая почему-то Фудутуна въ женщину, на что послѣдній улыбался и добродушно кивалъ головой, какъ-бы соглашаясь на подобную метаморфозу.

Когда всѣ закуски были уничтожены, то начался и самый обѣдъ, состоявшій изъ нѣскольскихъ десятковъ вкусно приготовленныхъ блюдъ. Все это были различные супа и соусы, подаваемые въ очень небольшихъ количествахъ, благодаря чему и являлась возможность ознакомиться почти съ каждымъ изъ этихъ блюдъ. Нѣтъ возможности, конечно, перечислить произведенія китайской стряпни, да это, полагаю, было бы и излишнимъ. Когда пишутъ рецензію о художественныхъ выставкахъ, то перечисляютъ только выдающіяся произведенія кисти, о прочихъ же говорятъ только вскользь; такъ и въ данномъ случаѣ: упомянемъ о такихъ произведеніяхъ кулинарнаго искусства, которыя могутъ быть названы выдающимися.

Вотъ появляется на столѣ въ небольшой металлической мисочкѣ нѣчто съѣдобное. Снимается покрывавшая мисочку крышка, и изъ миски клубомъ валитъ ароматный паръ и уже по одному этому аромату можно убѣдиться во вкусовыхъ достоинствахъ содержимаго, каковое и оказывается супомъ изъ трепанговъ. Не подумайте, что это какая-нибудь отвратительная гадость, которую и въ ротъ взять противно;—нѣтъ, вы попробуйте и восчувствуете тогда, что такое этотъ трепанговый супъ;—вы ощутите прекрасный вкусъ его крѣпкаго—ароматнаго бульона и увидите самыхъ трепанговъ, которые нарѣзаны мелкими кусочками и плаваютъ въ бульонѣ. Правда, некрасивы и отвратительны эти трепанги, если наблюдать ихъ въ ихъ естественномъ видѣ — это большіе морскіе черви, достигающіе четверти и даже болѣе въ длину — вся поверхность ихъ мягкаго, склизкаго тѣла покрыта какими-то остроконечными бородавками, что и дѣлаетъ внѣшность безобразной и весьма неказистой. Но эти мягкотѣлые употребляются въ пищу въ засушенномъ видѣ, при чемъ ихъ предварительно распластываютъ на четыре части вдоль тѣла и затѣмъ эти части сушатъ. Для приготовленія же супа эти куски еще разрѣзаются на кусочки и варятся съ разными корнями и специями. Само по себѣ трепанги особаго вкуса не имѣютъ и напоминаютъ собою мягкій хрящъ. Вотъ въ слѣдъ за этимъ супомъ въ такомъ же сосудѣ вносится „ласточкино гнѣздо", которое плаваетъ въ какомъ-то жидкомъ и вкусномъ содержимомъ. Гнѣздо напоминаетъ собою вермишель, но только волокна ея студенисты и полупрозрачны: особеннымъ вкусомъ они не отличаются и скорѣе ихъ можно назвать даже безвкусными. Какъ трепанги, такъ въ особенности ласточкины гнѣзда считаются едва-ли не самымъ лакомымъ блюдомъ у китайцевъ и фигурируютъ на съѣздахъ только у зажиточныхъ людей. Подавались еще горячія блюда изъ обыкновенной капусты и изъ морской капусты, и эти блюда имѣли много общаго съ нашими капустными супами; и къ нимъ подавались очень маленькіе пирожки, — всѣ пропитанные какимъ-то жиромъ—такъ что возьмешь такой пирожекъ въ ротъ, а онъ уже и растаялъ и нѣтъ его. „Петръ Петровичъ Пѣтуховъ" навѣрно бы скушалъ сотни двѣ такихъ пирожковъ и этимъ бы только заложилъ фундаментъ передъ своей знаменитой кулебякой и прочими достопримѣчательностями своей стряпни. Много, много подавалось вкуснаго и хорошаго, и все было замѣчательно, чисто приготовлено и подано. Вообще китайцы могутъ смѣло гордиться своимъ кулинарнымъ искусствомъ и той чистотою,

каковая царитъ въ китайской кухнѣ; полагаю, что не будетъ нескромнымъ выразить при этомъ пожеланіе многимъ нашимъ хозяйкамъ стараться въ этомъ отношеніи хотя бы немного подражать китайцамъ. Наши кухарки да и повара также по большей части грязны и чумазы и почему-то не имѣютъ обыкновеніе совершать омовенія своихъ рукъ во время стряпни: Сойдетъ, молъ, и такъ. Китаецъ же поваръ, какъ кажется, болѣе добросовѣстенъ въ этомъ отношеніи. Всѣ подаваемыя жидкія и горячія кушанья уничтожались непосредственно изъ сосуда, ихъ заключающаго. Предварительно обѣдающіе вылавливали изъ супа всѣ тѣ вещества, которыя можно было взять палочками, бульонъ же или соусъ каждый наливалъ въ свою чашечку и выпивалъ ее черезъ край, помогая при этомъ иногда палочками. Чашки и вообще всѣ приборы ни разу не мѣнялись въ теченіе всего обѣда—такъ что изъ одной и той же чашки приходилось ѣсть всѣ кушанья, и это послѣднее обстоятельство, внѣ всякаго сомнѣнія, должно смущать непривычныхъ къ этому людей.

Въ концѣ обѣда на столѣ появился сосудъ особаго устройства и въ общемъ осуществляющій собою идею нашего самовара. Сосудъ этотъ состоялъ изъ металлическаго, имѣющаго до двухъ вершковъ въ діаметрѣ полнаго цилиндра, къ окружности котораго приспособлена широкая и глубокая чаша, закрываемая сверху крышкой. Въ цилиндрѣ были наложены горячіе угли, а чаша почти до краевъ была наполнена водою, которая уже кипѣла ключемъ, когда сосудъ этотъ былъ водворенъ на столѣ. Вслѣдъ за появленіемъ этого сосуда на столѣ появилось множество тарелочекъ, съ тонко и изящно нарѣзанными ломтиками разныхъ сортовъ сырого мяса; тутъ было мясо фазана, курицы, индейки, дикаго козла (гурана) изюбря — и прочей разной дичи, при этомъ была подана на особыхъ тарелочкахъ разнаго сорта зелень. И вотъ когда тарелочки съ мясомъ и съ зеленью были установлены живописной группой вокругъ самаго самовара, сидящіе за столомъ начали своими палочками опускать ломтики мяса въ кипятокъ, добавляя туда и зелени.—Не проходило и двухъ минутъ, какъ тоненькіе ломтики обваривались и затѣмъ извлекались изъ воды и уничтожались, а имъ на смѣну сейчасъ же подкладывались все новые и новые ломтики, и присутствующіе расправлялись съ ними съ удивительнымъ усердіемъ. Надо было удивляться—откуда у этихъ людей, поглотившихъ передъ этимъ изрядное количество пищевыхъ продуктовъ, могъ оказаться

запасъ аппетита, дающаго имъ возможность продолжать это поглощеніе. Что касается до меня, то я, проглотивъ одинъ ломтикъ такого мяса и найдя, его очень вкуснымъ, пришелъ къ заключенію, что этотъ ломтикъ былъ тѣмъ послѣднимъ человѣкомъ, котораго пропускаютъ въ биткомъ набитое помѣщеніе какого-нибудь масленичнаго балагана. Нельзя, нельзя, господа, не напирайте, прошу васъ, говоритъ стоящій у двери привратникъ: мѣста нѣтъ больше, и вслѣдъ за этимъ затворяются двери и больше никого въ балаганъ не пускаютъ. — Я могъ только сидѣть, смотрѣть и удивляться. Китайцы иногда цѣлые часы проводятъ вокругъ такого самовара, курятъ при этомъ свои трубки, ведутъ оживленную бесѣду и затѣваютъ свои любимыя застольныя игры, которыя еще болѣе сближаютъ между собою обѣдающихъ и устанавливаютъ между ними совершенно простыя и не натянутыя отношенія, они вообще большіе любители и мастера хорошо покупать и, зная толкъ въ гастрономіи, они знаютъ и понимаютъ, такъ сказать, психологію ѣды, они знаютъ, что пріятное и веселое настроеніе способствуетъ и хорошему пищеваренію, и въ силу этого стараются о поддержаніи за столомъ самой непринужденной искренней веселости, чего и достигаютъ вполнѣ. И теперь за этимъ обѣдомъ и въ особенности за этимъ „самоваромъ“ эта непринужденная веселость проявилась въ полной мѣрѣ, и всѣ, не исключая даже мрачнаго „малъ-мало земля копай“, забыли, быть можетъ, хотя въ теченіе этихъ немногихъ часовъ, всѣ невзгоды житейскія и сознали, что всѣ они братья между собою, связанные одними общими стремленіями ко всему доброму и хорошему.

Хозяинъ предложилъ начать игры, и гости конечно охотно на это согласились.

Игры за столомъ бываютъ самыя разнообразныя, но самая общеупотребительная игра ведется на пальцахъ, и состоитъ она въ слѣдующемъ: одинъ изъ игроковъ назначаетъ себѣ всѣ четныя числа въ первомъ десяткѣ, а другой всѣ нечетныя. Условившись такимъ образомъ, игроки выставляютъ другъ передъ другомъ кулаки правыхъ рукъ и начинаютъ сосредоточенно смотрѣть другъ другу въ глаза. Потомъ они одновременно встряхиваютъ руками и, разжимая при этомъ нѣкоторые пальцы, громко выкрикиваютъ число показываемыхъ пальцевъ. Если общая сумма дастъ четъ, то пьетъ штрафъ взявшій себѣ нечетныя цифры, а если нечетъ, то наоборотъ. Выкрикивая число разжатыхъ пальцевъ, игроки выкриваютъ при этомъ иногда

остроумныя и возбуждающія общій смѣхъ импровизаціи, или же высказываютъ при этомъ другъ другу хорошія пожеланія. Мнѣ говорили, что при этомъ между игроками очень не рѣдко встрѣчаются такіе импровизаторы, которые говорятъ свои импровизаціи стихами, возбуждая общій интересъ въ публикѣ. Проигравшаго, принужденнаго выпить штрафъ, награждаютъ громкимъ добродушнымъ смѣхомъ, и онъ самъ смѣется отъ души, выпиваетъ, дѣлаетъ угрожающіе жесты своему партнеру, — снова проигрываетъ и снова выпиваетъ при общемъ истерическомъ хохотѣ. Смѣются даже люди, прислуживающіе за столомъ, и всѣмъ хорошо и весело. Другая игра ведется при помощи зажженной бумажки: кто-либо зажигаетъ клочекъ бумаги и старается какъ можно скорѣе передать ее сосѣду, — тотъ передаетъ ее слѣдующему и т. д. — до тѣхъ поръ, пока бумага окончательно не сгоритъ, и тотъ, въ чьихъ рукахъ она догорѣла, пьетъ штрафъ, при общихъ аплодисментахъ и взрывѣ хохота. Играютъ также въ кости и на орѣхи, — на четъ и нечетъ, и проигравшіе всегда аккуратно выпиваютъ свои штрафы изъ маленькихъ чашечекъ.

Былъ уже поздній вечеръ, когда мы встали изъ-за стола въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Фудутунъ, простившись съ гостями, пошелъ со мною въ отведенное для меня помѣщеніе, состоящее изъ одной комнаты съ обыкновенными теплыми нарами и съ неизмѣнной жаровней. Чанъ-фу также помѣстился въ этой же комнатѣ. Вслѣдъ за нами былъ внесенъ чай и разныя бисквитныя печенья, и фудутунъ, отпивая маленькими глотками горячую жидкость, бесѣдовалъ про войну съ японцами и жаловался съ тоскою въ голосѣ на тѣ неудачи, которыя терпѣли китайцы въ этой несчастной войнѣ. Но мало-по-малу, въ голосѣ его начали звучать какія-то особыя нотки, выражающія собою какъ-бы надежду на лучшее будущее. Онъ говорилъ, что „ихъ царь“ низачто не согласится кончить эту войну миромъ; хоть 10 лѣтъ придется воевать—онъ не отступится отъ своего твердаго намѣренія и будетъ воевать (съ чѣмъ же, съ какими средствами, подумалъ я при этомъ), такъ какъ солдатъ у него столько, „сколько маковыхъ зеренъ въ 10 пудахъ мака“; говорилъ, что имъ получены утѣшительныя уже извѣстія, подающія нѣкоторыя надежды на перевѣсъ въ будущемъ счастія на сторону китайцевъ, и что у японцевъ будто бы нѣтъ уже денегъ на то, чтобы продолжать войну, что они напрягаютъ уже послѣднія силы и что „ихъ царь“ рѣшилъ продать даже 10 какихъ-то городовъ англичанамъ („англи-

чанка"), дабы на вырученныя деньги возможно было продолжать войну. Откуда до него могли дойти подобныя басни? Всего вѣроятнѣе, что все это были или отголоски народной молвы, или же, просто „баснописцемъ" въ данномъ случаѣ былъ мой злополучный Чанъ-фу, который, надо правду сказать: изрядно таки „нагрузился" и, пребывая въ какомъ-то осовѣломъ полусознаніи, былъ способенъ къ бреду и къ бреднямъ.

Такимъ образомъ мы провели съ часъ времени, и послѣ этого фудутунъ, пожелавъ мнѣ покойной ночи, удалился. Чанъ-фу моментально же послѣ этого разоблачился и, покрывшись своей теплой шубой, пустилъ носомъ какую-то музыкальную руладу и тѣмъ возвѣстилъ, что онъ уже находится „въ объятіяхъ Морфея".

Ко мнѣ пришелъ урядникъ Дементьевъ и доложилъ, что ихъ помѣстили въ казармѣ вмѣстѣ съ солдатами; „однако, хорошо накормили" и что въ общемъ, слава Богу, все обстоитъ благополучно. Услышавъ эту радостную вѣсть, я рѣшилъ, что и мнѣ ничего больше не остается дѣлать, какъ лечь и постараться уснуть, хотя надежда на это, по правдѣ говоря, была плохая, слишкомъ уже много было воспринято новыхъ впечатлѣній, которыя обыкновенно не способствуютъ къ поддержанію спокойствія. И дѣйствительно: помню, что долго мнѣ не удавалось уснуть, и я въ темнотѣ ворчался съ боку на бокъ и завидовалъ Чанъ-фу, который несомнѣнно проводилъ время болѣе цѣлесообразно, нежели это удавалось мнѣ. Я слышалъ, какъ уже поздно вечеромъ заиграли на какихъ-то трубахъ зорю; трубамъ этимъ вторили въ разныхъ концахъ города барабаны, и всѣ эти разнообразные звуки, слившись въ какую-то дикую и нестройную какофонію, покрывались звукомъ, исходящимъ отъ равномѣрныхъ ударовъ въ какой-то, надо полагать, очень большой барабанъ,—слышно было, что въ этотъ барабанъ ударяли гдѣ-то по близости и онъ звучалъ мрачно и глухо. Потомъ раздался пушечный выстрѣлъ, и моментально вслѣдъ за этимъ замолкла вся эта дикая какофонія, замолкъ и барабанъ, и настала тишина, нарушаемая только поколачиваніемъ ночного сторожа въ колотушку. Порою мнѣ начинало казаться, что я нахожусь среди какого-то необъятнаго, совершенно темнаго пространства,—въ дали отъ всего живого, и лишь только рулады, пускаемыя Чанъ-фу, да колотушка сторожа пробуждали меня къ дѣйствительности; потомъ, помню, за стѣной раздались голоса людей, которые о чемъ-то начали спорить; слышался смѣхъ и разговоры, и мнѣ показалось страннымъ,

почему эти голоса такъ какъ-то сразу начали звучать: то молчали и не было ничего слышно,—то вдругъ сразу начался шумъ.—Должно-быть солдаты, подумалъ я: ходили къ зорѣ. а теперь вернулись въ казарму и балагурятъ.—Такъ подъ ихъ болтовню я и уснулъ.

Утромъ я былъ разбуженъ такими же дикими и нестройными звуками, которые, помню, не сразу привели меня въ сознаніе. Я началъ какъ-то смутно слышать эти звуки, не отдавая себѣ отчета—откуда они исходятъ, и вдругъ сразу вздрогнулъ и проснулся. Въ воздухѣ еще какъ бы звучалъ гулъ отъ какого-то мощнаго звука, который и привелъ меня въ сознаніе: это опять пушки, подумалъ я: утреннюю зорю, значитъ, играли. И дѣйствительно то была утренняя зоря. Было 8 часовъ, и солнце бросало свой свѣтлый лучъ черезъ стекло, вставленное въ оконный переплетъ. Было холодно. Чанъ-фу попрежнему продолжалъ сопѣть и хрипѣть на разные лады. За ночь онъ какъ-бы усовершенствовался въ этомъ упражненіи, и теперь рулады, имъ пускаемыя, были просто артистичны.—То свищетъ, то пускаетъ трели, то пыхтитъ, какъ паровозъ, то играетъ на свирѣли его чудо-юдо носъ. Пушечный выстрѣлъ даже не возвратилъ его къ той жалкой и прозаичной обыденности, которая называется у насъ жизнью, и онъ все еще виталъ въ сферѣ „волшебныхъ" мелодій и трелей. Наконецъ, обуреваемый сквернымъ чувствомъ зависти къ человѣку, слишкомъ долго испытывающему наслажденія, я толкнулъ его въ бокъ и этимъ вывелъ его изъ міра грезъ и фантазій, хотя и не сразу. Я увидѣлъ, какъ послѣ этого толчка начала приподниматься та часть шубы, которая приходилась надъ головой, и наконецъ узрѣлъ и самую эту голову, по выраженію глазъ которой прямо можно было заключить, что она пока еще не вмѣняема. Вскорѣ изъ-подъ шубы вынырнули двѣ руки, которыя тутъ же и занялись протираніемъ глазъ, послѣ чего эти послѣдніе приняли нѣсколько болѣе осмысленное выраженіе, показывая тѣмъ, что и голова, мало-по-малу, возвращается къ сознанію. Руки, покончивъ съ глазами, снова исчезли подъ шубой, но вмѣсто нихъ ротъ началъ напоминать о своемъ существованіи и показывать, насколько широко онъ можетъ быть раскрытъ при процессѣ зѣванія. Покончивъ съ протираніями и зѣваніями, выполнивъ неизбѣжный при подобныхъ обстоятельствахъ процессъ потягиванія и вообще продѣлавъ все то, что продѣлываетъ каждый благонамѣренный человѣкъ при пробужденіи,—Чанъ-фу окончательно пришелъ въ себя и

началъ одѣваться. Въ комнатѣ появился молодой человѣкъ — высокій, стройный съ пріятной, привѣтливой физіономіей, и Чанъ-фу, быстро сообразивъ, что этотъ юноша получилъ назначеніе быть прислужникомъ, началъ сразу, что называется, фордыбачить и разыгрывать изъ себя барина, имѣющаго своего слугу и могущаго имъ повелѣвать. Прежде всего онъ приказалъ молодому человѣку подать воды для умыванія. Приказаніе его было тотчасъ же выполнено съ полнѣйшей охотой и предупредительностью, и молодой человѣкъ принесъ тазикъ, наполненный водой, отъ которой клубился паръ. Опустивъ въ эту воду палецъ, я убѣдился, что она была нагрѣта приблизительно градусовъ до 50 по Реомюру. Молодой человѣкъ улыбнулся мнѣ, желая какъ-бы сказать этой улыбкою: „у насъ всегда умываются такой теплой водой", и дѣйствительно впослѣдствіи я убѣдился, что китайцы изъ простонародія, да вѣроятно и интеллигентные тоже, всегда умываются теплой водой, при чемъ процессъ умыванія очень простъ: умывающійся садится на корточки передъ чашкой, наполненной такой теплой водой, и полощетъ въ ней безъ мыла свои руки, и когда вода сдѣлается черной отъ смытой съ рукъ грязи, то этой же водой обмывается лицо и выполаскивается ротъ. То же самое воспроизвелъ теперь и Чанъ-фу—и, покончивъ съ умываніемъ, онъ выразилъ желаніе привести въ порядокъ свою шевелюру, для чего потребовалось уже содѣйствіе парикмахера. Кутить такъ кутить, думалъ онъ, вѣроятно, отдавая приказаніе молодому человѣку о томъ, чтобы онъ привелъ сюда парикмахера. Молодой человѣкъ, съ полнымъ желаніемъ услужить, бросился исполнять приказаніе импровизированнаго барина, и черезъ 10 минутъ „парикмахеръ" былъ на-лицо. Этотъ парикмахеръ, который теперь предсталъ передъ нами въ почтительной позѣ, имѣлъ конечно очень мало общаго съ тѣми похожими на конфектныя картинки юношами, которые умѣютъ производить своими ножницами такія же чириканья на головѣ стригомаго субъекта, какія производитъ веселая стая воробьевъ, добывая себѣ пропитаніе изъ навозной кучи. Нѣтъ, представшій передъ нами субъектъ не умѣлъ „чирикать" по-воробьиному и главнымъ образомъ потому, что съ нимъ даже не было необходимыхъ для этого чириканья ножницъ. Это былъ обыкновенный, одѣтый въ синюю дабу манза, грязный, бѣдный и повидимому очень меланхоличный; лобъ его былъ покрытъ отросшей и давно не бритой щетиной, при взглядѣ на которую, невольно припомнилось, что сапожникъ очень часто бываетъ безъ сапогъ,

портной безъ панталонъ и т. п.; на спинѣ у него болталась тоненькая и коротенькая косичка, въ которую, для ея удлиненія, былъ вплетенъ шнурокъ, служившій ея продолженіемъ. Въ доказательство того, что его трудъ былъ сопряженъ съ неустаннымъ хожденіемъ по грязи и навозу, онъ принесъ на своихъ ногахъ эти „элементы“ и разбросалъ ихъ въ живописномъ безпорядкѣ по полу. Кромѣ этихъ элементовъ онъ принесъ на бамбуковомъ коромыслѣ два небольшихъ шкапчика, при чемъ изъ одного изъ нихъ былъ извлеченъ бритвенный приборъ и кувшинъ съ горячей водой, а изъ другого мѣдный тазъ, который приставляется къ горлу и имѣетъ на своей боковой поверхности соотвѣтствующій для сего вырѣзъ. Тутъ же былъ извлеченъ на свѣтъ Божій и громадный роговой гребень съ большими и рѣдкими зубцами. Чанъ-фу, важно развалясь въ креслѣ и завѣшенный простыней, ждалъ, когда парикмахеръ окончитъ свои приготовленія и приступитъ къ „священнодѣйствію“. И вотъ онъ наконецъ приступилъ, и тутъ я сразу по первымъ же пріемамъ убѣдился, что онъ артистъ своего дѣла. Прежде всего онъ взялъ сальную и грязную косу своими руками и началъ ее разглаживать и разминать. При этомъ онъ проявлялъ такую нѣжность и мягкость въ движеніяхъ, что у меня невольно явилась мысль довольно игриваго характера, и я сравнилъ своего Чанъ-фу съ Джульетой, и державшаго въ своихъ рукахъ его косу человѣка съ прекраснымъ Ромео, любующимся волосами своей возлюбленной. Послѣ этого коса была расплетена и начался довольно долгій процессъ расчесыванія. „Онъ ее чешетъ, онъ ее гладитъ—волосъ къ волосу кладетъ“, напѣвалъ я мысленно во время этой процедуры, и вотъ наконецъ коса уже заплетена и отъ совершенныхъ съ нею манипуляцій—она приняла чистый и опрятный видъ и начала лосниться. Тогда было приступлено къ бритью передней части головы, и это было продѣлано съ подобающею ловкостью, округленностью и мягкостью въ движеніяхъ. Бритье производилось безъ мыла и только при посредствѣ горячей воды, при чемъ самая бритва была широкая и короткая и напоминала собою тотъ осколокъ косы, которымъ, если вѣрить рисунку Г. Трутовской,—одна малороссіанка брила когда-то бороду своему мужу. Туалетъ такимъ образомъ былъ законченъ, и парикмахеръ, получивъ за свой трудъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ съ четырехъугольными отверстіями по серединѣ (чохъ), удалился.

Конечно, первой мыслью этого дня у меня было то, чтобы познакомиться съ городомъ и его достопримѣчательностями и

затѣмъ сегодня же ѣхать дальше. Не хотѣлось безпокоить хозяина и пользоваться его гостепріимствомъ въ такой широкой мѣрѣ. Еще вчера за обѣдомъ я говорилъ ему, что желалъ бы уѣхать, но онъ все время упрашивалъ меня остаться, пожить здѣсь, посмотрѣть городъ и вообще отдохнуть передъ трудной дорогой. Не знаю, были ли всѣ эти доводы вполнѣ искренни, но излагались они такимъ искреннимъ и задушевнымъ тономъ, что какъ-то не хотѣлось имъ не вѣрить, и я обѣщалъ остаться. Сегодня, вспомнивъ объ этомъ обѣщаніи, я отчасти и пожалѣлъ о томъ, что далъ его, потому что какъ-то не хотѣлось сидѣть на мѣстѣ, да и день выдался такой теплый и ясный, что невольно хотѣлось двигаться и двигаться. Я уже хотѣлъ было измѣнить своему слову и приказать моимъ казакамъ собраться, но, вспомнивъ о томъ, что необходимо размѣнять имѣющіеся у насъ серебряные рубли на вѣсовое серебро, невольно рѣшилъ предоставить дѣло его собственному теченію. Едва только промелькнула у меня эта мысль, какъ на порогѣ комнаты предсталъ предо мною „тугой парень", тотъ самый, что такъ ловко перемѣщать свои брови отъ переносицы къ шапкѣ и обратно. Сдѣлавшись сразу похожимъ на кипящій самоваръ, онъ возвѣстилъ, вскипувъ бровями, что фудутунъ ждетъ уже меня съ завтракомъ въ своихъ аппартаментахъ. То же самое, вслѣдъ за этомъ, возвѣстилъ и „жирный незнакомецъ", ввалившійся въ комнату вслѣдъ за своимъ предшественникомъ. На сей разъ завтракъ былъ сервированъ не тамъ, гдѣ мы вчера обѣдали, а въ слѣдующемъ флигелѣ — черезъ дворъ. Флигель этотъ, по словамъ хозяина, занимали жены прежняго фудутуна. Комната, въ которой былъ сервированъ столъ, была большая, свѣтлая и просторная.—Разница въ обстановкѣ заключалась въ томъ, что здѣсь вдоль стѣнъ не стояли стулья, а тянулись убранныя коврами нары; стѣны были украшены развѣшаннымъ на нихъ оружіемъ:—ружьями, шашками и пистолетами. — Между ружьями были очень древнія — чуть что не съ фитильными замками, а были экземпляры и новѣйшихъ системъ, украшенные художественно выполненной рѣзьбой. Повидимому, фудутунъ былъ большой любитель оружія; онъ снималъ каждую вещь и, какъ бы захлебываясь отъ восторга, давалъ соотвѣтствующія объясненія (переводилъ „тугой парень"). И видно было по всему, что это доставляло ему истинное наслажденіе, какъ любителю. На нарахъ въ углахъ помѣщались громадные лакированные и обитые мѣдью сундуки, съ висящими на нихъ мѣдными китайскими замками, очень остро-

умной системы.—Одинъ изъ этихъ сундуковъ, размѣромъ своимъ уступавшій всѣмъ прочимъ, привлекъ мое вниманіе, въ силу того обстоятельства, что на немъ было навѣшено 5 такихъ замковъ. Фудутунъ, видя мое любопытство, самъ открылъ эти замки и приподнялъ крышку, и тутъ я увидѣлъ, что весь сундукъ былъ наполненъ слитками серебра, замѣняющими собою денежные знаки въ этой странѣ.—Слитки эти были величиной съ хорошій кулакъ и имѣли форму англійской шляпы, которая слыветъ у насъ подъ кличкою „здравствуй и прощай"; поверхность ихъ была ноздреватая и пористая, что позволяло судить о томъ, что слитки, будучи вынуты изъ формы, не подвергались никакой отдѣлкѣ, да это и лишнее, такъ какъ для обращенія они разрубаются на куски разной величины,—отъ одного золотника до $^1/_2$ фунта, и конечно объ какой-либо отдѣлкѣ въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Расплата такимъ серебромъ производится при помощи вѣсовъ, которые имѣются въ наличности почти у каждаго обывателя. Не скажу, чтобы въ то время, когда мнѣ пришлось быть въ предѣлахъ Маньчжуріи, обыватели принимали отъ насъ только это рубленое серебро; правда, они всегда предпочитали его другимъ денежнымъ знакамъ, но охотно брали также и наши рубли: имъ нравилась ихъ красивая чеканка и въ особенности прекрасно исполненное изображеніе Государя.—Если какой-либо обыватель соглашался принять отъ насъ эти рубли, то предварительно онъ ихъ строго контролировалъ,—для чего взявъ монету за ея центръ двумя пальцами (указательнымъ и большимъ) и дунувъ сильно на ея ребро, онъ подставлялъ ее къ уху; если монета издавала звонъ—значитъ, она не фальшивая и принималась охотно.

Нѣсколько разъ я пытался воспроизводить то же самое, дуя чуть не изо всей силы на ребро монеты, и никогда она у меня не издавала даже и признаковъ звона;—китаецъ же, кажется, и не очень сильно дунетъ, а монета у него зазвенитъ такъ, что и сидя рядомъ съ нимъ можно разслышать этотъ нѣжный—„малиновый" звонъ. Вѣроятно, секретъ заключается въ способѣ держанія монеты, и къ этому-то я не могъ приспособиться. Разсчеты на вѣсовое серебро почти всегда приводили меня въ какое-то уныніе и главнымъ образомъ въ силу сознанія, что въ данномъ случаѣ находишься совершенно во власти Чанъ-фу. Какъ его милость положитъ, такъ и будетъ, думалъ я всегда, вынимая мѣшокъ съ серебромъ. И „его милость" всегда уже положитъ такъ, что и себя не забудетъ. Счетъ всегда

велся на какіе-то золотники, по вѣсу своему совершенно не соотвѣтствующіе вѣсу нашего золотника. Бывало, спросимъ передъ выѣздомъ съ какого-нибудь ночлега:—сколько слѣдуетъ получить съ насъ хозяину?—Чанъ-фу беретъ счеты и начинаетъ на нихъ высчитывать: „20 снопъ чумицза,—говоритъ онъ,—одна золотникъ; два банка бобы—два золотникъ, лапша казака кушай одна золотникъ и т. д.—Усе шисти золотникъ“,—говоритъ онъ и принимается вѣшать. Я сижу съ вытаращенными глазами и смотрю въ пространство и слышу, что присутствующій тутъ же хозяинъ, смотря на все это, что-то говоритъ Чанъ-фу, и мнѣ кажется, что онъ непремѣнно говоритъ: валяй, валяй, братъ, присчитывай, накидывай: все равно баринъ твой смотритъ какъ сова на свѣтъ и ничего не видитъ.—Я сижу, и въ головѣ у меня кто-то повторяетъ: „по рюмочкѣ—5 рюмочекъ—5 р. 20 к., по пирожку—7 пирожковъ 7 руб.“ и т. д., и въ концѣ концовъ приходится конечно раскошеливаться и соглашаться со всѣмъ.—Въ другой разъ, на слѣдующемъ ночлегѣ, Чанъ-фу считаетъ, считаетъ и скажетъ совершенно другую цифру, несмотря на то, что количество забраннаго не измѣнилось. Тогда я начинаю протестовать:—что же ты, братъ, на предыдущей станціи за все это насчиталъ 6 золотниковъ, говорю я, съ надеждой поймать хитреца, а теперь зачѣмъ же кладешь 8;—вѣдь, цѣна-то одна. Но Чанъ-фу не смущается и въ оправданіе свое говоритъ, что цѣна на серебро въ разныхъ мѣстахъ разная, что онъ меня не обманываетъ, а служитъ мнѣ вѣрой и правдой, что онъ бѣденъ, но честенъ и въ жизнь свою никогда никого не обманывалъ и т. п., и снова приходится соглашаться. Свои доводы Чанъ-фу старается подкрѣпить руганью по адресу китайцевъ, съ которыми такъ, молъ, трудно вести денежные счеты.—„О барыня, нашъ люди шипко худой;—зачѣмъ серебрушки, считай—рубли не понимай;—шипко большой дурака наша люди есть“. Такъ заканчивалъ онъ обыкновенно свои филиппики—противъ косности своихъ собратій, благословляя въ то же время какъ эту косность, такъ равно и свою судьбу, которая поставила его въ столь благопріятныя для обогащенія обстоятельства.

Завтракъ былъ тотъ же обѣдъ, только въ миніатюрѣ:—подавались тѣ же блюда, разговоры были приблизительно тѣ же.

Послѣ завтрака были розданы каждому изъ участниковъ тряпицы, намоченныя въ теплой водѣ, и этими тряпицами каждый обтеръ свое лицо, какъ бы обтирая потъ послѣ трудовъ праведныхъ. Я сначала не понялъ, что надлежитъ дѣлать съ

положенной мнѣ на колѣни мокрой тряпицей, но, видя, что фудутунъ и присутствующіи за завтракомъ „писарь начальникъ" преспокойно учинили этими тряпицами „смази" по своимъ физіономіямъ, я, не желая нарушать установленный обычай, — не замедлилъ и себѣ учинить такую же „смазь".

Послѣ завтрака фудутунъ ушелъ въ свой кабинетъ, говоря, что у него есть дѣло, а мнѣ предложилъ совершить прогулку по городу и посмотрѣть на его достопримѣчательности, сказавъ, что онъ назначилъ въ провожатые такихъ людей, которые все покажутъ и разскажутъ. Этими людьми впослѣдствіи оказались: фудутуновъ братъ и „жирный незнакомецъ".—Послѣднему прогулка, видимо, не могла доставить особеннаго удовольствія и онъ заранѣе уже пыхтѣлъ и вытиралъ свое лоснящееся отъ жира лицо. Эти два „знатока китайскаго быта" и должны были разъяснять всѣ вопросы, кои могли бы показаться интересными. Въ качествѣ же истолкователей мышленій—отправились: Чанъ-фу и „тугой парень". Четыре здоровенныхъ солдата, одѣтыхъ въ красныя куртки и вооруженныхъ длинными, особаго начертанія дубинами, должны были, очевидно, играть роль охранителей и предупредителей всевозможныхъ покушеній какъ на мою „драгоцѣнную жизнь", такъ равно и на мой не очень драгоцѣнный кошелекъ. Конечно, почти не вѣроятно было бы допустить возможность подобныхъ покушеній, тѣмъ болѣе среди бѣлаго дня, и думаю, что эти воины были назначены просто для представительности, и фудутунъ, заботясь о таковой, предлагалъ мнѣ даже совершить прогулку въ китайскомъ паланкинѣ, отъ чего я наотрѣзъ отказался. Я прихватилъ съ собою моего урядника Дементьева, который ухарски заломилъ на правое ухо папаху и закрутилъ къ верху свои черные усы, готовый вѣроятно „пронзить" этими данными кого слѣдуетъ, и мы пошли.

Во время этого торжественнаго шествія прежде всего пришлось убѣдиться въ томъ, что тѣ самыя дубины, которыми были вооружены сопровождавшіе насъ воины, занимаютъ вѣроятно не послѣднее мѣсто въ спискѣ всѣхъ китайскихъ изобрѣтеній, и подобное заключеніе явилось тогда, когда я увидѣлъ, съ какою поспѣшностью уличная толпа разступалась передъ нами, давая дорогу. Тутъ же я пришелъ къ заключенію, что эти дубины придуманы со спеціальною цѣлью для общенія съ человѣческой спиной, такъ какъ, придя въ соприкосновеніе съ послѣдней, онѣ издаютъ даже какой-то особенный звукъ, похожій и на поцѣлуй влюбленнаго, и на ударъ лопатой объ мягкую глину.

Имѣя около $2^1/_2$ аршинъ длины, дубины эти на половину круглы, а на половину лопаткообразны, при чемъ эта послѣдняя половина слегка изогнута, дабы соприкасаться возможно большимъ числомъ точекъ своей поверхности съ частями человѣческой спины. Приходится только пожалѣть о томъ, что до сихъ поръ подобнымъ хитроумнымъ изобрѣтеніемъ не снабжены наши урядники;—было бы и внушительно, и не безполезно. Мы шли по главной улицѣ города, которая была и узка, и грязна.—По бокамъ ютились—одна возлѣ другой такія же несчастныя и бѣдныя лавченки, которыя я уже видѣлъ при въѣздѣ въ городъ. Товаръ въ нихъ былъ самый дрянный, и по всему видно было, что Хунгунъ не ведетъ никакихъ крупныхъ торговыхъ оборотовъ. Нѣтъ въ немъ ни банковъ, ни конторъ, ни хорошихъ магазиновъ. Обыватели, повидимому, живутъ тихо, скромно и монотонно, хотя, Богъ ихъ знаетъ,—быть можетъ и даже вѣроятно, что эта кажущаяся на нашъ взглядъ монотонность для нихъ не является таковой и, живя такой повидимому неприглядной, сѣренькой и черезчуръ уже будничной жизнью, они испытываютъ конечно и горе, и радость;—словомъ, живутъ и находятъ прелесть и цѣнность своего существованія. Мы прошли по всей длинѣ главной улицы, которая тянется на протяженіе около одной версты и уперлась снова въ ворота окружающей городъ стѣны. Эти ворота выводили на нинчутскій трактъ, и за ними виднѣлись грязныя фанзы городского предмѣстья, расположенныя по обѣимъ сторонамъ дороги и по берегу протекающаго тутъ же и заваленнаго навозомъ и разными отбросами ручья. Единственное, что бросилось въ глаза во время нашего шествія по главной улицѣ, и что производило довольно пріятное впечатлѣніе—это нѣсколько мясныхъ лавокъ, въ которыхъ мясо (главнымъ образомъ свинина) было нарѣзано большими кусками и развѣшено на крюкахъ на соблазнъ публики. Лавки эти содержались въ чистотѣ и опрятности, и это-то и производило пріятное впечатлѣніе. Въ нѣкоторыхъ лавченкахъ можно было встрѣтить и предметы нашего русскаго издѣлія: попадались, напримѣръ, стеариновыя свѣчи, спички, эмалированная посуда, простыя висячія лампы;—были и ситцы какой-то русской мануфактуры;—сахаръ, папиросы и даже попались два-три покрытыхъ толстымъ слоемъ пыли самовара; но всѣ эти предметы имѣли очень залежалый видъ, и по словамъ купцовъ сбытъ ихъ былъ очень плохъ. „Наши люди русски товара покупай нѣтъ: наши люди своя люби" переводилъ мнѣ Чанъ-фу показанія купцовъ [о

сбытѣ заграничнаго товара.—„Китайски люди зачѣмъ это покупай, говорилъ онъ, указывая на ситецъ, китайски люди даба (синяя ткань китайскаго изготовленія) покупай, эта нѣтъ люби: чешунча покупай, фанза покупай—эта шибко холоса китайски бабушка усе фанза,—чешунча ходи,—эта нѣтъ ходи (китайскіе женщины любятъ наряжаться въ фанзу и чешунчу, а въ это не любятъ). То же самое говорилось и про свѣчи, про папиросы, про посуду, про сахаръ и самовары;—все у китайцевъ есть свое, и къ этому своему они уже привыкли и предпочитаютъ это свое всему чужому. — Китайская сальная свѣча горитъ тускло и издаетъ непріятный запахъ, но китаецъ къ ней привыкъ, да ему и свѣта-то сильнаго не надо:—нѣтъ у него свѣчи, такъ онъ зажжетъ первобытнаго устройства свѣтильникъ и довольствуется его свѣтомъ и копотью. И такой взглядъ онъ, повидимому, имѣетъ по отношенію всѣхъ предметовъ иноземнаго производства и, относясь къ нимъ критически, онъ пока предпочитаетъ исключительно только свое: къ нему онъ уже привыкъ и съ нимъ освоился настолько, что не имѣетъ никакого желанія мѣнять это свое на что-нибудь чужое, хотя и лучшее.

Подойдя къ воротамъ, мы рѣшили, что не стоитъ возвращаться по прежнему пути, а что будетъ удобнѣе совершить вмѣсто этого прогулку по городской стѣнѣ и полюбоваться съ ея высоты на все окружающее. Такъ мы и сдѣлали и, взобравшись по крутой каменной лѣстницѣ, ведущей на стѣну около башни, построенной надъ воротами, мы очутились на дорожкѣ, протоpенной поверхъ стѣны, стѣна имѣла до $2^1/_2$ аршинъ въ ширину и около $1^1/_2$—2 саженъ въ высоту. По наружному ея гребню вытянулся безконечный рядъ каменныхъ зубцовъ, возвышающихся надъ ея поверхностью почти въ ростъ человѣка, и между этими зубцами получались такимъ образомъ бойницы, изъ-за которыхъ китайскіе воины съ удобствомъ могли бы „разить врага", если бы таковой появился передъ городомъ, съ намѣреніемъ овладѣть имъ. Событія 1890 года показали однако, что китайскіе воины не были воодушевлены столь похвальнымъ намѣреніемъ и оказали весьма слабое сопротивленіе подошедшему къ городу непріятелю, который и завладѣлъ имъ безъ чувствительныхъ потерь.

Дорожка, на которую мы теперь вступили, вѣроятно, служила для обывателей мѣстомъ для совершенія пріятныхъ прогулокъ въ часы досуга съ подобающими думами, мечтаніями и созерцаніями; намъ встрѣтилось нѣсколько такихъ гражданъ,

гуляющихъ по стѣнѣ и пребывающихъ почему-то въ грустной меланхоліи. Да и дѣйствительно можно было удариться въ таковую, совершая прогулку, потому, что видъ со стѣны былъ унылъ, печаленъ и однообразенъ:—съ наружной стороны, разстилалась широкая и ровная долина. Кое-гдѣ мелькали одинокія фанзы,—видны были мертвыя и безжизненныя поля съ торчащими на нихъ корнями снятаго съ нихъ проса. Близъ самой стѣны красовались какія-то грязныя кучи, въ составъ которыхъ входили всевозможные отбросы человѣческаго потребленія. Виднѣлись мѣстами грязныя и бѣдныя фанзы, и только лишь далекая и красивая панорама синеватыхъ горъ ласкала глазъ нѣжностью своихъ цвѣтовъ и воздушностью перспективы. Со стороны города видъ былъ еще болѣе мраченъ и угрюмъ:—видны были темныя прокопченныя, черепичныя, или соломенныя крыши фанзъ, построенныхъ въ глубинѣ грязныхъ и навозныхъ дворовъ, и отсюда несся снова какой-то приторный, пряный и масляный запахъ, вдыхая который, я всегда почему, то ощущалъ приливъ тяжелой и давящей тоски.

Видны были мѣстами синія человѣческія фигуры, которыя бродили, какъ сонныя мухи, и повидимому какъ бы безъ всякой цѣли по этимъ дворамъ, и во всемъ висѣла подавляющая и мертвая скука и неподвижность. Въ одномъ мѣстѣ къ стѣнѣ примыкалъ обширный дворъ, окруженный фанзами. Тутъ были устроены деревянныя коновязи, и около нихъ стояли въ два ряда нѣсколько десятковъ лошадей, обросшихъ длинной шерстью, грязныхъ и нечищенныхъ. Въ общемъ эти лошади напоминали, собою водовозныхъ клячъ, унылыхъ и сосредоточенныхъ, вѣчно думающихъ о тяготахъ и превратностяхъ ихъ лошадинаго существованія. Въ описываемое время клячи эти ничѣмъ не питались; газетъ же читать онѣ не могли потому, что во-первыхъ были безграмотны и во-вторыхъ и потому, что не только для нихъ, но даже и для обывателей газетъ здѣсь не печатали и не выписывали, а потому вышеозначеннымъ клячамъ и оставалось только стоять, понуря свои побѣдныя головушки, обмахиваться хвостами и думать свою крѣпкую печальную думу, что онѣ и выполняли вполнѣ добросовѣстно. Тутъ же на дворѣ—около коновязей стояли какіе-то синіе люди, построенные въ три шеренги; на людяхъ этихъ были надѣты ватныя съ длинными рукавами безобразныя кофты, на головахъ — большія мѣховыя шапки, изъ-подъ которыхъ свѣшивались по большей части тонція косички. Передъ этими „молодцами“ стоялъ какой-то также синій господинъ, одѣтый со-

вершенно одинаково съ прочими, только немного почище и поопрятнѣе, и какъ-то особенно визгливо и отрывисто командовалъ, надрывая свою глотку, такъ, что можно было подумать, что вотъ, вотъ у него тамъ что-нибудь лопнетъ и онъ упадетъ и непремѣнно начнетъ дрыгать ногами. Синіе люди исполняли его команду; вяло и флегматично поворачивались, то направо, то налѣво, то кругомъ, показывая такимъ образомъ обучающему ихъ человѣку то бока то спины, то вздваивали ряды, то опять ихъ выстраивали по-прежнему. Иногда нѣкоторые ворочались направо, а другіе въ то же время налѣво или кругомъ, и тогда обучающій выходилъ изъ себя и кричалъ еще визгливѣе, ругался, бѣгалъ по фронту и возстановлялъ порядокъ. Синіе люди тогда какъ бы немного оживлялись, распутывались, хотя ихъ согбенныя и флегматичныя фигуры не переставали своимъ видомъ говорить: и что кричитъ и ругается этотъ молодецъ,—все равно, братъ, кричи не кричи, а этимъ дѣла впередъ не подвинешь.

Мнѣ удавалось неоднократно видѣть китайскихъ солдатъ въ строю во время ученья, и всегда я выносилъ какое-то грустное изъ этого впечатлѣніе. Казалось, что всѣ эти люди совершенно напрасно тратятъ время, что они только дѣлаютъ видъ, что забавляются въ какую-то игру, которая ихъ ничуть не интересуетъ, —какъ иногда забавляются взрослые люди, когда имъ рѣшительно не объ чемъ говорить между собою, игрою въ дураки, въ фофаны и въ свои козыри, ничуть не интересуясь этими играми, а желая хоть какъ-нибудь убить несносную тоску и однообразіе.

Безъ толку проводимъ время, думаютъ игроки, позѣвывая и закрывая свои рты ладонями, и все-таки продолжаютъ играть, не желая уже окончательно конфузить хозяевъ. Безъ толку проводимъ время, кажется, думаетъ каждый китайскій солдатъ, поставленный въ строй и флегматично исполняющій команду своего начальника; все равно пользы отъ этого никому никакой не будетъ. Мнѣ всегда казалось, что китайцы давно уже перестали быть воинами. Быть можетъ, они никогда таковыми и не были и относятся къ этой профессіи съ пренебреженіемъ. Думаю, что еслибы не было въ данномъ случаѣ безразличнаго отношенія и даже пренебреженія съ ихъ стороны къ военному дѣлу, они бы давно съумѣли бы создать себѣ армію, подобно тому, какъ это съумѣли сдѣлать японцы.

Фудутуновъ братъ и жирный незнакомецъ получили очевидно инструкцію отъ фудутуна объ томъ, чтобы по возможно-

сти не показывать мнѣ ничего такого, что могло бы относиться къ военному дѣлу; къ такому выводу я пришелъ тогда, когда они начали говорить, что не стоитъ смотрѣть на все это, что это не интересно, о что лучше пойти и посмотрѣть на то мѣсто, гдѣ обыкновенно рубятъ головы хунхузамъ. Тутъ же они, стараясь отвлечь мое вниманіе, начали разсказывать, какъ производится эта кровавая операція, и все предлагали слѣдовать за ними, увѣряя, что интересно будетъ познакомиться съ этимъ мѣстомъ. Оставалось только слѣдовать ихъ указанію, и мы пошли; но, придя на мѣсто, не нашли въ немъ ничего интереснаго: просто это была небольшая и грязная площадка, примыкающая къ стѣнѣ съ наружной ея стороны. Тутъ валялся какой-то мусоръ;—были видны кости, которыя по увѣренію Чанъ-фу были „человѣка кости“ и можно было видѣть большого чернаго пса, со злыми, налитыми кровью глазами, который, лежа на брюхѣ, флегматично глодалъ какую-то кость и не потому, вѣроятно, что думалъ найти въ ней что-нибудь вкусное, а просто, потому, что ему рѣшительно нечего было дѣлать: лаять надоѣло, спать не хочется, дай хотъ эту старую кость погложу, думалъ онъ, вѣроятно, занимаясь этимъ дѣломъ. Остановившись тутъ на минуту и сознавая, что эта грязная навозная площадка ничего, кромѣ тяжелаго впечатлѣнія, въ зрителѣ оставить не можетъ, мы пошли дальше и, дойдя до тѣхъ воротъ, черезъ которыя выѣхали вчера въ городъ, спустились со стѣны и пошли по знакомой уже намъ улицѣ восвояси.

Времени до обѣда было еще очень много, и я рѣшилъ послать моего Чанъ-фу размѣнять свои деньги на рубленое серебро. Предвидя вѣроятно изъ этой операціи хорошій для себя гешефтъ, онъ съ охотой взялся исполнить мое порученіе, и его коллега выразилъ также искреннее желаніе помогать ему въ этомъ дѣлѣ. Мною овладѣло, помню, колебаніе по поводу того, какъ это я довѣряю этимъ людямъ довольно значительную сумму денегъ;—ну а если они съ этими деньгами да улизнутъ, думалъ я,—и оставятъ меня въ положеніи рака, на мели сидящаго. Я хотѣлъ было уже пойти съ ними, но потомъ вспомнилъ, что придется при этомъ играть роль безмолвнаго лишь зрителя, котораго, если только допустить наличность желанія обмануть и обсчитать,—обманутъ и проведутъ въ лучшемъ видѣ, несмотря на его личное присутствіе, да еще тутъ же, смѣясь, начнутъ острить надъ его полнѣйшимъ невѣдѣніемъ и непониманіемъ. Сообразивъ все это, я оставилъ свое намѣреніе сопутствовать имъ и, махнувъ на все это рукой, отдалъ имъ деньги,

послѣ чего они поспѣшно удалились. Черезъ полъ-часа они вернулись, и Чанъ-фу принесъ завернутый въ бумагу свертокъ серебра и вѣсы, но кромѣ этого онъ принесъ купленную имъ на базарѣ теплую, новую, мѣховую шубу, а его коллега новую рѣзную металлическую трубку кальянъ (Сю инду), изъ которой онъ и началъ преважно покуривать, довольной тѣмъ счастіемъ, которое выпало ему на долю въ этотъ прекрасный день.

Въ 5 часовъ фудутунъ позвалъ меня обѣдать и послѣ этого подобно вчерашнему, снова навѣстилъ меня;—снова появился, чай, и мы вступили въ разговоръ, который на сей разъ уже не имѣлъ минорнаго — политическаго характера, а былъ довольно игривъ и сводился къ прославленію цѣлебныхъ свойствъ корня Дженъ-Шенъ и роговъ Изюбря (пантовъ), которые, будучи принимаемы въ умѣренномъ количествѣ, дѣлаютъ якобы чудеса и самаго стараго человѣка заставляютъ позабыть про старость и дряхлость. Такъ мы продолжали до поздняго вечера, а потомъ снова:—рулады Чанъ-фу, нестройные звуки зори, безконечныя ворочанія съ боку на бокъ и тоска,—мертвящая тоска одинокаго человѣка, лишеннаго возможности подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими мыслями и впечатлѣніями. Скучно и тяжело. Во что бы то ни стало завтра утромъ ѣдемъ дальше, рѣшилъ я, не находя себѣ мѣста отъ скучной безсонницы.

Въ 8 часовъ утра мы дѣйствительно были готовы къ походу. Наши лошади, осѣдланныя и навьюченныя, лѣниво подбирали около коновязи остатки корма, а Соболька, чувствуя перспективу движенія, неистовствовалъ отъ восторга. Онъ съ визгомъ подбѣгалъ къ каждому изъ насъ,—лизалъ намъ руки, обнюхивалъ лошадиные хвосты и вообще выражалъ свой восторгъ всѣми зависящими отъ него мѣрами и средствами. Ну, ну—поѣдемъ, поѣдемъ, дуракъ;—съ нами пойдемъ, говорили казаки, гладя его черную „шубу", и Соболька, послѣ такой ласки, положительно сатанѣлъ отъ восторга.

Но наше выступленіе задержалось на часъ, такъ какъ фудутунъ не хотѣлъ отпустить насъ въ путь безъ того, чтобы мы предварительно плотно не закусили. Онъ увѣрялъ, что небольшой завтракъ насъ долго не задержитъ и что во всякомъ случаѣ мы успѣемъ еще засвѣтло добраться до ночлега, который предполагался въ 30 верстахъ отъ города—въ деревнѣ Мицзянъ. Завтракъ дѣйствительно долго насъ не задержалъ, и черезъ какихъ-нибудь 1½—2 часа мы, напутствуемые всѣми хорошими и добрыми пожеланіями хозяина, который проводилъ насъ до наружныхъ воротъ своего дворца, тронулись въ даль-

нѣйшій путь. Теперь уже наша компанія увеличилась на 8 человѣкъ, благодаря конвою, который командировалъ съ нами фудутунъ.—Изъ этихъ 8 человѣкъ—7 были простые солдаты, а 8-й унтеръ-офицеръ, который и былъ за старшаго въ своей командѣ. Солдаты были одѣты по обыкновенію въ красныя куртки съ нашитыми на груди черными литерами, а унтеръ-офицеръ имѣлъ одежду какого-то довольно страннаго покроя. Одежда эта очень напоминала красную ливрею, въ которую имѣютъ почему-то обыкновеніе одѣваться люди „швейцарской" профессіи. Зачѣмъ они имѣютъ обыкновеніе такъ именно одѣваться—намъ конечно неизвѣстно, и мы положительно не въ состояніи отвѣтить на этотъ „глубокомысленный" вопросъ. Мы только можемъ сдѣлать въ данномъ случаѣ нѣкоторыя предположенія и сказать, что люди „швейцарской" профессіи потому имѣютъ обыкновеніе рядиться въ красныя ливреи, чтобы быть во-первыхъ болѣе представительными, во-вторыхъ, чтобы быть, для кого надо, внушительными и устрашительными и наконецъ въ третьихъ—намъ кажется, что эта одежда весьма пригодна для ловкаго и незамѣтнаго прятанія полученной „пошлины", взимаемой, какъ извѣстно, за право восхожденія и нисхожденія по лѣстницамъ. Но если это дѣйствительно такъ и если такая одежда дѣйствительно удовлетворяетъ всѣмъ вышеозначеннымъ условіямъ вообще и послѣднему изъ нихъ въ особенности, то для кавалериста она уже совершенно непригодна, ибо что можетъ быть общаго между швейцаромъ и кавалеристомъ: швейцаръ долженъ быть человѣкъ „съ вѣсомъ", кавалеристъ—наоборотъ; швейцаръ долженъ имѣть степенный видъ, плавныя движенія и извѣстную тяжеловатость на подъемъ; кавалеристъ—ничего этого имѣть не долженъ, ибо если онъ будетъ таковымъ, то его назовутъ увальнемъ и будутъ надъ нимъ смѣяться.—Швейцаръ долженъ быть спеціалистомъ по части взиманія вышеозначенной „пошлины" и дѣлать это такъ, что какъ будто это и не онъ беретъ, а беретъ его рука, въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ которой онъ, якобы, не воленъ, а кавалеристъ долженъ быть спеціалистомъ по части смѣлыхъ рѣшительныхъ дѣйствій на конѣ, твердой рукой наносить удары холоднымъ оружіемъ и вообще дѣйствовать съ полной свободой въ движеніяхъ, стремительностью и отвагой. Но едва-ли можно говорить о какой-либо свободѣ въ движеніяхъ человѣка, наряженнаго въ швейцарскую ливрею. И все-таки, не взирая на столь неуклюжій и совершенно несоотвѣтствующій своему назначенію костюмъ, китайскій унтеръ-офицеръ былъ въ общемъ молодецъ.

Онъ былъ малъ ростомъ и сухъ сложеніемъ. Его желтоватое худое и лишенное всякой растительности лицо выражало энергію, сильный характеръ и волю. Взглядъ его небольшихъ, карихъ глазъ былъ по большей части суровъ и серьезенъ, и улыбка почти никогда не свѣтилась въ нихъ, а если иногда и свѣтилась, то была похожей на искру, которая мелькнетъ и потухнетъ.

Несмотря на свою безобразную „ливрію", онъ въ ней успѣлъ быть ловкимъ, гибкимъ и быстрымъ въ движеніяхъ. Служилъ онъ уже 10 лѣтъ, и эта продолжительная служба положила извѣстный законъ на все его существо, и сдѣлала его бравымъ солдатомъ, съ подобающей солдатской выправкой. Онъ былъ гордъ своимъ званіемъ и видимо вкладывалъ всю душу свою въ службу, исполняя всѣ свои обязанности съ полнымъ сознаніемъ дѣла. Я часто смотрѣлъ на этого молодца и думалъ, что если бы въ китайской арміи побольше было бы такихъ— не такъ бы легко доставалась бы японцамъ ихъ раздутая слава;— но, къ сожалѣнію, подобные экземпляры въ Китаѣ, повидимому, представляетъ собою очень рѣдкое явленіе и быть можетъ на тысячи равнодушныхъ и безразличныхъ къ своему дѣлу солдатъ выродится одинъ такой экземпляръ, который конечно совершенно незамѣтно растворится въ общей средѣ, какъ растворится капля меда въ бочкѣ дегтя, не произведя въ этомъ послѣднемъ рѣшительно никакихъ ощутительныхъ перемѣнъ.

Ѣздилъ онъ верхомъ прекрасно; садился въ сѣдло всегда такъ называемымъ „адъютантскимъ прыжкомъ",—безъ помощи стремени и этимъ показывалъ, что для него, хотя уже и не очень молодого человѣка,—вскочить такимъ образомъ въ сѣдло совсѣмъ не трудно; я впрочемъ убѣжденъ, что онъ это дѣлалъ и не для показа, а просто потому, что ему это было пріятно дѣлать, потому что все, что относилось до его спеціальности— оживило его душу. Рѣчь его была отрывистая, и всегда онъ говорилъ очень громко—почти крича, что бываетъ съ людьми, привыкшими повелѣвать и сознающими за собою это право. Во время разговора, онъ постоянно жестикулировалъ руками, судорожно и сильно сокращая ихъ, при чемъ въ этой жестикуляціи принимали участіе его нервно сгибающіеся короткіе пальцы, ногти, которые имѣли овальную форму и загибались слегка вовнутрь, какъ это по большей части бываетъ у людей твердыхъ и неуклонно стремящихся къ достиженію намѣченной цѣли. Его подчиненные, надъ которыми онъ теперь начальствовалъ, относились къ нему съ почтеніемъ и панибратства

по отношенію къ нему никто изъ нихъ не позволялъ. „Орелъ“ говорилъ про него мой Кавалистъ; — „шипко много уцини и образована человѣкъ“ -- говорилъ про него Чанъ-фу; хотя, надо правду сказать, что тотъ же Чанъ-фу не рѣдко и ругалъ его на самомъ отборномъ русскомъ жаргонѣ, каковой жаргонъ онъ, несмотря на свои слишкомъ поверхностныя знанія русской рѣчи, успѣлъ изучить почти полностью. Такими бурными филиппиками Чанъ-фу обыкновенно разражался, обращаясь ко мнѣ послѣ того, какъ прослушаетъ основательно пламенную рѣчь унтера и сдѣлаетъ изъ ея содержанія соотвѣтствующій выводъ. Тутъ онъ обыкновенно подъѣзжалъ ко мнѣ и тихонько, шопотомъ говорилъ: О барыня,—старшій худа-есть зачѣмъ усе ругай есть“ и затѣмъ начиналъ съ своей стороны посылать, обращаясь ко мнѣ, такія словечки по адресу унтера, объ которыхъ „ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать“ нельзя, передавая мнѣ, что этотъ старшій ѣдетъ и все время ругаетъ насъ заморскими чертями, которымъ слѣдовало бы срѣзать головы съ плечъ за то, что они ходятъ теперь по ихъ землѣ, намѣреваясь наводнить ее своими солдатами для того, чтобы совмѣстно съ японцами обрушиться на нихъ и прижать ихъ съ двухъ сторонъ. И дѣйствительно, хотя и слѣдуетъ оправдать этого молодца унтеръ-офицера какъ браваго солдата, всей душой преданнаго свой родинѣ, но я не скажу, чтобы его присутствіе доставляло бы мнѣ особенное удовольствіе, благодаря тѣмъ бурнымъ рѣчамъ, которыя онъ часто направлялъ противъ насъ. Помню, какъ только мы отъѣхали отъ хунгуна, онъ сейчасъ же началъ протестовать противъ насъ, и я даже одно время хотѣлъ вернуться и оставить его въ хунгунѣ въ распоряженіе властей, но потомъ рѣшилъ, что не стоитъ этого дѣлать. Почти на каждой стоянкѣ, если таковая была въ деревнѣ, дѣло не обходилось безъ непріятныхъ сценъ. Обыкновенно, по приходѣ на ночлегъ этотъ старшій сначала сурово молчитъ, куря свою трубку; тѣмъ временемъ фанза набивается биткомъ любопытными, тѣснящимися около насъ и разсматривающими насъ со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ. Но вотъ старшій, выкуривъ нѣсколько трубокъ, начинаютъ говорить, дѣлая видъ, что онъ какъ будто бы говоритъ ни къ кому не обращаясь, а такъ,--просто,—говоритъ самъ съ собой; —и всегда въ такихъ случаяхъ, онъ начиналъ тѣмъ, что прежде всего ехидно и злобно усмѣхался, издавая при этомъ какой-то особенный, полный омерзѣнія, носовой звукъ, какъ это дѣлаетъ обыкновенно человѣкъ, готовящійся говорить противъ того, кого онъ

въ душѣ ненавидитъ и презираетъ; и послѣ этого онъ начиналъ говорить сначала тихо, но мало-по-малу голосъ его становился громкимъ и рѣчь принимала отрывистый характеръ, при чемъ безпрестанно слышались все тѣ же гордые и презрительные носовые звуки. Такъ, мало-по-малу, онъ привлекалъ на себя вниманіе всей толпы, и она видимо ему начинала сочувствовать и соглашаться съ нимъ. Смыслъ его рѣчей былъ всегда и всюду одинаковымъ и былъ направленъ противъ русскихъ вообще, которые по его словамъ должны быть порицаемы за то, что открыто стали на сторону японцевъ и помогають имъ бить и безъ того угнетенныхъ и несчастныхъ китайцевъ. Переходя отъ обобщеній къ частностямъ,—онъ и къ нимъ не могъ относиться равнодушно и всю надежду возлагалъ на Гиринскаго Дуянъ-дзюня, который, какъ ему извѣстно, человѣкъ умный и, всегда умѣя отличить добро отъ зла, съумѣетъ и съ нами расправиться, и, не успѣемъ мы пріѣхать въ Гиринъ, какъ головы наши будутъ торчать на шестѣ, или валяться въ навозѣ. Въ подобной формѣ переводилъ мнѣ всѣ эти рѣчи Чанъ-фу, стараясь дѣлать это по возможности незамѣтно: онъ не хотѣлъ, очевидно, стать въ данномъ случаѣ открыто на нашу сторону, предупреждая же насъ объ опасности, онъ тѣмъ самымъ и себя ограждалъ отъ таковой. Я убѣжденъ, что онъ навѣрно помышлялъ о бѣгствѣ и если только онъ не приводилъ своего намѣренія въ исполненіе, то только ради тѣхъ матеріальныхъ выгодъ, которыя онъ извлекалъ изъ своей службы. Слушая Чанъ-фу, я присматривался къ толпѣ и замѣчалъ всегда нѣсколько непріятныхъ взглядовъ, брошенныхъ въ нашу сторону. Не скажу, чтобы такое положеніе было особенно пріятно, но что можно было предпринять въ данномъ случаѣ? Приходилось волей неволей дѣлать видъ человѣка совершенно безразличнаго ко всѣмъ этимъ разговорамъ и по возможности меньше обращать на нихъ вниманія. Чанъ-фу убѣдительно всегда просилъ меня, чтобы я ничего не говорилъ со старшимъ по поводу всѣхъ этихъ его возмутительныхъ рѣчей, потому, что старшій сказалъ ему, если онъ осмѣлится передавать смыслъ этихъ рѣчей намъ, такъ онъ ему сбреетъ своей шашкой голову съ плечъ и сбреетъ такъ, что онъ и охнуть не успѣетъ. Принимая во вниманіе рѣшительность этого человѣка, я почти убѣжденъ, что онъ всегда бы съумѣлъ привести свою угрозу въ исполненіе, тѣмъ болѣе, что жизнь-то человѣческая въ Китаѣ цѣнится, какъ кажется, не на рубли, а на пятаки, и ясно, что если бы я началъ въ данномъ случаѣ протестовать.—

то этимъ бы съ головой выдалъ несчастнаго Чанъ-фу, а онъ и безъ того трясся всегда, какъ осиновый листъ и на второй же станціи отъ Хунгуна началъ проклинать себя за то, что взялся ѣхать со мной въ Гиринъ.— „О барыня, моя не знай;— они шипко худой человѣкъ. Моя знай—два пудъ золота давай— моя нѣтъ ходи“ (если бы я зналъ, такъ хоть два пуда золота мнѣ давали бы, я бы не пошелъ). За два пуда золота не пошелъ бы, а за сотню серебряныхъ рублей идетъ, смѣялся я надъ нимъ въ такихъ случаяхъ; но на это онъ начиналъ увѣрять меня, что онъ, будучи человѣкомъ частнымъ, ни за что не отступится отъ разъ даннаго имъ слова, что онъ не такъ поступаетъ, какъ прочіе и т. д. И почемъ знать — быть можетъ, онъ говоритъ и правду. Всегда приходилось сожалѣть о томъ что холодное время года и отсутствіе у нихъ походныхъ палатокъ не давали намъ возможности останавливаться на ночлегъ гдѣ-нибудь въ полѣ,—вдали отъ жилья и отъ толпы любопытныхъ. Примѣнять же въ данномъ случаѣ силу не хотѣлось потому, что неизвѣстно еще, чѣмъ бы кончилась борьба насъ семи человѣкъ съ цѣлой толпою, подогрѣтой пламенными рѣчами китайскаго патріота и имѣющей во главѣ 8 хорошо вооруженныхъ солдатъ. Если бы даже, положимъ, мы и остались побѣдителями, то путешествіе наше въ Гиринъ не могло бы состояться и задача, мнѣ данная, никакимъ образомъ, не могла бы быть выполнена. Къ тому-же пришлось бы и нарушить данную мнѣ инструкцію, въ которой категорически настаивалось о соблюденіи строжайшей осторожности во всѣхъ дѣйствіяхъ, а потому въ виду всѣхъ этихъ соображеній, я и рѣшилъ запастись какъ можно большимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ и какъ можно меньше обращать вниманія на всѣ эти непріятности.

Изъ прочихъ китайскихъ солдатъ только одинъ относился ко всѣмъ намъ хорошо и съ полнымъ добродушіемъ; — объ немъ я скажу въ своемъ мѣстѣ; пять держали себя по отношенію насъ холодно, а одинъ маленькій и плюгавенькій солдатишко съ отвратительнымъ и злымъ лицомъ и съ вѣчно оскаленными зубами не стѣснялся при каждомъ удобномъ случаѣ выказывать намъ свою враждебность, но, будучи человѣкомъ подлымъ, низкимъ и трусливымъ, — онъ всегда это дѣлалъ исподтишка—такъ какъ будто бы нечаянно: то, проходя мимо, толкнетъ кого-нибудь изъ казаковъ, то плюнетъ какъ бы невзначай въ сторону сидящаго казака,— при чемъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно казакъ молчаливо покажетъ ему кулакъ, чѣмъ и приведетъ его въ страхъ и смущеніе; а разъ, помню,

дѣло чуть не дошло до драки: одинъ изъ казаковъ несъ въ котелкѣ воду; — въ это время шелъ къ нему навстрѣчу этотъ плюгавый солдатишка и, поравнявшись съ казакомъ, сплюнулъ какъ-бы невзначай въ его сторону и попалъ казаку на полушубокъ. Не стерпѣлъ казакъ и вылилъ на голову этого „воина" всю воду изъ своего котелка, да въ придачу далъ ему такого тумака, что сбилъ его съ ногъ. Стоявшая тутъ же на дворѣ толпа громко захохотала, одобряя, вѣроятно, поступокъ казака. Я счелъ нужнымъ предупредить послѣ этого старшаго, что если еще разъ повторится что-нибудь подобное, то я не ручаюсь за благопріятный исходъ и боюсь, что какъ бы дѣло не кончилось чѣмъ-нибудь серьезнымъ и нежелательнымъ, а потому и просилъ его предупредить этого нахала, чтобы онъ оставилъ бы свою скверную привычку плевать туда, куда не слѣдуетъ. Старшій, сознавъ вѣроятно законность этого заявленія, задалъ изрядную головомойку своему подчиненному, послѣ чего онъ прекратилъ столь бурно проявлять по отношенію насъ свою ненависть и ограничивался только злобными взглядами и скаленіемъ зубовъ. Чанъ-фу всегда называлъ этого солдата хунгузомъ, да и дѣйствительно онъ былъ таковымъ.

Чанъ-фу трусилъ не на шутку и всегда на ночлегахъ предупреждалъ меня, чтобы я напомнилъ казакамъ о томъ, чтобы они зарядили свои винтовки и клали бы ихъ около себя— это, впрочемъ, и всегда дѣлалось безъ его предупрежденій, и самъ я всегда спалъ, подложивъ подъ сѣдло заряженный револьверъ.

И такъ мы, наконецъ, тронулись въ дальнѣйшій путь. День былъ ясный, и солнце радостно свѣтило, но въ этихъ свѣтлыхъ лучахъ не было уже теплоты, такъ какъ, по-прежнему навстрѣчу намъ тянулъ холодный вѣтеръ. Дорога на протяженіи 15 верстъ отъ города тянется по совершенно ровной долинѣ р. Тумынь-Ула, и мѣстами эта дорога проходитъ къ самой рѣкѣ и тянется вдоль ея обрывистаго лѣваго берега. По сторонамъ всюду были видны воздѣланныя поля съ уныло торчащими на нихъ корнями давно снятаго уже проса (чумизы) и гаоляна, виднѣлись мѣстами группы фанзъ, окруженныхъ деревцами, и въ общемъ все окружающее давало чувствовать, что земля, по которой мы теперь шли, принадлежитъ трудящимся людямъ, которые съ такою любовью привыкли работать на своихъ поляхъ. Какъ хороши должны быть эти поля лѣтомъ, когда на нихъ на безконечно длинныхъ бороздахъ какъ на грядахъ высятся цѣлые лѣса гаоляна —лѣса, которые смѣло могутъ скрыть

въ своей чащѣ не только пѣшаго человѣка, но и всадника. Китайцы, передъ тѣмъ, какъ посѣять хлѣбъ, устраиваютъ на своихъ поляхъ борозды такимъ образомъ, чтобы между нихъ могла бы стекать вода. и на эти борозды, въ опредѣленномъ другъ отъ друга разстояніи они садятъ сѣмена. Такая кропотливая работа даетъ за то отличные урожаи, - такъ что получается большой избытокъ хлѣба, который и вывозится въ предѣлы Уссурійскаго края. Существующій въ Уссурійскомъ краѣ водочный заводъ, какъ кажется, гонитъ спиртъ исключительно почти изъ манчжурскаго хлѣба —и, надо правду сказать,—гонитъ его превосходно. Вообще въ Уссурійскомъ краѣ мы пока не въ состояніи обойтись безъ помощи, китайцевъ и, получая отъ нихъ хлѣбъ и прочіе предметы и продукты потребленія, мы и въ нуждахъ своего домашняго обихода не можемъ обойтись безъ помощи китайцевъ. Нужно ли построить домъ, мы нанимаемъ каменщиковъ, плотниковъ и столяровъ, и таковыми являются исключительно китайцы; нужно ли намъ сшить себѣ пальто, сюртукъ, китель и прочее, мы идемъ къ портному, и предъ нами появляется фигура въ характерномъ китайскомъ костюмѣ и съ неизмѣнной косой,—и эта фигура принимаетъ и добросовѣстно выполняетъ взятый ею заказъ... Понадобится ли намъ, наконецъ, выстирать наше бѣлье, и тутъ къ нашимъ услугамъ является китаецъ-прачка, и эта прачка мастерски сдѣлаетъ свое дѣло. Повара-китайцы; даже дѣтей нянчатъ—и то китайцы.—Словомъ, безъ нихъ мы, русскіе, какъ безъ рукъ, потому что пока въ Уссурійскомъ краѣ нѣтъ повидимому не только мастеровыхъ, но даже и простыхъ рабочихъ, изъ русскихъ людей, а если они и есть, то пока находятся въ „скрытомъ состояніи". Вообще, повидимому, нужда не гонитъ еще здѣсь русскаго человѣка на работу для добыванія куска насущнаго хлѣба.

На протяженіи первыхъ трехъ верстъ отъ города дорога обсажена деревьями и имѣетъ по сторонамъ канавы. На 15-й верстѣ она подходитъ къ безлѣсному и широкому ущелью. Горы лишены всякой растительности и стоятъ мрачныя и угрюмыя: по мѣрѣ движенія по ущелью они все ближе и ближе сходятся съ обѣихъ сторонъ и ущелье становится уже; путь начинаетъ быть каменистымъ.

Вотъ подъ горой пріютилась одинокая фанза. Это гостиница, или вѣрнѣе постоялый дворъ. Здѣсь можно остановиться отдохнуть, покормить лошадей и самимъ закусить и подкрѣпиться.

Китайскіе постоялые дворы, въ общемъ, всѣ строятся по одному шаблону, какъ и вообще въ Китаѣ все повидимому дѣлается по старому, давно уже заведенному шаблону, отъ котораго китайцы не хотятъ отступить, надо полагать благодаря своей народной гордости. Вѣдь вотъ, напримѣръ, китайскіе дома съ ихъ громадными окнами, заклеенными бумагой. Они, по всей вѣроятности, очень примѣнимы на югѣ, гдѣ очень жарко и очень свѣтло, надо думать, что тамъ въ такомъ домѣ и прохладно и свѣтъ умѣренный,—легко выносливый для глазъ. Но вотъ китаецъ за безземеліемъ, или по какой-либо иной причинѣ выселяется изъ южныхъ широтъ и стремится на сѣверъ—въ холодную Манчжурію. И здѣсь онъ, несмотря на изобиліе лѣснаго матеріала, строитъ себѣ такую же, какъ и на югѣ, глинобитную фанзу, въ которой не можетъ сохраняться тепло и въ которой возможно жить зимою, имѣя постоянно на себѣ теплую одежду. Весьма вѣроятно, что онъ, переселяясь въ новыя страны, успѣлъ побывать и у насъ въ Уссурійскомъ краѣ, или во Владивостокѣ,—видѣлъ тамъ наши дома и быть можетъ интересовался ихъ устройствомъ, но, придя на мѣсто, онъ все-таки воздвигъ себѣ жилище по своему шаблону и живетъ въ немъ.

Китайскіе постоялые дворы имѣютъ приблизительно слѣдующее устройство: представляютъ они длинную глинобитную фанзу, покрытую въ большинствѣ случаевъ соломенной крышей. Фанза эта обносится—или плетнемъ, или же сложеннымъ изъ камней заборомъ, и такимъ образомъ получается дворъ; иногда по сторонамъ его устраиваются навѣсы такъ же какъ это дѣлается и у насъ. На дворѣ устанавливаются на подставкахъ большія корыта (комяги) для закладыванія корма лошадямъ и муламъ заѣхавшихъ на постоялый дворъ путниковъ.

Со двора дверь непосредственно ведетъ въ самую гостиницу. Вы входите черезъ эту дверь и сначала ничего не видите передъ собою, потому что навстрѣчу къ вамъ стремится клубомъ цѣлое бѣлесоватое облако, въ составъ котораго входитъ дымъ, паръ и копоть, и вмѣстѣ съ этимъ одуряющій запахъ отъ бобоваго или травяного масла, опіума и т. под.—Мы нисколько не преувеличиваемъ, говоря, что это облако, сквозь которое глазъ ничего не можетъ различить. До васъ доносится только изъ его бѣлесоватой среды шумъ и гамъ отъ многихъ человѣческихъ голосовъ, и изъ этого вы можете заключить, что фанза набита уже народомъ. Мы всегда останавливались на ночлеги уже позднимъ вечеромъ и всегда какъ-то поспѣвали послѣдними,—когда почти всѣ мѣста у стоящихъ на дворѣ ко-

рытъ были заняты животными и на нарахъ внутри фанзы — людьми. — Вы входите въ фанзу и тутъ мало-по-малу начинаете различать въ тускломъ полумракѣ окружающіе васъ предметы и глаза ваши начинаютъ приспособляться. Вы видите, что находитесь внутри большого помѣщенія, наполненнаго людьми, которые сидятъ, или лежатъ на нарахъ, ходятъ въ ихъ промежуткѣ, грѣются около очага и вообще ведутъ себя такъ, какъ и всюду ведутъ себя люди, собравшіеся изъ разныхъ мѣстъ и не успѣвшіе еще достаточно освоиться и познакомиться другъ съ другомъ. Прежде всего вы видите, что вдоль стѣнъ помѣщенія тянутся широкія, покрытыя циновками нары; поверхность этихъ наръ нагрѣта, потому, что внутри ихъ сдѣланы дымовые ходы отъ очага, расположеннаго непосредственно у входной двери — откуда и начинаются нары. Дымоходы, проложенные подъ нарами, выведены наружу на противоположенномъ концѣ фанзы, гдѣ и возвышается утвержденная на землѣ двухсаженная, каменная труба. Мы сказали, что поверхность наръ нагрѣта, но нагрѣваніе это не равномѣрное, и та площадь наръ, которая находится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ очагомъ, нагрѣта такъ сильно, что даже циновки подпалены, площадь жена противоположномъ концѣ— чуть только тепленькая. Отсюда понятно, что наиудобнѣйшимъ для размѣщенія мѣстомъ на нарахъ является средній участокъ, на которомъ не такъ чтобы очень холодно. Это въ своемъ родѣ—„средній умѣренный поясъ", по сторонамъ котораго проходятъ тропики и полярный кругъ. Этотъ „умѣренный поясъ" всегда оказывается и наиболѣе густо заселеннымъ и на каждый аршинъ этой площади приходилось обыкновенно по одному „обывателю"; — населеніе жаркаго пояса было рѣже, а населеніе за полярнымъ кругомъ было обыкновенно самое рѣдкое, почему и предоставлялось оно всегда намъ, какъ пришедшимъ позднѣе всѣхъ прочихъ посѣтителей, успѣвшихъ уже прочно осѣсть на занятыхъ ими мѣстахъ. Области, находящіяся въ непосредственномъ сосѣдствѣ „съ экваторомъ", оставались всегда не заселенными, такъ какъ возлежаніе на ихъ раскаленной поверхности могло сойти за своего рода подвигъ, и тотъ, кто на него бы рѣшился, могъ бы быть пожалуй приравненъ къ испанскому мученику Лаврентію, принявшему, какъ извѣстно, кончину на раскаленной рѣшоткѣ, но за то въ честь его, если не ошибается, воздвигнуть грандіозный Эскуріалъ. Здѣсь же, конечно, никто не сталъ бы воздвигать вамъ „эскуріаловъ", если бы вы поджарили свои бока на раскален-

ныхъ парахъ, и вотъ, надо полагать, подобныя соображенія и заставляли посѣтителей избѣгать „экваторіальной зоны“.

Кое-какъ ставимъ своихъ уставшихъ лошадей къ корытамъ. Онѣ стоятъ и уныло опустивъ свои головы ждутъ питанія. Казаки оглаживаютъ ихъ и внимательно осматриваютъ. Производится закупка фуража, каковой не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что принято у насъ подразумѣвать подъ этимъ понятіемъ. Какъ извѣстно, мы привыкли подъ нимъ подразумѣвать сѣно и овесъ, а въ Китаѣ этого-то какъ разъ и нѣтъ. Сѣна китайцы не заготовляютъ, а овса почти не сѣютъ, и вмѣсто сѣна они кормятъ свой скотъ рѣзкой изъ чумизной соломы, а вмѣсто овса—бобами, бобовыми жмыхами, или же гаоляномъ. Чумидзкая солома (солома отъ китайскаго проса) заготовляется на зиму въ видѣ сноповъ. Если дать такой снопъ лошади—конечно она не станетъ его кушать, такъ же какъ не станетъ кушать и березоваго вѣника потому, что солома слишкомъ толста и жестка и лошадинымъ зубамъ ее не помельчать. Необходимо ее порѣзать на мелкіе кусочки и для этого употребляются особые рѣзаки, состоящіе изъ деревяннаго — желобовиднаго бруса, имѣющаго аршинъ съ небольшимъ въ длину, къ одному изъ концовъ котораго на шарнирѣ прикрѣпленъ большой и широкій ножъ съ рукояткой на противоположномъ концѣ. Китайцы мастерски рѣжутъ снопы и обыкновенно одинъ работаетъ ножемъ, двигая его въ вертикальной плоскости, а другой въ это время держитъ снопъ, подсовывая его постепенно подъ ножъ; но казаки съ непривычки скоро уставали отъ этой работы и всегда работали ножомъ по два сразу, и при этомъ условіи проходило не менѣе $^{1}/_{2}$ часа времени, пока они успѣвали изрѣзать 20 — 25 сноповъ — то-есть такое количество, которое требовалось для насыщенія нашихъ лошадей. Но этимъ работа не окончилась, и въ то время, пока три казака были заняты приготовленіемъ рѣзки — остальные приготовляли къ употребленію бобы, или бобовые жмыхи. Бобы тверды, а жмыхи еще тверже, и необходимо ихъ распарить въ кипяткѣ, а потомъ уже давать въ пищу, а это также работа не малая - требуется и огонь развести, и воду согрѣть, потомъ остудить распаренныя вещества и только тогда давать ихъ въ пищу. Бобовые жмыхи приготовляются въ видѣ большихъ, имѣющихъ $^{1}/_{2}$ аршина въ діаметрѣ круговъ и приготовляются изъ бобовыхъ остатковъ, послѣ того, какъ изъ зеренъ боба выжато масло,—эти круги настолько крѣпки, что ихъ и топо-

ромъ трудно рубить и, въ сыромъ видѣ, они не могутъ быть разрѣзаемы лошадиными зубами.

Но вотъ наконецъ кормъ для лошадей приготовленъ и разложенъ по корытамъ. Дежурный казакъ ходитъ и внимательно слѣдитъ—охотно ли лошади ѣдятъ;—обыкновенно онѣ съ голодухи ѣли охотно, но случалось такъ, что одна изъ лошадей — отъ усталости ли, или отъ какихъ-либо иныхъ причинъ—либо совсѣмъ отказывалась отъ корма, либо ѣла его неохотно, и тогда хозяинъ этой лошади рѣшалъ, что ее необходимо „выморозить". Онъ доставалъ изъ колодца ведро холодной воды и выливалъ его на лошадь, доставалъ другое и снова выливалъ и такъ до тѣхъ поръ, пока вся лошадь не оказывалась мокрою и вода съ нея текла, какъ съ крыши, послѣ этого казакъ отходилъ, говоря:—„Ничего, теперь, однако, покушаешь".—И дѣйствительно, лошадь начинала трястись какъ въ лихорадкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ у ней появился аппетитъ, и на другой день она была вполнѣ бодра и весела. Обычай „вымораживанія" лошадей мнѣ только и приходилось наблюдать въ Забайкальѣ; тамъ къ этому средству прибѣгаютъ очень часто и всегда, повидимому, съ успѣхомъ.—„Наши кони, однако, къ этому обычны", говорили обыкновенно казаки. „Человѣка проморозь хорошенько,—такъ его и на ѣду погонитъ—такъ и скотину все одно".

Покончивъ съ лошадьми, и сами мы водворялись на жительство въ чертѣ „полярнаго круга", и здѣсь прежде всего приходилось убѣждаться въ томъ, что тѣ окна, которыми снабжена фанза, служатъ прекраснымъ вентиляторомъ и очень плохимъ предохранителемъ отъ стужи и холода, такъ какъ бумага въ окнахъ отъ ветхости ли, или просто отъ недосмотра, всегда имѣла на своей поверхности множество дыръ, сквозь которыя и происходилъ обмѣнъ внутренняго воздуха на наружный, при чемъ если на дворѣ была мятель, то вмѣстѣ съ воздухомъ въ фанзу залетали и снѣжинки, какъ бы любопытствуя:—а что-то, молъ, тамъ за этой дырой дѣлается.

Не лишнее обратить вниманіе на то, что во всѣхъ рѣшительно своихъ домахъ, все равно будь это одинокая фанза земледѣльца, построенная среди его поля, или же фанза крестьянина, живущаго въ большой деревнѣ, или же, наконецъ, обиталище горожанина въ какомъ-нибудь Пекинѣ, Мукденѣ, Гиринѣ—вездѣ вы увидите, что окна продѣланы на южную сторону—и это, конечно, очень хорошо.

Между нарами оставленъ проходъ—около 3-хъ аршинъ въ

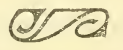
ширину, и тутъ посреди фанзы устроенъ каменный очагъ, съ горящими въ немъ углями, которые, по мѣрѣ своего перегоранія, пополняются изъ очага подъ нарами. Около этого очага посѣтители грѣютъ свои руки, раскуриваютъ трубки и кипятятъ воду въ чайникахъ. Тутъ же иногда поджаривается что-нибудь съѣдобное:—капуста на травяномъ маслѣ, распространяющемъ особо удушливый смрадъ: лепешечки—въ родѣ нашихъ оладьевъ, и отъ всего этого въ воздухѣ распространяются такіе „ароматы“, отъ которыхъ и чертямъ тошно, и все это вентилируется только черезъ входную дверь и черезъ дыры въ бумагѣ, которой залѣплены окна. Къ этимъ „ароматамъ“ присоединяется копоть отъ первобытныхъ свѣтильниковъ, коими и освѣщается внутреннее помѣщеніе фанзы. Эти свѣтильники по своей простотѣ и незамысловатости—въ своемъ родѣ замѣчательны: видно, что мысль человѣческая, создавшая ихъ, быть можетъ не одну тысячу лѣтъ тому назадъ,—почему-то совсѣмъ какъ бы объ нихъ и позабыла и махнувъ на нихъ рукой, (быть можетъ и у мысли есть своего рода руки) сказала:— „свѣтитъ—ну и ладно;—пусть себѣ свѣтитъ“ и оставила его въ томъ же неприкосновенномъ первобытномъ, такъ сказать, видѣ. Свѣтильникъ этотъ очень незамысловатъ и состоитъ онъ изъ глиняной чашки, утвержденной на деревянной подставкѣ; въ чашку налито растительное масло, а въ него вложенъ фитиль, при чемъ одинъ изъ концовъ его не погруженъ въ масло, а покоится на краю чашки. Этотъ конецъ зажигается и начинаетъ коптить и свѣтить, при чемъ свѣтъ его не сильнѣе свѣта зажженной спички, но зато копоть его можетъ поспорить съ копотью неисправной керосиновой горѣлки. Въ нѣкоторыхъ постоялыхъ дворахъ приходилось, правда, встрѣчать висячія съ желѣзными абажурами лампы, но это было рѣдко, да обыкновенно — по одной, — много если—по двѣ лампы и всегда совмѣстно съ ними возжигались и вышеозначенные свѣтильники. Съ непривычки всѣ эти „ароматы“ дѣйствовали на насъ одуряющимъ образомъ: носъ начиналъ чихать; горло — кашлять, а голова—болѣть. Казаки, испытывая повидимому не совсѣмъ пріятныя ощущенія, частенько иронизировали на счетъ китайской отсталости, называя китайцевъ не людьми, а „тварью“ и увѣряя, что „съ ними, какъ съ воробьями каши не сваришь“. Чанъ-фу также въ угоду намъ частенько негодовалъ на своихъ собратій и говорилъ, что „наша люди шибко худой дурака есть“.

Обращали также на себя вниманіе лубочныя китайскія картины, красующіяся на стѣнахъ почти каждаго постоялаго двора. Да и вообще китайцы, какъ кажется, большіе любители этихъ картинъ, и въ этомъ отношеніи они похожи на нашихъ простолюдиновъ, украшающихъ свои жилища произведеніями лубочной стряпни, но по-моему, у насъ эта стряпня будетъ похуже китайской. Вѣдь только за послѣднее время лубочныя наши картины нѣсколько улучшились и изображаемыя на нихъ фигуры нѣсколько какъ бы ожили. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ: посмотримъ на какого-нибудь Еруслана, или Бову, которыхъ художникъ сплошь смазалъ красной, или синей краской, захвативъ при этомъ этимъ же мазкомъ и все, что находится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ними,—посмотришь и подумаешь: вотъ такъ фертъ,—ишь ты—какъ его всего вывернуло!—Или посмотришь на какого-нибудь коня, вымазаннаго для чего-то въ зеленую краску и усумнишься: — сначала выходилъ какъ будто-бы и конь, а потомъ начинаетъ уже казаться, что это не конь, а скамейка.—И ничего себѣ! сходили у насъ и такія „картины"—за картины. Китайскія лубочныя картины значительно опередили нашу лубочную мазню и хотя въ этихъ картинахъ сильно хромаетъ перспектива, но зато фигуры и выраженіе ихъ лицъ жизненны и подвижны. По большей части на этихъ картинахъ изображаются китайскіе дома, окруженные большей растительностью и цвѣтами;—видны ручейки, съ перекинутыми черезъ нихъ своеобразными мостиками, и тутъ же всегда изображено множество мужскихъ и женскихъ фигуръ, при чемъ молодые и среднихъ лѣтъ мужчины изображаются всегда особенно жизненными и подвижными. Художники не рѣдко ставятъ ихъ въ какія-то особенныя „академическія позы": — нерѣдко они вооружены страшными мечами, или дубинами и тогда они, сохраняя эти „академическія", полныя движенія, позы, размахиваютъ своимъ оружіемъ, съ выраженіемъ на лицѣ крайней ярости. Но съ какой цѣлью они все это продѣлываютъ,—это остается непонятнымъ и какъ бы недосказаннымъ. Зрители, знакомые съ бытомъ и культомъ китайской народности, конечно поймутъ и объяснятъ всѣ эти сцены, такъ же какъ и мы объяснимъ себѣ смыслъ картины, на которой изображенъ Еруславъ Лазаревичъ или Иванъ Царевичъ или какая-нибудь царь-дѣвица и жаръ-птица. Но такъ какъ я, къ сожалѣнію, не знакомъ съ „Иванами-царевичами" и „жаръ-птицами" китайской національности (и они несомнѣнно есть и у китайцевъ), то и не могу

ничего сказать относительно смысла этихъ лубочныхъ картинъ. Старики на картинахъ изображаются людьми, повидимому, всѣми чтимыми и уважаемыми; нерѣдко они посажены на разукрашенныхъ коврами бѣлыхъ лошадей,—съ особенно выгнутыми шеями. и въ такомъ случаѣ сидящій на лошади старикъ изображается со спокойнымъ и умиротвореннымъ лицомъ, которое какъ бы говоритъ: мнѣ не объ чемъ уже заботиться, такъ какъ за меня другіе позаботятся.—И дѣйствительно онъ можетъ быть совершенно спокойнымъ: лошадь его ведутъ подъ уздцы какихъ-то два юноши, съ выраженіемъ крайней почтительности на лицахъ, а позади него съ такою же почтительностью, несутъ большой зонтикъ, который и защищаетъ его отъ солнца.—Сиди, значитъ,—будь спокоенъ, наслаждайся природой, да, помахивая своимъ вѣеромъ, отгоняй отъ себя мухъ и всякихъ „гнусовъ", а все остальное прочее мы за тебя сдѣлаемъ, потому что молоды, а ты старъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, всегда казалось, при взглядѣ на такія картины, что въ нихъ выражена именно подобная мораль, которую конечно нельзя назвать непохвальной. Женскія фигуры изображаются на картинахъ какими-то какъ бы сонливыми, мало подвижными, — такъ что въ этомъ отношеніи ихъ можно приравнять къ нашимъ замоскворѣцкимъ купчихамъ, всегда сонливымъ, безпрестанно зѣвающимъ и крестящимъ свои рты. Надо думать, что и китайская женщина склонна въ общемъ къ сонливости и вѣроятно такъ же часто зѣваетъ, какъ и наша купчиха; — рта только крестить не умѣетъ,—а суть-то въ нихъ, вѣроятно, одна. Повидимому, все это во вкусѣ китайцевъ. Не стали бы они уродовать ноги своихъ женщинъ, если бы не требовали отъ нихъ „тумбообразнаго" состоянія, каковое и считается верхомъ красоты и изящества.

Л. Н. Бѣльковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).



Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 28-го августа по 2-е октября 1914 г.

Памяти Варвары Павловны Тарновской. Сборникъ. Спб. 1914. Изд. Комитета О-ва для доставлен. средствъ Спб. Высш. Женск. Курс. Тип. Якорь (Б. Болотная, 10). 8° (16 × 23). 133 стр. Съ портр. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 2.100 экз.

Памятная книжка Ставропольской губерніи на 1914 годъ. Ставрополь. 1914. Изд. и тип. Губ. Правленія. 8° (17 × 26). IV + 134 + 40 + XXXII + 112 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 8 л.

Пиксановъ, Н. К. Хронологія русской литературы для учащихся. Спб. 1914. Тип. Якорь (Б. Болотная, 10) 8° (16 × 22). 46 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 6 л. 5.200 экз.

Постниковъ, И. Н., свящ. Записки Бѣжецкаго городского старосты. Черты городского общественнаго быта конца XVIII столѣтія. Тверь. 1914. Изд. Тверской Ученой Архивн. Коммиссіи. Тип. М. В. Блинова. 8° (16 × 25). 19 стр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Правила 16-го Археологическаго съѣзда въ Псковѣ къ 1914 г. и протоколы засѣданій предварительнаго комитета 2-го—6-го января 1912 г. М. 1914. Тип. В. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 4° (22 × 30). 35 стр. Вѣсъ 7 л. 200 экз.

Программа лекцій по Русской исторіи, читанныхъ на высшихъ общеобразовательныхъ курсахъ учителей Воронежскаго Земства въ іюня 1914 г. Воронежъ. 1914. Тип. Т-ва Н. Кравцовъ и К°. 8° (18 × 27). 5 стр. Вѣсъ 1 л. 200 экз.

Пятидесятилѣтній юбилей Волынскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства. Житоміръ. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (15 × 21). 43 стр. Вѣсъ 4 л. 214 экз.

Русская энциклопедія. Подъ ред. С. А. Адріанова, проф. Э. Д. Гримма, проф. А. В. Клоссевскаго и проф. Г. В. Хлопина. Томъ девятый. Индуритъ до Кашъ. Спб. 1914. Изд. Русское Книжное Тов. Дѣятель (3-я Рождеств., 26). Тип. Кюгельгенъ, Гличъ и К° (Екатерингофск. пр., 87). 8° (19 × 26). 488 стр. съ рис. Вѣсъ 2 ф. 29 л. 10.300 экз.

Священной памяти двѣнадцатаго года. Изъ рѣчей, рефератовъ и стихотвореній, прочитанныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ округа въ день празднованія юбилея. Кавказскій учебный округъ. Тифлисъ. 1914. Изд. Кавказск. учебнаго округа. Тип. Т-ва Либерманъ и К°. 8° (19 × 25). VI + 192 стр. Вѣсъ 26 л. 600 экз.

Труды Псковскаго Археологическаго Общества 1913 1914 г. Выпускъ 10. Псковъ. 1914. Тип. Губ. Земства. 8° (15 × 23). 338 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 1.000 экз.

Ушаковъ, Ѳ., свящ. Село Спасское, что на Углу, Калязинскаго уѣзда, Тверской губ. Историческій очеркъ. Тверь. 1914. Изд. Тверской

Ученой Архивн. Коммиссіи. Тип. М. В. Блинова. 8° (17×26). 32 стр. Съ рис. Вѣсъ 6 л. 600 экз.

Чернопятовъ, В. И. Дворянское сословіе Тульской губерніи. Т. XI. (XX). М. 1914. Тип. А. И. Петцманъ. 8° (18×26). LXXI + X + 171 стр. Вѣсъ 47 л. 400 экз.

Александровъ, П. А. Сѣверная система. Опытъ изслѣдованія идей и хода внѣшней политики Россіи въ первую половину царствованія Императрицы Екатерины II. М. 1914. Тип. Ломносовъ (1-я Тверская, Ямская. 22). 8° (17×25). 211 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 26 л. 2.000 экз.

Алексій, еп. (Дородницынъ). Полное собраніе сочиненій. Т. I. Статьи богословско-философскаго и церковно-историческаго содержанія. Саратовъ. 1914. Тип. Союзъ печатн. дѣла. 8° (18×27). II+593 стр. съ портр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 5 л. 1.200 экз.

Андріановъ, И. Гангутское сраженіе 27-го іюля 1714 г. Одесса. 1914. Тип. Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла. 8° (25×17). 26 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Антоній архіеп. Какъ сооружать иконостасы въ новыхъ храмахъ? Преданіе или произволъ? (Продолженіе статьи объ иконостасахъ). (Отд. отт. изъ журнала „Вѣра и Разумъ" за 1914 г.) Харьковъ. 1914. Тип. Епархіальная (Каплуновская. 2). 8° (19×27). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Белдыцкій. Николай. Памяти родныхъ писателей. 1. О творчествѣ Мамина-Сибиряка. 2. Старая Пермь по произведеніямъ Ф. М. Рѣшетникова. 3. А. А. Дмитріевъ, какъ авторъ „Пермской Старины". Пермь. 1914. Изд. и тип. Губ. земства. 8° (18×26). 65 стр. съ 3 портр. Ц. 35 к. Вѣсъ 8 л. 1.000 экз.

Бречковичъ, М. В. О нѣкоторыхъ современныхъ трудностяхъ въ области историческаго изученія. Рѣчь. Казань. 1914. Изд. авт. Тип. Университета. 8° (17×25). 16 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Вашковъ, Сергѣй. Религіозное искусство. Сборникъ работъ церковной и гражданской утвари, исполненной Т-омъ П. Н. Оловянникова С-ья М. 1914. Изд. 2-е. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудн. п., с. д.). 4° (25×32). 12+188 лист. рис. Ц. 100 р. Вѣсъ 13 ф. 8 л. 300 экз.

Введенскій, Александръ. Религіозныя сомнѣнія нашихъ дней. Томъ I. Одесса. 1914. Тип. Л. Нитче. 8° (17×25). 334 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ ф. 1 л. 1.100 экз.

Введенскій, С. Н. прот. Значеніе священнаго вѣнчанія на царство Государя Императора, въ связи съ исполнившимся трехсотлѣтіемъ славнаго царствованія Дома Романовыхъ. Симбирскъ. 1914. Изд. Епархіальн. миссіонер. совѣта. Тип. А. Т. Токарева. 8° (17×24). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 600 экз.

Гоголь, Н. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. Н. И. Коробки. Томъ пятый. Ревизоръ. Спб. 1914. Изд. Русское Книжное Тов. Дѣятель. Тип. Р. Шварцъ (Цвѣточная. 6б). 8° (13×19). 397 стр. Вѣсъ 1 л. 5.000 экз.

Годовой отчетъ Высочайше утвержденнаго особаго Комитета по устройству въ Москвѣ Музея 1812 г. за 1913—1914 г. М. 1914. Тип. А. Н. Снегиревой. 8° (17×26). 130 стр. Вѣсъ 18 л. 505 экз.

Голоскевичъ, Г. К. Евсевіево Евангеліе. 1283 года. Опытъ историко-филологическаго изслѣдованія. Спб. 1914. Изд. Отдѣленія русскаго

языка и словесности Имп. Акад. Наукъ. Тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О.. 9 линія, 12). 4° (20 × 26). 67 стр. Ц. 65 к. Вѣсъ 12 л. 613 экз.

Грунскій, Н. К., проф. Лекціи по древне-церковно-славянскому языку. Юрьевъ. 1914. Тип. К. Маттисена. 8° (19 × 26). 8 стр. 112 + 40 нен. + XVIII стр. Адр. скл. Кн. маг. А. Вальтера. Я. Рапа и К° (Рига, Театральная, 9). Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 16 л. 1.200 экз.

Гуляевъ, А. А. Иллюстрированная Уфа. (Уфа въ прошломъ и настоящемъ). Уфа. 1914. Тип. Т-ва Ѳ. Г. Соловьевъ и К°. 16° (11 × 17). 236 стр. съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 11 л. 2.100 экз.

Гуменскій, В, свящ. Петро-Павловская двухкласная женская церковно-приходская школа въ гор. Златоустѣ. Историческій очеркъ. Уфа. 1914. Тип. Т-ва Ѳ. Г. Соловьевъ и К°. 8° (14 × 22). 78 стр. съ 3 портр. Вѣсъ 10 л. 500 экз.

Гурьевъ, А. Д. Исторія города Кролевеца. Кролевецъ. 1914. Тип. А. Ш. Левина. 8° (14×22). 35 стр. Вѣсъ 4 л. 350 экз.

Добровольскій, А. В. Раскопки кургана въ премѣстьи Одессы „Слобода-Романовка". Одесса. 1914. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 4° (20 × 28). 25 стр. съ рис. Вѣсъ 5 л. 50 экз.

Дувинъ, П. П. Софіевская волость Бердянскаго уѣзда. Таврической губ. Память о 21 февраля 1913 г. Симферополь. 1914. Тип. Таврическая Губернская. 8° (16 × 24). 54 стр. Вѣсъ 6 л. 400 экз.

Ивановъ, Е. П. Впечатлѣнія раненаго въ русско-японскую войну. М. 1914. Изд. І. А. Маевскаго. Тип. Т-ва Рябушинскихъ (Страстной бульв., Путинковскій пер., с. д.). 8° (14 × 21). 148 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 13 л. 1.500 экз.

Ивановъ, К. А. Очерки по методикѣ исторіи. Спб. 1915. Изд. Т-ва Петерб. учебн. магазина (Каменоостр., 29). 3-е. Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6.) 8° (16 × 22). 190 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 20 л. 3.000 экз.

Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Выпускъ 52-й. (Вопросы реставраціи, вып. 13). Спб. 1914. Тип. Глав. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (20×28). 185 стр. Съ 159 рис.+4 табл. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 900 экз.

Иловайскій, Д. И. Историческія сочиненія. Ч. 3-я. Гродненскій сеймъ 1793 г. Послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой. Петръ Великій и царевичъ Алексѣй. Три публичныя лекціи о Руси и болгарахъ. Критическій обзоръ четырехъ частей курса русской исторіи проф. Ключевскаго. Вѣроятное происхожденіе св. княгини Ольги и новый источникъ о князѣ Олегѣ. М. 1914. Тип. Т-ва И. М. Машистова (Б. Садовая. с. д.). 8° (19 × 27). 455 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 26 л. 8.000 экз.

Кордтъ, В. Отчетъ о занятіяхъ въ Государственномъ архивѣ въ Гаагѣ лѣтомъ 1911 года. Спб. 1914. Тип. Имп. Акад. Наукъ (Вас. Остр. 9 л., 12). 4° (21 × 30). 16 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 650 экз.

Лебедевъ, М. Е. Исторія Порховского духовнаго училища (1814—1914 гг.). Спб. 1914. Тип. Штаба Отд. Корп. Погран. Стражи (В. О. у Биржи). 8° (17 × 25) III + 204 стр. Съ рис. Вѣсъ 22 л. 700 экз.

Меликсетъ-Бековъ, Л. М. Древнѣйшая пицунда у Понта Евксинскаго. Одесса. 1914. Тип. Е. Хрисогелоса (ул. Кондратенко, 8). 4° (20 × 27). 16 стр. Вѣсъ 4 ф. 50 экз.

Миловидовъ, А. И. Пятидесятилѣтіе „Виленскаго Вѣстника" русской редакціи. (Историко-библіографическій очеркъ). Вильна· 1914. Изд.

редакціи Вилен. Вѣстника. Тип. А. Сыркина. 8° (14 × 21). 52 стр. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

Нейманъ, Б. В. Лермонтовъ, его жизнь и творчество. 1814—3 октября 1914. Кіевъ. 1914. Изд. кн. маг. Н. Я. Оглоблина (Крещатикъ. 33). Тип. А. Я. Неймана. (Фундуклеевская. 4). 8° (14 × 21). 31 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 2.000 экз.

Обозрѣніе преподаванія въ Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ (на осеннее и весеннее полугодія) на историко-филологическомъ факультетѣ въ 1914—1915 академическомъ году и учебные планы Факультета. Одесса. 1914. Тип. „Техникъ". 8° (18 × 26). 29 стр. Вѣсъ 6 л. 225 экз.

Оранжевая книга, сборникъ дипломатическихъ документовъ. Переговоры отъ 10 до 24 іюля 1914 г., предшествовавшіе войнѣ. Приложенія: Высочайшіе манифесты о войнѣ съ Германіей и Австріей. Рѣчь Государя Императора въ Зимнемъ Дворцѣ 26 іюля 1914 г. Историческое засѣданіе Государственной Думы 26 іюля 1914 г. Спб. 1914. Тип. Г. Шумахера и Б. Брукера (Екатер., 94). 8° (15 × 23). 64 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 8 л. 8.000 экз.

Отчетъ Архангельскаго Общества изученія русскаго Сѣвера за 1913 г. Архангельскъ. 1914. Тип. Губернская. 8° (18 × 27). 29 + 43 + 8 + 6 стр. Вѣсъ 11 л. 1.010 экз.

Панченко, Б. А. Латинскій Константинополь и папа Иннокентій III. Одесса. 1914. Тип. Экономическая (ул. Жуковскаго. 43). 8° (18 × 27). 60 стр. Вѣсъ 8 л. 100 экз.

Пожерскій. О. 26-я Артиллерійская бригада въ Русско-Турецкую войну 1877—78. Историческій очеркъ. Гродно. 1914. Тип. С. Ганъ. 8° (14 × 21). 91 стр. Вѣсъ 9 л. 200 экз.

Потебня, А. А. Изъ лекцій по теоріи словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьковъ. 1914. Изд. М. В. Потебни. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья. 14). 8° (18 × 25). II + 162 + II стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 14 л. 800 экз.

Родзевичъ, С. И. Лермонтовъ, какъ романистъ. Съ предисловіемъ профессора А. М. Лободы. Кіевъ. 1913. Изд. книгопр. Н. Я. Оглоблина. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (15 × 23). VI + 110 стр. Съ портр. Ц. 75 к. Вѣсъ 14 л. 2.000 экз.

Ромашковъ, Д., свящ. Ученикъ объ учителѣ. (По поводу предстоящаго празднованія столѣтняго юбилея Московской Духовной Академіи). (Отд. от. изъ журн. „Вѣра и Разумъ" за 1914 г.). Харьковъ. 1914. Тип. Епархіальная (Каплуновская. 2). 8° (19 × 17). 15 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Сборникъ Московскаго архива Министерства Юстиціи. Томъ VI. М. 1914. Тип. А. Снигеревой (Савелов. пер., с. д.). 8° (19 × 27). IX + 555 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 3 ф. 100 экз.

Серафимъ, игуменъ. Торжество долга (Прославленіе святѣйшаго патріарха-патріота Ермогена и майскія торжества въ 1913 г. по случаю празднованія 300-лѣтія Царствующаго Дома Романовыхъ). Кунгуръ. 1914. Тип. М. Ѳ. Летунова. 8° (18 × 27). 524 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 5 л. 500 экз.

Серафимъ. Іеромонахъ. Гангутскій бой 1714 года. Ревель. 1914. Тип. Эстляндская Губернская. 16° (13 × 19). 31 стр. съ рис. и портр. Вѣсъ 3 л. 1.200 экз.

Фоминъ, Ал. Памяти А. С. Пушкина. Къ вопросу объ авторахъ неподписанныхъ статей въ литературной газетѣ 1830 г. и статья А. С. Пушкина объ Ив. И. Кирѣевскомъ по поводу его обзора русской литературы. Спб. 1914. Тип. Сиріусъ. 8° (19 × 36). 30 стр. Вѣсъ 9 л. 300 экз.

Хвостовъ, В. М., проф. Женщина и человѣческое достоинство. Историческія судьбы женщины. Природа женщины. Женскій вопросъ. М. 1914. Изд. Г. А. Лемана и Б. Д. Плетнева. Тип. Мысль (Петровка, 17). 8° (16 × 20). VIII + 510 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 10.200 экз.

Чайковскій, А. П. Родина народовъ Арійской расы, гдѣ она была и отчего покинута (Матеріалы къ историко-географическому изслѣдованію арійской проблемы). М. 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (17 × 25). VII + 406 + II стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 31 л. 500 экз.

Шамбинаго, С. Пѣсни времени Царя Ивана Грознаго. Изслѣдованіе. Сергіевъ-Посадъ. 1914. Тип. И. И. Иванова. 8° (18 × 27). XII + 303 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 600 экз.

Шюбергсонъ, Эмиль. Вопросы дня 1870-хъ годовъ. Спб. 1914. Тип. Государственная. 8° (17 × 26). 33 стр. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Айхенвальдъ, Ю. Силуэты русскихъ писателей. Вып. 1. М. 1914. Изд. т-ва Міръ, 4-е, Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.) 8° (18×25). 278 стр. + 15 портр. Ц. 2 р. 20 к. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 3.000 экз.

Андріяшевъ, А. Кіевскій народный календарь (мѣсяцесловъ) на 1915 годъ (простой). Кіевъ. 1914. Изд. Е. Андріяшевой (Гоголевская, 15). Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (14 × 21). II + 190 стр. съ картой. Вѣсъ 13 л. 40.000 экз.

Арсеній, архіеп. Митрополитъ Сочавскій Досиѳей въ его отношеніяхъ съ Россіей, при свѣтѣ новыхъ историческихъ матеріаловъ. (Отт. изъ юбилейнаго сборника Императорской Московской духовной академіи). Сергіевъ Посадъ. 1914. Тип. Троице-Сергіевской лавры. 8° (15×23). 17 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Аѳанасьевъ, Г. Е. 1812 годъ въ его дѣятеляхъ. Кіевъ. 1914. Тип. М. Т. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8° (17 × 26). II + 190 стр. Вѣсъ 19 л. 40 000 экз.

Вся Екатеринославская губернія. 1913 годъ. Редакторъ Н. Г. Подковыровъ. Екатеринославъ. 1913. Изд. Губ. Статист. комитета. Тип. Губ. Правленія. 8° (17 × 27). 67 + 389 стр. + 9 картъ. Ц. 2 р. Вѣсъ 25 л. 6.000 экз.

Гернесъ, М., проф. Культура доисторическаго прошлаго. Ч. II. Бронзовый вѣкъ. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. В. Н. Дьякова. М. 1914. Изд. Издат. Фаросъ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 8° (13 × 19). 134 стр. + 1 табл. съ рис. Ц. 80 к. Вѣсъ 13 л. 3.000 экз.

Гернесъ, М., проф. Культура доисторическаго прошлаго. Ч. III. Желѣзный вѣкъ. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. В. Н. Дьякова. М. 1914. Изд. Издат. Фаросъ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская с. д.). 16° (13×19). 100 стр. съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 9 л. 3.000 экз.

Гоголь, Н. В. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. В. В. Кудрявцева Екатеринославъ. 1914. Изд. І. М. Ротенберга. Тип. Когана. 4° (20 × 27). XXVII + 989 + VI стр. съ 128 рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 5 ф. 15 л. 10.000 экз.

Гоголь, Н. В. Полное собраніе сочиненій въ одномъ томѣ. Подъ ред. П. В. Смирновскаго. Съ составленнымъ имъ же біографическимъ очеркомъ Гоголя. М. 1915. Изд. А. С. Панафидиной (Лялинъ пер. 11), 7-е. Тип. Т-ва Рябушинскихъ (Страстной бульв., Путинковскій пер., с. д.). 8° (20×29). VI+799 стр. съ рис. и портр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 3 ф. 14 л 10.000 экз.

Гоголь, Н. В. Шинель. Біографическій очеркъ. Текстъ. примѣчанія. Критическія статьи. Спб. 1914. Изд. Н. И. Карбасникова. Тип. Кюгельгена, Глича и К° (Екатерингофскій, 87). 8° (15×20). 93 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 8 л. 5.000 экз.

Донесенія папскаго нунція. Іоанна Торреса, Архіепископа Адріанопольскаго, о событіяхъ въ Польшѣ во время возстанія Богдана Хмельницкаго. Кіевъ. 1914. Тип. М. Т. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8° (18×27). 181 стр. Вѣсъ 25 л. 100 экз.

Дурново, Н. Программа по исторіи и діалектологіи русскаго языка. Харьковъ. 1914. Тип. М. Зильбербергъ и С-вья. 8° (19×28). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Дѣятели современности. Арабажинъ. К. И. 1 М. 1914. Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., 9). 8° (17×26). 24 стр. Адресъ склада: Кн. маг. Книжный міръ (уг. Петровки и Петровскихъ линій. 20 21). Ц. 15 к. Вѣсъ 4 л. 600 экз.

Жуковскій, В. А. Полное собраніе сочиненій въ одномъ томѣ. Подъ ред. П. В. Смирновскаго. Съ біографіей, составл. А. фонъ-Дитмаръ и одобренной сыномъ поэта. М. 1915. Изд. А. С. Панафидиной (Покровка. Лялинъ пер., с. д.). Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка. Крестовоздвиженскій пер., с. д.). 8° (19×28). XV+821 + 178 стр. съ рис. и портр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 3 ф. 25 л. 10.000 экз.

Зелинскій. В. Критическіе коментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Часть 4. М. 1914. Изд. 3-е. Тип. М. В. Балдинъ и К° (Арбатъ, 7). 8° (16×24). 239 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 21 л. 1.200 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи. Прибавленіе къ выпуску 52-му. Спб. 1914. Тип. Главнаго Управленія Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (20×28). 229 стр. Съ 4 рис. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 900 экз.

Клименко. Ф. Изъ исторіи финансоваго строя города Дубно. (Конецъ XVII—начало XVIII в.в.). Кіевъ. 1914. Тип. 2-й Артели (Владимирская, 43). 8° (16×24). 275—299 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Костомаровъ, Н. И. Черниговка. Быль второй половины XVII вѣка. Спб. 1914. Изд. П. Луковникова (Лешт. п., 2). Тип. Г. Шумахера и В. Брукера (Екат. к., 94). 8° (14×21). 157 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 11 л. 3.200 экз.

Котляревскій, Несторъ. Міровая скорбь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Ея основные этическіе и соціальные мотивы и ихъ отраженіе въ художественномъ творчествѣ. Спб. 1914. Изд. 3-е испр. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О. 5 лин., 28). 8° (16×24). XXIV+404 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 3.100 экз.

Краткій обзоръ исторіи и современнаго состоянія Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ г. Кіевѣ. Кіевъ. 1914. Изд. Высшихъ Жен. Курсовъ. Тип. М. Т. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8° (17×26). 31 стр. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Кургановичъ, С. В. Діонисій Жабокрицкій, епископъ Луцкій и Острожскій. Историко-біографическій очеркъ. Кіевъ. 1914. Тип. акц. общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×25). 4 нен.+VII+363 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 320 экз.

Левинсонъ, Андрей. Мастера балета. Очерки исторіи и теоріи танца. Спб. 1914. Изд. Н. В. Соловьева. Тип. Сиріусъ. 8° (20 × 29). 133 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 800 экз.

Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. Екатеринославъ. 1913. Изд. Л. М. Ротенберга. Тип. И. Когана. 4° (20×27). XLII+660+VII стр. съ 30 рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 28 л. 10.000 экз.

Ливронъ, де Андрей. Петропавловскій бой. (Къ 60-лѣтней годовщинѣ). Спб. 1914. Тип. Морского Минист. (Главн. Адмиралт.). 8° (16×24). 30 стр. съ рис. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. Годъ десятый 1914 г. Вып. 1-й и 2-й (37-й и 38-й). М. 1914. Тип. Тов. Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., 9). 8° (17×26). 41 стр. Вѣсъ 21 л. 400 экз.

Мацѣевичъ, Л. С. Desiderata о празднованіи 300-лѣтняго юбилея Императорской Кіев. Духовной Академіи (изъ письма къ редактору). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×24). 23 стр. Вѣсъ 3 л. 75 экз.

Нейманъ, Б. В. Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова. 1814—3 октября—1914. Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18 × 26). II+136 стр.+1 табл. Адр. склада: Кн. маг. Н. Я. Оглоблина (Крещатикъ, 33). Ц. 75 к. Вѣсъ 19 л. 700 экз.

Никитинъ, И. С. Полное собраніе сочиненій подъ ред. А. Я. Кракова. Екатеринославъ. 1914. Изд. Л. М. Ротенберга. Тип. И. Когана. 4° (20 × 27). XXXV+528+VII стр. Съ 32 рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 11 л. 10.000 экз.

Никольскій, Н. И. Воззрѣніе В. С. Соловьева на католичество. Харьковъ. 1914. Тип. Епархіальная. 8° (15 × 23). IV+145 стр. Вѣсъ 12 л. 50 экз.

Обольяниновъ, Н. Каталогъ русскихъ иллюстрированныхъ изданій. 1725—1860 г.г. Въ двухъ томахъ. Т. I. М. 1914. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова (Арбатская пл., Филипповскій пер., 11). 4° (25 × 34). XII+336 стр. Ц. 15 р. за 2 тома. Вѣсъ 2 ф. 27 л. 530 экз.

Оголѣвецъ, Владиміръ. Къ вопросу о древне-русской торговлѣ. (Историческая справка). (Оттискъ изъ „Юбилейнаго сборника Историко-Этнографическаго Кружка при Университетѣ Св. Владиміра“). Кіевъ. 1914. Тип. Кіевской 2-й Артели (Владимирская, 43). 8° (17×24). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Отчетъ Псковскаго церковнаго историко-археологическаго комитета за 1912—13 годъ. Псковъ. 1914. Тип. Губ. Земства. 8° (15×22). 15 стр. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Пальмовъ, Н. Къ матеріаламъ для жизнеописанія святителя Іосифа убіеннаго Митрополита Астраханскаго и Терскаго († 11 мая, 1761 года). Вып. 2. Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17 24). 50 стр. Вѣсъ 6 л. 140 экз.

Памятка войны. Послѣдовательный перечень военныхъ событій со дня объявленія войны. Мѣсяцъ I. П. Г. Тип. 1914. М. Квара (Лит. 33). 8° (17 × 25). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 5.000 экз.

Пархоменко, В. Къ вопросу о начальной исторіи Христіанства на Руси. Харьковъ. 1914. Тип. Епархіальная. 8° (16 × 24). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 25 экз.

Писаревъ, Николай, свящ. Отзывъ о сочиненіи А. И. Успенскаго „Царскіе иконописцы и живописцы XVII в.“. Казань. 1914. Изд. Духовной Академіи. Тип. Центральная (Домбровскаго) 8° (16 × 24). 18 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Пушкинъ, А. С. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. Екатеринославъ. 1913. Изд. Л. М. Ротенберга. Тип. П. Когана. 4° (20 × 27) XXI+847+VIII стр. съ 46 рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 4 ф. 23 л. 10.000 экз.

Ростовцевъ, М. И. Страбонъ, какъ источникъ для исторіи Боспора. Харьковъ. 1914. Тип. Печатное Дѣло (Клещевскій пер., 3). 8° (17 × 26). 17 стр. Вѣсъ 1 л. 200 экз.

Смольяниновъ. Краткій обзоръ 50-лѣтней дѣятельности Спасскаго уѣзднаго земства Рязанской губерніи за 1865—1914 года. Рязань. 1914. Тип. Н. В. Любомудрова. 8° (17 × 26). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Ткачевъ, Т. Я. А. П. Чеховъ. (Къ 10-ти лѣтію со дня смерти. 1904 года іюля 2-го дня). Харьковъ. 1914. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (18 × 26). 28 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Ульяновъ, А. Безпокойная Имперія. Краткій очеркъ исторіи Германской Имперіи. М. 1915. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (12 × 17). 32 стр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Цвѣтаевъ, Д. В., проф. Историческій смыслъ настоящей войны. Докладъ, произнесенный на засѣданіи 16 августа 1914 года Московскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества. М. 1914. Тип. В. М. Саблина (Петровка, 26). 8° (17 × 25). 6 + 1 нен. стр. Вѣсъ 3 л. 600 экз.

Шеманскій. Битва славянъ съ нѣмцами 15 іюля 1410 г. на Грюнвальдъ Таненбергско-Зеленомъ полѣ у Дубравны. П. Г. 1914. Изд. Перваго Военно-Издательскаго Т-ва (Бассейная, 44). Тип. Знаменская Скоропечатня (Знаменская, 20). 8° (16 × 23). 26 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

Авчинниковъ, А. Г. Великій Князь Сергѣй Алексадровичъ. Иллюстрированный библіографическій очеркъ. Екатеринославъ. 1914. Тип. М. С. Копылова. 8° (15 × 23). 79 + 4 нен. стр. Съ рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 12 л. 5.000 экз.

Авчинниковъ, А. Г. Пятидесятилѣтіе Земства 1864 — 1914 г. Екатеринославъ. 1914. Тип. М. С. Копылова. 8° (13 × 23). 32 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Адріановъ, С. А., проф. Революція передъ судомъ Достоевскаго. Конспектъ лекціи. Екатеринославъ. 1914. Тип. П. Когана. 4° (23 × 36). 4 нен. стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Александровъ, Николай, прот. Исторія Христіанской церкви. Выпускъ II. (Общая исторія церкви съ V вѣка и въ связи съ нею исторія русской церкви. Пг. 1914. Изд. Главнаго Управл. военно-учеб. завед.

Тип. Н. Д. Викторова (Демидовъ, 4). 8° (18 × 25). IV + 173 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 29 л. 5.000 экз.

Антикварная книжная торговля Д. Г. Смолина-Степанова въ Саратовѣ. Каталогъ № 61. Саратовъ. 1914. Тип. I. А. Рабиновича. 8° (16×22). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Антикварный каталогъ русскихъ рѣдкихъ и пр. книгъ № 46 книжнаго магазина И. М. Фадѣева. М. 1914. Изд. кн. маг. И. М. Фадѣева. (Моховая, д. Бенкендорфа). Тип. Крестнаго Календаря (Долгоруковская, 33). 8° (17 × 26). 24 стр. Вѣсъ 2 л. 1.500 экз.

Апушкинъ. В. А. Скобелевъ о нѣмцахъ. Его завѣты славянству. Пг. 1914. Изд. И. Д. Сытина. Тип. Акц. О-ва Тип. Дѣла (Изм. п., 7 рота, 26). 8° (16 × 22). 100 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 10 л. 10.000 экз.

Буало. Поэтическое искусство. (L'art poétique) Редакція и вступительная статья П. С. Когана. Спб. 1914. Изд. Огни Тип. Главнаго Управл. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (14 × 21). 60 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 6 л. 5.000 экз.

Донской Край въ доисторическій періодъ и въ эпоху греко-римской культуры. Листъ 7 — 24. Новочеркасскъ. 1914. Изд. И. И. Ногина. Тип. А. Соколова. 8° (19 × 24). 97 — 384 стр. Вѣсъ 23 л. 100 экз.

Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Томъ XV. Выпускъ IV. Въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Н.-Новгородъ. 1913. Тип. Нижегор. печатное дѣло. 8° (17×25) 163 стр. Вѣсъ 13 л. 500 экз.

Ежегодникъ „Приднѣпровье“ и памятная книжка Екатеринославской губерніи на 1914 годъ. Екатеринославъ. 1914. Изд. Губерн. статист. комитета. Тип. губ. правленія. 8° (17 × 25). XXXII + 419 + XXXII стр. съ рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 4 л. 4.000 экз.

Извѣстія Общества Любителей изученія Кубанской области. Выпускъ VI. Подъ ред. Секретаря общества Б. М. Городецкаго. Екатеринодаръ. 1914. Тип. Кубанскаго областного правленія. 8° (19 × 28) 337 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 350 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1914 г. Томъ XIX. Книжка 1-я.

Содержаніе. Погодинъ, А. Л. Вышгородъ.—Розановъ, С. П. Житіе пр. Антонія.—Якубъ, А. Пѣсенники.—Плотниковъ, В. К. Вліяніе Эразма Роттердамскаго.—Миллеръ, В. Ѳ. Хинова.—Соболевскій, А. И. Востоковъ.—Бугославскій, С. А. Пр. Несторъ.—Перетцъ. В. Н. Старушичъ.—Нейманъ, Б. В. Отраженіе поэзіи Козлова.—Пархоменко, В. А. Олегъ.—Его же. Житіе Антонія Печерскаго. Веселовскій, А. А. Кантемиръ.—Шляпкинъ, И. А. Хожденіе Арсенія Селунскаго.—Бугославскій, С. А. Житіе Александра Невскаго.—Перфецкій, Е. Ю. Угрорусская исторіографія.—Дружининъ, В. Г. Авторъ Великой Науки.—Рожнецкій, С. Отвѣтъ. Спб. 1914. Тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 линія, 12). 8° (17 × 24). 369 стр. Ц. 1 р. 50 к. 830 экз.

Ильинъ, А. М. Придонскія древности. Значеніе ихъ для исторіи мѣстнаго края. Краткія свѣдѣнія о Ростовскомъ на-Дону Городскомъ музеѣ и собранныхъ имъ коллекціямъ. Ростовъ н/Д. 1914. Изд. Городского музея. Тип. Ф. А. Закройцева. 4° (22 × 30). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Клочковъ, М. В., проф. Объясненіе историко-филологическому факультету по поводу отзыва проф. Багалѣя. Харьковъ. 1914. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (17 × 25). 24 стр. Вѣсъ 3 л. 120 экз.

Кофановъ, Х. Въ плѣну у горцевъ въ 1830 и 1831 г.г. Труды Ставропольской ученой архивной комиссіи. Ставрополь губ. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (18 × 26). 11 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Красновъ, М. Просвѣтители Кавказа. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи. Ставрополь 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (18 × 28). 102 стр. Вѣсъ 11 л. 100 экз.

Красновъ, М. Русское дворянство на Кавказѣ до 1813 года. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи. Ставрополь. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (19 × 28). 15 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Краснянскій, М. Б. Уроженецъ Дона писатель Даніилъ Лукичъ Мордовцевъ 1830 — 1905 г.г. Ростовъ-на-Д. 1914. Изд. О-ва Исторіи и Древностей. Тип. Ф. А. Закройцева. 4° (21 × 30). 15 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Кругловъ, А. В. Друзья-поэты. А. А. Фетъ. Біографія и характеристика. М. 1914. Изд. А. С. Панафидиной (Лялинъ пер., с. д.). Тип. Т-ва Рябушинскихъ (Страстной бульв., Путинковскій пер., 3). 8° (14 × 20). 30 стр. Съ портр. Вѣсъ 3 л. 7.050 экз.

Кругловъ, Ѳ. Исправленіе книгъ въ XVII столѣтіи при бывшемъ патріархѣ Никонѣ. Спб. 1914. Изд. В. М Скворцова. Тип. Колоколъ (Невскій, 127). 8° (16 × 24). 29 стр. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Кубанскій Календарь на 1914 годъ. Изданіе Кубанскаго областного Статистическаго Комитета подъ редакціей Л. Т. Соколова при сотрудничествѣ А. Ст. Селевко. Екатеринодаръ. 1914. Тип. Кубанскаго Областного Правленія. 8° (18 × 27). 805 стр. Съ 32 портр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 28 л. 1.025 экз.

Кубанскій сборникъ на 1914 годъ. Изданіе Кубанскаго Областного Статистическаго Комитета подъ ред. Л. Т. Соколова. Томъ. XIX. Екатеринодаръ. 1914. Тип. Кубанскаго Областного Правленія. 8° (18×27). 823 стр. Съ 10 портр. и 2 плана. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 925 экз.

Кюнеръ, Н. В., проф. Сношенія Россіи съ Дальнимъ Востокомъ на протяженіи Царствованія Дома Романовыхъ. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ въ восточномъ институтѣ 22 февр. 1913 г. по случаю трехсотлѣтія Царствованія Дома Романовыхъ. Владивостокъ. 1914. Изд. 2-е, испр. Тип. Восточнаго Института. 8° (18 × 27). 58 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 11 л. 1.670 экз.

М. Ю. Лермонтовъ 1814—1914. Спб. 1914. Изд. Высочайше утвер. комитета по сооруж. при Ник. кавалер. училищѣ памятника М. Ю. Лермонтову. Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (19 × 27). 50 стр. Вѣсъ 25 л. 3.000 экз.

Марковичъ, Б. А. Марко Вовчокъ на Кавказѣ. Труды Ставропольской ученой Архивной комиссіи. Ставрополь. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8° (18 × 28). 79 стр. Вѣсъ 9 л. 200 экз.

Матеріалы для исторіи Императорскато Московскаго Воспитательнаго Дома. Выпускъ 1-й, изданный ко дню столѣтняго юбилея Воспитательнаго Дома 1 сентября 1863 г. М. 1914. Тип. Штаба Московскаго Военнаго Округа. 4° (26 × 34). IV + 261 стр. + 9 чертежей. Вѣсъ 3 ф. 11 л. 300 экз.

Мацулевичъ. Л. Фрагменты стѣнописи въ соборѣ Свѣтогорскаго монастыря. Пг. 1914. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8⁰ (20 × 28). 25 стр. + 3 таб. Вѣсъ 9 л. 90 экз.

Митропольскій, Ив. Въ отчинѣ и дѣдинѣ. Русскія войска во Львовѣ и Галичѣ. Историческое прошлое Галиціи и современное положеніе. Значеніе города Львова. М. 1914. Тип. А. Д. Плещеева (Покровка, 43). 8⁰ (15 × 23). 23 + 1 нен. стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз

Миртовъ, І. Ѳ. Станица Сѣверская Екатеринодарскаго отдѣла Кубанской области. 1874—1914 г.г. (Къ пятидесятилѣтнему юбилею станицы). Ст. Сѣверская. 1914. Тип. С. Казарова. 8⁰ (15 × 23). 69 стр. съ 11 рис. Вѣсъ 9 л. 500 экз.

Мясоѣдовъ, В. Кратиры Софійскаго собора въ Новгородѣ. СПБ. 1914. Тип. М А. Александрова (Надеждинская, 43). 8⁰ (20 × 28). 14 стр. съ рис. + 5 табл. Вѣсъ 8 л. 90 экз.

Мясоѣдовъ, В. Фрагменты фресковой росписи Святой Софіи Новгородской. Спб. 1914. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8⁰ (20 × 28). 20 стр. съ рис. + 3 табл. Вѣсъ 8 л. 90 экз.

Нечмировъ, Л. П. Петръ Николаевичъ Нечмировъ. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи. Ставрополь. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8⁰ (18 × 28). 4 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Опись дѣламъ, имѣющимъ военное значеніе, выбраннымъ Особой Комиссіей при Ставропольскомъ Губернскомъ Управленіи, при участіи Предсѣдателя Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи Г. Н. Прозрителева изъ дѣлъ Губернскаго архива по описямъ того же архива. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи. Ставрополь. 1913. Тип. Губ. Правленія. 8⁰ (18 × 27). 56 стр. Вѣсъ 7 л. 100 экз.

Опись дѣлъ архива Канцеляріи Государственной Думы томъ I. Дѣла Государственной Думы перваго созыва (27-го апрѣля — 8-го іюля 1906 г.). Спб. 1914. Тип. Государственная. 8⁰ (18 × 26). X + 126 стр. Вѣсъ 14 л. 1.000 экз.

Орловъ, П. Сборникъ матеріаловъ для казачьей хрестоматіи Кубанскаго казачьяго войска. Томъ I. Екатеринодаръ. 1914. Тип. Кубанскаго Областного Правленія. 8⁰ (18 × 27). 1 + XIX + 649 стр. Вѣсъ 2 ф. 2 л. 5.000 экз.

Отчетъ о состояніи Нижегородскаго художественнаго историческаго музея за 1913 годъ. Н.-Новгородъ. 1914. Тип. Г. Искольскаго. 8⁰ (17 × 25). 23 стр. Вѣсъ 3 л. 300 экз.

Памятная книжка Области войска Донского на 1914 годъ. Новочеркасскъ 1914. Изд. Областного в. Д. статистич. комит. Тип. Ф. Туникова. 8⁰ (19 × 29) XX + 455 + 75 + 238 + 8 стр. Ц. 2 р. Вѣс. 2 ф. 22 л. 900 экз.

Памятная книжка Томской губерніи на 1914 г. подъ ред. П. Т. Виноградова. Томскъ. 1914. Изд. Томскаго Статистическаго комитета. Тип. Губ. Управленія. 8⁰ (17 × 25). 158 + 37 + 53 стр. Ц. 1 р Вѣсъ 20 л. 540 экз.

Прозрителевъ, Г. Древніе Тебердинскіе могильники. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи. Ставрополь. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8⁰ (18 × 27), 6 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Прозрителевъ, Г. Изъ прошлаго Сѣвернаго Кавказа. Воспоминанія стараго кавказца отставного вахтера Мефодія Степановича Соля-

дуна. Труды Ставропольской Ученой Архивной комиссіи. Ставрополь. 1914. Тип. Губ. Земства. 8⁰ (18 × 27). 26 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Прозрителевъ. Г. Шамиль въ г.г. Ставрополѣ. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи. Ставрополь. 1914 Тип. Губ. Правленія. 8⁰ (18 × 27). 9 стр. съ 3 рис. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Радинъ, И. М. Учебникъ исторіи русскаго права. Періоды: древній, Московскій и Императорскій. Пг. 1915. Изд. 2-е перераб. и доп. Тип. К. Фельдманъ (Невскій, 118). 8⁰ (17 × 24). XI + 492 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 3.000 экз.

Сахаровъ, Н. Н. Происхожденіе Донского Казачества. Ростовъ н/Д. 1914. Изд. О-ва Исторіи и Древностей. Тип. Ф. А. Закройцева. 4⁰ (23×30). 48 стр. Вѣсъ 10 л. 100 экз.

Сборникъ Дѣйствія Нижегородской губернской архивной ученой комиссіи. Т. XV. Вып. V. Въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Н.-Новгородъ. 1913. Тип. Нижегор. Печатнаго Дѣла. 8⁰ (17 × 25). 148 стр. Вѣсъ 14 л. 600 экз.

Сборникъ свѣдѣній о Сѣверномъ Кавказѣ, подъ ред. Г. Н. Прозрителева. Томъ IX. Ставрополь 1914. Изд. губернскаго статистическаго комитета. Тип. губ. правленія. 8⁰ (18 × 22). 419 стр. Съ 13 рис. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 400 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Г. I. Вып. I. Народная словесность. Спб. 1914. Изд. Я. Башмакова и К⁰, 8-е. Тип. М. Волковича (Садовая, 60). 8⁰ (17 × 22). VII+252 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 25 л. 7.000 экз.

Скворцовъ, Н. А. прот. Архивъ Московской Св. Синода конторы. Матеріалы по Москвѣ и Московской епархіи за XVIII вѣкъ. Вып. II. М. 1914. Тип. Т-ва Рябушинскаго (Страстной бульв. Путинковскій пер., с. д.). 8⁰ (19 × 28). VIII + 811 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 4 ф. 5 л. 900 экз.

Смирновъ, М. Очеркъ хозяйственной дѣятельности Ставропольской губерніи къ концу XIX вѣка. Изд. Ставропольскаго губернскаго статистическаго комитета. Ставрополь. 1914. Тип. Губ. правленія. 8⁰ (18 × 26). 91 стр. и 38 табл. Вѣсъ 14 л. 200 экз.

Тельбергъ, Георгій. Историческія формы монархіи въ Россіи. (Изъ записокъ Императорскаго археологическаго института Имени Императора Николая II). М. 1914. Тип. А. Снегиревой. 8⁰ (17 × 26). 17 стр. Вѣсъ 4 л. 105 экз.

Филевскій, П. П. Конспектъ исторіи человѣчества, его дѣяній, мыслей и творчества. Въ 2 частяхъ. 1-я часть—Всемірная хронологія. 2-я часть—Алфавитъ. Таганрогъ. 1914. Изд. кн. маг. М. В. Филевской. Тип. Н. Я. Разп. 8⁰ (15 × 23). 346 стр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 27 л. 1.000 экз.

Яковлевъ, I. Нападеніе горцевъ на ст. Темнолѣсскую. По воспоминаніямъ О. И. Павловой. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи. Ставрополь. 1914. Тип. Губ. Правленія. 8⁰ (18 × 27). 6 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Ястребовъ, Н. В., проф., Краткій очеркъ исторіи польскаго народа (до паденія Рѣчи Посполитой). Пг. 1914. Изд. Студенч. Изд. Комитета при Истор. филолог. фак. Петроград. университ. Тип. А. Иконникова Б. Гребецкая, 19). 4⁰ (18 × 28). 97 стр. Вѣсъ 16 л. 200 экз.

Аваліани, С. Л. Зависимыя сословія на Сѣверномъ Кавказѣ. Одесса. 1914. Тип. Техникъ. 8° (18 × 26). 36 стр. Вѣсъ 5 л. 300 экз.

Аваліани, С. Л. Крестьянскій вопросъ въ Закавказьѣ. Т. III. Поселянская реформа и реформа сословно-поземельныхъ отношеній въ мусульманскихъ провинціяхъ. Одесса. 1914. Тип. Техникъ (Екатерининская, 58). 8° (19 × 27). 111 + 180 стр. Вѣсъ 24 л. 600 экз.

Авчинниковъ, А. Г. Другъ бѣдныхъ. Памяти врача-подвижника. И. В. Лешко-Попеля. Біографич. очеркъ. Екатеринославъ. 1913. Тип. М. С. Копылова. 8° (14 × 21). 48 стр. съ 9 рис. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Александровскій, Г. В. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Вып. первый. Содержаніе: 1) Введеніе въ исторію новѣйшей русской литературы. 2) Бѣлинскій. 3) Тургеневъ. 4) Гончаровъ. 5) Островскій. 6) Некрасовъ. Кіевъ. 1914. Изд. 9-е. Тип. 1-й Кіевск. Артели Печ. Дѣла (Трехсвятительская, 5). 8° (18 × 28) VIII + 203 стр. Складъ: Кн. маг. И. Я. Оглоблина (Крещатикъ. 33). Ц. 1 р. Вѣсъ 24 л. 5.000 экз.

Архивъ Ставропольской губерніи. Докладъ предсѣдателя Ставропольской ученой архивной комиссіи Г. Н. Прозрителева, читанный въ общемъ собраніи комиссіи 17-го февраля 1906 г. Труды Ставропольской ученой архивной комиссіи. Ставрополь. 1914. Тип. Губернскаго Правленія. 8° (19 × 28). 23 стр. Вѣсъ 3 л. 185 экз.

Барановскій, М. Дворцовое хозяйство по дѣламъ приказа тайныхъ дѣлъ. (От. изъ „Университетскихъ Извѣстій" за 1914 г.). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (17 × 25). 38 стр. Вѣсъ 5 л. 100 экз.

Барсовъ, І. Срѣтенская Владимірская пустынь (нынѣ чувашская женская община). (Отд. отт. изъ „Извѣстій по Казанской Епархіи"). Казань. 1914. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (17 × 25). 22 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Бороздинъ, А. К., проф. М. Ю. Лермонтовъ. Спб. 1914. Изд. Прометей Н. Н. Михайлова (Поварской пер., 10). Тип. Печатный Трудъ (Прачешный пер., 4). 8° (16 × 23). 139 стр. Съ портр. Ц. 90 к. Вѣсъ 16 л. 3.100 экз.

Бѣлая книга. Европейскій кризисъ. Дипломатическая переписка Англіи, предшествовавшая войнѣ. Августъ 1914 г. Представлена обѣимъ Палатамъ-Парламента по повелѣнію Его Величества Короля Георга V. Съ приложеніемъ: Рѣчи сэра Эдуарда Грея въ Палатѣ общинъ 3 августа 1914 г. и Извлеченія изъ парламентскихъ дебатовъ въ историческихъ засѣданіяхъ Палаты Общинъ. Пг. 1914. Изд. Освобожденіе. Тип. Тов. Грамотность (5 Рождественская, 44). 8° (16 × 21) 191 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 17 л. 4.000 экз.

Вейнбергъ, Л. О. Критическое пособіе. Сборникъ выдающихся статей русской критики за 100 лѣтъ. (Кирѣевскій-Айхенвальдъ). Т. IV. Вып. 2-й. (Майковъ, Фетъ, Тютчевъ, гр. Ал. Толстой, Некрасовъ, Григоровичъ, Писемскій, Салтыковъ, Гл. Успенскій). Для школы и самообразованія. М. 1915. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (18×25). 355 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 3.000 экз.

Вершинскій, А. Н. Микулинскій соборъ, какъ памятникъ древне-русскаго зодчества. Историко-архитектурный очеркъ. Тверь. 1914. Изд. Тверской ученой архивн. комиссіи. Тип. Губернская. 8° (17 × 22). II+33 стр.+VI табл. рис. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Вѣстникъ Общества Ревнителей Исторіи. Вып. I. Подъ ред. М. К. Соколовскаго. Пг. 1914. Тип. И. П. Сойкина (Стремянная, 12) 4° (23×30). 271 стр. съ портр. Вѣсъ 2 ф. 27 л. 1.000 экз.

Еланскій, В. Г., свящ. Вольскій именитый гражданинъ Василій Алексѣевичъ Злобинъ. (Ко дню столѣтія его посмертнаго юбилея). Вольскъ. 1914. Тип. А. В. Лебедева. 8° (17×25). 52 стр.+4 листа рис. Вѣсъ 9 л. 568 экз.

Ермиловъ, Владиміръ. „Бѣлый генералъ" его геройскіе подвиги и завѣты для офицеровъ и солдатъ. М. 1915. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д). 16° (12×17). 62 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Ермоленко, М. Эльбердовъ курганъ. II. Выходъ молодой женщины кабардинки по воду въ первый разъ послѣ замужества. III. Байрамъ въ Кабардѣ Нальчикскаго округа, Терской области. Труды Ставропольской ученой архивной комиссіи. Ставрополь. 1914. Тип. Губернскаго правленія. 8° (19×29). 4+2 нен. стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Журналъ 115 засѣданія Тверской ученой архивной комиссіи 23 декабря 1912 года. Подъ ред. И. А. Виноградова. Тверь. 1914. Тип. Губернская. 8° (18×23). 74 стр. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Закржевскій, Александръ. Лермонтовъ и современность. Кіевъ. 1914. Изд. издат. И. И. Самоненко. Тип. акц. общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (18×27). VII+153 стр. Складъ: кн. маг. Л. Идзиковскаго (Крещатикъ, 29). Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 3.000 экз.

Записки Приамурскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества. Томъ X, вып. I. Содержаніе. Арсеньевъ, В. К. Китайцы въ Уссурійскомъ краѣ. Очеркъ историческо-географическій. Хабаровскъ. 1914. Тип. Канцеляріи Приам. генер.-губернатора. 8° (19×28). 2+203+4 стр.+22 листа табл. и рис.+6 картъ. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 500 экз.

Камскій, М. И. Какъ русскіе цари въ старину жили. Очерки домашней жизни царей въ XVI—XVII в. Библіотека Ступина. М. 1915. Изд. А. Д. Ступина (Никольская). Тип. Печатникъ (Хапиловская, 52). 16° (11×16). 48 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 12.000 экз.

Коневскій, Михаилъ, Ѳ. Краткій историческій очеркъ и описаніе Арзамасской Высокогорской Вознесенской мужской общежительной пустыни Нижегородской епархіи. Н.-Новгородъ. 1914. Тип. А. Н. Муратова. 16° (9×16). 22 стр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Крыльцовъ, И. И. Очерки изъ исторіи верхняго Поволжья отъ Ярославля до Н.-Новгорода въ древнемъ и Московскомъ періодахъ. Казань. 1913. Тип. М. А. Семенова. 8° (17×25). 100 стр. Вѣсъ 2 л. 800 экз.

Лучникъ, М. Краткая историческая записка къ 75-лѣтнему юбилею Екатеринославскаго Клуба. Екатеринославъ. 1913. Тип. К. А. Андрущенко. 8° (16×22). 15 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Мартыновъ. П. Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа Казанскаго дворца. Томъ V. Архивъ Павла Сергѣевича Таушева. Симбирскъ. 1912. Изд. Губернской ученой архивной комиссіи. Тип. А. Т. Токарева. 8° (17×24). 338+11 стр. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 300 экз.

Наказъ 1797 августа 7. Высочайше утвержденный экспедиціи Государственнаго хозяйства о раздѣленіи казенныхъ селеній на волости и о порядкѣ внутренняго ихъ управленія. Труды Ставропольской Ученой

Архивной Комиссіи. Ставрополь. 1914. Тип. Губернскаго Правленія. 8⁰ (18 × 27). 11 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Носовъ. Описаніе города Ставрополя. Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссіи. Ставрополь. 1914. Тип. Губернскаго правленія. 8⁰ (19 × 28). 10 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Обозрѣніе преподаванія наукъ на историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго Петроградскаго Университета въ осеннемъ полугодіи 1914 года и въ весеннемъ полугодіи 1915 года. Пг. 1914. Тип. Б. М. Вольфа (Волховской пер., 4). 8⁰ (16 × 23). 39 стр. съ 1 табл. Вѣсъ 6 л. 2.300 экз.

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Томъ L. (1770 г.). Пг. 1914. Тип. Синодальная. 4⁰ (21 × 31). VII стр. + 1146 столбца. Вѣсъ 2 ф. 12 л. 900 экз.

Памятная книжка Приморской области на 1914 годъ. Владивостокъ. 1914. Изд. Прим. Обл. Статист. Комитета. Тип. Приморскаго Областного Правленія. 8⁰ (17 × 25). 15 + 229 + 47 + 66 + 4 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 320 экз.

Переписка князя А. М. Курбскаго съ Царемъ Іоанномъ Грознымъ. (Извлечено изъ сочиненій князя Курбскаго). Пг. 1914. Изд. Имп. археологической комиссіи. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 4⁰ (20 × 29). IX стр. + 160 столбц. Ц. 60 к. Вѣсъ 25 л. 1.500 экз.

Поливановъ, В. Н. и Красовскій, В. Э. Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа Казанскаго дворца. Т. III. Собраніе актовъ XVII и начала XVIII вв. В. П. Мещеринова, П. В. Анпенкова, А. В. Толстого, Л. А. Прушакевича, П. Я. Дашкова и др. Симбирскъ. 1902. Изд. губернской ученой архивной комиссіи. Тип. А. Т. Токарева. 8⁰ (16 × 24). V + 107 + VII стр. Вѣсъ 11 л. 300 экз.

Полторацкая, Э. С. Историческій календарь на 1915 г. Пг. 1914. Изд. и тип. Отто Кирхнеръ (Пушкарская, 16). 8⁰ (16 × 23). 365 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 28 л. 9.000 экз.

Сборникъ свѣдѣній о сѣверномъ Кавказѣ подъ ред. Г. Н. Прозрителева. Т. VIII. Ставропольской Губернскій Статистическій Комитетъ. Ставрополь. 1913. Тип. Губ. Правленія. 8⁰ (18 × 27). 7 + II + VI + 141 + 1 нен. + 20 + 112 + 21 + II + 108 стр. + 13 табл. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 400 экз.

Соколовъ, В. Тамань въ прошломъ и настоящемъ. Керчь. 1914. Тип. А. Г. Комисара. 8⁰ (18 × 29). 63 стр. Вѣсъ 17 л. 1.000 экз.

Указатель предметовъ къ „учрежденію о губерніяхъ“ Императрицы Екатерины II. Составленный М. В. Клочковымъ. Спб. 1914. Тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О., 9 линія, 12). 4⁰ (20 × 26). 15 стр. Вѣсъ 3 л. 114 экз.

У Троицы въ Академіи. 1814—1914 гг. Юбилейный сборникъ историческихъ матеріаловъ. М. 1914. Изд. Б. воспитан. Московск. Дух. Акад. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.) 4⁰ (20 × 28). XI + 772 стр. + 9 лист. рис. портр. и табл. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 26 л. 2.000 экз.

Шкаринъ, А. Н. Пятидесятилѣтіе Христорождественскаго Братства. Историческій очеркъ. Пг. 1914. Тип. Тов. С. А. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8⁰ (15 × 23). 32 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Щербина, Ф. А. Исторія Полтавскаго Земства. Дореформенный періодъ и введеніе земскихъ учрежденій. Вып. I. Полтава. 1914. Тип. И. Л. Фришберга (ул. Котляревскаго). 8⁰ (18 × 26). III + 1 нен. + 238 + 2 нен. стр. Вѣсъ 1 ф. 2.400 экз.

Байэ, К. (C. Bayet). Исторія искусствъ. Архитектура. Скульптура.

Живопись. Пер. съ примѣчаніями и дополненіями В. Никольскаго. Спб. 1914. Тип. Герольдъ (7 рота, 26). 8° (14 × 19). 96 стр. Съ рис. Вѣсъ 9 л. 75.000 экз.

Бенешевичъ, В. Н. Сборникъ памятниковъ по исторіи церковнаго права, преимущественно русскаго, кончая временемъ Петра Великаго. Вып. I и II. ПГ. 1915. Изд. Тов. Культура и Знаніе (Площадь Александр. театра, 5). Тип. Акц. общ. тип. дѣла (7 рота, 26). 8° (17 × 25). VI + 120 + 250 стр. + 3 табл. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 3.100 экз.

Біографіи. Чины Двора и Свиты Ихъ Величествъ. Потомственное Россійской Имперіи Дворянство. Именитое Россійской Имперіи Купечество. Вып. II. М. 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 4° (29 × 39). 16 нен. стр. съ портр. Вѣсъ 16 л. 400 экз.

Венгеровъ, С. А., проф. Источники Словаря русскихъ писателей. Т. III. Карамышевъ-Ломоносовъ. ПГ. 1914. Тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8° (17 × 24). 524 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 1.013 экз.

Георгіевскій, С. Новгородскій уѣздъ. Новгородъ. 1914. Тип. Новг. губернская. 8° (17 × 26). 55 + 7 стр. съ черт. Вѣсъ 8 л. 555 экз.

Гернесъ Морицъ, д-ръ Первобытная культура. Часть II. Бронзовый вѣкъ. (Древнѣйшія времена употребленія металловъ. Мѣдный и бронзовый вѣкъ въ Европѣ на Востокѣ и въ Америкѣ). Подъ ред. и съ дополненіями относительно археологіи Россіи Ф. К. Волкова. Авторизованный пер., съ послѣдняго нѣмецкаго изданія Н. Н. Лебедева (Русское изданіе „Sammlung Göschen"). Рига. 1914. Изд. Наука и жизнь. Тип. I. А. Фрей и К°. (Александровская, 13). 16° (11 × 15). 159 стр. съ рис. Складъ кн-во К. Г. Зихмана. Вѣсъ 8 л. 5.000 экз.

Гротъ, К. Я. Австро-Венгрія или Карпато-Дунайскія земли въ судьбахъ славянства и въ русскихъ историческихъ изученіяхъ. ПГ. 1914. Тип. Мин. Пут. Сообщенія (Фонтанка, 117). 8° (14 × 23). VI + 118 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 16 л. 6.000 экз.

Загоскинъ, М. Н. Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ. Съ біографическимъ очеркомъ, сост. А. Н. Сальниковымъ. Томъ I. ПГ. 1914. Изд. В. И. Губинскаго. Тип. С.-Петербургской Тюрьмы. 8° (19 × 28). 1472 столбц. Ц. 3 р. 50 к. за 2 тома. Вѣсъ 2 ф. 26 л. 6.500 экз.

Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Выпускъ 55-й. ПГ. 1914. Тип. Глав. Управл. Удѣловъ (Моховая, 40). 4° (20 × 28). 139 стр. Съ 63 рис. Вѣсъ 1 ф. 2 л. 900 экз.

Иловайскіе и Донскіе казаки. Пг. 1914. Тип. Р. Шредера (Гороховая, 49). 8° (17 × 25). 97 стр. Съ портр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 18 л. 436 экз.

Исторія восточной и западной церквей послѣ ихъ раздѣленія. М. 1915. Изд. Моск. Старообрядч. Института. Тип. Рябушинскихъ (Путинков. пер., соб. д.). 8° (18 × 27). 68 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 9 л. 1.200 экз.

Исторія Московскаго Купеческаго Общества. 1863—1913. Тома пятаго, выпуска второго. Учрежденія недвижимости и капиталы Московскаго купеческаго общества. Подъ ред. В. Н. Сторожева. М. 1914. Тип. Московскаго купеческ. общества. 4° (22 × 30). 2 нен. + 319 + 806 + 145—250 стр. Съ рис. + 33 листа рис. и портр. Вѣсъ 7 ф. 910 экз.

Исторія Христіанской церкви. Отъ временъ апостольскихъ до раздѣленія церкви на Восточную и Западную. М. 1915. Изд. Моск. Старообрядч. Института. Тип. Рябушинскихъ (Путинков. пер., соб. д.). 8° (18 × 27). 208 стр. Ц. 1 р. 30 к. Вѣсъ 27 л. 1.200 экз.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ. Подъ ред. профес. М. М. Ковалевскаго, профес. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В. М. Шимкевича. Книга XXXI. М. 1914. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 9). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8°. (19×27). 145—272 стр. Съ рис. + 4 портр. Вѣсъ 29 л. 6.100 экз.

Кони, А. Ѳ. Отцы и дѣти судебной реформы. (Къ пятидесятилѣтію судебныхъ уставовъ). 1864 20 ноября 1914. М. 1914. Изд. и тип. Тов. И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 4° (23×29). IV + 295 + 22 + 1 нен. стр. + 27 лист. портр. Вѣсъ 5 ф. 5.000 экз.

Кругловъ, А. В. Друзья поэты Я. П. Полонскій. Біографія и характеристика. М. 1914. Изд. А. С. Панафидиной (Лялинъ пер., с. д.). Тип. Т-ва Рябушинскихъ (Страстный бульв., Путинковскій пер.. с. д.). 8° (14×21). 47 + 1 нен. стр. съ портр. Вѣсъ 4 л. 7.000 экс.

Лукомскій, Г. К. Вологда въ ея старинѣ. Описаніе памятниковъ художественной и архитектурной старины, составленное и изданное при участіи членовъ Сѣвернаго Кружка любителей изящныхъ искусствъ. Спб. 1914. Тип. Сиріусъ. 8° (14×19). 363 стр. Съ рис. Ц. 3 р. 75 к. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 2.000 экз.

Марковъ, А. В. Памятники старой русской литературы (тексты и примѣчанія). Вып. I. Тифлисъ. 1914. Тип. Канцел. Намѣстника Е. И. В. на К-зѣ. 8° (17×25). 46 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 7 л. 100 экз.

Обозрѣніе преподаванія наукъ на историко-литературныхъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ Петроградѣ въ 1914—15 учебномъ году. ПГ. 1914. Тип. А. Лаврова и К° (Ул. Гоголя, 9). 8° (14×22). 13 стр. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Опись дѣлъ архива Государственнаго Совѣта. Томъ 12-й Дѣла Государственнаго Совѣта съ 1895 года по 1899 годъ. ПГ. 1914. Тип. Государственная. 8° (18×26). VI + 570 стр. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 1 200 экз.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1907 годъ. Спб. 1914. Тип. В. Киршбаума (Новоисаакіевская, 20). 8° (18×26). VII + 147 + 80 стр. Вѣсъ 2 ф. 7 л. 700 экз.

Памятная книга Елисаветпольской губерніи на 1914 г. (Съ приложеніемъ таблицы объ экономическомъ положеніи населенія губерніи). Изданіе Елисаветп. губернскаго статистическаго комитета, подъ редакціей секретаря комитета И. П. Бабенко. Тифлисъ. 1914. Тип. Канцеляріи Намѣстника Е. И. В. на К-зѣ. 8° (16×23). 381 = 44 стр. + 177 стр. приложенія. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 500 экз.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Императорскою Археографическою Коммиссіею. Т. 22-й. Русскій хронографъ. Часть вторая. Хронографъ западно-русской редакціи. ПГ. 1914. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 4° (27×36). IX + 289 + II стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Половцова, С. А. Курганъ Солоха, близъ с. Б. Мелитопольскаго уѣзда, Таврической губ. ПГ. 1914. Изд. Гермесъ. Тип. В. Д. Смирнова. 8° (17×24). 22 стр. съ рис. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Резановъ, А. С. Нѣмецкія звѣрства. Книга составлена по разсказамъ потерпѣвшихъ и очевидцевъ, а также по оффиціальнымъ документамъ. ПГ. 1914. Изд. и тип. Тов. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 17). 8° (14×21). XXIV + 220 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 20 л. 3.100 экз.

Русскій бытъ по воспоминаніямъ современниковъ. XVIII вѣкъ. Ч. I. Отъ Петра до Екатерины II-й (1698—1761 г.г.). Сборникъ отрывковъ изъ записокъ, воспоминаній и писемъ, составленный П. Е. Мельгуновой,

К. В. Сивковымъ и Н. П. Сидоровымъ. М. 1914. Изд. Книгоизд. Задруга. Тип. И. С. Ефимова (Б. Якиманка, с. д.). 8° (16 × 24). 431 + VI + 1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 2.000 экз.

Сибирцевъ, I. О старинномъ устройствѣ деревянныхъ церквей на Сѣверѣ въ идейномъ и эстетическомъ отношеніяхъ. (Перепечатано изъ № 13 „Извѣстій Арх. о-ва изуч. Русскаго Сѣвера" за 1914 годъ). Архангельскъ 1914. Тип. Губернская. 8° (17 × 25). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 35 экз.

Справочный указатель по программѣ изданія исторіи русской адвокатуры. ПГ. 1914. Тип. Общественная Польза (Б. Подъяческая. 39). 8° (15 × 22). 105 стр. Вѣсъ 14 л. 200 экз.

Ставропигіальный воскресенскій „Новый Іерусалимъ", именуемый монастырь. (Историческое описаніе). М. 1914. Изд. 6-ое испр. Тип. Стрѣльцова (Покров. вор., 16). 16. (13 × 17). 63 стр. съ рис. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

Титовъ, Ѳ. И., прот. Архіепископъ Димитрій Ковальницкій. (Некрологъ). Чтенія въ Церковно-историческомъ и археологическомъ о-вѣ при Императорской Кіевской духовной академіи. Выпускъ XII. Кіевъ. 1914. Тип. акц.-общ. „Петръ Барскій" (Крещатикъ, 40). 8° (17 × 25). 220 стр. Вѣсъ 21 л. 400 экз.

Толстой, И. И., графъ. Византійскія монеты. Вып. VIII. Монеты Юстиніана II, Тиверія Ансимара, Филеппика Вардана, Артемія Анастасія. Ѳеодосія Адрамитянина, Льва Исавряинна и Константина Копронима. ПГ. 1914. Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ. 4° (21 × 29). 833—968 стр. съ рис. + 7 табл. Ц. 4 р. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 400 экз.

Фетисовъ, Н. Н., свящ. Опытъ уясненія основныхъ вопросовъ науки сектовѣдѣнія. (Отт. изъ журнала „Труды Императорской Кіевской Духовной Академіи"). Кіевъ. 1914. Тип. Акц. Общ. „Петръ Барскій" (Крещатикъ. 40). 8° (17 × 25). 26 стр. Вѣсъ 4 л. 70 экз.

Худековъ, С. Н. Исторія танцевъ. Часть II. Спб. Тип. С. Н. Худекова (Владимірскій, 12). 4° (25 × 31). IX + 370 стр. Съ 299 рис. Вѣсъ 3 ф. 5 л. 380 экз. Ц. 7 р.

Чарушинъ, А. А. Народный языкъ. (Посвящается памяти князя Вячеслава Николаевича Тенишева). (Перепечатано изъ № 16 „Извѣстій Арх. О-ва Изуч. Русск. Сѣвера" за 1914 г.). Архангельскъ. 1914. Тип. Губернская. 8° (17 × 25). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Штабсъ-капитанъ П. Н. Нестеровъ. Герой-авіаторъ. † 26 августа 1914 г. Библіотека великой войны. № 2. М. 1914. Изд. и тип. Московск. Печатн. Пр-во В. Венгерова (Мясницкая, 20). 16° (13 × 17). 15 стр. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 4.000 экз.

Энциклопедическій словарь Т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°". Подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Желѣзнова, проф М. М. Ковалевскаго, проф. С. А. Муромцева (†) и проф. К. А. Тимирязева. Томъ 25-й Конде-Кровоизліяніе. М. 1914. Тип. Тов. Общественная Польза (Б. Подъяческая, 39). 8° (17 × 24). 639 + 63 + 11 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 29 л. 15 500 экз.

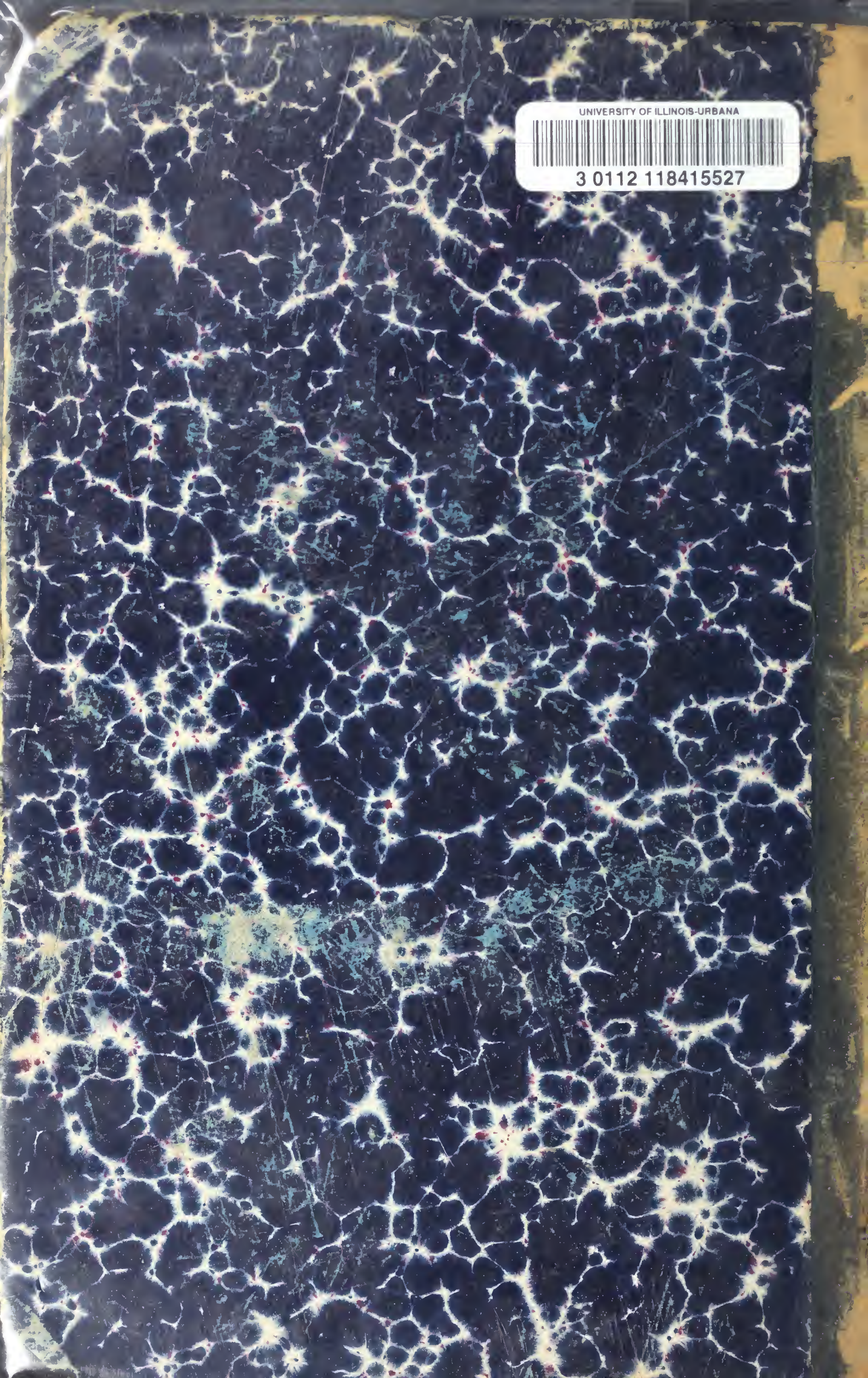
Эсадзе, Семенъ. Покореніе Западнаго Кавказа и окончаніе Кавказской войны. Историческій очеркъ Кавказско-горской войны въ Закубанскомъ краѣ и Черноморскомъ побережьѣ. 1864 г. 21-го мая 1914 г. Тифлисъ. 1914. Изд. Военно-Историческаго Отдѣла. Тип. Штаба Кавказ. Военн. Округа. 8° (18 × 25). 182 стр. съ рис. и 1 карта. Ц. 50 к. Вѣсъ 28 л. 6.100 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

CoLibrì
COVER SYSTEM ®
Made in Italy

02-14 STD
8 032919 991409
www.colibrisystem.com


UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118415527